

Януш Пшимановский

СТУДЗЯНКИ

Annotation

Книга известного польского военного писателя — многоплановая реалистическая повесть о братстве по оружию советского и польского народов, одна из страниц славного боевого пути возрожденного войска Польского.

Автор раскрывает героизм советских и польских воинов, которые сражались против немецко-фашистских войск в августе 1944 года на магнушевском плацдарме под деревней Студзянки в Польше.

- [Пшимановский Януш](#)
  - [К советскому читателю](#)
  - [Шестидесятый месяц](#)
  - [Плацдарм \(31 июля — 5 августа\)](#)
  - [Прелюдия \(6 августа\)](#)
  - [Прорыв \(9 августа\)](#)
    - [Новые варианты](#)
    - [На высоте 132,1](#)
    - [«Сотый» на левом берегу](#)
    - [Первый паром](#)
    - [Лесная сторожка на острие клина](#)
    - [Вопреки уставам](#)
    - [Лесная засада](#)
    - [«Пока мы живы...»](#)
  - [Оборона \(10 августа\)](#)
    - [Бодрствование на берегу](#)
    - [«ГГ» расширяет брешь](#)
    - [Под Ходкувом танки молчат](#)
    - [Вареники ее сметаной](#)
    - [Фридрих спасает 212](#)
    - [Тиль берет Ходкув](#)
    - [Изменение приказов](#)
    - [Но пасаран!](#)
    - [Каша севернее Гробли](#)
    - [Атака третьей танковой](#)
    - [Ольшевский ведет огонь во фланг](#)
    - [Эдвард против «фердинанда»](#)
    - [Счеты Ляха](#)
    - [Бой под Выгодой](#)
    - [Рота Светаны](#)
    - [Под покровом ночи](#)
  - [Контрудар \(11 августа\)](#)
    - [Ущерб и выгода](#)
    - [На высоте 112,2](#)

- [Контратаки в лесу Остшень](#)
  - [Боевое крещение](#)
  - [Ожидание](#)
  - [Контратака и контрудар](#)
  - [Полукольцо \(12 августа\)](#)
    - [Перегруппировка](#)
    - [Приказы](#)
    - [Ура-а-а!](#)
    - [В Студзянках](#)
    - [Потеря деревни](#)
    - [Знамена](#)
    - [Фланговый удар с запада](#)
  - [Клещи \(13 августа\)](#)
    - [Молодые](#)
    - [Оборона, атака и отступление](#)
    - [Штурмовики](#)
    - [Внезапность](#)
    - [Инспекция](#)
    - [Смерть в полдень](#)
    - [Раненые](#)
  - [Кольцо \(14 сентября\)](#)
    - [Энтузиазм и сонливость](#)
    - [Гамбит на рассвете](#)
    - [«Наковальня» подставлена](#)
    - [«Молот» поднят](#)
    - [Подготовка](#)
    - [Вперед!](#)
    - [Штурм фольварка](#)
    - [После «Ч» плюс 17](#)
  - [Последние выстрелы \(15—17 августа\)](#)
    - [Кровь](#)
    - [Слово](#)
    - [Виртути](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Хроника событий](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Приложение](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Пшимановский Януш.

Студзянки

Тем, кто в году сорок четвертом
Отомстил за Вестерплатте,
Разгромив врага у деревни Студзянки,
Кто щитом служил Варшаве:
Трем дивизиям советской гвардии
И первой бригаде польских танкистов,
Трем тысячам убитых и раненых,
Моей земле свободу принесшим.

К советскому читателю

В первых числах августа 1944 года советская 8-я гвардейская армия захватила плацдарм на западном берегу Вислы между устьями Пилицы и Радомки. Подтянув резервы — одну гренадерскую и две танковые дивизии, гитлеровцы 9 августа нанесли удар на южном фланге плацдарма, стремясь отрезать от реки и уничтожить переправившиеся советские дивизии. Немецко-фашистскому командованию удалось прорвать оборону на участке шириной четыре километра и вбить клин, острие которого доходило до деревни Студзянки. Сражение длилось целую неделю. Польская танковая бригада имени Героев Вестерплатте поддерживала дивизии советского 4-го гвардейского корпуса. Противник был остановлен, затем отрезан и окружен, а его передовые батальоны — уничтожены. Плацдарм был удержан. О том, насколько упорно и ожесточенно велись бои, может свидетельствовать хотя бы тот факт, что руины деревушки Студзянки четырнадцать раз переходили из рук в руки.

Сражение под Студзянками для Советской Армии — одна из многих славных страниц ее истории. Для поляков же оно имеет особое значение.

Бои советских войск за плацдарм на западном берегу Вислы в первые дни августа подготовили условия для будущего крупного наступления на главном направлении, ведущем к столице третьего рейха. Сражение под Студзянками в значительной степени решило судьбу варецко-магнушевского плацдарма. Отсюда в середине января 1945 года пошла в наступление более полумиллионная армия, которая освободила Лодзь и Познань, вышла в последних числах месяца к Одере и захватила плацдарм в 70 километрах от Берлина. Двинувшись с варецко-магнушевского плацдарма, советские и польские дивизии молниеносным маневром

обошли Варшаву и 17 января освободили ее.

Студзянки были первой польской деревней, освобожденной возвращающимся на родину польским солдатом. Сентябрьская катастрофа 1939 года, когда, говоря словами польского поэта-революционера Владислава Броневского, «как танк, прошел сентябрь по груди родной земли», в сознании солдата оставила горечь поражения, горечь пехотинца, безнадежно ведущего борьбу с лавиной бронированных машин. Партизанские отряды хотя и сильно доматывали противника, но сражались также против во много раз превосходящих и лучше вооруженных сил врага. И лишь битва под Ленино, где польские солдаты были вооружены не хуже гитлеровцев, а затем и эта августовская неделя 1944 года способствовали тому, что в настроении польских воинов произошел коренной перелом. Под Студзянками гитлеровским «панцервагенам» мы наконец были в состоянии противопоставить советские Т-34 с нашим белым орлом на башне, с польскими экипажами. Броня ударила по броне — и оказалось, что мы можем наносить противнику урон, вдвое превышающий наши собственные потери. Наши танкисты заслужили признание советских офицеров-гвардейцев — участников Сталинградской битвы.

Когда шли бои на Средней Висле, наших солдат от битвы под Ленино уже отделяли десять месяцев. Здесь, в 80 километрах южнее Варшавы, польская 1-я танковая бригада приняла участие в победоносном сражении непосредственно в боевых порядках советской пехоты. И в боях на Смоленщине, принесших славу польским солдатам, плечом к плечу сражавшимся с советскими воинами, и в сражении под Студзянками, уже на земле нашей родины, совместно пролитая кровь навеки скрепляла польско-советскую дружбу.

Если учесть обобщающий характер литературных произведений, то в силу сплетения военных, политических и моральных проблем книга о битве под Студзянками — это рассказ о борющейся Польше, о боевой польско-советской дружбе. Эта книга старшим напомнит, а молодым расскажет о «незабываемом сорок четвертом», от которого мы ведем счет годовщинам Польской Народной Республики.

На примерах тактического и оперативного взаимодействия в этой книге показаны определенные закономерности и характерные черты боевых действий, совместно проведенных польскими и советскими соединениями; в ней рассказывается о совместном боевом опыте, который служит польско-советскому сотрудничеству в рамках Варшавского Договора и развитию польско-советских военных традиций.

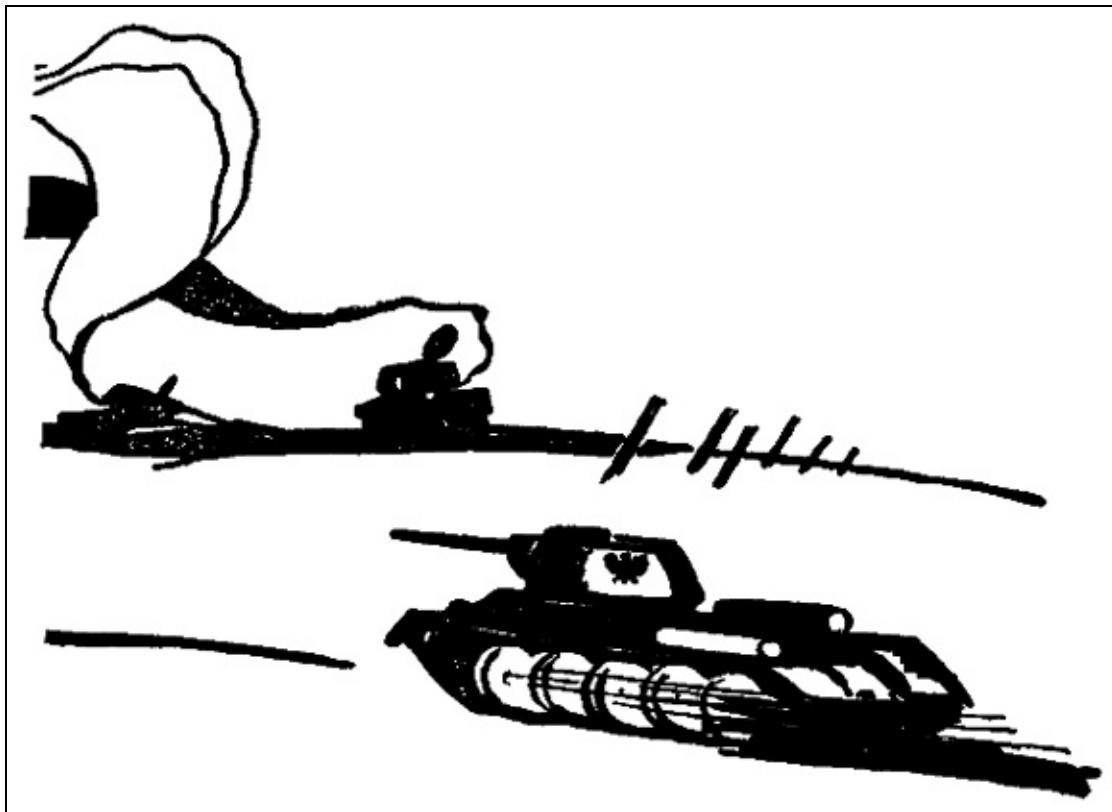
Советский читатель получит «Студзянки» накануне 25-летия государства польского трудового народа — Польской Народной Республики. Над этой книгой автор работал двенадцать лет. В ней эпическое повествование сочетается с научной точностью: автор изучил многочисленные документы и солдатские биографии, взял интервью у 250 участников битвы. Януш Пшимановский в сентябре 1939 года был рядовым, в 1943 году — добровольцем Красной Армии. С 1944 года он — офицер народного Войска Польского, а ныне — полковник и один из наиболее популярных писателей. Книга «Студзянки» получила литературную премию Министерства национальной обороны Польши.

Мы, польские солдаты и офицеры, все, кто сражался плечом к плечу с советскими воинами, хотели бы, чтобы эта книга попала как в руки молодежи, так и наших фронтовых товарищей по оружию. Мы верим, что рассказ о нашей совместной борьбе в годы второй мировой войны поможет нам сегодня в воспитании молодого поколения, в общем деле строительства нового общества.

Войцех Ярузельский,

*генерал брони,
Министр национальной обороны ПНР*

Шестидесятый месяц

Уже кончается пятьдесят девятый месяц со времени первого выстрела на Вестерплатте. Сейчас июль 1944 года. В пятый раз Земля приближается к тому месту на околосолнечной орбите, где она оказалась опутанной войной. Число погибших превысило 25 миллионов.

Огонь, который 1 сентября 1939 года охватил границы Польши, бушует во всем мире. Сражения идут на Тихом, Атлантическом и Ледовитом океанах, на Средиземном и Черном морях, в Карелии, Белоруссии и на Украине, на Апеннинском полуострове и в Нормандии, в Бирме и на Новой Гвинее.

Сражения идут и в Польше — на Подлясе, на Люблинской возвышенности и в восточной части Карпатских гор. Второй раз история выделяет эти поля. Война вернулась в края, которые она первыми растоптала гусеницами своих танков, несущихся на восток.

Но сегодня фронт движется на запад. Его линия обозначает границу вновь обретенной свободы. Фронт приближается к рубежам гитлеровского рейха, уже грядет час победы.

В будущем историки будут спорить о заслугах своих правительств в разгроме гитлеризма. Сто книг выявят суть картины, а сто других — только замутят ее. Но теперь для всех, знающих факты, вывод очевиден: основание будущей победы было заложено в ноябре 1942 года.

И произошло это тогда, когда фашистское оледенение сковало Европу от Нордкапа за Полярным кругом до северного побережья Африки и угрожало Суэцу; когда оно простиралось от Гибралтара до прикаспийских степей и Кавказских гор, угрожая Ближнему Востоку и дорогам в Индию; когда оно охватило Бирму, Суматру, Яву и Новую Гвинею, расплзлось по Тихому океану, на Алеуты, Маршалловы и Западные Гавайские острова. Именно тогда уверенный в победе Гитлер отдал своим генералам приказ перейти Волгу и за

Уралом вместе с японцами сомкнуть концы цепей, сковавших Европу и Азию.

Но в ноябре у Волги на фашистов обрушились удары. В течение десяти недель из 270 дивизий немцев и их союзников перестали существовать 33, а еще от 16 остались лишь не способные к боям остатки. В самые суровые морозы той зимы огонь советского наступления растопил и сокрушил гитлеровский ледник на Кавказе и под Ростовом и достиг берегов Северного Донца.

В это самое время войска фельдмаршала Эрвина Роммеля были в двух шагах от Александрии. Боясь потерять Суэц, англичане склонили американцев к проведению операции «Торч» — высадке войск в Африке. До мая 1943 года они очищали от фашистов южное побережье Средиземного моря. Эти бои послужили поводом, чтобы оттянуть открытие фронта во Франции и нанесение удара непосредственно по Берлину, и стали началом неторопливых и длительных кампаний — сицилийской и итальянской.

Решающая роль по-прежнему принадлежала восточному фронту. Временные успехи февральского контрудара вермахта поощрили генералов Гитлера к проведению операции «Цитадель» — наступлению на Курской дуге. Советское командование решило принять удар. В начале июля в ожесточенных боях продвижение немцев было остановлено. Во второй половине июля и в августе немцы, разбитые под Орлом, Белгородом и Харьковом, были вынуждены перейти к обороне. И уже навсегда потеряли стратегическую инициативу и господство в воздухе. Был разбит миф о «генерале Морозе», который приносит немцам поражение на русских полях: в жаркие дни августа и сентября на фронте от Смоленска до берегов Азовского моря они были отброшены на 200—300 километров на запад, за Днепр.

Вот ключ к пониманию военной обстановки 1944 года, предпоследнего года войны, в котором через дым сражений уже можно разглядеть очертания победы.

Перспективу эту видит даже тот, для кого она равнозначна смерти, — правитель третьего рейха, фюрер. Злобный пигмей с челкой комедианта 30 января 1944 года кричит в микрофон берлинской радиостанции: «Не существует уже проблемы — удастся ли в результате этой войны удержать или вернуть старое равновесие сил. Вопрос стоит так: кто по окончании этой борьбы будет главным государством в Европе. Будет ли им семья европейских народов, представленная ее сильнейшим государством, или большевистский колосс... В этой борьбе только один может быть победителем, и будет им или Германия, или Советская Россия! Победа немцев означает спасение, а победа Советской России — гибель Европы».

Семья европейских народов не имеет желания быть «представленной ее сильнейшим государством» и выстрелами партизанских винтовок голосует за совместную победу Красной Армии и ее западных союзников. Но среди профессиональных политиков на Западе есть и такие, которые разделяют опасения Адольфа Гитлера.

Перспектива победы не только объединяет, но и начинает разъединять. Расхождения во взглядах и различия в политических целях государств антигитлеровской коалиции, отошедшие в самый трудный период на задний план, теперь дают о себе знать все ошутимее.

Из трех государств одно находится в обороне: защищает свой престиж властительницы морей, защищает единство колониальной империи и, еще не зная величины потери, уже понимает, что не сможет сохранить все. Его самым грозным конкурентом является самый близкий союзник — защищенные океанами, не тронутые бомбардировками, разбогатевшие на войне Соединенные Штаты, которые созревают, чтобы вместо старого лозунга «Америка для американцев» принять новый, заимствованный у врага: «Мир будет принадлежать нам».

Помехой в реализации этого лозунга является третий союзник, тот, что, неся все годы главную тяжесть войны на своих плечах, к концу войны потеряет больше, чем каждого десятого мужчину; тот, материальные потери которого будут равны руинам всех государств Европы, вместе взятым. Он представляет опасность для капиталистических держав главным образом как политическая сила: у него другой государственный строй, общественные отношения строятся па основе общности интересов классов.

Война явилась для народов большой и наглядной лекцией по истории. В 1944 году каждый знал, что передовым отрядом борющихся за свободу народов были и остаются коммунисты. Это они разожгли пламя партизанского движения во Франции, Италии, странах Восточной Европы. Только коммунисты, несмотря на тяжелые потери, ведут в Германии борьбу против Гитлера. И коммунисты станут той силой, с которой придется считаться после победы.

Политики уже думают о послевоенной расстановке сил и занимают исходные позиции, готовясь к новому туру политической борьбы, который начнется через год или два. Гитлеризм в Европе и японский фашизм в Азии будут разбиты. Оккупированные страны станут свободными. Весь вопрос в том, какая это будет свобода, какие партии и в интересах каких классов возьмут власть.

Идет июль 1944 года. Пятьдесят девятый месяц второй мировой войны. Дипломатические действия остаются еще в тени военных решений, являются второстепенными по отношению к ним. Кто хочет иметь право голоса, должен сражаться. Основные решения принимаются в сражениях, на фронтах, разбросанных по всему земному шару. Но и фронты различны: они сковывают различные силы врага, имеют различное стратегическое значение.

В начале 1944 года американцы добиваются побед на Тихом океане. В июне и июле они захватывают Марианские острова, высаживаются на западной оконечности Новой Гвинеи.

Силы американцев во много раз превосходят силы противника на море, суше и в воздухе. Американцы выставили 1 миллион 200 тысяч солдат. Но на этом фронте сотням эффективно противодействуют десятки. На каждом острове в джунглях идут длительные и кровавые бои. Война на Тихом океане напоминает столкновение арьергардов на далеких подступах к главным позициям обороны. До Филиппин осталась тысяча километров. От Хиросимы и Нагасаки американцев отделяет еще год и 2500 километров.

Японцы удерживают Бирму и в марте начинают большое наступление в Китае, чтобы получить путь по суше на юг, во Вьетнам.

Дальний Восток остается периферией войны. Судьба его решается в Европе.

В Европе гитлеровцы ведут бои на четырех фронтах. Две дивизии из каждых десяти стерегут оккупированные районы и преследуют партизан; одна — отражает атаки в Италии; одна — ведет бои в Нормандии, силясь столкнуть в море июньский десант англосаксов, и еще одна — сторожит берега Франции, оберегая их от нового десанта, которого опасаются Гитлер и главное командование вермахта. Пять дивизий из каждых десяти воюют на восточном фронте.

Самым мало важным, лишенным перспективы, является итальянский фронт. В мае, сосредоточив двенадцать британских и семь американских дивизий против пяти немецких, союзники начали наступление. Прорыв линии Густава и одновременный удар с плацдарма

под Анцио давали шансы на окружение и уничтожение противника. Возможность эта была упущена: командующий 5-й американской армией генерал М. Кларк, стремясь опередить британцев в погоне за славой, вместо Вальмонте направил свои войска на Рим и позволил 10-й немецкой армии отступить и занять новые позиции.

К 25 июля, медленно продвигаясь на север, союзники выходят к реке Арно, под С. Сеполеро, и Анкону. Здесь фронт застывает и не играет уже никакой роли ни в шестидесятом, ни в последующие месяцы войны. Военные действия приобретают характер боев местного значения, давая немцам возможность уменьшить свои силы, необходимые для обороны Готской линии. В конце июля из Италии под Варшаву переводится самая сильная на этом фронте, находящемся под командованием фельдмаршала Кессельринга, танковая дивизия «Герман Геринг». С августа 1944 по март 1945 года, за восемь долгих месяцев, фронт в Италии продвинется только на 50—130 километров.

На итальянском фронте мы с особым вниманием следим за действиями солдат двух пехотных дивизий, танковой бригады и группы артиллерии, которые составляют 2-й польский корпус. Польские части насчитывают 46 тысяч человек. Они сражаются с исключительным мужеством. В ходе майского наступления они захватили Монте-Кассино и Пьедимонте. С середины апреля по 24 июля они сражаются под Анконой и отбрасывают врага на север от города. За эти две победы поляки заплатились 6600 убитыми и ранеными. И то, что польские воины находятся на столь маловажном фронте, в 1100 километрах от Варшавы, — вина не их, а политиков.

Фронт в Нормандии молодой. Он возник 6 июня между 6.30 и 7.45, когда — предшественные выброской трех воздушно-десантных дивизий, поддержанные более чем сотней военных кораблей и восемью тысячами самолетов — на пляжи залива Сены высадились пять пехотных дивизий союзников.

Ошибки противника, а также абсолютное господство в воздухе позволяют союзникам действовать спокойно, не торопясь. 1 июля, после захвата полуострова Котантен и порта Шербур, силы союзников на плацдарме насчитывают уже миллион человек. Однако они оттягивают наступление, чтобы обеспечить себе стопроцентную гарантию успеха.

Удар последует в тот час, когда каждым десяти немецким солдатам, танкам и самолетам будут противостоять 25 солдат, 42 танка и 130 самолетов союзников. Этот час пришелся на 25 июля.

В первый день шестидесятого месяца войны две танковые дивизии союзников минуют Авранш у основания полуострова Бретань. Перед ними — свободный путь в тылы гитлеровских войск. Только теперь позиционные бои начнут принимать характер маневренных. Только теперь плацдарм в Нормандии шириной в сто километров начнет быстро превращаться в западный фронт.

На побережье беспрерывно прибывают новые войска. Среди них мы отчетливо видим 16 тысяч солдат польской 1-й танковой дивизии, которая 29 июля начала длившуюся целую неделю высадку на побережье. Дивизия имеет 271 боевую машину, 4 тысячи транспортных автомашин, четыре артиллерийских полка. Дивизия представляет собой значительную ударную силу: по количеству средних и тяжелых танков она в полтора раза превышает все Войско Польское сентября 1939 года. Вскоре дивизия покроет себя славой под Шамбуа. В боях к северу и востоку от Фалеза она потеряет 2300 убитыми и ранеными. И в том, что поле битвы находится в 1500 километрах от Варшавы, — вина не солдат, а политиков.

Восточный фронт пересекает Европу от Баренцева моря, около Мурманска, до берегов Черного моря. В середине апреля фронт принимает форму перевернутой буквы S. Верхняя ее дуга упирается в Финский залив и берега Нарвы, затем отклоняется к югу, к Витебску, Рогачеву и Мозырю, чтобы против ленивого течения Припяти резко повернуть на запад. Дальше широким полукругом фронт смело продвигается до Ковеля и Коломьи, поворачивает за рекой Серет на восток и отступает до Днестра, чтобы вместе с ним течь к Черному морю.

Ошеломленный ударом боксер сосредоточивает все свое внимание на более близкой к щеке перчатке соперника. Гитлеровское командование на пороге лета 1944 года сконцентрировало свои силы на южном крыле, которое на 200 километров ближе к Берлину, и развернуло здесь 40 процентов имевшихся на востоке пехотных дивизий и 77 процентов танковых и моторизованных дивизий. Еще за десять дней до начала советского наступления гитлеровские генералы считали, что в Молдавии и Белоруссии они будут иметь дело лишь с демонстрациями, преследующими цель замаскировать главный удар, который будет нанесен между Ковелем и Карпатами. Любой ценой они силятся обезопасить тылы, удержать в своих руках польские дороги и железнодорожные пути для свободного маневрирования резервами.

На дорогах и железнодорожных путях рвутся мины, взлетают на воздух мосты, как подстреленный на бегу заяц, с насыпи скатывается состав га составом. Немцы бросают против партизан уже не полицейские и тыловые части, а фашистскую гвардию. 5-я танковая дивизия СС «Викинг» атакует отряды Армии Людовой на севере Люблинского воеводства. С 6 по 14 мая продолжаются острые схватки под Острувом, Домбрувкой, Амелином и Ромблёвом. В июне три немецкие пехотные дивизии, кавалерийский корпус и военно-воздушная группа приступают к операции «Штурмвинд I» и с 9 по 14 июня в Липских и Яновских лесах ведут бои с трехтысячной армией, состоящей из отрядов Армии Людовой и отдельных отрядов советских партизан и Армии Крайовой. До 25 июня, проводя операцию «Штурмвинд II», немцы тщетно пытаются ликвидировать партизан в Сольской пуще.

Тем временем 20 июня на линии немецких коммуникаций как гром обрушивается удар белорусских партизан: в одну ночь тысячи зарядов тротила сокрушают мосты, скручивают железнодорожные пути. Одновременно две тысячи бомбардировщиков атакуют узлы коммуникаций по берегам Балтики, а также Белосток и Брест. В течение четырех дней, с 21 по 24 июня, пять фронтов, треть советских армий, переходят в наступление. Как опытный рыбак, точно забросив сеть, добывает целый косяк рыбы, так и советское командование закрывает котлы: 25 июня — западнее Витебска; 27 июня — под Бобруйском; 3 июля — под Минском. В них бьется тридцать немецких дивизий, то есть в полтора раза больше, чем действует на всем итальянском фронте. Ни одна из этих дивизий уже не найдет пути к отступлению. Счастливыми считаются те, кто, подобно 45-й пехотной дивизии, сумеет собрать хоть тысячу человек из своего состава под Столбцами, где назначен сборный пункт остатков 9-й армии.

Тем временем советские передовые танковые части численностью в 4 тысячи танков стремительно продвигаются на запад, прорывая линии обороны раньше, чем противник успевает укреплять их. Наступление поддерживают 5300 самолетов, 24 тысячи орудий и минометов. В течение двух недель враг теряет 200—250 километров пространства, советские дивизии доходят до Двинска, Вильнюса и Барановичей. Белорусская операция дала результаты, каких не ожидали: правое крыло наступающих молниеносно реализовало программу, предусмотренную на всю летнюю кампанию, и теперь перед ним брешь шириной в 400 километров, где только на отдельных участках немцы еще продолжают

оказывать сопротивление. 4 июля фронты, принимающие участие в наступлении, получают от Верховного Главнокомандования новые, дополнительные задания: выйти к берегам Рижского залива, овладеть Каунасом, достичь рек Бебжа и Нарев.

В главной квартире Гитлера, так называемом «Вольфшанце», под Кентшином, 9 июля в 12.00 было созвано совещание. Кроме хозяина на нем присутствуют только четыре человека: командующий флотом, командующий группой армий «Северная Украина», командующий 6-м воздушным флотом генерал-полковник Грейм и фельдмаршал Модель. Гитлер и слышать не хочет об отступлении на юг группы армий «Север» и о сокращении линии фронта почти на 300 километров. В качестве главной цели он выдвигает задачу не допустить русских к Балтике. Отдается приказ стянуть все возможные подкрепления. Первыми, как наиболее близко расположенные, направляются на север танковые резервы группы армий «Север» с Вольни и Подолья.

Два дня спустя в 13.00 в «Вольфшанце» продолжается совещание: обстановка очень осложнилась, необходимо считаться с возможностью выхода советских дивизий к границам Восточной Пруссии. Фельдмаршал Модель ускоряет движение транспортов с юга на север.

Именно этого и ждало советское командование. 14 июля, имея задачу освободить Львов и Замостье, начинает наступление 1-й Украинский фронт под командованием маршала И. Конева.

Советское Верховное Главнокомандование бросает в бой стратегические резервы. Часть их усиливает удар в направлении побережья Рижского залива, а другая — укрепляет южное крыло 1-го Белорусского фронта генерала армии Рокоссовского. Его войска уже более трех недель сражаются севернее болот Припяти, а теперь, 18 июля, гремит артиллерийская подготовка под Ковелем: шесть армий получили приказ прорвать фронт, форсировать Западный Буг, освободить Люблин и выйти на рубеж Красныстав, Белжице, Радзынь-Подляски, Лосице, отстоящий на 150 километров. Уже не треть, а две трети советских армий принимают участие в наступлении.

Чтобы остановить это наступление, Гитлер бросает в бой три четверти всех своих армий на восточном фронте. На поля сражений от Риги до Ковеля беспрестанно прибывают подкрепления — девятнадцать дивизий и восемь бригад с южного фланга восточного фронта, четырнадцать дивизий и пять бригад с западного фронта и из оккупированных стран Европы. Объединенная сила этих частей равна почти сорока дивизиям. Чтобы оценить ее, достаточно сказать, что в Северной Франции против союзников сражаются только двадцать шесть... Пути снабжения советских войск удлинняются. Для Белорусской операции требуется 300 тысяч тонн горючего и масла, 400 тысяч тонн боеприпасов, 17 тысяч тонн бомб. Для 2 миллионов людей необходимо продовольствие. Транспорты преодолевают до 500 километров по опустошенному войной краю, но фронт не потерял размаха и темпа, он продвигается на запад и со дня на день перейдет Западный Буг. На пятьдесят девятом месяце войны сюда обращены взоры всего человечества, потому что масштаб операции здесь во много раз шире, чем на западе, именно здесь выносятся окончательные решения и именно отсюда яснее видна перспектива победы.

Дыхание фронта слышно над Вислой. Грохот его орудий эхом отзывается во всей Польше, предвещая конец неволи, каждый день которой приносит смерть трем тысячам поляков.

Перспектива свободы не только объединяет, но и разъединяет. Какая это будет свобода,

какие партии и в интересах каких классов возьмут власть в стране? Буржуазия не хочет отказываться от власти, а созданная в январе 1942 года Польская рабочая партия учит массы, что лозунг «Не бывать больше сентябрю» означает: «Не бывать больше буржуазный правительствам».

Польское эмигрантское правительство в Лондоне не поддерживает дипломатических отношений с Советским Союзом. Начиная с января 1944 года, когда со всей остротой встал вопрос о восточной границе Польши по Западному Бугу, отношения все ухудшаются. Подпольному парламенту левых партий — Крайовой Раде Народовой (КРН) «лондонцы» противопоставляют Раду Едности Народовой. На организацию коммунистами Народного фронта, на рост сил Армии Людовой и усиление партизанского движения они отвечают принятием фашистских Народовых Сил Збройных в ряды Армии Крайовой. Когда в конце мая группа представителей КРН, состоящая из четырех человек, во главе с полковником Марианом Спыхальским добирается через линию фронта в Москву и начинает переговоры с правительством СССР, премьер эмигрантского правительства Станислав Миколайчик летит в начале июня в Америку, чтобы просить Рузвельта поддержать его политику.

Сталкиваются два течения, две политические концепции. Лозунг одних — любой ценой сохранить восточную границу Польши времен Рижского мира, удержать территорию, населенную в основном украинцами и белорусами, противостоять Советскому Союзу, опираясь на Англию и США, защитить буржуазный парламентаризм типа западных демократий, отложить решение социальных реформ до будущего сейма. Лозунг других — создание единого национального государства, установление границ Польши по Одере и Нейсе, дружба с Советским Союзом, немедленное проведение земельной реформы и национализация промышленности, передача власти в руки рабочих и крестьян.

По мере обострения ситуации логика политической борьбы против революционных сил сталкивает лондонское правительство вправо, в тупик. Если факты не соответствуют его желаниям, тем хуже для фактов. Люди старого строя ни от чего не хотят отказываться, ничему не хотят учиться.

В июле 1944 года главной целью представителей эмигрантского правительства было сопротивление продвижению Красной Армии. Немцев они считали разгромленными, а в приближающихся советских дивизиях видели главного врага, против которого следовало мобилизовать все силы. Тогдашний командующий Армией Крайовой генерал Тадеуш Бур-Коморовский писал в своем дневнике: «На заседании Главной Комиссии Рады Едности Народовой в присутствии представителя правительства я председателя Рады я спросил собравшихся, считают ли они, что вступлению советских войск в Варшаву должен предшествовать захват столицы частями Армии Крайовой. Мне единогласно ответили: да. Тогда я поставил второй вопрос: сколько времени должно пройти между захватом столицы и вступлением в нее Красной Армии? После дискуссии решили, что желательно иметь по крайней мере двенадцать часов, чтобы гражданская администрация смогла приступить к выполнению своих функций и выступить в роли хозяина, принимающего вступающие советские войска».

Еще до того, как извилистые линии окопов обозначат западные границы первого куска возрожденной отчизны, до того, как они поделят Польшу на освобожденные и поработанные районы, страну разделит политическая баррикада. По одну ее сторону те, кто, используя патриотизм народа, хочет атаковать отступающих немцев... за 12 часов до прихода советских войск, чтобы иметь возможность противопоставить себя им. По другую

сторону те, кто хочет сражаться с гитлеровскими войсками, чтобы подтвердить, что, пока мы живы, Польша не погибла, чтобы помочь советским армиям в освобождении своей родины.

18 июля гремит артиллерийская канонада под Ковелем, бьют более 6 тысяч орудий, и среди них 250 польских. Две бригады и шесть полков артиллерии, 6500 солдат в фуражках с пястовским орлом 1-й Польской армии, шестидесятипяти тысячной народной армии, прокладывают путь на родину.

18 июля восемь немецких батальонов окружают Парчевские леса на севере Люблинщины и идут в атаку. Согласованными залпами отвечают им объединенные в борьбе винтовки партизан Армии Людовой, Армии Крайовой и советских партизан. Страна, ожидающая освобождения, сковывает резервы врага.

18 июля раскалывается фронт под Ковелем. Удары 47, 69, 70 и 8-й гвардейской армий громят последний очаг немецкой обороны между Балтикой и Карпатами.

20 июля советские войска форсируют Западный Буг, за ними в 20.00 переправляются через реку польские артиллеристы 1-й армии. В Парчевских лесах группировка Армии Людовой продолжает вести ожесточенный бой, партизаны уже слышат грохот близкого фронта. Крайова Рада Народова берет под свое руководство Союз польских патриотов, действующий на советской земле.

21 июля КРН издает декрет об объединении Армии Людовой и 1-й Польской армии в Войско Польское, провозглашает Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) органом «временной исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, завоевания независимости и восстановления польской государственности».

22 июля из освобожденного Хелма раздаются слова Манифеста, обращенного к польскому народу, рождается Польская Народная Республика.

23 июля передовые отряды 2-й танковой армии генерала Богданова рвут колючую проволоку Майданека, окружают Люблин, а на следующий день совместно с пехотинцами 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова освобождают город. Следом за ними маршируют польские дивизии. Встречают их со слезами радости, с цветами и ветками спелых черешен. На постояях, не ожидая декретов, солдаты помогают крестьянам делить помещичью землю.

Но встречает солдат и расклеенная на стенах Люблина листовка с подписью «уполномоченного в стране и вице-преьера правительства Польской республики». С удивлением читают солдаты слова листовки: «Ожидает нас не только борьба с жестоким оккупантом... Ожидает нас, кроме того, выбор пути возрождающегося государства... Каждый... должен помнить.., что нельзя дать себя запугать или обмануть лозунгом, наградой и словом, самым патриотическим, коварно используемым чуждыми элементами... Никто не должен также дать себя обмануть лозунгом дикого переустройства нашего общественно-экономического строя». Таким образом, вице-премьер предостерегает против орлов на солдатских фуражках, против лозунга «Свобода — отчизне, права и власть — народу».

В тот же самый день переходят Западный Буг танки 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте. В прибрежной деревне Дорохуске навстречу им выходят Ядвига и Францишек Войталы. Они несут знамя, вышитое во время оккупации; рискуя жизнью, они хранили это знамя в подушке, на которой, случилось, спали гитлеровцы. Знамя предназначено для тех, кто принес свободу. У танка с орлом на башне под взглядами застывших в две шеренги танкистов принимает знамя командир бригады генерал Ян Межицан.

До конца июля, до начала шестидесятого месяца войны, осталась неделя — от среды до

вторника.

В течение этой недели ПКНО подпишет от имени Польши первые международные договоры и будет признан правительством Советского Союза. Выйдут из подполья или возникнут вновь сотни рад народных в освобожденных селах и городах. Рабочие от имени народа возьмут в свои руки первые промышленные предприятия, первые крестьяне начнут пахоту на земле — в прошлом господской, а теперь собственной.

Гитлеровцы расстреляют в тюрьме Павяк секретаря ППР Павла Финдера и Малгожату Форнальскую, но дело, за которое они отдали свои жизни, в эти же самые дни восторжествует благодаря усилиям трех крупных соединений Армии Людовой — бригад имени Земи Келецкой, Земи Краковской и Бартоша Гловацкого.

В Лондон из Польши вылетит Томаш Арцишевский, чтобы придать силу и авторитет эмигрантскому правительству, а премьер этого правительства покинет Лондон, направляясь на дипломатические переговоры в Москву.

Генерал Бур-Коморовский, считая, что до вступления советских войск в Варшаву осталось немногим более 12 часов, примет решение бросить город в огонь повстанческой борьбы, а фельдмаршал Вальтер фон Модель, месяц назад объединивший в своих руках командование двумя группами армий — «Центр» и «Северная Украина», закончит к этому времени организацию нового фронта на Висле и у границ Восточной Пруссии.

Советское наступление на запад продолжается: освобождены Нарва, Львов и Станислав, Перемышль и Ярослав, Брест и Белосток. В связи с более успешным, чем предусматривалось, развитием операций войска 1-го Украинского фронта получают задачу выйти к верховьям Вислы между Вислокой и Саном, а войска 1-го Белорусского фронта — к среднему течению Вислы и к Нареву. Освобождение предместья Варшавы — Праги — намечается между 5 и 8 августа.

Передовые части с остатками горючего, с последними тоннами боеприпасов 30 июля выходят на ближние подступы к Праге, а 31 июля — к берегам Рижского залива. На обоих участках они встречают яростное сопротивление свежих дивизий врага. Приходится остановиться и отступить. Гитлер в опорных пунктах на берегах Балтики и в Варшаве видит главные центры своего фронта. Он не знает, что через три недели советские армии всей своей мощью обрушатся на Балканы, вырвут у него из рук Румынию, Болгарию и Венгрию.

На «польском фронте» продолжается быстрое продвижение к берегам Вислы. Судьбу предстоящего наступления, несущего свободу всей стране, будут решать плацдармы — маленькие клочки земли на западном берегу Вислы, откуда будет нанесен удар. Эти еще не захваченные плацдармы будут иметь значение брешей в стене крепости за Вислой.

Понимая их значение, генерал Александр Завадский 20 июля телеграфирует командующему Армией Людовой: «...Между Демблином и Пулавами... будем форсировать Вислу, чтобы обойти Варшаву. Командование фронта и Военный совет нашей армии считают, что... целесообразно, чтобы отряды (народных партизан)... переправились за Вислу и развернули в нужный момент решительные операции... особенно между Демблином и Пулавами...»

Отдел иностранных войск «Восток» главного командования немецкой армии в приложении к сводке о положении на фронте 21 июля сообщает о действиях партизан:

«В районе Грубешува, южнее Хелма и вокруг Красныстава многочисленные советско-польские банды начали совершать нападения на автомашины, опорные пункты и мелкие подразделения. К югу от Люблина отбито нападение сильной банды на расположение наших

зенитных прожекторов. С территорий между Вислой и Люблином поступают донесения о многочисленных бандах, насчитывающих до 400 человек. Согласно заявлениям жителей (следует читать: фольксдойче. — Прим. автора), на расстоянии 20 или 30 километров западнее Влодавы есть аэродромы для самолетов снабжения... Западнее Вислы появились многочисленные банды, насчитывающие от 150 до 200 человек».

В подобных же сводках за два последующих дня говорится об увеличении числа партизанских отрядов под Кельце, о задержании и выгрузке партизанами поезда с боеприпасами под Скаржиско-Каменной, о сбрасывании оружия с самолетов под Радомом, о нападениях на немецкие посты и отряды, о разрушениях дорог и мостов.

29 июля 350-я пехотная дивизия 13-й армии на фронте маршала Конева форсирует реку под Баранувом и удерживает позиции под ожесточенными контратаками, наносимыми со стороны Мелеца и Сандомира. Отсюда в будущем начнется наступление на Краков и Силезию.

В этот же день передовые батальоны 69-й армии генерала Колпакчи форсируют Вислу и ведут бой за плацдарм под Яновецом. Отсюда начнется наступление на Кельце и Ченстохов.

Перед рассветом 1 августа две роты 4-го пехотного полка дивизии имени Генрика Домбровского захватывают 150 метров привисленских песков на западном берегу под Пулавами. 1-я армия пять долгих дней и ночей сражается на пяти маленьких плацдармах, но под сильными ударами гитлеровских резервов она будет вынуждена отступить на другой берег реки.

Откуда будет нанесен удар, который освободит Варшаву, Лодзь, Познань? Где будет подготовлен трамплин, с которого танковые армии ринутся на Берлин, к Одру?

История дала ответ. Дело летописца этот ответ записать. На пороге шестидесятого месяца войны перед глазами поляков отчетливее всего вырисовывается среднее течение Вислы; остальное скрывает дымка расстояния. Я своими глазами, глазами паренька, родившегося в Варшаве, солдата, потерявшегося в сентябре 1939 года, офицера, возвращающегося в Польшу спустя неполных пять лет, острее всего вижу берег Вислы напротив Запильча, земли, лежащей между Пилицей и Радомкой.

Плацдарм (31 июля — 5 августа)

Утро было солнечное. На бледном небе — ни облачка. И хотя еще не было пяти, роса уже высохла и тень не приносила прохлады. Лесными дорогами, просеками, одновременно десятками дорог и тропинок шла 35-я гвардейская стрелковая дивизия. Позади остался ночной переход, но в какой-то момент головные колонны все же ускорили шаг. Они еще не видели реки, но в дуновении западного ветра уже почувствовали ее свежесть.

— Дорога свободна! Принять вправо! — команды шли от хвоста к голове колонны, повторяемые все новыми голосами.

Солдаты приняли вправо, вошли в лес. Бронебойщики с противотанковыми ружьями осторожно обходили пни, стараясь не задевать длинными стволами деревья. «Сорокапятки» съезжали в сторону с дороги и двигались над неглубоким рвом, низкорослые лохматые кони терлись потными боками о ветки кустов.

Мимо проехал пикап с автоматчиками. Они сидели вдоль бортов, готовые в любую минуту соскочить на землю. Парни были рослые, такие, что в одиночку выходят против десятерых — армейская разведка. Следом за ними ехал открытый вездеход с торчащей вверх антенной радиостанции.

Пехотинцы узнавали фигуру и лицо того, кто сидел около водителя, поворачивали головы, замедляли шаг. Офицеры отдавали честь, поднося руку к каскам. Следом за машинами, как шум волн за лодкой, шел рокот людских голосов.

— Командарм, — говорили кадровые солдаты, еще не отвыкшие от старой, революционной терминологии. — Перематывай, братцы, портянки. Если Чуйков приехал, то больше, чем до утра, не отдохнешь.

Был последний день июля. Солнце стояло еще достаточно низко, чтобы косые лучи его могли бить в глаза немецким наблюдателям на западном берегу. С пригорка, на котором в густой тени стоит молчаливая группа людей, виден небольшой участок берега. По бокам, укрытые деревьями садов, притаились автоматчики в выгоревших гимнастерках.

В центре — двое мужчин в рубашках с закатанными рукавами. Издали их можно было принять за крестьян, которые в жаркий день вышли посмотреть на реку, поговорить на солнышке. На шаг впереди стоит коренастый сорокалетний мужчина. У него большая голова, высокий лоб. Волосы темные, вьющиеся, выгоревшие на солнце. Где-то в морщинах лба, в широких и лохматых бровях или, может быть, во взгляде скрыто упорство, воля. Когда я встречу его много лет спустя, волосы у него поседеют, морщины станут глубже, но упорство и воля останутся.

Чуйков смотрит на противоположный берег Вислы. В поле его зрения — только тополя, дамба, ивняк на узком песчаном пляже и вода, покрытая рябью, но в памяти он держит то, что много раз читал на карте. На севере течет Пилица, она делает двойной изгиб в форме латинской буквы S: нижний полукруг слегка растянут, а верхний — резко заворачивает вправо, впадая в Вислу. Пилица будет прикрывать правое крыло. На юге, наискось, на северо-восток, пробираясь через Козеницкую пушу, несет свои воды неглубокая, извилистая Радомка. Леса на ее западном берегу сбегают широкий поясом прямо к Висле. Это и будет прикрытие левого крыла.

Обе реки соединяет широкий тракт, идущий от Рычивула через Магнушев и Мнишев к мосту, разрушенному еще в 1939 году. Тракт похож на тетиву, натянутую на излучину Вислы.

Параллельно ему, дальше на запад, тянется широкой полосой болотистый ольшаник. Он будет служить помехой наступающей пехоте и артиллерии 8-й гвардейской армии, но одновременно не позволит контратакующему противнику вбить клин с запада на восток, рассеять плацдарм на две части.

За болотами, изогнувшись дугой к западу, бежит широкая полевая дорога к Мнишеву через Рознишев, Грабовску Волю и Ленкавицу и возвращается под Рычивул. К югу от Ленкавицы, там, где деревенька Студзянки, находится вершина плоского, приподнятого щита. Она на двадцать пять — тридцать метров выше остальной местности. Пока гвардейцы не захватят этот щит, все коммуникации, идущие от Вислы на запад, будут видны наблюдателям противника. Необходимо быстро овладеть высотой.

Чуйков смотрит на тополя, дамбу, ивняк на песчаном пригорке. Он видит не больше каждого из своих солдат, во благодаря шестому чувству командира у него перед глазами вырисовывается картина не начавшейся еще битвы.

Видно, на роду у него было написано солдатское ремесло, уже тогда, когда появился он на свет в крестьянской избе в деревне Серебряные Пруды в Тульской губернии. Не каждому парнишке в девятнадцать лет случается командовать полком. С апреля 1918 года, с той минуты, когда он впервые надел форму, в его жизни было столько сражений, что, кажется, все невозможно и вспомнить.

Но самое важное, забываемое — Сталинградская битва. Вцепился он в землю, молотил врага жерновами боев, рвал и уничтожал. Армия его тоже истекала кровью. В период оборонительных боев в городе в нее влились и остались в сожженной земле семь дивизий, одна стрелковая и одна танковая бригады.

Он пережил те трудные дни, а с ним и самые близкие его товарищи, те, которые сейчас стоят рядом: начальник штаба полковник Василий Белявский, командующий артиллерией генерал Николай Пожарский и генерал Матвей Вайнруб — командующий бронетанковыми и механизированными войсками. Чуйков оглянулся, кивнул. Они ответили улыбками.

Тринадцать дней назад, когда левое крыло 1-го Белорусского фронта переходило в наступление, 8-ю армию еще раз перебросили на направление главного удара. Армия прорвала оборону противника и все быстрее двигалась вперед, громила встречные дивизии врага и уже на третий день вышла к Западному Бугу, с ходу форсировала эту реку и пошла по польской земле. Тогда Рокоссовский через боевые порядки 8-й армии ввел в сражение 2-ю танковую армию.

В броске к Висле победила 57-я гвардейская стрелковая дивизия 4-го корпуса генерал-лейтенанта Василия Глазунова: сразу за танками 2-й танковой армии она ворвалась ночью 26 июля на улицы Пулав и к утру освободила город.

27 июля 2-я танковая армия начала наступление в общем направлении на Прагу вдоль люблинского шоссе, а за ней, очищая территорию от противника и прикрывая левый фланг, двинулись войска 8-й гвардейской армии. В разрыв, образовавшийся между ними и 69-й армией, вошла 1-я Польская армия.

Позавчера, утром 29 июля, командующий 8-й армией связался с Рокоссовским и доложил о намерении совершить бросок на Запильче. Командующий фронтом принял это предложение к сведению, но решения не вынес: обещал, что подумает и даст ответ завтра.

Несмотря на это, Чуйков начал подготовку, и вот четыре дивизии — 79, 27, 35 и 57-я — вышли к Висле. От исходных пунктов под Ковелем солдаты прошли свыше 400 километров, хотя расстояние по прямой составляло 250 километров. Данные разведки —

обнадеживающие: противник не оправился от поражения, главные силы его сосредоточены восточнее Праги; по реке оборона еще не готова, и немцы не имеют там значительных сил.

Но и силы 8-й армии тоже сильно истощены. К тому же фронт не сможет обеспечить ни сильной авиационной поддержки, ни прикрытия истребителями; склады боеприпасов остались далеко в тылу, танков для отражения контратак в строю немного. В составе 8-й армии уже нет ни 11-го танкового корпуса, ни 4-го корпуса артиллерии прорыва, который поддерживал ее под Ковелем. Генерал Пожарский имеет в своем распоряжении около 1224 стволов орудий и минометов. Стрелковые дивизии понесли в боях значительные потери. Проезжая лесом, Чуйков видел майора Воинкова, командира 100-го полка 35-й дивизии. В этом полку, который, как один из наиболее полнокровных, будет наступать в первом эшелоне, насчитывается около 1400 человек — немногим больше половины положенных по штату.

Однако Висла будет форсирована, и плацдарм должен быть удержан. Генерал рассчитывает на неожиданность, как на главный козырь. Дело только в том, чтобы ударить как можно быстрее. Задержка может стоить дорого. Достаточно немцам выслать разведывательные отряды...

Генерал обернулся, прочитал вопрос в глазах своих боевых товарищей — Белявского, Вайнруба, Пожарского.

— Готовьте войска на завтра к утру, — сказал он. — Я еще буду говорить с командующим фронтом, но уверен, что Рокоссовский согласится.

Телефонный разговор командующего 1-м Белорусским фронтом с командующим 8-й гвардейской армией, состоявшийся 31 июля 1944 года около 12.00 (согласно сообщению маршала Василия Ивановича Чуйкова):

Рокоссовский: Немедленно приступайте к подготовке форсирования Вислы на участке Мацейовице, Стенжица, чтобы дня через три начать форсирование с целью захвата плацдарма. Краткий план операции донести шифровкой 1 августа до 14.00.

Чуйков: Задачу понял. Прошу разрешения форсировать на участке от устья Вильги до деревни Подвежбе. Хочу, чтобы на том берегу фланги опирались на Пилицу и Радомку. Переправу могу начать не через три дня, а завтра утром. Все подготовительные работы проделаны, а чем быстрее начнем, тем больше шансов на успех.

Рокоссовский: У вас мало артиллерии и переправочных средств. Подкрепления от фронта вы сможете получить не раньше чем через три дня. Ставка придает этой операции большое значение и хочет, чтобы успех был обеспечен в максимальной степени.

Чуйков: Понимаю, но я рассчитываю прежде всего на внезапность. Если удар будет нанесен неожиданно, мне хватит тех средств, которыми я располагаю. Прошу разрешения начать завтра утром.

Рокоссовский: Хорошо. Согласен. Еще раз все продумайте и пришлите донесение. Доведите до сведения командиров всех степеней, что солдатам и офицерам, отличившимся при форсировании Вислы, будет присвоено звание Героя Советского Союза.

Чуйков: Есть! Завтра начинаю. Немедленно посылаю шифровку с планом операции.

Остаток дня четыре дивизии 8-й армии спешно закапчивали приготовления к переправе на 13-километровом участке берега от устья Вильги до Подвежбе. К реке выдвигались полки первого эшелона.

Думая о сражении, мы часто забываем о математике войны, о технических средствах, которые неумолимо и окончательно определяют масштабы операции. В последние дни июля армия Чуйкова располагала 200 штурмовыми лодками (вместе с 20 захваченными) и 83 амфибиями. Поэтому за один рейс можно было погрузить и перебросить через реку не более 3700 солдат. Эта цифра, поделенная на четыре, определяла численность «первой волны» для каждой из дивизий.

В 35-й дивизии, которая будет форсировать на участке Тарнув, Скруча, роты батальонов «первой волны» уже выделили штурмовые группы. В кустарнике, в густых ивовых ветвях сидит со своими стрелками гвардии старшина Кукло. В лучах заходящего солнца блестит на его груди звезда ордена Славы.

Сидя рядом с ним, высокий рыбак с Вислы чешет затылок, сам еще не зная, правильно ли он сделал, отдав лодку, спрятанную от гитлеровцев. Саперы обещали в случае, если немцы прострелят ее, отремонтировать или дать ему новую, но вот выполнят ли солдаты свое обещание? А спрашивать не годится, ведь на этой лодке поедут люди... Лодка лежит рядом, дном вверх, старательно зашпаклеванная, свежепросмоленная. Здесь же весла и багры. Крестьянин объясняет солдатам, где глубоко, а где сподручнее плыть, отталкиваясь шестом.

— А за островом глубоко?

— Неглубоко, по пояс будет, — говорит рыбак.

— Пройдем. Только гранаты и оружие надо привязать повыше, на грудь. Потом только бы перескочить через вал.

— За дамбой тоже будет трудно. — Хозяин лодки говорит медленно, отчетливо, чтобы они поняли по-польски. — Там дальше луга. Ровно, мокро, пару дней назад прошли дожди.

— Ровно — это плохо. Товарищ старшина, а до горочек с песочком далеко?

— Вильковице, высота 112,6, — читает по карте Кукло. — Далеко, около трех с половиной километров.

Темнеет. Старик пальцем, перепачканным смолой, показывает им еще что-то на карте, но уже не все видно и не все можно понять из того, что он говорит. Притихли, потому что у солдат гвардии, как и у каждого человека, только одна жизнь.

«Большевики могут не спать, не есть, наступать во время снежной вьюги, проливного дождя и тропического зноя. В любых условиях сражаются как черти. Но даже они не могут заставить танки идти с пустыми баками, — размышлял командир 19-й немецкой дивизии. — Моторы не сагитируешь... Похоже на то, что большевики полностью исчерпали свои наступательные возможности. Штурм Радзымина был похож на вспышку свечи перед тем, как ей погаснуть. Ширина бреши у ее основания со вчерашнего дня не увеличилась, достигает она десяти километров и простреливается даже из полковых минометов...»

Генерал-лейтенант Ганс Кельнер приказал уже сейчас, до наступления полуночи, вывести 74-й гренадерский полк на исходные позиции. Он командует этим полком с 1943 года. В 45 лет он, родившийся в Катовице, сын учителя гимназии, стал командиром дивизии.

Кельнер решил двинуть на Окунев еще 1-й батальон 27-го танкового полка под командованием майора Виллекинса. Кельнер не только знал, но и верил в то, что наносить удар надо всегда всей мощью, максимально быстро и сражаться самоотверженно.

У подчиненных он пользовался репутацией забияки и не хотел ее терять. Именно эта черта характера принесла ему славу в боях под Калугой и Рыцарский крест в мае 1942 года, а

два года спустя, в феврале 1944 года, — «Дубовые листья» к этому Рыцарскому кресту. Поставив на карту все, он вырвался в апреле из окружения под Шепетовкой; отступая, оборонялся, а с конца июня вместе с уцелевшими солдатами дивизии отдыхал в Голландии, пополнял технику и вооружение, обучал новых солдат. В течение двух недель 19-я нижнесаксонская танковая дивизия вновь стала грозной боевой силой.

Когда разваливалась оборона группы армий «Центр», дивизию бросили на восточный фронт. Она вступила в бой 27 июля южнее Гродно. То здесь, то там латали батальонами дыры на фронте. Не давая себя окружить, отскочили, и теперь наконец вся дивизия была собрана в кулак в Рембертуве. Генерал мог перейти в наступление, которое было его стихией.

Кельнер приказал дать шифровку в штаб 9-й армии, в которой сообщал командующему об обстановке на предполье и о запланированном на завтрашнее утро ударе.

Генерал-майор Хельмут Штедтке меньше чем через час вручил командующему 9-й армией расшифрованный текст.

— Донесение от Кельнера.

Фон Форман с неохотой взял поданный ему лист бумаги. Он не любил своего начальника штаба. И хотя ценил в нем талант и сильную волю, но в этом сыне мюнхенского книготорговца видел прежде всего выскочку, старающегося любой ценой сделать карьеру и готового на все, чтобы понравиться командованию и гитлеровским партийным функционерам. По мнению Формана, только благодаря этому Штедтке дослужился до генеральского чина в 35 лет.

Форман был старше Штедтке больше чем на 13 лет, воевал на разных фронтах, много раз был ранен и заслужил свою славу и звание отвагой и тяжелой работой в качестве командира танковой дивизии. Но, как командующий армией, он, видимо, слишком нерешителен. Он это и сам чувствовал и поэтому каждый раз, меняя свое решение, побаивался Штедтке, который, не говоря ни слова, лишь вскинув брови, умел красноречиво выразить свое неудовольствие, удивление или насмешку.

Сейчас не было причин для опасений, и командующий армией, по мере того как читал радиogramму, полученную из 19-й танковой дивизии, все больше веселел. Начальник штаба тем временем наносил на карту данные донесения.

Они находились в большом, ярко освещенном блиндаже командного пункта под Скерневице. Огромный длинный стол был застлан картой. Склеенные листы охватывали всю полосу действий 9-й армии от Варшавы до Пулав и дальше: на севере — за Западный Буг; на юге — до Солеца на Висле.

— Все в порядке, Хельмут. — Форман похлопал по плечу начальника штаба и рассмеялся.

Затем встал, прошелся взад-вперед по бетонному полу блиндажа. Тень сновала за ним по стене, как беззвучный маятник. Форман был худой и высокий. С моноклем в глазу он походил на старого прусского генерала, сошедшего с портрета. Форман поджал нижнюю губу, чтобы смягчить выражение высокомерия на своем лице, вернулся к столу и посмотрел на карту.

Уже пять дней Форман вел сражение с большевиками на подступах к Праге. Противник прорвал оборону, глубоким клином врезался до самого Радзымина и, пройдя от 50 до 80 километров, оседлал шоссе Варшава — Вышкув. Еще вчера противник, введя в бой новые

силы, разбил гренадерский полк, захватил орудия, взял в плен генерала Фрица Франка — командира 73-й пехотной дивизии. Казалось, нет никаких поводов для улыбок.

Все это так, но карта говорила командующему 9-й армией также и о других вещах. Пять дней назад в его распоряжении была неплохая 73-я пехотная дивизия, имевшая 10 800 человек личного состава, а также часть разведывательного батальона дивизии «Герман Геринг» и... немногим больше. День спустя Форман смог ввести в бой три роты танков и даже добился временного успеха, ликвидировав прорыв советских войск севернее Сенницы. Вчера вечером он бросил в контратаку под Вёнзовной боевую группу 19-й танковой дивизии силой в два батальона и 40 танков, на Радзымин — главные силы той же дивизии, переданной ему из 2-й армии, а Воломин атаковал 1-м гренадерским полком дивизии «Герман Геринг». Нетрудно было заметить изменение масштаба действий и соотношения сил.

Но и это еще не все. Главный поворот в событиях наступил сегодня: противник при поддержке артиллерии и штурмовой авиации предпринял еще одну атаку и захватил Окунев, однако ему не удалось установить связь со своими передовыми группировками в Воломине и Радзымине. Не проявил он активности и на других участках. Форман знает, что это значит. Он сам бывал в ситуациях, когда не на все танки хватает горючего. Батальон саперов к рассвету 1 августа закончит минирование варшавских мостов, хотя это уже ненужное, лишнее дело.

Возьмели наконец действие донесения об угрожающей ситуации. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Вальтер фон Модель сделал из них необходимые выводы, перебросив на опасный участок и отдав под командование Формана 19-ю танковую дивизию. Модель вернул из Венгрува на восток 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», которая завтра ударит из-под Станиславува в направлении на Окунев. Часть 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» быстрым маршем вышла из Седльце на восток. 4-я танковая дивизия из резерва 2-й армии приближается из Вышжува к Радзымину. На восточных подступах к Праге сосредоточено полтысячи танков.

Приток свежих сил не прекращается. Генерал Форман через четыре-пять дней будет иметь в своем распоряжении свежую, отдохнувшую танковую дивизию «Герман Геринг» под командованием генерал-лейтенанта Вильгельма Шмальца. Это — настоящее событие, так как дивизия «Герман Геринг» — одна из двух самых сильных танковых дивизий вермахта. Она насчитывает почти 15 тысяч человек, 147 танков и 92 самоходки. Часть ее подразделений уже высадилась в Пястуве и Прушкуве.

Генерал неохотно взглянул южнее: пассивный участок фронта, оборона на широкой реке. Со дня на день из Вены в Радом прибудет по железной дороге заново сформированная 45-я гренадерская дивизия. Ее можно будет использовать в качестве резерва, на случай если русские попытаются где-нибудь форсировать реку.

Взгляд Формана вернулся к Праге. Подступы к ней интересовали его больше всего. Он ведь был генералом танковых войск. Его интересует не тихий берег Вислы, а тот участок фронта, где завтра будет нанесен удар и где предстоит ожесточенное танковое сражение.

На пригорке около деревни Тарнув, на краю леса, в том самом месте, откуда вчера смотрел на другой берег Вислы генерал Чуйков, сегодня находится наблюдательный пункт командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Туман еще висит над рекой. Василий Глазунов сидит на пне у входа в блиндаж, вытянув перед собой длинные ноги. Затягиваясь

папиросой, он наслаждается -последними минутами тишины. Только часовые с кем-то препираются. Глазунов недовольно морщит лоб.

— Что там?

— Товарищ генерал, — докладывает слегка запыхавшийся командир взвода автоматчиков, — здесь какой-то пожилой мужчина и женщина. Они не хотят говорить, зачем пришли, и требуют, чтобы их провели к самому главному начальнику. Мы им твердим, что сейчас не время, даже пригрозили, но они не боятся...

— Зачем же угрожать? — прервал его Глазунов. — Проведите их сюда.

Через минуту двое — он с посохом из вишневого дерева, она с плетеной корзинкой на руке — стояли перед командиром корпуса.

— Пан генерал здесь командует?

— Я не пан. А командую я.

— Переправа будет? — Мужчина с трудом подбирает русские слова и, не ожидая ответа, добавляет: — Слева от вас у того берега — такой маленький островок. Немцы таи поставили пушку. Такую маленькую. Она бьет, как дятел: тук-тук... — Вишневый посох, подражая выстрелам орудия, дырявит песок. — Надо бы ее разбить. Лучше всего со стороны Руды-Тарновской. Я бы показал...

Генерал велел позвать командира батареи.

— Знаете, скольким людям вы спасаете жизнь? — обращается генерал к крестьянину.

— Во имя отца и сына... — осеняет себя тот. — И без того немало погибнет.

— А где ваш дом?

— Был недалеко отсюда, да сгорел. Из всего имущества — только то, что на нас.

Из корзинки женщины высовывается черный влажный нос, а потом показывается желто-коричневая мордочка с большими лохматыми ушами.

— Собачка?

— Нет, лис.

— Лиса?

— Нет, пан генерал, лис. Приблудился, голодный был, вот и остался.

Глазунов протягивает руку. Зверек, пугаясь, щурит глаза, но все же дает себя погладить и взять на руки.

— Если он вам нравится, возьмите его себе, — говорит женщина. — При армии посытней, чем у нас. Он еще совсем маленький, а где достанешь молоко?

Они оба уходят с артиллеристом, которому приказано во что бы то ни стало уничтожить немецкую автоматическую пушку.

Командир корпуса спускается в укрытие, держа лисенка в левой руке, и звонит по телефону интенданту.

— Пришли мне сюда хорошего коня. Рабочего, не для верховой езды. И спиши его с довольствия. Пришли сейчас же, пока держится туман. Коня и пол-литра молока.

— Надо трогаться, хлопцы, пока не рассеялся туман.

Солдаты спихнули лодку в воду. Пулеметчик улегся на носу, командир сел сзади, у руля, солдаты по трое примостились слева и справа.

Метров сто плыли, отталкиваясь баграми, потом дно ушло в глубину. Стали грести веслами, низко пронося их над водой, чтобы не было всплеска. Работали аккуратно, спокойно, но всем почему-то казалось, что они стоят на месте, окруженные туманом, и

только вода проплывает под ними.

Кукло ориентировался по течению, пересекая его наискось, влево, чтобы не снесло очень сильно на север. Однако полной уверенности у него не было. Он вздохнул с облегчением, только когда они снова вышли на мелководье и перед ними затемнел островок.

Притормаживая веслами, чтобы не заскрипел песок, причалили. Здесь мог быть сторожевой пост, могли быть мины. Цепочкой, друг за другом двинулись вперед. Песок поскрипывал под сапогами, но звук этот угасал в тумане.

Вскоре они достигли рукава реки на противоположной стороне. Кукло подал знак рассыпаться цепью и первый вошел в воду. Рыбак сказал правду: когда вода дошла им до пояса, перед ними замаячил берег и показались высокие деревья на пригорке. Дно под ногами стало подниматься. Никто не проронил ни слова. Было не жарко, но лбы у всех вспотели. Думали только об одном: скорее бы началось, все равно что, только бы не эта тишина.

Началось в то самое мгновение, когда первый солдат ступил ногой на берег. Чуть-чуть правее красный след прошел туман и, как осы, зажужжали пули. Перекрывая дробь станкового пулемета, послышался голос старшины:

— Гранатами!

Старшина швырнул гранату и бросился на землю. Все прижались к траве. Какое-то мгновение над ними еще бесновалась длинная, нескончаемая очередь, но вот раздался взрыв гранаты, потом второй, почти одновременно. Стало тихо.

— Ура-а-а-а! — закричал кто-то в полный голос.

В два прыжка солдаты очутились у насыпи. Стреляя из автоматов, они спрыгнули в окоп. В это время дальше слева опомнился второй пулемет, но стрелок, не видя перед собой цели, бил в сторону Вислы, туда, откуда они только что пришли.

Кукло расставлял людей в захваченном окопе, указывал секторы обстрела. Не успел он это закончить, как прогремел залп дивизиона «катюш». Термитные сигары легли за триста метров от берега, хлестанув огнем по туману, будто чья-то рука раздвинула занавес. Гремели орудия, снаряды рвались и слева, и справа, то на насыпи, то в воде, у берега. Туман был разорван в клочья, а на востоке тем временем разливалось золото восходящего солнца, нежно окрашивая кусты над Вислой.

Вот послышался рокот сползающих к реке амфибий, вскоре солдаты их увидели. И тогда Кукло, как было условлено, выстрелил одну за другой пять красных ракет, указывая направление.

Дым смешался с оставшимся туманом, но уже хорошо было видно широкую Вислу. По ней, насколько охватывал взгляд, плыли амфибии, с которых раздавались автоматные очереди. За амфибиями, перебирая веслами, спешили лодки.

С запада несколько десятков орудий вели заградительный огонь по реке. Столбы воды поднимались на высоту двухэтажного дома. Тонула какая-то моторка, а вокруг нее чернели на поверхности воды головы плывущих солдат.

Боевое донесение № 175. 17.30, 1.8.44 г.:

«Штаб 35-й гвардейской стрелковой дивизии, лес, 500 м юго-западнее Казьмерува.

1. Подразделения дивизии форсировали Вислу и, уничтожая противника на

западном берегу, к 15.30 вышли

на рубеж:

100-й гвардейский стрелковый полк — Гжибув-Новы, высота 112,6, оседлав дорогу Магнушев — Мнишев, ведет перестрелку с противником.

102-й гвардейский стрелковый полк, захватив Курки и частично Гжибув, ведет бой за Магнушев.

101-й гвардейский стрелковый полк... сосредоточился в лесу восточнее Тарнува в полной готовности к форсированию Вислы.

2. Противник, удерживая Александрув, Волю-Магнушевску и Магнушев, ведет сильный пулеметный, орудийный и минометный огонь. Его авиация с 13.30 постоянными налетами группами по четыре — шесть самолетов «Фокке-вульф-190» бомбит и обстреливает восточный берег Вислы в районе Тарнува, а также боевые порядки атакующих подразделений...

Начальник штаба гвардии майор Горяев.

Начальник оперативного отдела гвардии майор Посунько».

Из оперативной сводки штаба группы армий «Центр» за 1 августа 1944 года, составленной 2.8.44 г. в 4.00:

«Противник сковывает наши войска в предместьях Варшавы и готов к наступлению... между Пулавами и Варшавой. Он захватил плацдарм на западном берегу Вислы шириной около 10 км и глубиной 4 км и переправил на него крупные силы.

...На участке Магнушев, Мнишев ведет бои 1132-я гренадерская бригада, которой приданы 95-й гренадерский полк 17-й пехотной дивизии и учебная бригада самоходных орудий.

...Пасмурно. Над позициями 2-й и 9-й армий идут дожди, температура воздуха 22—24 °С».

Из оперативной сводки штаба группы армий «Центр» за 2 августа 1944 года, составленной 3.8.44 г. в 2.15:

«В полосе 9-й армии сегодня завязались оживленные боевые действия... Между Пулавами и Демблином противник в девяти местах пытался захватить западный берег Вислы. Отбито десять атак, проведенных силою до полка на предместья Магнушева, где противник сосредоточил около двух дивизий. Вечером ему удалось осуществить прорыв в нескольких местах, что привело к потере нами Магнушева и Осемборува. В 19.00 началось наше наступление с исходных рубежей по обеим сторонам Богушкува. Из-за сопротивления превосходящих сил противника наступление успеха не имело. Наступающая группа была контратакована и отброшена на исходные позиции.

В Варшаве продолжаются тяжелые бои с восставшими. До настоящего времени регулярное продвижение через город еще невозможно. Движение поездов на всех вокзалах Варшавы происходит почти без помех...»

В воздухе над Запильче господствует немецкая авиация. Она бомбит переправы и дороги, штурмовики атакуют позиции пехоты и артиллерии. Советская авиация 1-го Белорусского фронта действует с далеких баз, и к тому же ее силы поглощены прежде всего тяжелыми боями над Западным Бугом, севернее Седльце, где немецкие силы еще удерживают выступ, выдвинутый далеко на восток, угрожая ударами с флангов.

Землю на Запильче штурмуют советские дивизии. Их четыре, а не две, как сообщается в донесении командования группы армий «Центр». Этого генералы вермахта не могут знать, потому что их войска отступают и «языка» добыть не могут. Однако численность наступающих они оценивают правильно, потому что полки обескровлены в боях и их личный состав малочислен.

Данные, касающиеся положения на плацдарме, несколько устарели. С момента потери Магнушева и Осемборува и неудавшегося наступления под Богушкувом прошло несколько часов, которые еще больше ухудшили положение немцев.

Правофланговые дивизии 8-й гвардейской армии, которые форсировали Вислу между устьем Вильги и Скурчей, уже в первый день сражения захватили Мнишев и на восьмикилометровом фронте вышли на берег Пилицы. Защищенные широкой рекой от контратак, они перебросили свои главные силы под Рознишев. Отсюда, отразив удар немцев со стороны Богушкува, они атаковали деревню и ночью захватили ее. Через всю полосу промокших лугов и ольшаника, протянувшуюся от Богушкува на юго-восток, пробираются под покровом темноты небольшие колонны пехотинцев; тихо, но крепко ругаясь, люди несут минометы, тянут противотанковые орудия. К рассвету они будут уже в 7—10 километрах от Вислы.

В центре при свете пожаров 35-я дивизия продолжает бой за Вильчоволу и Тшебень.

На левом фланге 57-я дивизия, повернувшая после форсирования реки на юг, с тяжелыми боями продвигается вперед.

К рассвету она захватит Клоду, и левый фланг плацдарма будет опираться на берег Радомки.

Из оперативной сводки штаба группы армий «Центр» за 3 августа 1944 года, составленной 4.8.44 г. в 1.45:

«На участке Вислы, командование которым принял сегодня командир 8-го корпуса, снова удалось помешать противнику переправиться севернее Пулав. Однако противник смог улучшить свои позиции в окрестностях Магнушева, где он увеличил свои силы до трех дивизий, а также осуществить к вечеру два глубоких прорыва: один — к Гловачеву и второй — дальше на север, до рубежа в километре восточнее Грабува на Пилице. Предпринимаются попытки ликвидировать эти прорывы силами прибывающего сейчас учебного батальона самоходных орудий, а также остатками других подразделений и частей, собранных, где это возможно. Необходимо дальнейшее сосредоточение сил ввиду угрозы оперативного прорыва. Для этого быстрым темпом начата переброска 19-й танковой дивизии из района восточнее Варшавы. В данный момент трудно сказать, можно ли будет после окончания боев под Воломином подтянуть вслед за ней еще одно танковое соединение, но это вполне реально и к этому ведется подготовка.

...Несмотря на ввод в бой двух батальонов, до сих пор не удалось открыть

коридор с запада на восток через Варшаву».

Сводка краткая, ясная, но, поскольку она подверглась исправлению на высоком уровне в группе армий, в ней слишком мало подробностей, и, что особенно важно, она обладает главным недостатком фотографии — в ней нет движения.

Чтобы понять обстановку на запильченском плацдарме в ночь на 4 августа, следует окинуть взором более широкий участок фронта. Правый фланг немецкой 9-й армии и одновременно всей группы армий «Центр» составляет 17-я пехотная дивизия, задача которой держать оборону по берегу Вислы от устья Радомки до Пулав. С 31 июля ее резервы постепенно переместились на юг и были брошены в контратаки на плацдармы 1-й армии Войска Польского, созданные между Демблином и Пулавами. Вот причина, из-за которой только 95-й полк поспешил на помощь частям, ведущим бой у Запильче против наступающих войск 8-й гвардейской армии.

Дивизии удалось отбить атаки польских частей. Командующий 1-й армией решил именно в эту ночь, на 4 августа, отвести свои части на восточный берег. Таким образом, учебный батальон самоходных орудий, оборонявший Зволене, может теперь двинуться в сторону Гловачува, куда уже подошел разведывательный отряд советских танков.

Но самым важным событием на правом фланге была реорганизация командования. 3 августа в 15.00 командование принял командующий 8-м армейским корпусом пятидесятитрехлетний генерал артиллерии Вальтер Гартман. Это был старый вояка. Офицером он стал во время первой мировой войны, в сентябре 1939 года в чине полковника командовал 24-м артиллерийским полком. В начале войны с Советским Союзом командовал артиллерией армии. Не прошло и четырех недель, как он потерял руку и ногу. Вскоре он получил генеральское звание. Привилегиями инвалида пользовался неполный год, потом вернулся на фронт, чтобы командовать дивизией, а с начала 1944 года — корпусом. За верность гитлеровскому рейху получил Рыцарский крест с мечами и дубовым венком.

Возглавляя фронт на Висле, Гартман со своим штабом имеет в своем распоряжении 17-ю пехотную дивизию, 1132-ю гренадерскую бригаду и 23-й артиллерийский зенитный полк СС. Завтра прибудет еще 45-я гренадерская дивизия, послезавтра — нижнесаксонская танковая дивизия (ее 2-й батальон 73-го гренадерского полка уже прибыл на место), а еще через два дня — танковая дивизия «Герман Геринг».

Значение плацдарма под Магнушевом правильно, хотя и несколько поздно, оценил генерал Форман. Командующий 9-й армией решил ликвидировать плацдарм: ни одна дивизия из тех, что он может вывести из боя в резерв, не будет использована против повстанцев Варшавы. Вопрос в том, сумеет ли он быстро и скрытно сосредоточить силы в одном месте и в одно время и нанести удар всей мощью, прежде чем советские части окопаются и перейдут к обороне.

Генерал Чуйков стремится захватить возможно больший плацдарм, такой, однако, чтобы можно было удержать силами, имеющимися в его распоряжении. По данным разведки, по возрастающему сопротивлению врага он должен определить, когда будет нанесен удар резервами, и, опередив противника, прежде чем начнется атака, отдать приказ о переходе к обороне. Приказ достаточно своевременный, чтобы полки смогли, зарывшись в землю, создать узлы обороны.

Боевой приказ № 0020.

«Лес 1,5 км восточнее Самогощи.

Карта 1:50000.

Штаб 4-го гвардейского корпуса.

11.00 5.8.44 г.

Во исполнение шифровки штаба 8-й гвардейской армии приказываю:

Войскам корпуса закрепиться на захваченных рубежах и быть готовыми к отражению контратак пехоты и танков противника в направлении с юга.

1. Командиру 35-й гвардейской дивизии, используя имеющиеся средства поддержки, закрепиться на захваченном рубеже дорога северо-западнее Мариамполя, Мариамполь, северные и северо-восточные скаты высоты 143,3, Михалув, просека 800 м южнее высоты 121,6 и дальше вдоль западного берега Радомки до Ходкува...

2. Командиру 57-й гвардейской дивизии, используя имеющиеся средства поддержки, закрепиться на северном берегу Радомки...

3. Командирам 35-й и 57-й гвардейских дивизий каждому в своей полосе обороны на рубеже Целинув, Нова и Стара Дембоволя, фольварк Божувка, Пшидвожице силами вторых эшелонов и подразделений истребительно-противотанковой артиллерии создать вторую линию обороны.

4. Командиру 47-й гвардейской дивизии одним полком продолжать оборонять восточный берег Вислы на рубеже Мацейовице, Стенжице...

5. Командующему артиллерией корпуса силами дивизионной, корпусной и приданной артиллерии организовать артиллерийское прикрытие занимаемых рубежей...

6. 1087-й самоходно-артиллерийский полк — мой подвижный резерв — должен быть готов к действиям в полосе обороны 35-й и 57-й дивизий, чтобы отразить возможные контратаки пехоты и танков противника. Одновременно полк должен быть готов к действиям в направлении Грабув на Пилице...

Командир 4-го гвардейского корпуса гвардии генерал-лейтенант Глазунов,
Начальник штаба 4-го гвардейского корпуса гвардии полковник Дудник».

Из шифрованного донесения начальника оперативного отдела штаба 9-й армии, переданного по телефону в 20.00 5 августа 1944 года в штаб группы армий «Центр»:

«...Движение войск:

а) Главные силы 19-й танковой дивизии готовы к бою.

Подтягивается боевая группа «Косман» в составе штаба 74-го гренадерского полка и 2-го батальона того же полка и подразделений 27-го танкового полка (отдельные машины), 1-я рота 19-го саперного батальона, 2-й дивизион 19-го артиллерийского полка. Отряды, вероятно, прибыли в Груец в 19.00.

б) Из состава танковой дивизии «Герман Геринг» на поле боя в 8-м корпусе находится группа «Неккер», состоящая из роты гренадеров, зенитной батареи и двух артиллерийских батарей. Главные силы дивизии будут направлены в 8-й корпус в ночь на 6 августа. Из Италии срочно перебрасывается 2-й батальон 2-го гренадерского полка (без 1-й роты), а также 2-й дивизион самоходной

артиллерии».

Из оперативной сводки штаба группы армий «Центр» за 5 августа 1944 года, составленной 6.8.44 г. в 2.00:

«Противник, непрерывно наращивающий силы на левом фланге группы армий «Северная Украина», а также на западном берегу Вислы, вместе с пятью дивизиями на плацдарме под Магнушевом представляет серьезную угрозу для южного крыла группы армий «Центр».

В полосе 9-й армии противник, видимо, сосредоточивший большую часть сил 8-й гвардейской армии на плацдарме, вел себя явно пассивно.

19-я танковая дивизия, эффективно поддержанная авиацией, в 15.00 перешла в наступление в районе южнее Варки и восточнее шоссе Варка — Гловачув. Преодолевая упорное сопротивление противника, дивизия значительно продвинулась вперед в южном направлении, захватив к вечеру район западнее поселка Нова Воля. На этом участке наши части ведут тяжелые оборонительные бои с противником, который в районе Новы Грабув контратакует с флангов...

...Последние части 19-й танковой дивизии прибыли в район северо-восточнее Груеца.

Танковый разведывательный батальон дивизии «Герман Геринг», усиленный батареей легкой артиллерии и взводом противотанковой артиллерии, — на марше в район Груеца.

...Тепло, солнечно. Температура воздуха — около 24° С. Дороги высохли».

Суббота 5 августа завершает первую фазу сражения у среднего течения Вислы, которое началось 25 июля выходом 2-й гвардейской танковой армии к предместьям Пулав и Демблина.

Немцы в это время еще оборонялись в Бресте на Западном Буге и Перемышле на Сане. В своих планах они рассчитывали удержать большой плацдарм восточнее Праги, прикрывающий варшавско-модлинский узел коммуникаций, а также нанести со стороны Седльце и Калушина сильный танковый удар на юг, по советским тылам, в направлении на Лукув и Любартув.

Их опередил молниеносный наступательный маневр 2-й гвардейской танковой армии, которая нанесла удар параллельно Висле, вдоль Люблинского шоссе. 27 июля передовые отряды армии захватили Гарволин и Сточек, утром 30 июля достигли Окунева, а вечером клин шириной в 10 километров был вбит через Воломин до самого Радзымина.

Гитлеровцы отказались от прежних планов и, стянув все резервы 9-й и 2-й армий на подступы к Праге, бросили в бой около 500 танков и самоходных орудий.

Тогда, не беспокоясь больше о фланге, на котором противник значительно ослабил свои позиции, командующий 1-й Белорусским фронтом направил три армии за Вислу. Две из них захватили плацдармы: 69-я армия — под Яновецом; 8-я гвардейская армия — под Магнушевом. В это время, перебросив свои танковые дивизии под Прагу, немецкая 2-я армия оставляет Брест, Бельск-Подляски и Семятыче, отступает на рубеж Сураж, Дрогпчин, Лосице, и, наконец, 1 августа ее выбивают из Седльце.

Вечером 1 августа в Варшаве вспыхивает восстание. Немцы реагируют на это нервно: ведь со времени «покушения на фюрера прошло всего 12 дней, и Гитлер не может себе позволить потерять столицу Польши. Немцы предпринимают отчаянные попытки, чтобы отбросить передовые отряды 2-й танковой армии от непосредственных подступов к Праге.

Пять дней продолжаются непрерывные атаки пяти танковых дивизий, несмотря на то что с утра 1 августа центр тяжести боевых действий в основном переместился на плацдармы, представляющие «...серьезную угрозу для южного фланга группы армий «Центр».

Прелюдия (6 августа)

Чуйков пил чай в сумерках, после захода солнца. Генерал привык к этому. Часы менялись в зависимости от времени года. К вечеру обычно заканчивались дневные бои, а ночные еще не начинались. И в эти короткие минуты передышки, которых хватало лишь на то, чтобы выпить горячего, крепкого чая, Чуйков позволял себе отвлечься немного от строгого распорядка и помечтать. Но мысли постоянно возвращались к событиям дня.

Полчаса назад генерал получил известие из штаба фронта о том, что в направлении плацдарма будет переброшена 1-я Польская армия. Чуйков был уже с ней знаком. Накануне наступления под Ковелем она была во втором эшелоне фронта. Генерал знал, что в ее состав входят три пехотные дивизии, танковая бригада и много артиллерийских частей. Солдаты молодые, но храбрые. Полки полностью укомплектованы и еще не поределели в боях.

8-я гвардейская армия ведет бои почти три недели со времени прорыва фронта. Многие ее полки уже шесть дней находятся под непрерывным огнем, не имея ни минуты отдыха. Это изматывает даже закаленных солдат, действует на их моральное состояние. Хотя бы день отдохнуть в тылу, куда не достанет пулеметная очередь, где нет ежеминутной угрозы внезапного удара. Это так же необходимо, как хлеб и вода.

Отдыхом еще и не пахнет, а наращивание сил на плацдарме позволит создать более мощные резервы, даст возможность хотя бы некоторым частям обрести свою прежнюю боевую форму. Поляки сменяют 29-й корпус, займут спокойный фронт вдоль Пилицы. Под прикрытием реки они постепенно привыкнут к огню, и это им пригодится в будущем. Польская артиллерия, участвуя в прорыве фронта под Ковелем, уже получила там боевое крещение. И надо признать, что с первого же дня она действовала хорошо, спокойно ведя прицельный огонь.

Стакан был пуст. Со стороны переправ вновь послышались взрывы рвущихся бомб и тяжелых снарядов: артиллерия обстреливала район мостов беспокоящим огнем. Чуйков подумал, что вскоре надо будет перенести командный пункт на западный берег. Наступают трудные дни, а опыт учит, что присутствие штаба на плацдарме подбадривает солдат и убедительнее всего доказывает, что командующий не намерен отдавать завоеванную территорию.

Генерал застегнул китель и по крутым ступенькам по узкому проходу спустился в штабную землянку. Там уже горел свет. За столом сидел генерал Вайнруб и просматривал разведывательные донесения, приглаживая рукой свои черные, блестящие волосы. Увидев командующего армией, он встал.

— Откуда вернулись?

— Был на позициях под Грабувом. Там много нового. Прибыла уже вся 19-я танковая дивизия: 73-й и 74-й гренадерские полки, 27-й танковый и 19-й артиллерийский полки. Это — та самая дивизия, которая осенью 1941 года наступала на Москву от Вязьмы до Можайска. Та самая, что в апреле этого года вела бои под Шепетовкой. Потом она была где-то на западе, пополнила личный состав, а с конца июля сдерживала наше наступление под Гродно и оборонялась на подступах к Праге.

— А что скажешь о 45-й дивизии?

— Немного. Мы с начальником разведки уже пробовали решить эту проблему, но пока ничего не получается. 45-я пехотная дивизия атаковала Брест в самом начале войны, вела

бои под Гомелем и Конотопом, под Ельцом. Затем с марта по июнь оборонялась под Бобруйском. Там ее разбили в пух и прах.

Чуйков слушал внимательно. Он требовал от своих офицеров, чтобы они знали не только силы противника, но и историю его войсковых частей. Это помогало понять многие странные на первый взгляд вещи, подобно тому как знание биографии человека помогает лучше понять его поступки.

— Одним словом, этой дивизии нет. — усмехнулся командующий армией.

— Выходит, нет. То есть есть, но...

— Как думаешь, Матвей, когда они начнут? — перебив Вайнруба, спросил Чуйков: кто же лучше, чем командующий танковыми войсками армии мог прочувствовать ситуацию и разгадать намерения танковых частей по ту сторону фронта.

— Возможно, уже завтра. Фронт на Пилице и Радомке спокойный, но остальные наши позиции подвергаются сильной бомбардировке. Я полагаю, они постараются прорвать фронт на юге. Атака с запада, даже в случае удачи, заведет танки в болота.

— Думаю, ты прав. О поляках уже знаешь?

— Знаю. Их 3-я пехотная дивизия начала марш в нашем направлении. В составе польской армии — 1-я танковая бригада: две с половиной тысячи человек, 71 танк Т-34, 15 легких Т-70, 21 самоходно-артиллерийская установка. Они хотя бы частично уравниют для нас соотношение сил в танках.

— Не знаю, удастся ли нам добиться хоть какого-нибудь равновесия, — задумчиво сказал Чуйков. — Не думаю, что немцы закончили переброску частей. И хотя они ведут бои с повстанцами в Варшаве, я полагаю, что, несмотря на это, мы будем встречать еще новых гостей... Наша разведка располагает данными, чтобы раскрыть шифр «Неккер»?

Со вчерашнего дня в Скерневице бок о бок работают два немецких штаба. В субботу из Кракова прибыл генерал Эрих фон дем Бах, назначенный «командующим на территории Варшавы». Его задача — задушить восстание поляков. Ему подчинены специально выделенные для этой цели войска.

Таким образом, положение явно ненормальное: в полосе действий 9-й армии, недалеко от линии фронта, возникло государство в государстве. Генерал Форман мог бы рассматривать это как выражение недоверия ему и даже как оскорбление. Однако он так не считает. Во-первых, фон дем Бах подчинен непосредственно рейхсфюреру СС, а недовольство приказами Генриха Гиммлера — вещь небезопасная. Во-вторых, и это, видимо, главное, генерал Форман в сущности даже доволен, поскольку с него сняли очень важную заботу. Кроме того, для разгрома восстания нужна дивизия с тяжелым вооружением — фронтовая дивизия, объединенная под одним командованием, а не отдельные части, какие имеет в своем распоряжении фон дем Бах. У Формана же есть такая дивизия. Два ее танковых взвода, восемь или девять боевых машин, сражались вчера и сегодня утром на Воле. Две машины сгорели, но больше этому не бывать. Пусть Бах горюет, пусть Гиммлер дает ему подкрепления. Дивизия же «Герман Геринг» нужна в другом месте...

За шесть дней после 1 августа карта в штабе генерала Формана изменилась до неузнаваемости. Теперь в центре внимания штаба находится южный участок фронта. Плацдарм, захваченный русскими между Пилицей и Радомкой, угрожает оперативным прорывом: дороги от него ведут на Радом, Лодзь и, что самое главное, открывают возможность глубокого обхода Варшавы с юга.

Против плацдарма сосредоточены уже значительные силы: 95-й пехотный полк 17-й дивизии прикрывает пассивный участок фронта вдоль Радомки, а 1132-я гренадерская бригада держит оборону на Пилице, 19-я танковая дивизия сконцентрировала свои силы на западном участке плацдарма, а свежая 45-я гренадерская дивизия — на южном. Эти две части уже завтра, в понедельник 7 августа, начнут атаку.

Нижнесаксонские танки отбросят русских от шоссе Варка — Гловачув на заросшие ольхой болота. 45-я дивизия должна прорвать фронт на своем правом фланге и продвинуться на шесть километров в юго-восточном направлении вдоль Радомки. Дивизия должна оседлать шоссе, идущее из Рычивула к Магнушеву. Это шоссе как натянутая тетива на изгибе Вислы. Дивизия имеет все, чтобы осуществить этот прорыв. В ее состав входят 130, 133 и 135-й гренадерские полки (по два батальона каждый), 98-й артиллерийский полк, состоящий из четырех дивизионов, разведывательный батальон, а также батальоны противотанковый, саперный и связи, дивизионная рота самоходных орудий. И все это не просто названия: дивизия, сформированная в начале июля, вобрала в себя запасные батальоны венского и зальцбургского округов, около 5000 человек из авиации и 1000 опытных фронтовиков, которым удалось вырваться из котла под Бобруйском. Созданная вместо разбитой 45-й пехотной дивизии, она получила модное с некоторых пор название «дивизия фольксгренадеров» — народных гренадеров. Такие дивизии подчинялись рейхсфюреру СС Гиммлеру, в них не было капелланов, и они никогда не должны были отступать...

Что касается последнего, то генерал Форман имел на этот счет свое собственное мнение. Впрочем, требовалось только одно, о чем он недвусмысленно сказал командиру дивизии полковнику Даниэлю: ценою любых жертв дивизия должна осуществить прорыв, а затем эстафету от нее примет кто-то другой, более сильный и достойный.

Этот «кто-то другой» уже давно находится в пути. Еще 4 августа из прибывающих с итальянского фронта отрядов дивизии «Герман Геринг», выгружающихся в Прушкуве, сформирована группа «Неккер». Генерал Форман направил ее в Груец. 2-м гренадерским полком дивизии «Герман Геринг» командует полковник Ганс Хорст фон Неккер. Но «неккер» означает также и плут, то есть тот, кто подшучивает, дразнит. Неккер со своими частями, как лиса-плутовка, притаился на полдороге, старательно маскируясь. К нему движутся спешно выгруженные в Жирардуве, Гродзиске, Прушкуве последние транспорты с итальянского фронта. В обход Варшавы, переправляясь южнее города, скрытно подходят те части дивизии, которые занимали позиции восточнее Праги. Дивизия «Герман Геринг» с наступлением темноты двинулась на юг.

Этот маневр должен ускользнуть от внимания противника. Дивизия, сосредоточив все свои силы в одном месте, должна захватить врага врасплох. Как острый топор, ударит она в брешь, сделанную 45-й дивизией, и, отрезав плацдарм от реки, ее полки гренадеров и танки пройдут по шоссе на север. Это предрешит судьбу плацдарма и вынудит большевиков уйти с пространства в 200 квадратных километров на западном берегу. Вопрос о сохранении линии фронта на Средней Висле будет решен однозначно в пользу немцев.

В комнату командующего армией вошел Штедтке с папкой приказов в руках.

— Согласно донесению генерала Гартмана натиск противника под Пулавами ослаб. Не исключено, что Рокоссовский хочет снять поляков и перебросить их на плацдарм ближе к Варшаве.

— Они придут, когда все будет кончено, — резко бросил Форман. — В течение трех-

четырёх дней плацдарм будет ликвидирован.

7 августа не принесло войскам 9-й армии больших успехов. Несмотря на семь ожесточенных атак 19-й танковой дивизии, западный участок плацдарма остался без изменений, а прорывы на участке 45-й гренадерской дивизии были незначительными. Вечером на участке в несколько километров между Михалувом и Радомкой батальоны 45-й дивизии продвинулись вперед лишь на 500—600 метров и заняли высоту 121,6. Ночной бой западнее Михалувека дал еще меньший территориальный выигрыш.

Однако более существенным для реализации своих планов генерал Форман считал тот факт, что с наступлением сумерек в направлении южного фронта плацдарма двинулась часть, которой предстояло сыграть главную роль в начавшейся битве.

До передвигающихся частей дивизии «Герман Геринг» не достает огонь с плацдарма, не долетает дым пожарищ, лишь едва слышится грохот орудий. Небо над ними чистое. Истребители 6-го воздушного флота генерал-полковника Риттера фон Грейма немного восточнее патрулируют небо, имея задачу отгонять советские самолеты-разведчики.

Вдоль шоссе расположился зенитный артиллерийский полк дивизии «Герман Геринг», направив в небо 191 орудийный ствол. В трех дивизионах, состоящих из 17 батарей, он имеет 36 88-мм орудий, 44 самоходных 37-мм орудия, 27 20-мм орудий и 84 счетверенных орудия того же калибра.

Группа «Неккер» уже сделала свое дело — разведала маршрут передвижения и подъездные пути на предполье будущей битвы. Теперь во главе колонны движется разведывательный батальон дивизии «Герман Геринг». Но мы не рассматриваем его как обычное обеспечение. Это — сильное подразделение, способное самостоятельно выполнять сложные боевые задачи. В составе этого батальона пять рот. Две из них действуют на бронетранспортерах и имеют по 18 машин каждая. В третьей — 18 разведывательных танков «люхс» («люхс» по-немецки означает «рысь» и может быть переведено как хитрец). В распоряжении пехотинцев разведывательного батальона 177 ручных и 8 станковых пулеметов, 12 75-мм орудий, 47 орудий меньшего калибра и 4 миномета.

Разведбатальон обходит плацдарм с запада и на высоте Гловачува делится на две части. Первая дугой поворачивает на восток, чтобы прикрыть пути подхода главных сил дивизии: танкового полка, двух гренадерских полков и артиллерийского полка. Эти полки должны занять исходные позиции в районе Монёх, Гловачува и Рогужека.

Вторая часть батальона продвигается на юг от деревень Горынь и Воля-Горыньска. Именно там, Десятью километрами южнее, вне пределов досягаемости огня советской дальнобойной артиллерии и расположится штаб дивизии генерала Вильгельма Шмальца. Эти деревни входят в район, отведенный под полигоны и учебные лагеря. Гитлеровские власти давно выселили отсюда жителей. В районе этих деревень войска найдут готовые укрытия, склады боеприпасов и топливо.

Дивизия привыкла воевать с удобствами, привыкла к своему исключительному положению: ведь она — одна из двух самых сильных танковых соединений немецкой армии. Начало было скромное: моторизованный зенитный артиллерийский полк — «полк генерала Геринга», принадлежавший военно-воздушным силам, накануне нападения на Польшу, в конце 1938 года, был усилен парашютно-десантным батальоном. В русской кампании 1941 года эта часть под командованием полковника Конрата воевала уже как танковая бригада. В 1943 году ее переформировали в дивизию.

Заботится о ней лично маршал гитлеровской авиации, пополняя ее отборными кадрами и обеспечивая наилучшим снаряжением. Да и как ему этого не делать, если его имя носит не только дивизия в целом, но и все ее полки, разведывательный, саперный, связи, санитарный батальоны, дивизионная «Кампфшюле» (или батальон парашютистов-десантников), транспортная колонна, полевая жандармерия. Ба! Ведь и пекарня тоже! И даже скотобойня дивизии называется ротой мясников «Герман Геринг»! Это имя повторяется двадцать два раза...

22 марта 1943 года генерал Гейнц Гудериан, главный инспектор танковых войск рейха, специально ездил в Голландию, где находилось на отдыхе это соединение, чтобы переговорить с его командованием на тему о том, как... избавиться от излишней полноты. Ведь дивизия насчитывала тогда не больше не меньше, как 34 тысячи солдат!

В первой половине 1944 года дивизия воевала в Италии. Именно тогда генерала Конрата назначили инспектором парашютных войск, а его место занял полковник Вильгельм Шмальц, вскоре получивший чин генерала.

Если говорить откровенно, нельзя, впрочем, сказать, что дивизия в Италии воевала. С 22 января она входила в группу армий «Ц», которой командовал маршал Кессельринг. Как самое сильное, самое лучшее соединение, дивизия постоянно была в резерве, готовая нанести удар на самом важном направлении.

Только 24 мая дивизия вступила в бой, сдерживая до 2 июня американские войска генерала Кларка под Вальмонте, а затем была отведена в тыл.

28 июня о ней упоминается в донесении 0745 командования танкового корпуса «Великая Германия»: сильным огнем дивизия остановила наступление западных союзников, развертывавшееся на западном берегу Тразименского озера.

Одним словом, под голубым небом Италии дивизии «Герман Геринг» не удалось добыть себе славу, принять участие в настоящем сражении. Такая возможность дивизии будет предоставлена только на Висле.

Штаб дивизии «Герман Геринг» уже расположился в Воле-Горыньской и готовит приказы. Вдоль полевых дорог и тропинок, то увязая в песке, то шурша сапожищами по стерне, телефонисты тянут провода. Радиостанции молчат: в эфир не должно попасть ни одного слова, пока не загремят орудия дивизии, пока не заревут моторы ее танков.

Приближается рассвет. Солдаты развешивают маскировочные сети, заматают следы. Прежде чем упадут на землю первые лучи, прежде чем в небе появятся советские самолеты, прибывшие на фронт немецкие части застынут в неподвижности. Действовать пока будут их предшественники, те, кому предстоит отвоевать позиции, удобные для начала наступления, для нанесения решающего удара.

Ночью командир 45-й дивизии полковник Рихард Даниэль ввел полк второго эшелона в лес Рогозин. Еще затемно, в предутренних сумерках, новая атака немцев обрушилась на высоту 121,6.

Поредевший 3-й батальон 174-го полка дрогнул и начал медленно отступать. На высоте, формой напоминающей перевернутую букву «Г», пошли в ход штыки и гранаты. Немецкие солдаты ворвались на гребень высоты, заняли ее северный скат, покрытый редким лесом, и, только когда они прошли две трети пути до Ходкува, их остановил огонь автоматов и пулеметов. Немцы не захватили деревню, но фронт отодвинулся в глубину на один километр. Около двух часов дня наступавшие выдохлись. Этой минуты ждали два советских батальона

170-го полка, которые подошли из резерва. Они вторглись на северо-западный скат высоты 121,6 и отбили 400 метров территории.

Ожесточенные бои шли не только под Михалувом. Западный и южный фронты плацдарма тоже были в огне, а ровно в полдень на спокойном до сих пор участке фронта у Радомки немцы силами одной роты, поддержанной артиллерийским огнем, попытались форсировать речку на стыке 174-го и 172-го полков.

Советские части удерживали позиции, но потери в живой силе быстро росли. За последние сутки, к концу дня 8 августа, 35-я дивизия, которая при форсировании Вислы потеряла 1174 убитыми и ранеными, теперь не досчиталась еще 90 человек и самоходно-артиллерийской установки, а 57-я дивизия — около 400 солдат, 3 орудий и 6 станковых пулеметов. При некомплекте личного состава это были значительные потери, тем более если учесть, что 102-й полк, один из самых укомплектованных, защищавший выдвинутые позиции в Михалуве и Михалувеке, насчитывал 120 офицеров, меньше чем 200 старшин и сержантов и 750 солдат, то есть 40 процентов личного состава.

Для командира 4-го корпуса генерал-лейтенанта Василия Глазунова попытка противника форсировать Радомку между Ходкувом и Рычивулом подтверждала его предположения о направлении главного удара немцев. Сведения об этом тотчас же передали в штаб 8-й гвардейской армии, одновременно сообщая о сосредоточении крупных сил и появлении новых частей противника в непосредственной близости от правого фланга корпуса.

Генерал Глазунов принял решение в ближайшую ночь переправить на плацдарм 137-й полк под командованием подполковника Власенко из 47-й гвардейской стрелковой дивизии, которая до сих пор стояла за Вислой, прикрывая ее восточный берег южнее устья Радомки. Этот полк займет вторую позицию обороны, поскольку положение становится все тревожнее и надо быть готовыми к любой неожиданности.

Утром 8 августа на лесистый восточный берег Вислы, южнее небольшой речушки с птичьим названием Вильга^[1], прибыли 2-я и 3-я пехотные дивизии 1-й армии Войска Польского. Это были части, укомплектованные по штатам советской гвардии. Каждая часть насчитывала по 9 тысяч солдат. Подтягивались и занимали огневые позиции и польские артиллерийские бригады. Только зенитная артиллерийская дивизия и 1-я пехотная дивизия оставались еще в прежних районах, в нескольких десятках километров южнее.

В густом сосняке под Казьмерувом, в 5—7 километрах восточнее Тарнува, расположилась 1-я танковая бригада имени Героев Вестерплатте. В ее боевом донесении 041, составленном 8 августа в 15.00, читаем:

«...Части привели в порядок технику и вооружение.., провели разведку дорог и запасных позиций. Саперные взводы начали приводить в порядок дороги, ведущие к переправе... Исправных: танков Т-34 — 71; танков Т-70 — 14, один — в ремонте; самоходно-артиллерийских установок — 21; броневых автомобилей — 6, один — в ремонте...

Командир 1-й танковой бригады генерал бригады Ян Межицан».

Цифры — наиболее лаконичный язык фактов. В двух печатных строчках они могут рассказать о многом. Нужно только уметь их читать.

Польская танковая бригада получила технику в прошлом году и приступила к ее освоению. На этих машинах 1-й танковый полк сражался под Ленино.

С середины июля часть постоянно находится на марше. Из района Киверц она прошла на гусеницах до Ко- веля, а оттуда — за Западный Буг. Одной из первых часть вошла в Хелм и Люблин. Поднятая по сигналу тревоги в предпоследнюю июльскую ночь, она трехчасовым прыжком достигла Вислы в районе Пулав и через два дня, опять ночью, совершила 70-километровый бросок на север, в район магнушевского плацдарма.

Не только танкист, но и каждый, кто сидел за рулен какой-нибудь машины, понимает, что это значит, если после таких переходов только один разведывательный танк Т-70 и один броневи́к вышли из строя. В упомянутом выше донесении говорилось, что «части привели в порядок технику и вооружение...».

Будем учиться читать донесения.

В лес под Казьмерув, в район расположения, часть прибыла после полуночи. Танкоремонтную мастерскую тотчас же окружил добрый десяток «клиентов».

Командир ремонтного взвода хорунжий Станислав Фридрих замахал на них руками. Всю ночь и весь день накануне марша он приводил в порядок машины, ездил к разбитым советским танкам и снимал с них все, что можно, чтобы пополнить склад запасных частей. У него гудела голова, под веками он чувствовал песок, а во рту — неприятный вкус махорки, потому что курил беспрерывно.

— Нет ли чего-нибудь попить?

— Хочешь кофе?

Осушив до дна поданную ему походную литровую фляжку, он распределил своих механиков по машинам, а сам взялся за самую трудную работу. Позвав механика- водителя, вместе с ним влез в танк. Из четырех шпилек, которые крепят распределитель воздуха, три сорвались, а одна торчала в картере двигателя. В подобных случаях инструкция по ремонту танков предписывает снять броню и демонтировать двигатель. Но на все это потребуется масса времени, и Фридрих отдавал себе отчет, что в этом случае танк в течение нескольких дней не сможет участвовать в боях.

Он знал, что значит для боя даже один танк, и потому решил, не снимая брони и не демонтируя двигателя, высверлить сломанные шпильки. Основная трудность заключалась в том, что располагались они под самой башней и не было такого инструмента, которым он мог бы забраться туда. Тогда он пошел в мастерскую и объяснил, чего хочет. Старший сержант Урбанский, токарь-лекальщик, переделал ему дрель, а потом принялся за изготовление более коротких, всего лишь в тридцать миллиметров, сверл.

Фридрих, сидя в углу на лавке, сначала следил за его работой, а потом, прислонившись к стене, задремал.

Приснилось ему, что жив его отец, а сам он — мальчишка, идет из Ленжан пять километров до школы в Кросно. Пока шагает по сельским дорогам, сапоги несет в руках и надевает их лишь у моста, ополоснув ноги в канаве. Потом перед уроками бежит еще в магазин, чтобы обменять четыре яйца на десятигрошовую тетрадь. Школа была дорогая, и, хотя платить приходилось только половину, все равно в доме не хватало денег.

Потом приснилось ему, что кто-то, наверное по злобе, поджег ночью дом и ригу. Отец обгорел и умер в больнице. Мать с тремя дочерьми осталась в подвале у пепелища, а он пошел в Борислав и нанялся рабочим на фирму «Галиция». И вот пепелище, хотя и погасшее,

начинает снова гореть, разгораясь все ярче.

Хорунжий очнулся. Погасив свет в машине, Урбанский открыл дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха, и протянул ему готовые сверла. Над лесом с западной стороны алел отсвет пожара, а небо над горизонтом было темно-красным. Видно, где-то недалеко бомбы подожгли деревню.

Фридрих вернулся к танку и принялся за работу. Сталь сломанных шпилек была твердой, поминутно надо было точить сверла. Одно отверстие он испортил, теперь его надо было перекалибровать на восемь миллиметров, сделать резьбу заново. Фридрих послал водителя танка к Урбанскому, чтобы тот выточил новую, более толстую шпильку.

Закончив свою работу, пришел помогать сержант. Хорунжий велел ему взять переносную лампу. С нее сняли защитную сетку, иначе она не помещалась в этой тесноте. Смертельно уставший сержант, подсвечивая лампой, поминутно засыпал и, теряя равновесие, разбивал лампочки о броню. До рассвета он умудрился разбить тринадцать лампочек, но, к счастью, в них недостатка не было.

Когда закончили работу и вышли из машины, небо на востоке уже побледнело и воздух между деревьями стал прозрачным. Сержант сразу же забрался в окоп к танкистам и заснул, едва успев прилечь. Фридрих, опершись о гусеницу, постоял еще минуту, покрасневшими от напряжения глазами посмотрел на розовеющее небо, с трудом вспоминая и про себя подсчитывая на пальцах, все ли машины исправлены, или, как говорится, все ли «на ходу».

Из-за сосен показалась капрал Лидка Мокшицкая, телефонистка из штаба. Очевидно, кончились двадцать четыре часа ее дежурства и она, зная, что бригада вскоре пойдет в бой, захотела повидаться с хорунжим Михалом Гаем.

Ни для кого не было секретом, что они любят друг друга. Это началось давно, с того самого дня, когда девушка в старом пальтишке цвета весенней травы, украшенном белым воротником, пришла в бригаду...

Фридрих улыбнулся ей.

— Кажется, третий танк с той стороны, — показал он рукой.

Девушка покраснела.

— Откуда ты знаешь, к кому я иду?

— Не ко мне ведь.

— Как раз и к тебе тоже. Вчера в сводке последних известий было сообщено, что Борислав освобожден.

У Фридриха даже не было сил обрадоваться. Он хотел только одного — спать. Он знал, что скоро его разбудят, что впереди у него еще много бессонных ночей. Ведь не зря перебрасывают сюда всю польскую армию. Видно, в главном штабе уже принято определенное решение.

Немцы не любят воевать ночью, а тем более в лесу. Гвардейцы знали об этом из опыта многих боев. Но на этот раз все было иначе. За полчаса до захода солнца артиллерия и минометы врага произвели короткий, стремительный налет. Под прикрытием огня ударная группа немцев перешла вброд Радомку, и не успела еще осесть пыль, поднятая последними снарядами, как группа нанесла яростный удар по высоте 107,3. Немцы немного потеснили левый фланг 174-го полка и правый фланг 2-го батальона капитана Дроечкова из 172-го полка.

Дроечков, контратаковав, заставил немцев вдавиться в мох под деревьями, но, теряя

людей под яростным огнем автоматов, не смог отбросить врага к реке. Через полчаса после начала немецкой атаки вокруг немного поутихло, но вдруг с юго-запада донесся рев шестиствольных минометов и сотен орудий. Там, за Ходкувом, разгорался новый бой.

Имея за плечами развернувшуюся на второй позиции танковую дивизию, командир 45-й пехотной дивизии начал после полудня перебрасывать все, что мог, с левого фланга на правый.

В 19.20 правый сосед, 95-й пехотный полк, подал условный сигнал, сообщая, что ему удалось форсировать Радомку. Спустя десять минут немецкая пехота в густеющем сумраке двинулась в атаку.

В конце дня немцы выбили из окопов поредевший, измотанный боями 172-й полк и два батальона 100-го полка майора Воинкова, насчитывавшие в своих рядах не больше двухсот бойцов. Немцы все глубже продвигались в лес Рогозин.

После полуночи левофланговый батальон 102-го полка, окруженный с трех сторон в Михалуве, был вынужден оставить деревню, свернуть свой фланг и обороняться с востока. 135-й гренадерский полк захватил пепелища трех домов в Эвинуве. Прорвав фронт, 45-я дивизия, воспользовавшись брешью, которая образовалась между советскими дивизиями, устремилась на север, к перекрестку дорог у восточного края дороги Гробля.

Генерал Вальтер Гартман не хотел ждать, пока рассвет принесет данные о положении у Радомки. Он приказал Кельнеру перейти к обороне на западном участке плацдарма и, сформировав боевую группу из всех танков 19-й танковой дивизии и гренадерского полка, немедленно, ночью, занять позиции между Ясенецом и Эмилювом.

Полковник Рихард Даниэль, передав позиции на своем левом фланге боевой группе 19-й нижнесаксонской дивизии, получил приказ сосредоточить все свои силы в лесу Рогозин, чтобы утром, сориентировавшись в обстановке, ударить всеми силами и прорвать оборону большевиков до шоссе под Рычивулом.

Упорное сопротивление противника раззадорило командира 8-го корпуса. Хромой и однорукий генерал с нетерпением ждал рассвета. Он собрал в один мощный кулак около 300 танков и почти 30 тысяч солдат на шестикилометровом участке фронта. Не имея права выпустить из поля зрения остальные участки фронта от Вилянува до Пулав, с некоторой жалостью и завистью Гартман подчинил все силы, предназначенные для этой операции, генералу Шмальцу — командиру дивизии «Герман Геринг».

Прорыв (9 августа)

Новые варианты

Светать начало в 3.22. Небо, серое от пыли и дыма, медленно, как раскаленные угли, с которых ветер сдувает слой остывшего пепла, разгоралось на востоке. Свет боязливо заглядывал под маскировочные сети только что оборудованных позиций и в глубь песчаных окопов.

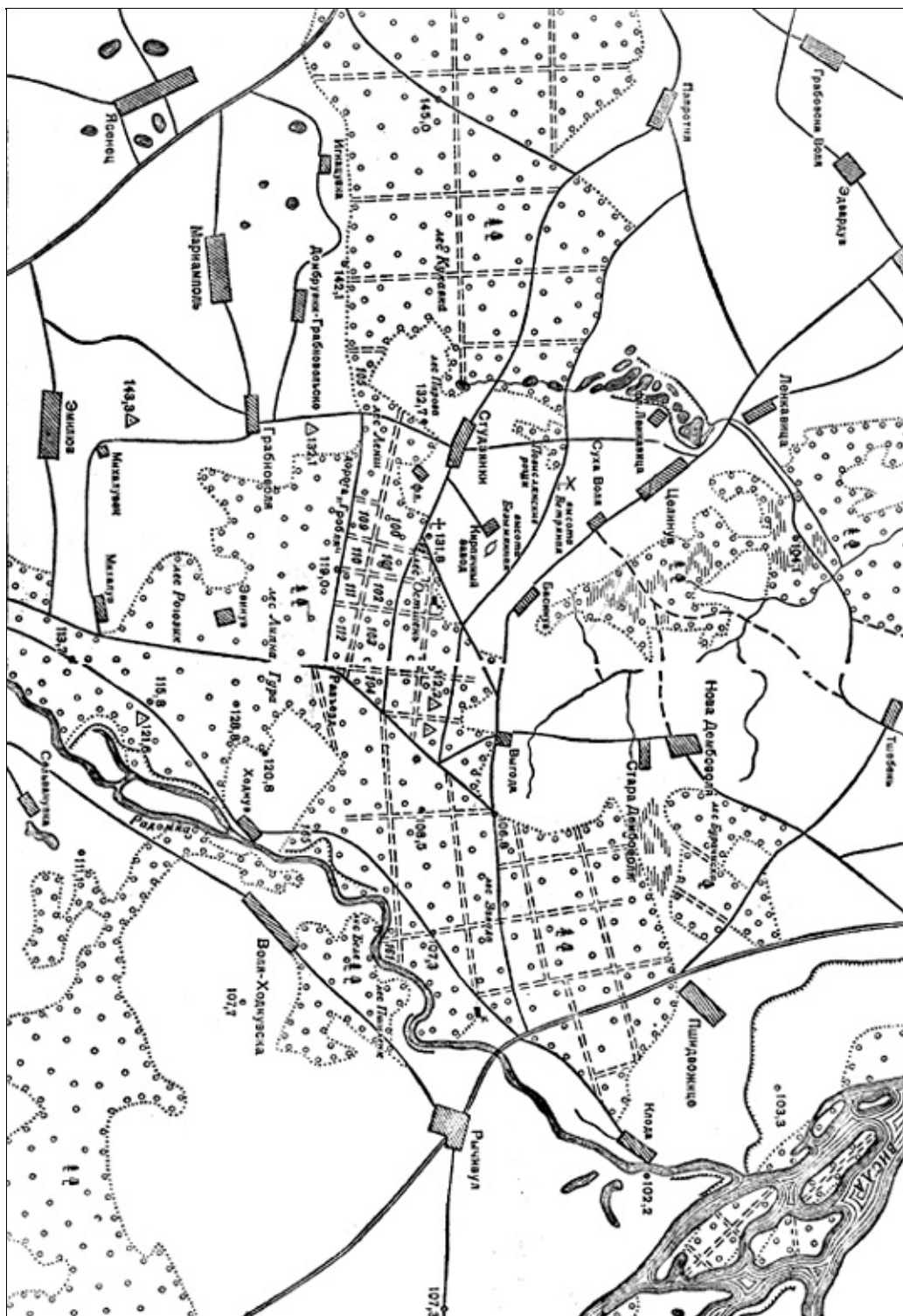
Ночью боевая группа 19-й нижнесаксонской танковой дивизии заняла позиции напротив Мариамполя и Грабноволи.

Ночью 133-й полк совершил переход и сосредоточился в лесу Рогозин.

Ночью же танковая дивизия «Герман Геринг» сделала еще один шаг к фронту. Теперь она расположилась сразу же за позициями 45-й гренадерской дивизии и могла одним прыжком достичь советских позиций.

13 батарей артиллерийского полка «Герман Геринг» направили 72 ствола в сторону противника. Из них 22 орудия — тяжелые 150-мм гаубицы с дальностью стрельбы 15 километров. 24 гаубицы имеют калибр 105 мм и дальность стрельбы 12,3 километра. 6 тяжелых и 12 легких гаубиц, так называемые «хуммель» и «веспе», то есть «шмель» и «оса», — одетые в броню орудия на гусеничном ходу, способные быстро передвигаться следом за атакующими танками и пехотой.

Перед артиллеристами развернули свои позиции два гренадерских полка танковой дивизии. Они также носят имя Германа Геринга. Каждый из полков насчитывает по 14 рот: 9 пехотных, 3 тяжелого оружия и по одной роте самоходных и противотанковых орудий. Об огневой силе обоих полков говорят 80 артиллерийских стволов, 60 минометов, 72 станковых пулемета, 156 противотанковых ружей и 573 ручных пулемета.

К этим отрядам кроме разведывательного батальона, который нам уже знаком, надо добавить саперный батальон со 105 ручными пулеметами и 6 минометами, а также дивизионную «КампфшULE», или батальон отборных солдат десантных войск, в распоряжении которого имеются 3 орудия, 12 минометов, 12 станковых и 67 ручных пулеметов. Этот отряд, насчитывающий 300 человек, специально подготовлен к выброске в тыл, для боев в лесах, ночью и в окружении. Гартман крупные силы сосредоточил на шестикилометровом участке фронта. Вместе с уже ведущей бои 45-й гренадерской дивизией на каждую тысячу метров приходится почти пять тысяч не измотанных боями солдат. На каждые сто метров — более 40 пулеметов, не считая вооружения танков.

К 223 орудиям (кроме зенитных, которые тоже могут быть использованы для поражения

наземных целей) и 82 минометам дивизии «Герман Геринг» следует добавить уже несколько поредевшую артиллерию 45-й гренадерской дивизии. В решающий момент наступающих поддержат также тяжелые орудия 19-й танковой дивизии, которая со своих позиций вдоль шоссе под Грабувом достаёт фланкирующим огнём до Радомки. От Радомки до Грабува пространство обстреливает артиллерия 95-го полка 17-й пехотной дивизии. Если теперь произведём подсчет, то получится более 100 стволов на один километр, или в два раза больше, чем было на участке танковой 4-й немецкой армии, когда она перешла в наступление западнее Белгорода в июле 1943 года, вступая в сражение на Курской дуге.

А ведь части, по которым должен быть нанесен удар, измотаны форсированием Вислы и в течение последних сорока восьми часов отражают упорные атаки немцев. К тому же со времени, когда советские дивизии вышли на этот рубеж, прошло всего пять дней, и они не создали ещё сильную оборону.

Рассвело. Солнце ещё за горизонтом, но свет его уже наполняет воздух, предметы обретают форму, становятся выпуклыми, отчетливыми. Теперь, несмотря на маскировку, можно с небольшого расстояния увидеть то, что является главной силой притаившейся дивизии «Герман Геринг», — танковый полк. Его 1-й батальон имеет в своем составе две роты «тигров» и две роты «пантер», в каждой — по 17 машин. 2-й батальон насчитывает четыре роты средних танков Т-IV, то есть 68 машин, и взвод, состоящий из семи танков, вооруженных огнемётами. 3-й батальон состоит из двух рот самоходных орудий, среди которых есть «фердинанды», и тяжелой моторизованной противотанковой роты из 12 орудий. Считая танки командования, прибавив боевые машины обоих гренадерских полков и разведывательного батальона, получим около 130 танков и 80 самоходных орудий, несмотря на потери в сражении на подступах к Праге.

А если ещё добавить силы танковой группы 19-й нижнесаксонской дивизии (их численность трудно установить, но, во всяком случае, свыше 100 машин), получим 52 танка и самоходных орудия на один километр фронта, или плотность, на 25 процентов большую, чем на участке уже упомянутой 4-й танковой армии в начале битвы под Курском.

К тому же танковый удар не распределяется равномерно на все шесть километров, а будет нанесен главными силами с правого фланга в брешь, проделанную 45-й дивизией, которая уже должна была захватить Ходкув, дойти до плацдарма у Радомки, захваченного вчера вечером 95-м пехотным полком. Оттуда до дороги из Рычивула на Магнушев и Мнишев остается всего лишь около километра.

В принципе танковую дивизию надо вводить в прорыв только тогда, когда пехота и артиллерия прорвут оборону противника на всю тактическую глубину. Более раннее выдвижение может привести к большим потерям от огня противотанковых орудий. Но в данном случае речь идет не о глубоком рейде в тыл: от Рычивула до Магнушева всего около двадцати километров, а захват Мнишева предрешит судьбу плацдарма.

Танковая дивизия «Герман Геринг» и танковая группа 19-й нижнесаксонской дивизии, как подточенные каменные глыбы, нависшие над обрывом, застыли на своих позициях.

Достаточно приказа, радиосигнала и вспышки ракет — и эта лавина придет в движение.

В 4.09 диск солнца показался над горизонтом. К этому времени уже проверены боевые порядки, установлена связь, выявлены результаты ночного боя. На штабных картах обозначилась новая линия фронта. Южнее Мариамполя и Грабноволи она проходит, как и пять дней назад, затем доходит до Михалувека, незначительно углубляясь в район высоты

143,3. Этот участок отвоеван 133-м гренадерским полком вечером и в первую половину ночи 7 августа. Дальше линия фронта резко поворачивает на север: именно этой ночью на месте, где вчера была только трещина, 45-я гренадерская дивизия вклинилась в позиции советских войск. В руках полковника Даниэля находятся уже лес Рогозин, Михалув, Эвинув, лес Липна Гура. Брешь, расширенная у основания до 1800 метров, простирается вглубь на 2,5 километра и почти доходит до Разъезда — перекрестка дорог у восточного края Гробли.

Продвижение, достигнутое к полуночи, немцы могли бы считать удовлетворительным, если бы не тот факт, что на главном, северо-восточном, направлении сопротивление русских не было сломлено и 45-я дивизия фольксгренадеров в результате ночных боев продвинулась вперед менее чем на 900 метров, преодолев только треть расстояния, отделяющего ее от плацдарма у Радомки, захваченного соседом справа.

В этой ситуации выявились две возможности.

Генерал Вильгельм Шмальц, которому поручено руководить операцией, мог бы немедленно нанести удар силами своей дивизии, хотя подчиненные ему полки Даниэля не смогли добиться желаемого успеха. Этим Шмальц избежал бы необходимости менять детально разработанный план операции и имел бы в запасе целый день. Однако преодоление этих 3500 метров, отделяющих его от дороги из Рычивула на Магнушев, и наступление через густой лес могли бы сказаться на результатах боя, дезорганизовать часть танковых рот, ослабить силу удара на север.

Другая возможность, более трудная и требующая большей гибкости от командования, заключалась в том, чтобы заставить 45-ю гренадерскую дивизию предпринять попытку захватить еще несколько сот метров земли. В щель на взломанном уже фронте дивизия могла бросить в бой 133-й полк, который сменила ночью танковая группа 19-й дивизии. Даже небольшое перемещение вперед рубежа, с которого ринутся в бой танки, могло в конце дня вылиться в значительную, в несколько километров, разницу в глубине прорыва танковой дивизии «Герман Геринг».

Можно предположить (хотя нет документов, чтобы подтвердить это), что в штабе дивизии «Герман Геринг» уже к восходу солнца 9 августа был подготовлен новый вариант реализации последней из двух возможностей.

Дальше всего продвинулся фронт в лесу Липна Гура, у восточной границы Гробли, хотя максимум сил и средств был направлен на северо-восток, на Ходкув. Из этого немцы сделали вывод, что на этом участке советская оборона была настолько слабой, что в ней образовалась брешь. Развитие успеха в северном направлении, прорыв через лес еще на два километра, до района высоты 112,2, выводили немецкие части из леса Остшень на Выгоду, на открытую местность. Наступая оттуда дальше в прежнем направлении, они могли выйти на шоссе Рычивул — Магнушев между Тшебенем и Острувом, одновременно окружая советские полки, обороняющиеся вдоль Радомки от Ходкува до Клоды. Последнее двухчасовое усилие 45-й дивизии давало возможность полностью выяснить обстановку и могло облегчить выбор самого правильного варианта, обеспечивающего выполнение задания — ликвидацию магнушевского плацдарма.

Жаркий летний день 9 августа долог — 16 часов 38 минут. Огонь 700 стволов, энергия отдохнувших и полнокровных батальонов, численное превосходство грохочущей лавины бронированных машин — все это гарантирует, что дивизии «Герман Геринг» будет достаточно даже четырех часов, чтобы выйти на шоссе. А вдоль шоссе можно будет атаковать и после того, как стемнеет. К 1944 году немцы научились не только ведению

ночных боев, которых они так избегали в начале войны, но и гибкости командования, умению отказываться от шаблонных схем. Документов нет, но факты говорят, что был выбран новый вариант.

По радио отложены на вторую половину дня те 700 вылетов непосредственной поддержки, которые был готов совершить 6-й воздушный флот генерал-полковника Риттера фон Грейма. Командующий 9-й армией генерал Форман дал согласие на перенос часа наступления и задержал важное донесение главному командованию вермахта, хотя оно уже было подготовлено...

Тем временем в лес Липна Гура входили новые силы — остатки 45-й дивизии, точнее, 133-й полк гренадеров. Под защитой деревьев батальоны сосредоточивались на исходных позициях.

Около 7.00 массированный огонь артиллерии и минометов накрыл разрывами район перекрестка дорог у Разъезда — самое чувствительное место советской обороны на этом участке. Спустя минут десять взрывы разошлись в стороны, образовав как бы улицу, ведущую на север. Этой «улицей» двинулся в атаку построенный в три эшелона 133-й гренадерский полк, отбрасывая вправо фланговые взводы 170-го полка, а влево—100-го гвардейского стрелкового полка.

Немецкий полк стремительным рывком овладел Разъездом и продолжал продвигаться. Батальоны растянулись, распались в бою на несколько звеньев, но группы гренадеров проникали дальше на север от Гробли, на фланг и в тылы 170-го советского полка. Их продвижение грозило углублением прорыва на север и одновременно затрудняло оборону ходкувской поляны.

В это время 2-й батальон 172-го полка под командованием капитана Дроечкова с наивысшим напряжением сил сражался со штурмовыми группами, атакующими его позиции с плацдарма над Радомкой. Эсэсовцы любой ценой хотели достичь высоты 107,3.

В штаб дивизии «Герман Геринг» в Воле-Горыньской пришли первые донесения о незначительном расширении плацдарма под Рычивулом, об овладении Разъездом в лесу Липна Гура и о проникновении автоматчиков за Гроблю. Кажется, эти донесения подтверждали правильность вывода о нанесении удара в направлении Выгоды и, во всяком случае, убедили генерала Шмальца в том, что советская оборона ослабевает.

Воздушная разведка донесла, что ночью русские перебросили с восточного берега полк пехоты. Однако данные воздушной разведки о бомбардировке Вислы успокаивали: после рассвета русские не смогут переправить уже ни одной новой части. Даже если какому-то батальону и удастся переправиться через реку, в любом случае советский корпус останется с тем небольшим количеством танкового вооружения, которое у него имеется: сильно поредевший полк тяжелых танков, насчитывающий около десяти машин ИС, и три поредевших дивизиона самоходок СУ-76, входящих в состав каждой гвардейской пехотной дивизии.

Учитывая потери, которые противник должен был понести с начала наступления, немцы могли предполагать, что во всем советском корпусе будет не более сорока боевых машин. У немцев имелись основания рассчитывать на неизменность такого положения в ближайшие дни: из данных разведки следовало, что 8-я армия не имеет танкового резерва, а командование фронта не располагает поблизости ни одной не связанной боем частью.

Штаб 1-й армии Войска Польского. 9 августа 1944 года. Жабенец.

Боевое распоряжение № 04 начальника штаба 1-й армии Войска Польского командиру 1-й танковой бригады:

«Командующий армией приказал:

1. Перед фронтом 8-й гвардейской армии действуют две танковые и три пехотные дивизии противника, получившие задачу отбросить части 8-й гвардейской армии на восточный берег реки Вислы.

Частыми контратаками противник добился незначительных успехов на отдельных участках.

2. В соответствии с шифровкой командующего 1-м Белорусским фронтом 1-й танковой бригаде в составе 1-го и 2-го танковых полков и мотопехотного батальона выйти на рубеж Домброва, Тарнув и 9.8.44 г. к 11.00 сосредоточиться в лесу в районе восточнее Тарнува в готовности к переправе через реку Висла, где перейти в непосредственное подчинение командующего 8-й гвардейской армией.

3. Марш совершить группами не более роты с применением всех средств противовоздушной обороны.

Начальник штаба 1-й Польской армии Владислав Корчиц, генерал бригады».

В полутора километрах юго-восточнее Магнушева на самом берегу Вислы расположилась небольшая деревенька, насчитывающая двадцать две избы. Когда-то ее построили на острове, а сейчас осталось только название, свидетельствующее об этом, — Остров.

Южнее деревеньки начинается дамба, а на участке в 400 метров параллельно друг другу на небольшом расстоянии протянулись даже две дамбы, образовав как бы ущелье глубиной в два с половиной метра. Вдоль насыпей растут высокие тополя, а ниже — кудрявые ивы и заросли густого раkitника, прикрывающие это место от наблюдения с воздуха. Именно здесь, в насыпях, саперы построили штабные землянки 4-го корпуса.

Утром 9 сентября перед одной из землянок стояли три генерала. На раскладном столике лежала карта, покрытая бликами солнца, проникающего сквозь крону дерева. Блики были неподвижны, воздух — как вода в пруду, без малейшего движения. И лишь когда снаряды тяжелой артиллерии разрывались где-то поблизости, блики солнца вздрагивали, но через минуту вновь замирали. Еще только начало девятого, но уже жарко. Не чувствовалось ни капельки прохлады от реки, которая протекала рядом, по другую сторону вала.

Докладывал высокий, худощавый генерал Глазунов. Он говорил, повышая голос, когда от переправ добегала волна грохота рвущихся бомб. Окончив доклад о прорыве, совершенном немцами ночью, он постарался незаметно вытереть пот с морщинистого лба, а затем перешел к перечислению сил, стянутых на угрожаемом участке фронта, резкими движениями водя по карте острым концом лозы, наискось срезанной перочинным ножом.

— ...47-я дивизия полковника Шугаева на марше. 137-й полк подполковника Власенко переправился на плацдарм и занимает вторую линию обороны от Целинува до лесной сторожки Завада. 142-й полк майора Горшанова закончил переправу через час после восхода солнца. Он сосредоточивается в лесу Бурачиска как мой резерв. Сразу после него 140-й полк майора Галапина начал переправу 1-го и 2-го батальонов...

Чуйков, слушавший молча, наклонился, положил руку на карту и, прервав командира корпуса, спросил:

— Почему не атакуют?

— Атакуют, но основные силы не вводили.

— Почему? — повторил командующий армией.

— Так лучше, — неохотно ответил Глазунов и с крестьянским упорством сказал: — Полк Власенко окапывается...

— Слышал, — твердо ответил Чуйков. — Они не атакуют основными силами, ожидая, когда ты им покажешь, где они должны ударить, нащупав слабое место. — Он бросал слова резко, хрипло, но вдруг остановился на минуту и добавил неожиданно тепло: — Удержишь фронт, Василий Афанасьевич?

Командир 4-го корпуса мысленно увидел обескровленные полки, вспомнив потери, которые за вчерашний день в двух дивизиях превысили пятьсот человек, но командующий армией знал о них так же хорошо, как и о недостатке танков.

Глазунов нахмурил широкие, седящие брови. Из сорока восьми лет его жизни одиннадцать принадлежали детству, семь — помещику, у которого он батрачил, а тридцать — армии. Он прошел по очереди все ступени — от рядового до генерала, был на всех должностях — от командира отделения до командира корпуса, сражался с немецкой кайзеровской армией, с белогвардейцами, с атаманом Анненковым, с басмачами в Средней Азии и вот уже три года — с гитлеровцами. И он знал, слишком даже хорошо, что исход сражения решает не одна сторона, что противник тоже может сказать свое слово. Но Глазунов понял смысл вопроса командующего армией и сумрачно ответил:

— Не отступлю.

С юга немецкая артиллерия загрохотала еще сильнее. Чуйков с минуту прислушивался, а потом поднял свою тяжелую большую голову и сказал:

— Получишь подкрепление. Целую танковую бригаду. Удержишь? — спросил он еще раз.

Генерал Вайнруб уже давно смотрел в сторону деревни. Он видел, как около последних домов Острува часовые задержали маленькую амфибию, как из нее вылез человек в зеленой фуражке и теперь шел в их направлении.

Они умолкли и смотрели на приближающегося коренастого мужчину в мундире оливкового цвета, с серебряной змейкой на рукаве. Тот подошел и, встав по стойке «смирно», доложил:

— Товарищ генерал, командир 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте, генерал бригады Ян Межицан. По приказу командующего фронтом бригада переходит в ваше распоряжение.

Когда он умолк, наступила тишина. На юге все усиливался грохот орудий, над переправами нарастал вой моторов, все чаще рвались бомбы, а здесь, около землянки, было тихо.

Все трое рассматривали его: он носил другой мундир, отдавал честь двумя пальцами, был новым человеком в их армии. Чуйков, слегка подавшись вперед, уставился в глаза пришельцу, но тот не отвел взгляда. Наконец, командующий армией протянул руку и почувствовал сильное ответное пожатие. «Такие ладони бывают у шахтеров да кузнецов», — подумал Чуйков, представляя Межицана своим генералам.

— Садитесь.

— В составе моей бригады... — начал танкист.

— Знаем, — прервал Чуйков.

— Докладываю, что мой самоходно-артиллерийский полк передан в резерв 1-й армии...

— Знаю и об этом, — кивнул Чуйков. — Будете поддерживать 4-й гвардейский корпус. Генерал Глазунов, ознакомьте товарища с обстановкой, объясните задачи...

Пока те склонились над картой, Чуйков, отойдя на несколько шагов, присел на насыпь и рассматривал Межицана. У командира польской бригады на мундире были ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда».

— В какой части воевали под Сталинградом? — спросил Чуйков.

— В 8-й гвардейской танковой бригаде в должности заместителя командира бригады, — четко ответил тот и продолжал наносить на карту обстановку.

Когда они закончили, генерал Вайнруб, командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии, спросил, готова ли бригада к переправе. Межицан молча подал ему лист бумаги.

Чуйков подошел и заглянул через плечо Вайнруба. Это было боевое распоряжение начальника штаба 1-й танковой бригады, отданное в 8.00. В нем говорилось: «Частям бригады 9 августа 1944 года к 10.00 быть готовыми к переправе через реку Висла». Приказ был подписан начальником штаба подполковником Александром Малютиным.

— Ваш начальник штаба русский? — спросил Чуйков.

— Да.

— Глазунов, угостишь? — обратился Чуйков к командиру корпуса, а потом опять к Межицану: — Пьете?

— Пью. И чай, и водку.

— А вы кто? — вернулся Чуйков к прежней мысли.

— Поляк.

— Советский?

— Мой отец был рабочим в Лодзи. Во время революции 1905 года убил царского жандарма, за это был арестован и сослан. — Межицан говорил мягким, сочным баритоном. — Я родился на Днестре. Офицерское училище окончил в Киеве. Поэтому можете считать меня лодзинским киевлянином или киевским лодзянином, как вам больше нравится, — улыбнулся он, и вместе с ним улыбнулись все остальные.

Слишком недолго он их знал, и слишком мало времени имели они в своем распоряжении, чтобы он мог рассказать им об умерших уже родителях, о матери, которая заботилась, чтобы он овладел родным языком, о том, что он думал, когда до него дошла весть о формировании польской армии, о том, как трудно было ему расставаться со своей 155-й бригадой, которой командовал под Курском.

Как назвать ту силу, что все-таки заставила его после трех месяцев раздумий покинуть часть, людей, вместе с которыми смотрел смерти в глаза? Он попросил перевести его в часть, которой не знал, в армию, которая еще только рождалась.

Припомнил он и первый сбор в лагере на Оке. Межицан был тогда в советском мундире, и солдаты с удивлением слушали его чистую, хотя и несколько архаичную польскую речь. Он сказал им: «Я поляк. Командовал танковой бригадой в Красной Армии. Я научу вас, танкисты, бить фашистов. А бить их мы должны хорошо, умно, чтобы вернуться в Польшу».

Они слышали его в первый раз и не знали, что значит для Яна Межицана возвращение в Польшу.

Он тоже впервые обращался к солдатам, еще не зная их. Он мог только догадываться,

что Польша — это одно Дня командира танка хорунжего Рудольфа Щепаника, сына нефтяника-коммуниста из Дрогобыча; другое — для хорунжего Флориана Гугнацкого, кадрового с довоенных времен подофицера: третье — для рядового Яна Ходоня, сына гминного^[2] писца с Люблинщины; и совсем другое — для капрала Барылова, русского механика-водителя, которому по линии польско-советской дружбы было доверено вести Т-34 с белым орлом на броне, а не со звездой. Межицан должен был воспитать солдат, научить их сражаться, сформировав из наполовину гражданской толпы танковую бригаду, первую в армии народной Польши, той Польши, которой еще не было, которая еще только должна была родиться.

Сегодня начинается экзамен. Сегодня станет ясно, хорошо ли он подготовил бригаду. Начинается этот экзамен под командованием опытного солдата, но экзаменовать будут суровые профессора — танковая дивизия «Герман Геринг» и смерть.

Усатый сержант принес мелко нарезанное мясо, черный хлеб и стаканы.

— Разбавлять? — спросил он Межицана, налив спирта на одну треть.

— Не надо.

— За союзников, за братьев-поляков, — сказал Чуйков.

Выпили, закусили.

— Какой у вас солдат? — спросил командующий армией.

— Молодой. Для большинства это первое сражение. Среди тех поляков, кто уже понюхал пороху, мало кто сражался с немцами в сентябре 1939 года или служил потом в Красной Армии. Многие дрались под Ленино. Есть немного советских офицеров и механиков-водителей — русских, украинцев и белорусов, даже татарин найдется. А для остальных, для большинства, это первое сражение.

— Советских солдат много?

— Нет. В 1-м танковом полку — 12 процентов, а во 2-м и мотопехотном батальоне — меньше.

Из землянки командира корпуса выбежал маленький лисенок и, встав на задние лапки, передними оперся о голенище сапога Глазунова. Генерал дал ему кусочек мяса, а потом, взяв его, как котенка за загривок, отдал сержанту, приказав жестом убрать его.

— Зоопарк? Кошечки-талисманчики? — нахмурил брови Чуйков.

— Получил в подарок от тех двух поляков, что показавали мне тогда орудие на Висле.

— Молодой, вот и глупый, — улыбнулся Межицан. — Поумнеет, так не будет лезть на глаза начальству...

Глазунов помимо воли подумал, что предпочел бы этой бригаде один полк, но старый, опытный, проверенный в боях.

— Выдержат ваши танкисты под огнем? — спросил он и тут же понял, что поступает нетактично, что, возможно, слишком груб. И уже мягче добавил: — Приближаются тяжелые бои. Моим ветеранам тоже нелегко. — Он показал рукой на юг, в сторону фронта, как бы призывая в свидетели грохот рвущихся снарядов.

Межицан нахмурил брови:

— Я забыл добавить, что есть у меня и такие, которые были насильно взяты в армию и служили у немцев. Другие только после сорок первого вышли из лагерей, но равняться будем на гвардию. Солдат молодой, но упорный, имеет свои счета с гитлеровцами. — Он замолчал на минуту и затем спросил: — Разрешите идти, товарищ командующий армией?

— Возвращаетесь на ту сторону? — спросил Чуйков, подавая ему руку.

— Нет, времени мало. Командиры полков ждут на этом берегу.

В 12.00 должна начаться переправа 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте. Однако пока солнце дойдет до зенита, противник не бездельничает: 45-я дивизия вводит в прорыв, в лес Липна Гура, все силы, стянутые из окопов на левом крыле, и остатки резервов. Она все сильнее укрепляется вокруг захваченного Разъезда. Несмотря на огонь советской артиллерии, все новые группы гренадеров просачиваются на север, в глубь леса. 170-й гвардейский стрелковый полк потерял связь со своим соседом справа. Гитлеровцы проникают все глубже, начинают угрожать ударом в тыл.

Командир 170-го полка подполковник Никита Дронов, вводя в бой свой резерв, наносит удар в направлении Разъезда.

Было начало двенадцатого, когда он овладел Разъездом. В этой атаке полк потерял 13 человек убитыми и 75 ранеными. Уничтожили транспортер, самоходное орудие и два танка. Немецкие трупы не считали.

Наступить дальше не могли: вдоль Гробли низкие автоматные очереди косили траву. Поспешно окопавшись, укрылись от огня минометов, которые уже через четверть часа начали обстреливать захваченные гвардейцами позиции.

Связи с правым соседом все еще не было. Немцы по-прежнему были перед ними, сбоку и сзади в лесу, хотя и несколько притихли. Где же 100-й полк их 35-й дивизии? Если бы он атаковал с запада и дошел до Разъезда, то линия фронта была бы восстановлена такой, какой она была перед рассветом...

100-й полк майора Воинкова не контратаковал. Только одно это бесспорно. К сожалению, ничего больше нельзя о нем сказать. В архивных документах пробел. Может, погиб связной, спешивший с донесением в штаб, возможно, была прервана всякая иная связь. За несколько минут до одиннадцати разведчики артиллерии, сражавшиеся в рядах 100-го волка, обнаружили, что противник сосредоточил в лесу Рогозин значительные силы: около двух батальонов пехоты и не менее 35 танков.

Тревожное донесение было тотчас же передано в штаб дивизии, а оттуда — в корпус. Был ли смысл бросать против такой сильной группы обескровленный батальон? Окопавшись, он имел возможность обороняться, а при контратаке на открытом пространстве тотчас был бы разбит превосходящими силами противника.

Однако вернемся от предположений к фактам.

142-й гвардейский стрелковый полк под командованием майора Горшанова, вторым из 47-й дивизии закончив переправу на западный берег Вислы через час после восхода солнца, сосредоточился в лесу Бурачиска. Он был выделен, как мы знаем, в резерв командира 4-го корпуса, но в течение двух часов обстановка стала намного хуже, чем это можно было предвидеть ранее.

Когда немцы разорвали стык между 170-м и 100-м полками, когда стало ясным направление главного удара противника, генерал Глазунов отдал приказ Гортанову направить один батальон в лес Завада напротив немецкого плацдарма у Радомки, а два остальных — продвинуть в район высоты 112,2, южнее Выгоды.

В 11.30, через полчаса после повторного захвата 170-м полком перекрестка дорог на восточном конце Гробли, Дронов сообщил, что не может наладить связь с правым соседом. Тогда были брошены в бой два батальона из полка майора Горшанова.

Батальоны развернулись в плотную цепь: слева — 3-й батальон старшего лейтенанта

Илларионова, справа — 2-й батальон старшего лейтенанта Ишкова. Левый фланг цепи, восточный, проходил вдоль дороги, ведущей от высоты 106,8 к Разъезду, правый — вытянулся по лесу до самой лесной сторожки Остшень.

80 минут длился ожесточенный бой в лесных квадратах 111 и 112, пока к 14.20 батальоны сумели выполнить поставленную задачу: захватили Гроблю западнее Разъезда, установив левым флангом непосредственную связь с 170-м полком. Окопались правее высоты 119,0 до второй просеки, но и там не обнаружили соседа. Разведка, посланная по лесу на запад, вернулась, наткнувшись в двухстах метрах от собственных позиций на сильные группы немцев с танками.

«Герман» и Форман

Бывают в сражениях минуты, когда на какое-то время все исчезает в дыму, в огне разрывов и реве танков, когда порваны телефонные провода, разбиты или засыпаны землей радиостанции, когда долгое время нельзя ничего установить, а донесения, которые, несмотря ни на что, все же доходят до штаба, подобны лохмотьям, крику ослепших в хаосе, стону заживо погребенных.

В половине первого начальник штаба 4-го корпуса получил донесение из 57-й дивизии о сильных атаках, предпринятых немцами с плацдарма на северном берегу Радомки.

35-я дивизия доносила об атаках по всей линии своей обороны и тоже сообщала о сосредоточении больших сил пехоты и танков противника в лесу Рогозик.

Без десяти час противник стремительно ударил на Ходкув. Полк Дронова, перебросивший перед этим большую часть своих сил на правое крыло, чтобы овладеть Разъездом, не выдержал удара противника и отступил своим левым флангом. Гренадеры вторглись на ходкувскую поляну, захватив почти 500 метров пространства. В Ходкуве еще оборонялись пехотинцы, правофланговые роты 174-го полка майора Колмогорова, но теперь они сражались почти в окружении, обстреливаемые и со стороны поляны, и из-за Радомки.

Почти одновременно бойцы полка Дронова с трудом отбили атаку пехотной роты и трех танков противника на Разъезд. Донесение об этом штаб корпуса получил днем в среду 9 августа, в 12.59.

Потом в течение долгого времени карту сражения нельзя было прочесть.

На южном участке обороны плацдарма, на фронте от Мариамполя до Михалува, по советским позициям ударили 320 орудий, 130 минометов, 310 пушек с бронированных машин — более 700 стволов дивизии «Герман Геринг» и нижнесаксонской танковой группы, способных выпускать каждую минуту более трех с половиной тысяч снарядов. К ним присоединилась артиллерия 45-й гренадерской и 19-й танковой дивизий. Вся линия фронта оказалась вдруг под ураганным огнем, в дыму, над ней выросла в два этажа стена из песка, травы и дыма.

Тяжелые снаряды ложились дальше, рвались на всех перекрестках дорог, во всех деревнях близкого тыла до Ленкавицы и Дембоволи, делая невозможным маневрирование резервами, эвакуацию раненых и подвоз боеприпасов.

В воздухе на разной высоте, выстроившись в несколько этажей, чтобы избежать столкновения, шли самолеты 6-го воздушного флота генерала Риттера фон Грейма. Немецкие штурмовики, бомбардировщики бомбами и огнем из бортового оружия обрабатывали вторую линию советской обороны, огневые позиции артиллерии, все, что находилось в движении на дорогах. Самолеты сбрасывали бомбы на деревни. Даже

переправы на Висле, которые и до этого беспрерывно находились под огнем, впервые получили такую огромную порцию тротила.

В штабе 4-го корпуса замолкли телефоны, затихла радиостанция. Время от времени удавалось поймать какой-нибудь обрывок донесения, но и его трудно было расшифровать и понять. Через 55 минут артиллерийской подготовки непрерывный рев орудий несколько ослаб, и тотчас же радио принесло невеселую, но впервые за целый час ясную весть: 102-й полк майора Эйхмана, атакованный десятками бронированных машин, просил разрешения оставить позиции у Михалувека и отойти к Грабноволе, так как из леса Рогозин на его тылы вышло 30 танков с пехотой.

Ответ передать не удалось. В 14.10 рация Эйхмана замолчала и больше не отвечала на вызов.

За полчаса до начала артиллерийской подготовки на южном участке плацдарма «Висла — устье Пилицы», в 12.30, командующий 9-й армией генерал Николаус фон Форман из штаба в Скерневице соединился по телефону со своим начальником и большим другом генералом Гансом Кребсом, уже четыре дня исполняющим обязанности начальника штаба группы армий «Центр».

— Не могу справиться с Варшавой. Не хватает сил. Здесь полтора миллиона людей. Фон дем Бах беспомощен, как скорлупа ореха в море. Он тоже докладывает, что задание невыполнимо.

— Еще раз доложи об этом письменно, — ответил Кребс.

— Три-четыре тысячи солдат против полутора миллионов. Пока не будем иметь больше десяти тысяч человек, не о чем и говорить.

— Рейхсфюрер СС взял это дело на себя, — объяснил Кребс. — Он выделит фон дем Баху средства...

Форман с улыбкой положил трубку. Его больше ничто не интересовало, кроме подтверждения, что не 9-я армия должна выделить части для борьбы с варшавским восстанием, а рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Генерал был уверен, что одной полноценной дивизией, брошенной на город, он подавил бы восстание в течение двух дней. Но тогда он не мог бы и мечтать о ликвидации большевистского плацдарма на западном берегу Вислы, между Пилицей и Радомкой, потому что не мог бы выставить против русских дивизию «Герман Геринг».

Около половины третьего через штаб 8-го корпуса поступили первые донесения из Воли-Горыньской. Командир танковой дивизии докладывал, что после 55-минутной артиллерийской подготовки дивизия перешла в наступление. Спротивление противника ослабевает, ему не хватает танков для нанесения решительного контрудара. Дивизия скоро выйдет к северной опушке леса между Студзянками и Выгодой, откуда, введя в бой второй эшелон, разовьет наступление дальше, в северо-восточном направлении.

Генерал Форман, ознакомившись с донесением, окончательно уверился в своем: ведь не прикажут же ему отвести часть, которая вступила в бой и добивается успехов, что имеет решающее значение для судьбы всего фронта на Висле. Теперь даже всемогущий Гиммлер не сможет отобрать у 9-й армии ее резервы. Никто не перечеркнет планов восстановления линии обороны вдоль реки и стабилизации центрального фронта.

Форман взял в руки донесение, подготовленное еще утром, отправку которого он задерживал до сих пор. Бросил взгляд на первые строки:

«Секретно по телетайпу срочно Командованию группы армий «Центр».

Сопротивление в Варшаве усиливается. Восстание, вначале стихийное, в настоящее время направляется централизованно армейским штабом. Силами, которыми мы располагаем, невозможно подавить бунт за какое-то определенное время...»

Форман знал весь текст на память, он уже не раз перечитывал его, но все же еще раз проверил, как звучит конец:

«...Обергруппенфюрер СС фон дем Бах доложил об этом же рейхсфюреру СС. Чтобы стать хозяином положения, необходима полноценная дивизия, хорошо вооруженная тяжелым оружием».

Донесение с подписью генерала Формана, помеченное номером 3861/44, было получено отделом связи «Тироль» в 15.00.

Война часто перечеркивает планы. В три часа дня, через час после окончания артиллерийской подготовки и начала наступления танковой группы Кельнера и дивизии «Герман Геринг», линия фронта, перепаханная тысячами артиллерийских снарядов и мин, стала передвигаться на север. На правом фланге 35-й гвардейской дивизии фронт, как за петлю, зацепился за мостик у дороги на Мариамполь, однако дальше, левее, он прижался к домам Грабноволи. Севернее и северо-западнее Эвинува немцы захватили песчаные высоты, поросшие редким кустарником да карликовой сосной. Линия, где на следующий день утром должен был развернуться польский 1-й танковый полк, уже теперь находилась в руках врага.

Этот успех не легко дался гитлеровцам. 45-я гренадерская дивизия, которая первой прорвала советскую оборону и сумела расширить брешь, теперь годна была только лишь для того, чтобы ее срочно отвели с фронта в тыл.

Бывший капеллан этой дивизии, после войны, уже как историк, писал, что «... во время тех боев в лесу дело кончилось кошмарной паникой и большими потерями. Самое неприятное, что 130-му полку был нанесен тяжелый удар. Из остатков полка и уцелевшей части роты автоматчиков удалось сформировать 45-й батальон автоматчиков. Для пополнения дивизия специально получила 1032-ю гренадерскую бригаду...»

К этому следует добавить, что был полностью разбит также 2-й батальон 133-го полка, а 45-я дивизия в течение двух дней потеряла двух командиров полка, двух командиров батальонов, шесть командиров рот и триста солдат убитыми. Общие потери этой дивизии убитыми, ранеными и взятыми в плен составили около 1200 человек. Но дивизия, несмотря на потери, прорвалась к лесу Рогозин и дошла даже до Выгоды. С захваченных позиций в тылу Михалува гитлеровцы нанесли удар по тылам 102-го полка и вынудили его отступить.

Танки дивизии «Герман Геринг» шли лавиной на большой скорости, стремясь еще глубже вклиниться в оборону 35-й гвардейской стрелковой дивизии и окончательно сломить сопротивление. Они двигались, как говорилось в донесении на имя командующего 9-й армией, через высоту 132,1. «Высотой» мы называли видневшуюся вдали возвышенность. Однако не всегда топографические данные местности соответствуют нашему воображению. Высоту 132,1, неоднократно упоминаемую в боевых донесениях, легче было найти на карте, чем на местности. Если теперь проехать по шоссе из Грабноволи в Студзянки (в то время здесь проходила обыкновенная пыльная дорога, извиваясь меж полями ржи и картофеля), можно и не заметить этой высоты. Но если сразу за жнивьем, недалеко от леса, вы присядете в придорожной канаве, на восток перед вами откроется вид на плоскую, слегка наклонную равнину, заросшую короткой щетиной стерни. Равнина совершенно открытая, и лишь в шестистах метрах видна лесная опушка и роща.

Вот здесь и остановился сразу же после боя запыленный и израненный 2-й батальон 100-го полка. У бойцов осталось только пять станковых и три ручных пулемета и две противотанковые «сорокапятки». Люди валялись с ног от усталости, с трудом открывали покрасневшие от бессонницы глаза. Больше полутора суток бойцы не ели горячей пищи. Кончились сухари и консервы. Вытряхивая из карманов остатки махорки, солдаты крутили козью ножку и по очереди затягивались, чтобы хоть как-то приглушить голод.

У них был приказ — удержать позиции до рассвета, до подхода подкреплений — целой танковой бригады. Телефонисты, как всегда информированные лучше всех, потихоньку

сообщали, что это должны быть польские танки.

Но едва солдаты 2-го батальона докурили свои самокрутки, как появились танки. Они шли не на помощь, и на их броне не было видно польских орлов. Они выехали из рощи, с восточной стороны, и сразу же выплонули на ходу несколько осколочных снарядов в сторону закрывавших им горизонт окопов.

Левифланговой ротой, занимающей позиции прямо по ходу танков, а вернее, всего лишь несколькими бойцами, что остались от роты, командовал сержант Снегирь.

На высоту 132,1 двигались танки, самоходные орудия, а между ними цепью шли гренадеры.

Враги буквально неслись на крыльях, подгоняемые численным преимуществом и уверенностью в победе.

Но когда они были на расстоянии двух бросков гранаты, застучали пулеметные очереди, зарывали противотанковые орудия. И через минуту два вражеских танка уже были охвачены пламенем, затем еще один потерял гусеницу и экипаж. Гренадеры задохнулись от горького дыма. Оказавшись в густой сети трассирующих пуль, они прижались к земле. Пулеметные очереди заметно потрепали стрелковые цепи. Не выдержав неожиданного удара, гитлеровцы и уцелевшие их танки повернули назад, в рощу.

Сержант Снегирь почувствовал, как у него деревенеет левое плечо. Рукав наполнился кровью. Но, слившись со своим раскаленным «максимом», Снегирь поливал гитлеровцев короткими очередями. Только когда враги скрылись за густым сосняком, он сел на дно окопа и, придерживая зубами конец бинта, перевязал себе рану. К сержанту подбежал подносчик патронов. Вынув из-за голенища перочинный нож, он разрезал сержанту рукав и поправил повязку.

— Кость? — спросил он.

— Нет, — покачал головой Снегирь и вдруг улыбнулся, сверкнув белыми зубами: — Чего говорить, хорошая работа!

Если б он знал, что полчаса назад в штаб немецкой 9-й армии к самому генералу Форману уже поступило донесение о взятии танками этой высоты, то обрадовался бы еще больше.

До наступления сумерек немецкие гренадеры, поддержанные танками, еще несколько раз бросались в атаку на высоту 132,1, но каждый раз откатывались назад.

До 15.00 немцам на правом фланге не удалось ударом с юга захватить Выгоду: лесной перекресток дорог, называемый Разъездом, удерживал 170-й полк подполковника Дронова, а на Гробле вдоль квадратов 111 и 112 оборонялись два батальона 142-го полка майора Горшанова.

Танковая группа генерала Кельнера также не сумела до 15.00 оттеснить гвардейцев генерала Кулагина в лес: 101-й полк оборонялся еще в Мариамполе; 102-й — в Грабноволле; 2-й батальон 100-го полка — на высоте 132,1. На левом фланге гитлеровцы были скованы тяжелыми фронтальными боями, которые отнимали время, танки и людей.

Однако это был только первый день борьбы, первые часы наступления, когда огромную роль играли внезапность и натиск батальонов, которые ударили с исходных позиций, как стрела, выпущенная из лука. Между высотами 132,1 и 119,0 на всем полуторакилометровом участке большие группировки танков и пехоты миновали Гроблю и двинулись на север, в глубь леса.

На высоте 143,3, маскируясь в густом сосняке, стояло несколько танков. Открыв люк,

генерал Вильгельм Шмальц наблюдал за боем, обозревая местность от Радомки до Мариамполя. Сразу же за лесом ему видны были зеленые верхушки могучих тополей студзянковского фольварка. Приказы уже отданы, и теперь с минуты на минуту генерал ждал, что нижнесаксонцы захватят Грабноволю и высоту 132,1. Особенно же он ждал радиограмму о выходе своих танков на дорогу Студзянки — Выгода.

В 14.20 два батальона 142-го полка заняли оборону на Гробле вдоль южной границы квадратов 111 и 112. Разведка, вернувшаяся из леса, доложила, что там находятся группы немецких автоматчиков и танки. Старший лейтенант Ишков отправил донесение командиру полка.

На высоту 112,2 это донесение попало около трех часов. Майор Горшанов теперь знал, что в любой момент у каждого его батальона за спиной может оказаться враг. Чтобы это предотвратить, нужно занять просеку от высоты 119,0 до лесной сторожки — около 1300 метров. Горшанов должен был сделать это только теми силами, что остались в его распоряжении. Майор приказал сколотить несколько групп из автоматчиков, саперов и разведчиков, которые он сразу же послал в западном направлении, распорядившись взять с собой как можно больше патронов и гранат. Действуя по другую сторону просеки, ведущей от высоты 119,0 до лесной сторожки, эти группы должны были атаковать противника и при этом так шуметь, чтобы создавалось впечатление, что их гораздо больше, чем на самом деле. Если немцы, ввязавшись в бой сразу в нескольких местах, будут подтягивать свежие силы и готовить наступление — они потеряют время. И тогда, возможно, удастся дожидаться ночи и подкрепления.

Мелкие группы проникли в лес. Впереди был слышен бой. В небе гудели самолеты. Артиллерийские снаряды рвались на дорогах и просеках. Ветерок с севера доносил дым горящих деревень.

Майор прислушивался и ждал момента, как опытный музыкант ждет, когда в оркестре зазвучат знакомые звуки флейты. Спустя двадцать минут майору послышалось, как на западе через весь лес прокатился резкий стрекот пулеметной очереди. А может, ему просто показалось? Надо было подождать.

Было четверть пятого, когда с донесением вбежал запыхавшийся солдат. Лицо его почернело от пыли и покрылось капельками пота. Гимнастерку хоть выжимай. На левой ладони ржавый от крови бинт. Связной тяжело дышал и не мог сразу выговорить ни слова. Горшанов приказал ему сесть, дал полстакана водки.

Через минуту связной рассказал о схватке около горящей лесной сторожки, о двух немецких танках, сожженных батареей 76-мм орудий, стоящей в лесочке под Басиновом, об отходе одного танка и о том, как автоматчики, ударив в одном месте, прогнали гренадеров до следующей просеки.

— Разрешите идти, товарищ майор?

— Идите.

Солдат отдал честь и большими шагами пошел между деревьями. Горшанов с грустью подумал, что у него нет даже пачки папирос, чтобы дать связному.

Майор по телефону связался с командиром 47-й дивизии полковником Василием Шугаевым, доложил ему о положении и уже неофициально добавил:

— Пугаю фрицев, но как пронюхают чем, не удержу. Мне бы парочку «коробок». Как они там?

— Подумаем. Пришли связного на переправу, чтобы дорогу показал, если понадобится.

Откровенно говоря, хотя Горшанов и просил танки, но не верил, что их получит: поляки будут готовы только завтра утром. На ускорение переправы нет никакой надежды. Он слышал, что делается в той стороне: вой бомбардировщиков не смолкал, взрывы не прекращались. Только бы к утру поляки успели!...

«Сотый» на левом берегу

В соответствии с приказом 1-я танковая бригада должна была начать переправу под Тарнувом в полдень. Приказы должны выполняться, однако не ради самих приказов.

Если подчиненный предугадает замысел командира, никто не спросит, зачем он это сделал. Следовательно, не будем удивляться, что раньше указанного в приказе срока четыре танка бригады покинули свою стоянку и пошли не к Тарнуву, а, повернув на юг, быстро направились в сторону Руды-Тарновской. По номерам на башнях легко распознать танки командования и разведки 1-го полка. Вершины сосен прикрывают небольшую колонну от наблюдения. Гладко стелется под гусеницами травянистая дорога. Кажется, и земля и лес радостно встречают танкистов — первые за эти пять лет польские танки над Вислой.

Командиры, высунувшись по пояс, стоят в открытых люках. Первый танк ведет хорунжий Рудольф Щепаник из Борислава. Сын слесаря-коммуниста, Рудольф окончил гимназию перед самой войной. Ему тогда было восемнадцать лет. Он работал в мастерских нефтяной фирмы «Галиция», после сентября стал секретарем комсомольской организации. Когда Германия напала на Советский Союз, Рудольф вместе с отцом, матерью и сестрой эвакуировался на Урал, в Краснокамск. Там он окончил среднюю школу, работал слесарем. По призыву Союза польских патриотов Рудольф прибыл в Селецкие лагеря на Оке под Рязанью. В день четвертой годовщины нападения Германии на Польшу Щепаника произвели в офицеры. Через шесть недель он уже сражался под Ленино.

Вскоре после этого пошли служить в армию и обе его сестры. Младшей — Лидке — семнадцать лет. Эта девушка с длинной косой теперь зашифровывает и расшифровывает донесения в штабе 1-го танкового полка, того самого, где командирским танком командует Рудольф Щепаник.

— Янек, прибавь газу, — говорит Рудольф сержанту Высоцкому.

— Связался с полком, все в порядке, — докладывает радист плютоновый Петр Копровский, электромонтер из Равы-Русской. Это бывалый солдат. Он воевал в Красной Армии, а в 1941 году под Орлом его ранило.

Хотя плютоновый и на три года старше своего худощавого, невысокого командира, но он уважает его за отвагу. Еще под Ленино они были в одном экипаже. Новичок среди них — только заряжающий Леон Сарницкий, впрочем, он тоже свой парень и опытный солдат. В 1942 году под Старой Руссой он получил ранение.

За ними следует танк начальника штаба. Этим танком командует хорунжий Юзеф Лисецкий. Третий танк ведет командир взвода полковой разведки двадцатилетний подпоручник Вацлав Ферынец, сын лесника из-под Бреста. Командиром танка его назначили на второй же день боев под Ленино — вместо погибшего товарища. Это коренастый, быстрый в движениях, веселый и задиристый парень.

Замыкает эту танковую колонну машина хорунжего Мечислава Гранатовского. Мечислав — сын кадрового подофицера из Львова, страстный футболист и автомобилист.

Под Ленино он был радистом, после боев его наградили Крестом Храбрых и послали в офицерское училище. Этот беспокойный по характеру человек имел счастье на необыкновенные приключения. Так, когда бригада вступила в Польшу, он помчался на деревенское кладбище под Люблином и вернулся оттуда с немецким офицером, которого вытянул из какого-то семейного склепа.

Танковая колонна вышла из леса под Рудой-Тарновской, переправилась по мостику

через узкий ручей Промник. Миновав Дамирув, танки добрались до одного из рукавов Вислы, который отделялся от основного русла где-то около Рычивула, а здесь вновь соединялся с ним.

С острова на Висле по новому, только что наведенному мосту, поблескивающему каплями смолы, двигались санитарные машины с ранеными. Навстречу им, стигаясь под тяжестью вооружения и ящиков с патронами, шагали цепочкой пехотинцы: это последние подразделения 47-й гвардейской дивизии заканчивали переправу. Под утро вражеская артиллерия разбила один пролет моста, и, пока саперы его восстановили, прошло какое-то время.

Немецкая артиллерия вела беспокоящий огонь. На переправе, не обращая внимания на прерывистый свист снарядов и царящую здесь суматоху, спокойно прохаживался взад и вперед седой инженер-подполковник и отдавал приказания. К нему и обратились танкисты.

— Исключено, — заявил он. — Балки подрезаны осколками, сваи расшатаны разрывами бомб. Мост не выдержит.

— А у нас приказ. Мы должны переправиться.

— Ну так и быть, поезжайте! На вашу ответственность! — махнул рукой подполковник.

Побежали к машинам. Первым двинулся танк Щепаника. Перед самым мостом сержант Высоцкий притормозил и аккуратно на первой скорости повел танк. Заскрипели, осели балки, дрогнула вся конструкция моста, но машина проскочила. Вслед за ней переправился танк хорунжего Лисецкого.

Третьим поехал Вацлав Ферынец, и то ли балки были уже расшатаны, то ли механик-водитель дал слишком большой газ, но сразу же у берега затрещало покрытие и Т-34 сел на мель, задрал ствол к небу.

Трудно было найти хоть одного человека, кто бы в сердцах не выругался: переправа заблокирована. На помощь побежали саперы, подъезжал Гранатовский. Механик-водитель его машины, плютоновый Генрик Чернович ловко набросил буксирный трос на крюк.

Щепаник смотрел на это с другого берега. Оба танка, его и Лисецкого, перемальвая гусеницами прибрежный песок, уходили в тень, под прикрытие густого ивняка, разросшегося на западной части мыса острова.

— Сообщите командиру полка, что два танка перешли и мост рухнул, — приказал Щепаник телеграфисту.

Миновав густой лозняк, они прошли на паромную площадку и въехали на баржи. В этом месте Висла была не особенно широкой, всего около 400 метров. Начальник парома отдал приказ, саперы отцепили причальные канаты, моторка натянула буксир. Потихоньку паром стал двигаться к противоположному берегу.

На переправу попали удачно — в перерыв между налетами. В небе лишь одиноко кружили два патрулирующих истребителя. Зенитные батареи отдыхали. Яркие солнечные лучи серебрились в воде светлыми искристыми чешуйками. За буксиром парома расходился широкий кильватер. Несколько раз рядом с паромом разрывались снаряды, поднимая вверх огромные водяные столбы. Артиллерия била с обеих сторон, с севера и юга, но — вслепую.

На противоположном берегу у дамбы волновалась толпа людей: женщины с узелками, плачущие дети, крестьяне, ведущие за веревку коров. Всем хотелось перебраться на восточный берег.

Когда баржи причалили, люди расступились и дали дорогу танкам. Кто-то увидел орлов на броне. Люди показывали на них, что-то кричали и, перекрестив, благословляли в путь.

Одна из женщин сорвала с головы косынку и стала размахивать ею.

По сигналу саперов Высоцкий осторожно тронулся. Танк шел так медленно, что были слышны удары отдельных звеньев об основание. Танк Лисецкого к этому времени встал на середину парома, чтобы не перевесить.

Наконец первый танк выполз на балки помоста и, взревев мотором, вскарабкался на высокий берег Вислы. Подъезжая к тополям, экипаж еще издали увидел Межицана. Его можно было узнать по большой трубке. Танкисты подтянулись. Щепаник соскочил и подошел с докладом.

— Жалко мост, — опечалился генерал. — Подождите здесь приказа своего командира полка, — распорядился он.

— Слушаюсь! — Хорунжий встал по стойке «смирно» и спросил: — Какие-нибудь наши машины уже есть на плацдарме?

— Нет, — улыбнулся командир бригады. — Вы — первые.

Так и запишем: первым польским танком, который поднялся на западный берег Вислы после сентября 1939 года, был танк 100 из 1-го полка танковой бригады имени Героев Вестерплатте. Его экипаж: командир — хорунжий Рудольф Щепаник; механик-водитель — сержант Ян Высоцкий; стрелок-радист — плютоновый Петр Копровский; заряжающий — старший сержант Леон Сарняцкий.

Первый паром

Донесение хорунжего Щепаника, что «рухнул мост», было получено по радио в штабе 1-го полка в тот момент, когда танки, поднимая гусеницами пыль, уже шли по проселочной дороге в сторону Вислы.

Вслед за ними мчался приземистый вездеход с отброшенным на капот лобовым стеклом.

Капитан Ежи Фашиньский вел колонну на Тарнув. Когда первые танки миновали перекресток и уже было ясно, что колонна идет верно, капитан приказал водителю прибавить газ.

Несмотря на большую скорость, встречный ветер не приносил прохлады: солнце стояло в зените, кругом разлился зной, воздух был напоен запахами смолы, гари и пряностью августовских трав. Дорога была свободной, подготовленной для прохода танков.

Фашиньский не первый день на фронте и хорошо знает, скольких усилий и пота стоит очистка вот такой трассы. Он еще раз с удовлетворением подумал, как удачно, что в первый бой польские танкисты пойдут вместе с прославленной армией Чуйкова.

Мимо поседевших от пыли садов, закопченных, разбитых домишек на восточной окраине Тарнува колонна вышла на широкую дорогу, выложенную ветками. Огромные воронки от полутонных бомб, остовы сожженных грузовиков свидетельствовали о недавней бомбардировке, об обстреле тяжелой артиллерией. У помоста, сбитого из сосновых бревен, стояли две огромные баржи с недавно просмоленными бортами. Рядом с ними моторные лодки казались удивительно маленькими зелеными лягушатами.

Капитан выскочил из машины и приказал водителю повернуть к лесу, а сам, стряхнув пыль с брюк, направился к берегу. Навстречу ему от паромной пристани шли два сержанта в выгоревших гимнастерках. Пилотки с красными звездочками надеты набекрень и сдвинуты на лоб.

— Комендант парома сержант Павел Чичин.

— Механик катера-буксира сержант Иван Сорока.

Докладывали оба одинаково четко, как бывалые фронтовики. У Сороки на груди приколот орден Красного Знамени, у Чичина — какой-то другой. И хотя они были не похожи друг на друга и светлые выгоревшие на солнце волосы отличались своими оттенками, Фашиньскому эти бойцы показались братьями.

Щурясь от солнца, они с любопытством смотрели на него. В их глазах капитан читал вопросы: «Каков ты? Какой из тебя солдат? Как покажет в бою твоя польская бригада? Сейчас будем вас переправлять. Пока тихо, но бывает так горячо, что воздух становится густым от раскаленного металла. Сможете ли вы под огнем врага спокойно вывести машины на паром?»

Фашиньский представился, старательно выговаривая слова:

— Капитан Ежи Фашиньский, помощник командира 1-го танкового полка по технической части. — И, пожав руки обоим сержантам, деловым тоном добавил: — К переправе все готово.

— Готово. Только ваших не видно.

Посмотрел на часы:

— Через семь минут.

Спитая, что официальная часть встречи закончилась, Сорока спросил:

— Как называется ваша часть, а то здесь по-разному говорят?

— 1-я танковая бригада имени Героев Вестерплатте.

На барже, с той стороны, где над палубой возвышалось вновь окованное рулевое управление, показался бородатый мужчина в заплатанных брюках и белой рубаше с глухим воротом. Заслонив ладонью глаза, он посмотрел на польскую форму, поклонился офицеру и проговорил:

— Хвала господу... Говорили, что наши идут. Не верилось. А это — правда... — И, приложив широкие, красные ладони к потертым штанам, хоть и не запел, но громко в ритме мазурки продекламировал: — Еще Польша не згинела, пока мы живы.

— Здешний, — объяснил Сорока. — Помогает нам и даже под сильным обстрелом не хочет уходить, хотя его никто не принуждает. А реку знает, как я — Неву. Я — ленинградец, металлист. А вы?

Фашиньский секунду колебался.

— Варшавянин, — ответил он с улыбкой. — Танкист.

Это была правда и неправда. Отец его в свое время уехал из Варшавы в Петербург в Александровское инженерное училище. Мать, варшавянка, тоже училась в Петербурге, изучала медицину. Там они познакомились, а потом поженились. Когда началась первая мировая война, отца, как прапорщика, взяли в царскую армию. Служил он недалеко, часто бывал дома. В годы Октябрьской революции родился Ежи. Мать с младенцем вернулась в Варшаву. В течение пяти лет они жили на Маршалковской, 3. А тем временем весь полк вместе с прапорщиком Юзефом Фашиньским перешел на сторону революции, и для красного командира дорога в Польшу была закрыта. В 1923 году мать и Ежи переехали в Ленинград... Но, с точки зрения местожительства в детстве, Ежи имел право называть себя варшавянином. Теперь он — танкист. С пятнадцати лет юноша стал работать слесарем в автотанковых мастерских, а потом воевал на тяжелом танке, защищая Ленинград. Командовал танковой ротой под Курском.

— Двенадцать, — напомнил сержант Чичин.

— Без четырех, — поправил Фашиньский.

Со стороны леса стал нарастать гул моторов. Из-за деревьев вышли два первых танка. Замаскированные ветками, они казались движущимися кустами.

Капитан снял пилотку и помахал ею. Как большие прирученные слоны, танки пошли к переправе, перемалывая песок гусеницами. В нескольких метрах от помоста танки по сигналу капитана остановились.

— Экипажи — из машин! Механикам оставаться на месте.

Танкисты выскочили. Капитан узнал командира первого танка хорунжего Бронек Лежуха. Еще в Сельцах они жили с ним в одной землянке.

Ежи помнил, как Бронек по своей методе обучал его родной речи. В свободное время они пели одну и ту же песню: «Камень на камне, на камне камень, а на этом камне еще один камень».

Заместитель командира полка, дирижируя руками, повел два первых танка на паром.

От Тарнува, из-за сожженных домов, показался взвод солдат с автоматами. Командовал ими старший сержант Эмиль Гайда. Стуча сапогами по бревнам, запыхавшиеся, вспотевшие солдаты быстро грузились на паром.

Сержант покрикивал, размещая их. При этом он так виртуозно ругался, что все лишь добродушно улыбались. Солдаты знали, что командир так их подбадривает. Над воротничком

его отглаженного мундира ровно на два миллиметра выступал рубчик белого подворотничка, над левым карманом на груди блестел старательно начищенный крест Виртути Милитари.

— Готово.

Сержант Сорока толкнул колесо маховика. Двигатель заворчал, затарахтел, задымил голубоватыми выхлопными газами. Сброшен причальный канат, натянулся буксирный трос, паром медленно отшвартовался и вышел на реку, сверкающую на солнце, широкую и спокойную. Фашинский посмотрел на часы, чтобы заметить, сколько времени продолжается один рейс.

— Плывет Висла, плывет по польской земле, — чистым звонким тенором запел Лежух, поддерживая славу запевалы полкового коллектива, и дальше уже начал импровизировать: — Просвистела пуля — наверняка мимо меня. Просвистела пуля — наверняка мимо меня...

Пули не свистели. Кто-то из автоматчиков певуче, с вильнюсским акцентом проговорил:

— Как на воскресной прогулке по Неману...

Паром спокойно перерезал семисотметровое зеркало воды и точно пришвартовался к заросшему лозняком острову. Фашинский взглянул на часы: прошло двадцать семь минут. В обратную сторону, без тяжелого груза, переплывут быстрее. Примерно три четверти часа на один рейс. Следовательно, должны уложиться в сроки, установленные приказом: перебросить полковые Т-34 за неполные 13 часов. Конечно, если все будет спокойно, если не будет ни одного повреждения. На непредвиденные обстоятельства приказ предусматривал четыре часа. Должно хватить... если нам будет сопутствовать удача.

Фашинский вскочил на первый танк около люка механика-водителя и проехал вдоль острова. На стометровом рукаве Вислы, который отделял их от западного берега, дно было уже исследовано, трасса обозначена, глубина измерена — полтора метра. Танк двинулся осторожно, будто прикидывал, не холодна ли вода.

— Держись за башню, а то упадешь — снаряжение намочишь, — крикнул сержант Гайда одному из своих солдат.

В самом глубоком месте вода через люк попала внутрь, и механик как-то по-мальчишески вскрикнул: то ли от удовольствия, то ли от страха, как бы двигатель не заглох. Сзади над трубами лопались огромные пузыри, хлопали выхлопные газы. По бокам танка плыла, переливаясь радугой, пленка машинного масла.

Глубина уменьшалась. Машина, увеличивая обороты, взбиралась на берег. По ивняку танк выехал на лужайку и, взяв разбег, перескочил через разбитую в этом месте дамбу. Затем свернул влево. Несколько пустых домишек утопали в густом саду.

— Осторожно! Ветки поломаешь! — крикнул Лежух механику-водителю. — Стой! Здесь будем ждать.

Яблоки свешивались прямо над открытым люком. Тяжелая ветка чуть колыхалась. Ради шутки, Бронек широко открыл рот и хотел схватить яблоко зубами.

Но, прежде чем он успел это сделать, вздрогнула земля. С юга полыхнуло красное пламя, над лесом взметнулся дым. Хорунжий сорвал яблоко и поспешно откусил, как бы боясь, что не успеет. С глухим воем пролетели снаряды и разорвались на Висле и по обоим ее берегам. Налет, видимо, был согласован со всеми родами войск, сражавшимися за плацдарм, так как всего лишь через несколько секунд засвистела новая волна снарядов.

— Закрывать люки! — приказал Фашинский.

— В укрытие! — крикнул Гайда. Он загонял своих автоматчиков в окопы, вырытые в

насыпи, добродушно подталкивая нерасторопных.

— Начинайте бой, гражданин капитан. Который теперь час?

— Час дня. Точно начали. А вы не путайтесь там поверху, пуля чинов не различает.

— Довоенных сержантов не берет, — ответил Гайда. — Давайте сюда. Для обоих места хватит. — Он вскочил в окоп и жестом руки пригласил Фашиньского.

Над насыпью летели комья земли, шипели осколки, сад заволокло дымом и пылью. Эмиль Гайда не ради красного словца сказал, что пуля его не берет. В сентябре 1939 года, защищая Перемышль, он командовал отделением в 7-й роте 53-го пехотного полка. Во время сильного артиллерийского обстрела его ранило осколком, и немцы взяли Гайду в плен. Сначала его повезли в госпиталь в Унтервальден, чтобы потом, вылечив, отправить в лагерь.

Это было в Германии. Сестру в госпитале звали не то Улей, не то Урсулой. Она была полька. Она достала ему одежду и помогла бежать. Идя ночами, Гайда прошел через всю оккупированную гитлеровцами страну и под огнем часовых пересек «зеленую» границу. Когда в 1941 году началась война, Эмиль добровольцем ушел на фронт, в Красную Армию, сражался в мотопехоте гвардейского танкового корпуса под Орлом и Воронежем, на Таманском полуострове, под Сталинградом. Его уважали, чувствовал он себя как в родной семье, но, когда узнал, что началось формирование польской дивизии, пробрался в Сельцы.

Под Ленино Гайда уничтожил немецкое пулеметное гнездо, за что получил Виртути Милитари. Этот крест помог ему в Люблине очаровать молодую хозяйку, у которой он стоял на квартире.

Снаряды рвались все реже, тяжелая артиллерия методично вела беспокоящий огонь. Эмиль вытащил из кармана махорку, скрутил папиросу и, закурив, вспомнил вишневый суп с молодой картошкой. Хорошо она его варила! Сразу же после войны они, конечно, поженятся с этой девушкой из Люблина.

В небе показались бомбардировщики. Оглушенные артиллерийским обстрелом, танкисты и солдаты в око: пах услышали вой моторов, только когда самолеты были уже совсем близко.

— Три, шесть, двенадцать... — считал Фашиньский, задрал голову, и, подтянувшись на руках, сел на бруствер, чтобы лучше видеть. — Восемнадцать, двадцать один...

Самолеты шли тройками. Высокие тополя заслоняли некоторые подлетающие звенья.

— «Юнкерсы»! Те самые, что в сентябре тридцать девятого... Все еще не перебили их. Размножаются, как клопы под обоями, — выругался Гайда.

Капитан сидел на краю окопа. По опыту он знал, что успеет соскочить на дно рва, если бросят бомбы. И тут он заметил небольшую амфибию. Она ехала по дороге вдоль дамбы. В офицере, сидящем рядом с водителем, он узнал подполковника Петра Чайникова — командира полка. Бросившись им наперерез, Фашиньский на ходу прямо с откоса насыпи вскочил в машину.

— Сколько переправили? — спросил подполковник.

Кудахтали зенитные орудия, трещали ручные пулеметы, перекрывая низкий гул моторов тридцати бомбардировщиков. В таком грохоте нельзя было разобрать ни слова. Капитан на пальцах показал — два.

Усатый водитель амфибии, солдат из саперной бригады 8-й армии, вовремя уловил изменение в реве моторов. Он резко свернул с дороги в широкий капонир, оставшийся после грузовика, и затормозил.

Свист злоежде нарастал. Бомбы градом посыпались на землю. Амфибия подпрыгнула

от взрыва. Горячая волна обожгла лица. От грохота разрывов, казалось, раскалывается голова.

Срезанная осколком, затрещала вершина тополя и поникшими ветками обмела запыленный капот. Водитель включил заднюю скорость, быстро вывел машину из укрытия и, подняв фонтан воды, въехал в рукав Вислы.

Амфибия проскочила заросшую ивняком песчаную отмель, когда немецкие бомбардировщики под сильным артиллерийским огнем рассыпались и стали поворачивать. Одному на вираже снарядом разорвало крыло. Машина с воем понеслась к земле. Столб огня взметнулся из-за тополей.

Амфибия съехала в Вислу. Взяв направление к югу, чтобы не снесло течением, они поплыли на восточный берег. Вновь заговорила артиллерия.

Слева двигался паром. Танки, замаскированные зелеными ветками, делали его похожим на плывущий остров. Номеров машин видно не было.

А впрочем, и неважно, кого переправят раньше, кого позже. Все равно будем ждать, пока на западном берегу не сосредоточится весь полк. Танки должны идти в бой все сразу. Только в массе они составляют силу, броневой кулак, которым можно нанести удар. Фашинский думал уже о том, как и когда перебросит он на плацдарм цистерны с горючим, колонну с боеприпасами, ремонтные мастерские, — словом, все свое техническое хозяйство, без которого полк не может сражаться. Но переправа дешево не обойдется, много крови будет пролито. Кому из нас первому этот бой предъявит счет?

На мели водитель перевел передачу на колеса и включил скорость. Машина выволокла за собой косу зелени, опутавшей винт. Песчаный берег был изрыт разрывами бомб. Прокладывая дорогу, приходилось объезжать воронки. Саперы из штабной роты бригады засыпали их.

У высокого откоса стояла группа людей. Офицер, в котором Фашинский узнал врача 1-го полка поручника Стаха, склонился над кем-то лежащим. Проезжая мимо и не останавливаясь, Фашинский спросил саперов:

— Кого ранило?

— Девушку! — ответили. — Иренку из взвода связи.

...Когда она пришла в Сельцы, ее хотели направить в женский батальон, но она просилась в другое подразделение, в такое, которое сражается на передовой. «Может, к танкистам?» — пошутил офицер изкомиссии по распределению. «Именно». Сказала, что окончила семь классов средней школы в Жешуве, хотя училась еще и в Ташкенте в фельдшерском техникуме. Но тогда бы ее послали работать вместе с врачами! А так она стала телефонисткой. Генералу Межицану понравилась эта полная блондинка, и он шутя называл ее не плютоновый, а полутонный.

Утром 9 августа плютоновый Ирена Шиманьская и Галина — сестра убитого под Ленино поручника Мечислава Калиновского — получили задание протянуть телефонную линию на переправу. Уже в конце работы, буквально на последних метрах, на откосе Вислы их застал налет. Спрятаться было негде. Лежали прямо на песке, в пыли и дыму. Осколками разорвавшейся бомбы Шиманьскую ранило в ногу, а Калиновскую — в руку и грудь. Из двух тысяч двухсот пятнадцати вступивших в бой солдат танковой бригады девушки первыми пролили здесь свою кровь.

Когда самолеты улетели, Шиманьская попробовала встать, но от сильной боли упала. Вскоре к ним подбежали старший врач 1-го полка поручник Леон Стах и санитарный

инструктор. Девушек быстро перевязали и вызвали машину, чтобы отправить их в тыл.

Но Ирена села около аппарата, покрутила ручку и вызвала номер.

— Оставь эту коробочку. Ты ранена.

Она подняла на врача удивленные глаза. В уголках глаз еще блестели слезы.

— Уже меньше болит. Я останусь.

Так, с осколком в ноге, девушка до конца боя оставалась у своего аппарата.

В перерыве между налетами переправленные за Вислу автоматчики отдыхали, уплетая яблоки из сада.

Показался виллис генерала Межицана. Генерала узнавали по большой трубке, а его виллис — по высокой антенне радиостанции.

Навстречу командиру бригады выбежал капитан Виктор Тюфяков. Высокий, стройный, гибкий, как лоза, он на бегу натянул на кудрявую голову шлем. Доложил, что на этом берегу шесть машин.

— Мало.

— Сейчас будут еще две. — Своими веселыми, упрямыми глазами командир 1-й роты смотрел на генерала.

— Мало! Уже пять часов. Даже с теми, что плывут, не будет по два танка в час.

Наверху по дамбе плотины с бешеным треском на большой скорости несся мотоцикл. Поравнявшись со стоявшими, он резко затормозил. Со второго сиденья спрыгнул запыленный, черный, как черт, капитан с биноклем на груди. Он сбегал вниз и, тяжело дыша, остановился перед Межицаном.

— Офицер связи 142-го гвардейского стрелкового полка, — представился он и приложил руку к каске.

Генерал подал знак Тюфякову уйти, подошел к прибывшему и пожал ему руку.

— Докладывайте.

— Нет связи с правым соседом. В лесу Остшень на нашем открытом фланге появились немцы. Командир полка просит немедленно поддержать танками. Фланг обороняют всего несколько автоматчиков.

Межицан понимал, насколько тяжела обстановка на этом участке, но твердо произнес:

— Слишком мало у меня машин. Нельзя растаскивать бригаду по частям.

Они изучающе смотрели друг на друга.

— Нам командир дивизии полковник Шугаев обещал...

— Не дам машин, — повторил Межицан. — Должны удержаться, пока... — И тихо добавил: — Пока хотя бы вся рота не переправится на этот берег.

— Слушаюсь. Буду ждать. У меня приказ без танков не возвращаться.

— Ждите.

— Только бы не опоздать.

Из-за насыпи выползли еще две машины, медленно въехали в сад и выключили моторы. В это время командир бригады и офицер связи 142-го полка услышали донесшуюся с юга орудийную канонаду. И хотя расстояние было приличное, они увидели над горизонтом стену пыли, поднятую разрывами снарядов.

Часы генерала показывали четверть шестого.

Лесная сторожка на острие клина

За полчаса до того, как майор Горшанов выслал своего офицера на переправу за танками, со стороны Выгоды, запыхавшись от быстрой ходьбы, пришли три человека. В одном из них Горшанов узнал парторга 1-го батальона Своленко. На вопрос, вступил ли капитан Ткалунов в бой, Горшанов не сомневался получить только утвердительный ответ: положение было тяжелым и в любой момент могло стать безнадежным.

— Нет, товарищ командир, — доложил Своленко. — Несколько минут назад 57-я дивизия ликвидировала немецкий плацдарм на северном берегу Радомки. Ткалунов спрашивает, что ему делать.

— Машину! — крикнул Горшанов и крепко обнял парторга. — Всегда бы ты такие вести приносил. Садись и вовсю дуй к своим. Давай их сюда, да поскорее.

Он с трудом скрывая радость. Теперь — другое дело: хотя батальону и тяжело будет оборонять фланги протяженностью 1300 метров, но двумя -ротами можно усилить патруль. Теперь Горшанов, имея роту станковых пулеметов и одну стрелковую в резерве, сможет бороться и будет даже в состоянии контратаковать.

Ровно в пять с юго-запада до Горшанова донесся гул орудий и минометов. Он внимательно прислушался. Неужели уже начали? Когда сквозь верхушки сосен Горшанов увидел вдали над лесом сверкающие на солнце самолеты, он во второй раз вздохнул с облегчением: начали в другом месте, значит, здесь наверняка ударят не сразу...

В тот день был такой момент — около 10.40, когда энергичная переброска гренадерского полка и танков от занятого гитлеровцами Разъезда на север могла оказать решающую роль при прорыве фронта под Выгодой. Однако, пока донесения дошли и пока приняли решение, было уже поздно: в 11.00 Разъезд захватили правофланговые подразделения 170-го гвардейского стрелкового полка, а около половины третьего восточную часть дамбы заняли два батальона полка Горшанова, Генералу Шмальцу не повезло. Это бывает с каждым.

Несколько позже командир дивизии «Герман Геринг» допустил, однако, ошибку, за которую винить судьбу уже нельзя.

В половине четвертого он знал, что нижнесаксонцы топчутся на месте, а острие бронетанкового удара, направленного в тыл советских полков, сломалось о камешек, каким явилась высота 132,1. Он знал, что вдоль дамбы идут бои с разрозненными силами противника, а гренадеры проскочили ее с ходу на танках. Через несколько минут генерал получил радиодонесение о том, что его солдаты достигли северной опушки леса и подошли к лесной сторожке Остшепь.

Первым рефлексом опытного командира танкового подразделения в этот момент должно было стать решение немедленно направить главные силы, забыв о флангах, в прорыв. Но это был уже 1944 год, и гитлеровский генерал хорошо знал, что такое сталинградская армия Чуйкова. Он хорошо помнил о тех, кто навсегда остался в советских котлах окружений. И поэтому Вильгельм Шмальц не отважился идти вперед, имея русских на левом фланге — в Мариамполе и Грабноволе.

По телефонным проводам и радиоволнам с высоты 143,3 понеслись новые приказы для танковой группы дивизии генерала Кельнера. Ей обещали сильную поддержку—орудиями и минометами, которые раньше предназначались для других целей. Подготовка заняла около часа. В 17.00 обе деревни были буквально засыпаны снарядами и сожжены. Остальное

довершила авиация. Во второй раз в этот день 35-я гвардейская стрелковая дивизия оказалась под уничтожающим артиллерийским огнем.

Еще гремели взрывы и завывали осколки снарядов, когда на Мариамполь двинулись 500 гренадеров, поддержанных 10 танками и 14 самоходными орудиями. Они овладели мостом на шоссе из Гловачува в Варку и с запада ворвались в деревню. Поредевшие роты 101-го полка начали отходить к северу. После получасового боя гвардейцы засели в руинах Игнацувки и очередями автоматов отрезали пехоту, а прямой наводкой и гранатами задержали танки.

Почти одновременно последовала атака пехоты, поддержанная 12 танками, на Грабноволю. Роты 102-го полка, три дня назад отброшенные из Михалува, задержали танки, а гренадеров встретили контратакой в штыки. Однако сразу же за первой волной шла вторая, третья — и все поддержанные танками. Немцы овладели деревней, оттеснили гвардейцев к Домбрувкам-Грябновольским.

Гитлеровцы вводили в бой новые резервы, стремясь любой ценой продолжать продвижение. В 18.00 пала Игнацувка. Только в Домбрувках-Грабнопольских сражалась рота 102-го полка, а также на высоте 132,1, вспаханной снарядами и бомбами, держался сержант Снегирь с полтора десятком солдат.

На полях, занятых гренадерами, в низких лучах солнца догорали восемь танков и четыре самоходных орудия. На стерне и среди руин разбитых деревень лежали тела убитых в пятнистых куртках: это была цена, которую заплатили немцы за два километра захваченной земли.

За полчаса до этого, когда успех левого фланга был уже предрешен, от высоты 119 на запад в бой был введен второй эшелон дивизии «Герман Геринг». На участке в 1500 метров гренадеры подавили сражавшиеся в окружении последние очаги сопротивления 1-го и 3-го батальонов 100-го полка, прочесали лес.

В образовавшуюся брешь двинулись новые танки, самоходные орудия и бронетранспортеры. Встретив сопротивление 102-го полка под командованием майора Эйхмана, занявшего позиции вдоль опушки леса восточнее фольварка Студзянки до придорожного креста у высоты 131,8, немцы прикрылись с запада стрелковой цепью и несколькими пулеметными гнездами на перекрестках просек.

Группы немецких автоматчиков, продвигавшиеся в восточном направлении, встретили сопротивление противника. То здесь, то там в лесной чаще, в мокром ольшанике и тенистых буковых зарослях, на полянах с кое-где растущими дубами завязалась перестрелка.

Когда автоматчики усиливали натиск, противник отступал, обходил их справа или слева, атаковал во фланг. Они уже знали, что имеют дело с отдельными группами прикрытия, и оттесняли их все дальше на восток, не сумев, однако, нащупать основной линии окопов, отсечной ПОЗИЦИИ, по которой могли бы ударить артиллерия и минометы и которую могли бы прорвать и проутюжить гусеницами танки.

Командир 2-го гренадерского полка полковник Ганс Хорст фон Неккер, управлявший атакующими подразделениями первого эшелона дивизии «Герман Геринг», на своем «тигре», оснащенном очень мощной радиостанцией, добрался до опушки леса. Перед ним лежало поле скошенного хлеба и неубранного картофеля. Узкими полосками золотился люпин. Рожь в снопах, сложенных в копны, мешала наблюдению: за любой копной могло быть скрыто орудие или пулеметное гнездо. Гренадеры стреляли очередями трассирующих пуль. Дымились скирды, с треском полыхал огонь.

Солнце опустилось низко над горизонтом. Полковник бросил взгляд на карту: тактические знаки, составлявшие вначале треугольник, передвигались в соответствии с донесениями острием к востоку, и брешь начинала приобретать форму серпа. С сожалением Неккер подумал, что, пожалуй, подразделения слишком поздно были подняты в атаку, а потом недостаточно стремительно продвигались вперед. Полковник приказал занять лесную сторожку Остшень и оборудовать здесь узел сопротивления.

Вопреки уставам

Небо на западе еще розовело, а в землянке уже было темно. Когда начальник штаба принес оперативные донесения, поступившие из дивизии, и карту с нанесенной обстановкой, командир корпуса Глазунов попросил завесить окно и зажечь свет. Он остался один. Только лисенок, свернувшись в клубок и прикрыв мордочку хвостом, спал на нарах. Разостланная на столе помятая, исчерченная карта говорила о трудном дне.

За двадцать девять лет военной службы Василий Глазунов пережил много трудных дней, однако знойный день 9 августа 1944 года на магнушевском плацдарме, без сомнения, относился к числу самых трудных.

Из данных разведки генерал знал, что перед ним исключительно сильный противник. Немцы сосредоточили на каждом километре прорыва не менее ста стволов. Позиции 35-й гвардейской стрелковой дивизии в течение дня непрерывно бомбила вражеская авиация. Танков противник применял тоже много, однако все говорило о том, что командир дивизии «Герман Геринг» бросил в бой не более половины своих сил (сегодня нам известно, что всего лишь 30 процентов, так как ему была еще подчинена боевая группа! частей генерал-лейтенанта Кельнера). Нетрудно было догадаться, что он бросит в бой свежие силы в направлении Выгоды и Пшидвожице. Предыдущие сутки, заполненные боем в темноте, показали, что противник не станет ждать рассвета.

Глазунов одним взглядом оценил свои резервы: 1087-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк частично уже втянут в бои; 1-й и 3-й батальоны 100-го полка — в Студзянках; 137-й полк и 1-й батальон 140-го полка растянуты на рубеже от Ленкавицы через Выгоду вплоть до Клоды. Кроме того, 2-й батальон 140-го полка — под Виндугой. На находящийся за Вислой 3-й батальон этого же полка практически нельзя рассчитывать.

Солдаты в частях были что надо. Ни одного из них генерал не сменял бы на двух гренадеров, но солдат становилось все меньше и меньше. Последние сутки стоили двум дивизиям первого эшелона 500 убитых и раненых. Он не имеет права терять эту землю. Надо сделать все, чтобы удержать ее. Особенно здесь, на левобережном плацдарме, откуда можно нанести удар на Радом, Лодзь и Варшаву. Каждый метр этой земли стоит тысячи человеческих жизней.

Неизвестный ему командир гитлеровской дивизии имени Геринга ударил быстро. Если бы он опоздал на сутки, Глазунов мог бы тогда силами польской танковой бригады нанести контрудар.

Неожиданно генерал улыбнулся: он убедился в том, что противник нанес удар слишком поздно. Он должен был атаковать главными силами еще утром. И, как танкист, воюет этот фашистский командир слишком осторожно. Вместо того чтобы оттеснить фронтальной лобовой атакой 35-ю дивизию из Мариамполя и Грабноволи, он мог, не тратя трех часов, направить всю мощь танков через проделанный прорыв в лесу на Выгоду. Очевидно, он попытается это сделать сейчас. Необходимо любой ценой сильнее укрепить на ночь просеки в лесу Остшень.

Генерал отодвинул брезентовую штору и сказал начальнику штаба:

— Найдите генерала Межицана и соедините меня с ним.

— Он только что приехал.

— Пригласите его.

Межицан вошел. В левой руке прятал трубку. Голубоватый дымок тянулся по рукаву

мундир, цеплялся за серебро генеральских петлиц.

— Садитесь. Как идет переправа?

— Пока четырнадцать машин. Было бы больше, но авиация мешает.

— Где они?

— Штаб 1-го полка, четыре машины, рота бронебойщиков и автоматчиков в лесу, в полкилометре восточнее Старой Дембоволи.

— Остальные?

— Десять танков 1-й роты идут на Выгоду.

— Кто дал приказ? — Глазунов спрашивал строго, но глаза у него улыбались, потому что то, к чему он стремился, было уже выполнено. — У вас по частям всю бригаду растащат.

— Он делал вид, что сердится. — Кто приказал?

— Кто же мог приказать? — Межицан гладил по лбу сонного лисенка. — Я. Обстановка такая...

— Использование танков мелкими подразделениями противоречит уставу. После войны прилежные слушатели военных академий будут критиковать вас за это. На чистеньких, не забрызганных грязью картах всеми цветами покажут, что так действовать нельзя. Что вы на это скажете?

Межицан ответил коротко и ясно. Глазунов спросил, как это звучало бы по-польски, потому что всегда надо что-то узнавать.

Лесная засада

Когда выезжали из Пшевуза-Тарновского, солнце стояло уже высоко над горизонтом. Машины выходили из садов, сворачивали па юг, шли вдоль дамбы, левым бортом в тени приближающейся ночи, а правым — в красных отблесках уходящего дня. Розовели на башнях белые орлы, орлы древних Пястов с широко распростертыми крыльями.

Через километр колонна свернула от Вислы в сторону и через луга грунтовой дорогой вышла на Магнушев. На холме горел городок после последней бомбардировки. Рыжим отблеском сверкали при въезде озера, в которых чернели остовы разбитых автомобилей, брошенные орудия.

За городом выехали на широкий тракт и увеличили скорость. Они мчались с поднятыми вверх стволами. На броне первой машины, держась за поручни, стоял капитан из 142-го полка, приданный танкистам в качестве проводника. Тут же при нем были подпоручник Юзеф Кот и хорунжий Полько Линчевский — заместители по политической и технической части. В открытом люке, свесив ноги, в расстегнутом комбинезоне, без головного убора сидел командир роты разноглазый капитан родом из горного Алтая Виктор Тюфяков, которого все шутливо называли Цыганом, потому что он был черным, кудрявым и хитрым.

Над машинами, высунувшись по пояс из люка, на фоне темно-бурого неба вырисовывались силуэты командиров в черных шлемах. По следу гусениц танка Тюфякова шли машины хорунжего Мариана Гаевского из Варшавы, хорунжего Антония Мечковского из Люблина, хорунжего Владислава Уфналя из Свентокшиского Островца, сержанта Юзефа Наймовича из Троцкого повята, хорунжего Марека Вайсенберга из Тарнува, хорунжего Зайнитдинова Меликуза — узбека из ферганского Коканда, хорунжего Павла Резника из Подолья, хорунжих Яна Бабули и Антония Лежуха из Перемышля.

За лесом Бурачиска по влажным лугам они выехали на дорогу. У рвов росли вербы — низкие, раскидистые, как деревенские ведьмы. Автоматчики из взвода старшего сержанта Гайды, которые ехали по четыре-пять человек на броне, прижимались к стали, прятались за башни, чтобы ветки не задели глаз.

Впереди, километрах в двух, несколько правее, раздался орудийный залп, прямо над колонной просвистел снаряд. На нескольких танках командиры сразу же развернули орудия, готовясь дать ответ, но их уже укрыли ольховник и сосновый лесок. Они проскочили небольшой мост над мелиорационным рвом, миновали несколько разрушенных изб Выгоды, остановились на песчаной дороге, заросшей сухой травой и невысокими сосенками, макушки которых едва доходили до половины башни.

Командиров машин вызвали в голову колонны для получения приказа. Экипажи жевали хлеб с сухой колбасой: кроме яблок из сада над Вислой, они с утра ничего не ели.

Старший сержант Гайда времени не терял — его автоматчики на дне воронки развели огонь: хотели сварить макароны. Но в это время из леса выехала запряженная низкими мохнатыми лошадьми походная кухня. Из-под жестяного колпака ее печи вился дымок.

— Что у вас в котле? — спросил Гайда.

— А ты кто? — Повар соскочил с козел и, увидев в сумерках незнакомую форму, потянулся за винтовкой.

— Спокойно, отец. Мы танкисты из польской танковой бригады. Что везете?

— Кашу с мясом. — Русский успокоился. — Ищу своих, не могу найти.

— Мы тоже свои. Накормите, а мы вам чего-нибудь крепкого дадим...

— Зачем же?... Если — свои, я и без крепкого могу накормить.

Созвали всех. Быстро наполнили котелки. Но не успели поднести ложки ко рту, как послышались странные звуки, будто кто-то ладонью выбивал из бутылок пробки. Раздался свист — в тот же момент шлепнулись две тяжелые мины. Одна — прямо в макароны, которые приказал варить Гайда, а другая чуть подальше.

— Негодяи, все макароны разнесло.

От головы колонны бежали командиры танков, каждый с проводником от советской пехоты. Сжатый воздух шипел в стартерах. Ворчали двигатели.

Упали еще две мины, уже ближе, обдав всех смрадом и дерном.

— Вперед!

Колонна двинулась, и, когда батареи немецких шестиствольных минометов дали залп из всех стволов, последние машины Резника и Бабули уже выходили из-под огня.

Последние лучи солнца погасли на небе. Лес погрузился во тьму. Ориентировались только по раскаленным выхлопным трубам идущих впереди машин и по светящейся между кронами деревьев голубой полосе. Четырежды сворачивали то в одну, то в другую сторону.

Потом две машины впереди пошли вправо на просеку, а остальные поехали прямо, а через 300 метров два передних танка снова изменили направление. Так разъехалась вся рота. Потеряна видимая связь, а командир запретил пользоваться радиостанцией: только через каждые полчаса можно было включаться на пять минут для подслушивания.

Проводники вели танки лишь им одним известными дорогами, иногда задерживали их, указывая на еще неготовые траншеи.

— Здесь.

В танке оставался только один дежурный, а остальные члены экипажа и автоматчики сразу же начинали помогать советским пехотинцам. Гвардейцы вертелись волчком, суетились, их задор передавался и нашим. Выбрасывали лопатами песок на бруствер, топориками рубили сплетенные корни. Пот лил ручьями. После жаркого дня ночь была душной. Не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Они иначе представляли себе первый бой. Каждый, видимо, думал, что после сильной артиллерийской подготовки они пойдут целой бригадой, стреляя из орудий, гусеницами вдавливая в песок брошенные немцами пушки.

Потерявшиеся в лесу, они не чувствовали уверенности. Прибыли сюда, когда было темно, не знали сил врага, не знали, какое прикрытие имеют на флангах. Противник, не видимый за стеной сосен, был недалеко от них. Трещали автоматы, изредка разрывались гранаты. Как большие грозные совы, погукивали минометы.

Примерно через час после того, как спустились сумерки, около 21.00, окопы были готовы. Танкисты ввели в них танки, сели передохнуть. Командиры взводов и рот из батальона капитана Ткалунова сразу же установили сигналы, указали цели, согласовали пароли и в окопах под плоскими брюхами танков стали организовывать свои КП. Телефонисты тянули линии, устанавливали аппараты.

Советские офицеры и солдаты оказывали нашим различные знаки внимания: угощали махоркой, табаком «Золотое руно», подсовывали консервы и хлеб, разливали пайковую гвардейскую водку в бакелитовые кружки, захваченные у немцев. Гвардейцы были рады нашим танкам. Завязывались первые знакомства.

— Как по-вашему танк?

— Чолг.

- А хлеб и водка?
- Хлеб и вудка.
- Почти так же. Ну, а если выругаться надо?
- Можно сказать холера, пся крев!
- Тоже красиво.

На танке командира роты ослабла гусеница. Протертое звено ударило обо что-то твердое и треснуло. Механик-водитель старший сержант Василий Опалев, заряжающий сержант Михаил Величко и стрелок-радист сержант Рышард Врублевский взялись исправить. Капитан Тюфяков назначил командиром танка своего заместителя по технической части хорунжего Линчевского, а сам, усевшись на броню, начал снимать сапоги.

— Хочешь лечь спать? — спросил его Кот.

— Нет. Они так жмут, что терпения никакого нет. — Он вытянул ногу из второго голенища и, вздохнув с облегчением, швырнул оба сапога в открытый люк танка. — Сражайтесь без меня. Фрицев близко не подпускайте.

— А ты куда?

Виктор по ремню пододвинул наган на живот, вынул из кармана бельгийский шестнадцатизарядный пистолет, добытый в Люблине, и зарядил его.

— Посмотреть, как другие живут. Ведь не танком команду, а ротой.

— Ночью в чужом лесу заблудишься. На немцев наскочишь, а то, чего доброго, и наши, не зная кто идет, стукнут.

Капитан подошел ближе, положил Коту руку на плечо.

— Ты, Юзек, много знаешь. И о земельной реформе, и о лондонском правительстве, и о новых польских границах. А одной простой вещи не можешь понять: дерево для моего гроба еще даже из-под земли не показалось. Мать-цыганка нагадала, что смерть в этой войне мне не предписана. Запомни это.

С этими словами он раздвинул ветки и исчез в темноте.

Как он находил дорогу, каким чувством ведомый проникал он между сидевшими в засаде советскими пехотинцами и немецкими гренадерами — неизвестно. Однако факт остается фактом: в ту ночь он побывал у каждого танка, поговорил с каждым экипажем и, что греха таить, в 1-м батальоне 142-го гвардейского стрелкового полка даже выпил за польско-советское братство по оружию.

В 21.40 начала бить немецкая артиллерия. Била вслепую. Танкисты укрылись под броней, пехота прижалась к земле в окопах. Снаряды срезали толстые ветви, тяжелые мины валили сосны.

Через двадцать минут огонь перебросился дальше, на восток, а перед нашими позициями раздались крики, послышался глухой рокот моторов. Зазвенели, ударившись о сталь, первые автоматные очереди. В перископах и прицелах замаячили темные бугорки движущихся просеками танков.

Трещали автоматы, ухали тяжелые орудия. Эхо грохотало между стволами деревьев. Трудно было определить, чей снаряд точнее. Важно, что вдруг вздымается вишневый столб огня — горит немецкий танк. Осколочные снаряды выметают гренадеров из просек, загоняют их обратно в лес.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем те, для кого этот бой был первым боевым крещением, поняли, что врага отбили. Некоторые по наивности удивлялись, что, мол, значит, это не так уж трудно.

Однако перерыв продолжался не долго. На польские и советские позиции снова пошел в атаку батальон, поддерживаемый ротой танков. Артиллерия противника стреляла прямой наводкой. И опять атака гитлеровцев захлебнулась под перекрестным огнем лесных засад. Озаряемые горящими танками, гренадеры повернули вспять.

Но снова и снова противник прощупывал советскую линию сопротивления, вдохновляемый тем, что у большевиков не должно быть здесь танков. Подстегиваемые приказами командования дивизии, гитлеровцы еще дважды за ночь упорно старались нанести удар через лес.

Когда забрезжил рассвет, стали видны два сожженных средних танка Т-IV, два продырявленных тягача, два разбитых полевых орудия. Между деревьями валялось около двухсот убитых гренадеров.

Капитан Тюфяков, сидя на правом крыле своей машины, внезапно постучал рукояткой пистолета по броне и вполголоса приказал Величко:

— Противотанковым заряжай.

Сержант сразу же выполнил это. Командир ловко впрыгнул через открытый люк, припал к прицелу и повел стволом влево. Ждал: выйдет или нет. Не больше чем в двухстах метрах за кустами показалась угловатая тень. И хотя кругом грохотали минометы, через приоткрытый люк Тюфяков слышал гул мощного двигателя: перед ними был одинокий «тигр», без пехоты. Наверное, заблудился в лесу.

Виктор взял его на прицел и ждал нужного момента. Противник шел к ним полубоком. «У него толстая шкура, может, бок подставит?»

Вдруг слева, оттуда, где стоял танк 112, раздался выстрел. Тюфяков выругался: мол, спугивают зверя. Однако снаряд попал в гусеницу, вверх взлетели две разодранные стальные ленты. Хорунжий Мечковский тоже все взвесил и хорошо рассчитал. Подбитый «тигр» теперь не убежит, но он еще способен защищаться. У него два пулемета и мощная 88-мм пушка. Может смертельно укусить.

Однако этот «тигр» — из числа трусливых. Держа палец на спуске, Тюфяков увидел в прицеле, как через открытый люк экипаж «тигра» выбросил на броню дымовую шашку. И пока седое облако не обволокло танк, он заметил, как немцы скатываются по броне. Чтобы

не передумали, Тюфяков нажал спуск спаренного с орудием ручного пулемета. Эхо двух коротких очередей отозвалось внутри танка. Теперь без труда можно разбить и сжечь пустую, неподвижную машину, но Тюфяков решил иначе.

— Юзек, к орудию и следы, — приказал он своему замполиту. — Врублевский, бегом к соседям. Предупреди, чтобы не трогали этот «тигр», а то своих перестреляют. А ты, Михаил, за мной.

Выпрыгнул на броню. В носках, разодранных во время ночного путешествия по лесу, с непокрытой головой, он побежал между деревьями. Сержант Величко едва поспевал за ним. Тюфяков спешил: «Черт знает, а вдруг какой-нибудь шваб остался внутри танка?»

Командир роты Сташек Лицкевич прильнул к перископу и с замиранием сердца наблюдал за ними. «Вот это солдат! Этот Виктор — прямо черт!»

Вот бегущие упали перед танком на землю, скрылись в высокой траве. Лицкевич уже их не видел. Очевидно, заползли под танк, между гусеницами, и влезли внутрь через нижний открытый люк. Через мгновение мотор «тигра» взревел и огромная машина стала поворачивать. Сошла с сорванной гусеницы, зарылась боком в песок, повернулась кормой к нашим. Таким образом, Тюфяков был защищен от врага толстой передней броней.

Секунду спустя началось... Покинутый гитлеровцами танк поднял ствол и раз за разом начал бить из пушки, длинными очередями строчить из пулеметов.

Это продолжалось довольно долго: боеприпасов у фашистов было достаточно. Противник, подумав, что началась атака, открыл из минометов заградительный огонь, вслепую посылал очереди из пулеметов.

Вдруг из-под брони взвились клубы дыма, показался огонь. Лицкевич испугался. «У, черт, — подумал он, — попали в них? Или что взорвалось внутри?» Но тут же улыбнулся: израсходовав все снаряды, Тюфяков и Величко подожгли танк. Они уже возвращались. Два смельчака шли в обнимку и во все горло что-то пели. Что именно, нельзя было разобрать. Опьяненные пороховым дымом и удачей, они шли, пошатываясь из стороны в сторону.

Почти у самого своего окопа Величко ранило в ногу. Он присел за танком. Виктор засучил штанину его комбинезона и стал забинтовывать глубоко распоротую кожу. Но оба не переставали хохотать.

— Фрицев поперек шерсти погладили, — говорил Михаил.

— Запомнят польских танкистов, сукины сыны, — вторил ему Тюфяков. — Не больно?

— Нет, ерунда. До свадьбы заживет.

— А теперь пора завтракать. Сержант Лицкевич, вы, черт возьми, старшина роты или нет?

— Старшина, товарищ капитан. Но завтракать еще рано. Еще солнце не взошло.

Когда на востоке заалело небо, а на западе прямо над деревьями угасли звезды, взвод советских автоматчиков атаковал группу немцев, которые пробрались через лесную чащу в тыл наших позиций. Со взводом пошел танк 112 под командованием Антония Мечковского.

Экипаж верил в свои силы и солдатское счастье. Ночью танкисты сожгли бронетранспортер, накрыв его с трехсот метров двумя снарядами, а на рассвете выстрелом в гусеницу вывели из строя заблудившийся «тигр».

Теперь они шли в атаку со взводом автоматчиков. Советский лейтенант указал им цель — пулеметное гнездо. Первым же снарядом они разнесли его и устремились за цепью атакующих. Советские автоматчики с криками «ура» гнали удирающих немцев, польские

танкисты срезали очередями едва заметные в тумане силуэты фашистов.

Впереди открылась небольшая поляна с двумя дубками посередине. Справа росли высокие кусты. Пехотинцы смело вбежали на поляну.

Хорунжий приказал механику-водителю:

— Прибавь газ. — И дал осколочным между деревьями по противоположной стороне поляны.

Что-то вдруг ударило в танк, и сразу все заволкло дымом, разъедающим глаза. Мечковский, увидев облако пыли справа, стал поворачивать башню.

— Противотанковым!

В этот момент он краем глаза заметил, что заряжающий, шатаясь, рукавом вытирает кровь с лица. Вот он упал на замок орудия. Потом Мечковский увидел отблеск выстрела над теми же кустами, справа, и почувствовал, как что-то горячее обожгло его грудь.

От двух 88-мм снарядов, выпущенных самоходным орудием «фердинанд», танк 112 сгорел. Вместе с ним сгорели командир — хорунжий Антоний Мечковский и заряжающий — капрал Ян Бонотовский. Механик-водитель плутоновый Станислав Лясковский и радист, девятнадцатилетний Владислав Туркевич, остались живы. Несмотря на ранения и контузию, они сумели выползти через десантный люк.

Когда Виктор Тюфяков и Юзеф Кот пробирались по лесу к обгоревшему танку 112, надеясь найти тела погибших, под старым грабом они наткнулись на заросшую травой и колючими кустами ежевики могилу. На деревянном кресте была вырезана надпись. Юзеф прочитал, соскоблив ногтями шершавый мох: «Погибли за пропавшую Польшу. Сентябрь 1939 г.».

— В этих местах были окружены остатки нашей армии «Прусы», — объяснил Кот. — Кто-то из штаба бригады рассказывал, что в лесу под Студзянками две роты, не имея, на чем переправиться через Вислу, сами сожгли свои танки...

Да, это была правда. Утром 10 сентября 1939 года отступающий от границы 1-й танковый батальон майора Кубина поддерживал 44-й полк во время атаки на Гловачув. Немцев отбросили, однако вечером, сняв пулеметы и 37-мм орудия, сами были вынуждены уничтожить почти тридцать своих 7ТР. Через лес мимо Выгоды они отошли к Висле, унося с собой оружие и горечь поражения.

Тюфяков стоял в задумчивости над могилой. Он думал и об Аптеке Мечковском и Яне Бонотовском. Пять лет назад в сентябре они были ранены во время обороны Варшавы. И вот эти два солдата первыми погибли из его роты. Обоим было по двадцать четыре года...

— Ерунда, — проговорил он. — Почему за пропавшую? Ни те, кто здесь лежит, НИ наши, которых мы похороним, погибли не зря. Как поется в польском гимне?

— «Еще Польша не погибла, пока мы живы...»

— Вот именно. Давай возвращаться.

В тени старого граба было сумрачно, а верхушки деревьев уже золотились в первых лучах восходящего солнца. Занимался новый день.

Вот донесение командования группы армий «Центр» об обстановке, составленное новым начальником штаба генералом Гансом Кребсом в 2.20 10 августа:

«...На Висле 8-й корпус 9-й армии продолжал наступление с целью закрыть бреши на плацдарме Магнушев. Танковая группа 19-й танковой дивизии в

результате наступления севернее Новой Воли не смогла прорвать фронт и была переброшена на юг, на левый фланг танковой дивизии «Герман Геринг», где атаковала в северном направлении. Танковая дивизия «Герман Геринг», наступая через лес на запад от Ходкува, передовыми отрядами достигла опушки леса восточнее Студзянок. Боевая группа 19-й танковой дивизии захватила Мариамполь и Грабноволю и, отражая многочисленные контратаки противника, продолжает наступление на Домбрувки-Грабновольске.

Ожесточенно обороняясь, противник на западном берегу Вислы ввел в бой моторизованную бригаду и массированным артиллерийским огнем обстрелял передовые отряды наших наступающих боевых группировок».

Оборона (10 августа)

Бодрствование на берегу

Над Вислой опустилась ночь. Восемь часов темноты нужно было использовать для подготовки к предстоящему бою днем. В соответствии с приказом генерала Межицана 1-й танковый полк должен был закончить переправу 10 августа в пять часов, через пятьдесят минут после восхода солнца.

Когда сгустились сумерки, паром перевез две машины из 2-й роты и — вышел из строя. В течение дня он удачно лавировал между падающими снарядами. Казалось, и осколки его не берут. А сейчас, ночью, когда пилоты бросали свой груз на ощупь, надо же было так случиться, чтобы в паром попали! Когда он причаливал с ранеными к восточному берегу, рядом взорвалась стокилограммовая бомба. Два советских солдата погибли, польского сапера ранило. Один из осколков пробил борт моторной лодки над ватерлинией, а другой — повредил мотор.

Дыру в борте заделали за четверть часа, а вот с мотором было куда сложнее: запасные части находились далеко в тылу.

Переправа приостановилась, а время шло. Ночь была наполнена сосредоточенным артиллерийским огнем и постоянным гулом атакующих самолетов.

Как известно, неудачи следуют одна за другой. Около полуночи в советский склад боеприпасов, скрытый в лесу недалеко от переправы, попал снаряд крупного калибра.

Яркий свет, как от сотен молний, на секунду озарил все вокруг. В небо взвился огромный столб рыжего огня, взрывной волной в радиусе ста метров снесло деревья. Всех вокруг обдало песком. Он еще долго потом сыпался сверху. Дым прядями обволакивал укрытые танки.

Если до этого танкисты или спали под деревьями, или ходили к соседям в гости, то теперь без приказа они спрятались под танки. Услышав взрыв, немцы решили помешать эвакуации раненых и стали бить шрапнелью. В броню будто кто бросал крупные камешки.

В глубокой яме, под танком командира 3-й роты поручника Тараймовича, экипаж резался в очко. После пятой раздачи стрелок-радист Павельчик отказался играть.

— Сдавай карты.

— Нот, Петя! Я с тобой играть не буду. — Павельчик спрятал замасленную колоду карт в карман. — Ты, брат, для меня слишком ученый. В детдоме был.

Петя Осевой, а точнее, Пётрек Осёвый, ибо родился он в Старом Селе около Любачева, в Россию попал вместе с отцом сразу же после первой мировой войны. Ему было два года, когда он остался круглым сиротой. Петя вырос в детском доме и, как говорится, был подкован на все четыре ноги. Так что играть с ним в карты — лучше не берись.

Однако не это было главным в Пётреке. Пять лет назад он впервые сел за рычаги управления, и сейчас для него в танке не было секретов. Он ездил на БТ-2 и БТ-7, на тех, что снимали гусеницы на шоссе, а потом, как автомобили, выжимали до 120 километров в час. На них можно было и через рвы прыгать. Экипаж на этих танках состоял из трех человек. Недаром в песне поется: «Три танкиста, три веселых друга...» Но танки те были легкими и броня их для такой войны, как сейчас, не годится.

— Т-34 — машина что надо, — говорил Осёвый.

В этом тапке экипаж состоит из четырех человек. Жаль, что никто не написал еще песенки о четырех веселых танкистах. Она как раз была бы о них. Поручник Тараймович любил гитару, он играл и пел. Хороший человек и посмеяться любит! Их экипаж подобрался

еще на Смоленщине. Павельчик из автоматчиков переквалифицировался в радиста, Адольф Турецкий из подразделения противотанковых орудий перешел в заряжающие.

Турецкому будто кто назло подобрал такое имя — Адольф. Их командир Ростислав (они его называли Славен) подшучивал над Турецким, что, мол, когда дойдем до Берлина, придешь к Гитлеру и скажешь ему: «Привет, тезка». Так и встретятся два Адольфа.

А если говорить правду, Турецкий — очень порядочный парень. Он так драил танк, а еще больше свое орудие, что Тараймович заламывал руки: «Придется, наверное, его выгнать, а то совсем ствол раскалится. Трет и трет. Из чего будем стрелять?» Но ото лишь шутки ради. На самом деле Турецкий и Тараймович любили друг друга. Они были на «ты» с самой Смоленщины, с тех пор как в деревне Рай Тараймович женился. Здорово там погуляли. А теперь друзья над Славком шутили, что была, мол, у него райская свадьба...

Павельчик не захотел играть в очко с Осёвым. Они сидели молча, и под разрывы бомб каждый думал о своем.

— Черт бы все побрал! — выругался Павельчик. — Хуже всего ждать.

— Петрек, расскажи, как ты воевал, — попросил Турецкий.

— Уж все знаете. Раз пять рассказывал.

Тараймович дремал в углу окопа. Услышав голос Турецкого, он поднял голову и тихо сказал:

— Когда интересно, можно без конца слушать. Расскажи. — Он был из Белоруссии и тянул, как бы нараспев, окончания.

Осёвый, польщенный просьбой командира, сразу же согласился.

— Первый раз горел в тапке под Полтавой, но легко отделался. Потом мы защищали Харьков. От бригады осталось только три танка, а мы — в котле. Тогда капитан принес знамя бригады, всунул через люк в мою машину и сказал: «Попробуем вырваться. Ты знаешь дорогу. Веди на Ольховатку». Ночь была темная, как сейчас. Я выехал на шоссе, те две машины — за мной. Зажгли фары и включили газ па полную железку. Мчусь на полном ходу и думаю только, чтобы гусеница не слетела. Фрицам и в голову не пришло, что в тылу может ехать противник. Они давали нам дорогу, а на перекрестках даже флажками направление указывали. Только когда мы весь Харьков проскочили из конца в конец и выехали за последние дома, фрицы, видно, присмотревшись, сообразили, в чем дело, и начали бить сзади из пушек, но — мимо. Было уже поздно! Так мы прорвались па Ольховатку.

Галдела зенитная артиллерия. Как всполошенные куры, кудахтали скорострельные орудия. В лесу рвались снаряды, а Пётрек все рассказывал: как опять в его танк попали, как он сам горел, как тлели на его ногах кирзовые сапоги, как из госпиталя попал в Сельце, как, получив распределительную карточку, ничего не мог разобрать, поскольку написано было по-польски, а он, как сквозь туман, помнил лишь песенку о бурых котятках.

— А-а-а, два котенка, серо-бурых, — затянул Славек Тараймович. И все хором подхватили, неизвестно почему давясь от смеха: — Ничего не будут делать, только Петрю забавлять-

Перебросившись шутками, Тараймович опять задремал. Все затихли. Адольф Турецкий, который немного шепелявил, спрашивал Пётрека шепотом:

— Ты три раза был ранен?

— Четыре. Последний раз под Ленино, — объяснял тот тихо. — Вас обоих еще в нашем экипаже не было. На твоём месте, Адольф, заряжающим был Бомбербах. Потом роту отвели в резерв: у нас оказались самые большие потери в полку. Меня осколком ранило в колено.

Когда возвратился из госпиталя... — Он заговорил еще тише и оглянулся на Тараймовича.

Темнота стала рассеиваться, небо немного прояснилось, и уже можно было различать черты лица дремавшего Славка.

— Когда возвратился из госпиталя, — повторил Пётрек, — то Славек посадил меня на свое, командирское место, чтобы я умел при случае заменить командира. Славек водил машину сам и приговаривал: «Приказывай, гражданин командир роты». И так до тех пор, пока я по обучился. Поэтому и я вас учил водить машину: в танке каждый должен все уметь делать.

— Нашу роту хотят отдать в резерв полковника Чайникова, — вспомнил Павельчик. — Как бы хуже не было.

— Не твоя забота. Лучше подумай, как воды принести. Скоро утро, и надо бы рожу сполоснуть.

— К Висле сбегая, здесь близко, — обрадовался Сташек. — Бери, Адольф, брезентовое ведро. Идем. Я и других ребят позову.

В лесу они встретили солдат из мотопехотного батальона. Те направлялись небольшими колоннами в сторону Вислы.

— Куда идете?

— На переправу.

— Не спешите. Моторка испортилась.

По тут, как бы желая опровергнуть их слова, от парома долетела ровная трескотня отремонтированного мотора.

Их перегнал монтер плютоновый Люцек Шепель. Он нес две тяжелые канистры.

— На водку будешь менять? — зацепил его Турецкий.

— Для моторки бензин нес.

Запахавшись, он быстро пошел дальше, таща пудовые канистры. Недалеко от берега, у крутого склона, его настигла еще одна бомбежка. Шепель спустил канистры вниз по откосу, а сам спрятался на дне окопа, рядом с телефонистом.

— Смотри, как бьют, — сказал русский. — У тебя есть закурить?

Закурили. Самолеты никак не улетали, и Шепель скатился вниз по песку за канистрами. Вместе с сержантом Иваном Сорокой они наполнили баки, не обращая внимания на свистящие вокруг бомбы.

От леса к парому шли танки, за ними — взвод 1-й роты мотопехотного батальона.

Переправа вновь стала действовать. Солнце еще не всходило.

Из-за проклятого повреждения мотора к пяти часам полк не смог переправиться. Сейчас шли только последние тапки из 2-й роты подпоручника Чичковского. После ночных тревожений день казался спокойным и безопасным. Может, потому, что на рассвете генерал Межицан перенес свой командный пункт на западный берег, ближе к фронту. Это успокаивало. «Если б не был уверен, что удержим плацдарм, то не перенес бы КП».

«ГГ» расширяет брешь

Не прошло и полчаса после восхода солнца, как наблюдатели из батальона старшего лейтенанта Ишкова и с высоты 132,1, где еще находился на позициях 2-й батальон 100-го полка, одновременно донесли, что гитлеровцы сосредоточивают большие силы пехоты и бронетранспортеров на полпути между Грабноволей и Эвинувом.

Командиры обоих батальонов обратились за помощью к артиллерии. Ударили орудия 35-й и 57-й дивизий, однако огонь не был плотным. Не хватало снарядов, так как ночью не только польская паромная переправа, но и два советских моста неоднократно повреждались бомбами.

Только в семь утра дивизион гвардейских минометов, любовно прозванных «катюшами», дал залп. Послышалось такое шипение, будто одновременно разорвалось несколько паровозных котлов. Все кругом наполнилось свистом. За три секунды 192 термитных снаряда описали дугу, обозначив свой полет красными полосками раскаленных газов. Над деревьями взвилась лавина огня, лес заволокло дымом. В ответ грохнула немецкая артиллерия, и гренадеры, несмотря ни на что, пошли в атаку. Они ударили одновременно в двух разных направлениях — по восточному и западному флангам основания клина.

У солдат 2-го батальона 142-го полка из своих окопов на южной опушке лесного квадрата 111 не было хорошего поля обстрела. Его заслоняли кусты, повалившиеся и обгоревшие сосны. Услышав нарастающий гул двигателей, солдаты готовились к бою с короткой дистанции, вкручивая запалы в гранаты.

— Бронебойщики! Вперед! — передали по цепи.

Первым немцев заметил наводчик противотанкового ружья старший сержант Пенник. Из-за стволов поломанных деревьев на обгоревшую лужайку выполз транспортер.

Сержант чуточку выждал и нажал курок. Противотанковый 14,5-мм снарядик вылетел со скоростью 1800 метров в секунду, пробил броню и, угодив в мотор, вывел машину из строя. Гренадеры молниеносно повыпрыгивали через борт. Пенник был им за это признателен и тут же выстрелил еще раз; Над транспортером вспыхнуло пламя.

Немецкая стрелковая цепь двигалась вперед, на ходу давая очереди из автоматов. Справа и слева подъезжали и спешивались новые взводы. Батальон в окопах встречал противника огнем из всех видов оружия. Однако гренадеры приближались, они были уже совсем близко.

Экипаж польского танка должен был ждать сигнала старшего лейтенанта Ишкова, но командир машины сержант Юзеф Наймович не выдержал. В стволе танка был осколочный снаряд, поэтому, как только Наймович поймал в прицел группу немцев поплотнее, он выстрелил из пушки. Застрочил и пулемет.

— Заряжай.

Капрал Павел Вашкевич натренированным движением ловко втолкнул следующий снаряд, захлопнул замок и снял спуск с предохранителя.

Орудие вздрогнуло и выбросило дымящуюся гильзу. Запахло порохом. Выстрелы следовали один за другим, разнося залегшую стрелковую цепь и преследуя отступающие задним ходом транспортеры. И когда уже немцы отошли, а между деревьями остались только две горящие машины, танкисты продолжали стрелять.

— Эй, братья поляки! — раздался голос старшего лейтенанта. — Берегите снаряды, день только начинается.

Откуда Ишкову было знать, что танкисты так стараются потому, что прежде это был невезучий танк. Наймович, тридцатидвухлетний мужчина с Виленщины, имевший всего пять классов средней школы, был в роте единственным командиром танка без офицерского звания, хотя служил еще в старой польской армии и воевал с сентября 1939 г. Весельчак радист Леон Грешта приводил в ярость тех, кто обучал его строевой, ибо никто, как Грешта, не умел так неправильно, не по уставу шагать: с левой ногой — левая рука, с правой — правая.

Однако хуже всего было с механиком-водителем сержантом Юзеком Павловским: пока танк стоял, казалось, все было в порядке, а как только в путь — сразу что-то ломалось и приходилось останавливаться. Именно по этим причинам танкисты так и старались.

Иначе сложилась судьба боя на западном участке у основания бреша.

После короткой, но мощной артподготовки точно в назначенное время — в 7.15 — пошла в атаку пехота на транспортерах, поддержанная танками. По захваченным накануне просекам гитлеровцы вошли в лес и развернулись в западном направлении. Несколько звеньев пикирующих бомбардировщиков, получавших ориентировку по радио с земли, одновременно атаковали дорогу, ведущую от Грабноволи на север, деревню Студзянки и фольварк.

Когда немецкий левый фланг вышел в поле, по нему с высоты 132,1, над которой еще висела туча пыли и дыма после разрыва бомб, ударили пулеметы и открыли огонь прямой наводкой две «сорокапятки».

Стрелковая цепь залегла в стерне между дымящимися корпусами машин, но не отошла.

Тем временем в лесу Ленги гренадеры упорно продвигались вперед. Прорвав цепь советской пехоты на левом фланге 102-го полка, они подошли к окраине луга южнее фольварка. В нескольких местах они оседлали дорогу, ведущую из Грабноволи в Студзянки. Остановить их удалось только на одной из тропинок в лесном квадрате 105, в каких-нибудь ста метрах от западной стороны дороги.

Высота 132,1 держалась. Оттуда еще доносились одиночные винтовочные выстрелы. Экономя боеприпасы, старший сержант Снегирь запретил вести огонь из «максимов» при отражении новой атаки. Четверть часа назад на территорию стертой с лица земли деревни Домбрувки-Грабновольске вошли танки. Снегирь знал, что бойцы уже взяты в полукольцо, что в любой момент гитлеровцы могут прорваться на южную опушку леса Ленги и отрезать пути отхода.

Раненная вчера левая рука опухла, болела сильнее. Он проверил, может ли двигать пальцами, и попросил одного из солдат:

— В кармане, должно быть, немного махорки осталось. Скрути мне папироску.

Немцы притихли. Очевидно, они закрепились на занятых позициях в лесу между высотой и Студзянками. Солнце поднималось все выше, сгущался августовский зной. Даже в тени было больше 26 градусов. Лениво громыхала артиллерия, время от времени отзывались танки, стерегущие залегших в поле гренадеров. Снаряды попадали в старые воронки, уже в который раз пересыпая ту же самую землю.

С северо-запада за своей спиной Снегирь в лесу услышал низкий гул моторов. Он узнал милый сердцу звук: это от линии фронта подходили танки.

Воспользовавшись тем, что 19-я нижнесаксонская танковая дивизия со вчерашнего вечера прекратила атаки под Грабувом, генерал Чуйков укреплял позиции майора Эйхмана машинами 40-го тяжелого танкового полка подполковника Оглоблина, 1087-го самоходно-

артиллерийского полка и артиллерией из своего резерва. Начальник штаба 102-го гвардейского стрелкового полка майор Беранжицкий в начале одиннадцатого сообщал в боевом донесении № 634:

«...Линия нашей обороны проходит от высоты 142,1, вдоль южной опушки леса до дороги, ведущей в лес от восточной окраины деревни Домбрувки-Грабновольске. Справа обороняется 3-й батальон 101-го полка, слева — 2-й батальон 100-го полка. На нашем участке в пехотном строю 6 самоходных артиллерийских установок и 6 тяжелых танков ИС. Мне подчинены две самоходные артиллерийские установки подразделения 1087-го самоходно-артиллерийского полка и 9 дивизионных пушек 118-го легкого артиллерийского полка. Прибыл 282-й минометный полк, и 1-я батарея уже заняла огневые позиции. Вооружение переднего края состоит из: 1 станкового пулемета, 4 ручных пулеметов, 10 82-мм минометов, 1 противотанкового ружья, 9 дивизионных пушек, 6 танков ИС, 6 самоходных артиллерийских установок. Активных штыков в первой линии — 86».

Последняя цифра в донесении майора Беранжицкого указана правильно. За последние 40 часов они потеряли в бою убитыми и ранеными 141 человека, и именно столько солдат — 86 — осталось на первой линии в строю 102-го гвардейского стрелкового полка. Остальные — это минометчики, артиллеристы, связисты и саперы, водители, перевозившие боеприпасы и продовольствие. Вместе со штабами, писарями и поварами полк насчитывал, 927 человек, то есть менее 29 процентов своего штатного состава. Однако он не перестал быть полком и этими силами, которыми располагал, должен был выполнить очень важное задание — не позволить гитлеровцам еще более расширить к западу горловину бреша, которая уже составляла 1700 метров.

Через четыре часа после начала утренней, атаки немцы овладели лесом Ленги, вышли на его северо-западную опушку, на окраину прямоугольной поляны, вырубленной еще в XIV веке студзянковскими крестьянами. 2-й батальон 100-го полка, в котором служил сержант Снегирь, оборонявший высоту 132,1, практически был отрезан. Лишь один неглубокий ход сообщения, проходящий зигзагом через поля, соединял его с правым соседом.

Под Ходкувом танки молчат

Рота подпоручника Чичковского оказалась на плацдарме в пять часов утра. Ее ожидали с нетерпением, ибо она нужна была как вода в пустыне. Но не сразу рота двинулась в сторону фронта.

Каждый командир, начиная со времен еще Древнего Египта, знает, что подразделения резерва — как соколы на охоте: ими можно располагать только до того времени, пока они сидят на кожаной рукавице.

Только когда 2-й батальон 142-го полка отразил утреннюю атаку, а тяжелые танки подполковника Оглоблина и самоходки 1087-го самоходно-артиллерийского полка заняли позицию в цепи 102-го полка, генерал Василий Глазунов решил придать 2-ю роту 1-го танкового полка 57-й гвардейской стрелковой дивизии.

Приказ уже дошел до Пшевуза-Тарновского. Восемь машин (две были повреждены во время бомбежки и оставлены для ремонта) двинулись от дамбы к фронту, везя в танке 120 проводника из 174-го гвардейского полка.

Принимая решение, генерал Глазунов знал только о том, что еще до рассвета, в 2.00 и 2.40, немцы дважды атаковали Ходкув. Правофланговая рота 174-го полка, защищавшая деревню, отбила остатками сил атаки гренадеров: между стенами разрушенных домов и на пепелище в темноте дошло до штыкового боя.

После восхода солнца Ходкув непрерывно находился под огнем тяжелых минометов и орудий, стреляющих из леса и из-за реки. В штаб корпуса поступали сообщения от артиллерийской разведки и авиации, что на участке немецкой 17-й дивизии — у Радомки, в Воле-Ходкувской, в лесу Беле и под Рычивулом — замечено сосредоточение пехоты и самоходных орудий.

170-й Демблинский гвардейский стрелковый полк Дроилова и 174-й полк Колмогорова, которые сражались на высоте 121,6, а потом около Разъезда и теперь в течение последних двух дней, 8 и 9 августа, защищали Ходкув, потеряли 140 человек убитыми и 430 ранеными. Если гвардейцы должны удержать позиции, отразить ожидаемые атаки, то необходимо их поддержать хотя бы силами восьми польских танков.

Вот потому рота подпоручника Чичковского была направлена не к лесу Остшень и не в лес Ленги. Минуя Магнушев, она пошла прямо и около Пшидвожице въехала в лес и двинулась по широкому тракту, ведущему к сожженному мосту под Рычивулом. Им повезло: прибыв на переправу между налетами, они закончили переход, не попав под бомбежку.

Они остановились на гребне лесной высоты. Отсюда сквозь деревья просматривался противоположный берег Радомки, а на нем — искалеченный снарядами костел и полусгоревшие избы Рычивула. Три машины под командованием замполита подпоручника Генрика Бархаша остались в засаде для поддержки 172-го полка, оседлавшего шоссе.

Остальные пять танков, резко повернув направо, продолжали ехать лесом по высокому откосу вдоль берега Радомки. От немецких окопов их заслоняла стена деревьев за речкой, через каждые несколько десятков метров они встречали двух ПЛИ трех солдат, вооруженных в основном ручными пулеметами. На вопрос, что они здесь делают, солдаты отвечали:

— Держим оборону.

Подпоручник Станислав Тиль с удивлением смотрел на такую редкую цепочку стрелков. Видя его удивление, связной офицер уверенно сказал:

— Это сталинградцы, такие не пропустят...

Перед поляной они еще раз свернули вправо, остановились между соснами на северо-запад от Ходкува, недалеко от опушки леса. Подпоручник Чичковскнй пошел доложить о прибытии командиру, молоденькому капитану из 170-го полка, но, когда заговорил, громко и торжественно, тот остановил его:

— Не кричите. Немцы близко.

Командиры машин вместе с механиками-водителями подползли к первой позиции на рекогносцировку. Командир советского батальона капитан Лашин объяснил им положение.

— На правом фланге позиция проходит по лесу. Там немцы не пойдут, поскольку деревья толстые и густо стоят, танкам негде развернуться. Перед нами, примерно на середине поляны, — окопы. Слева, в Ходкуве, сидит наша рота из 174-го полка, удерживая деревню до черной трубы, у сломанной груши, а дальше, на мельнице, уже находятся их автоматчики. Сразу же за домами, внизу, там, где вербы и ольха, течет Радомка. За речкой немцы.

Тильль спросил о минах.

— На поляне мин нет. В деревне перед мельницей и около сожженного мостика на реке они могут быть...

Танкисты внимательно наблюдали. Деревня была небольшая и наполовину уничтоженная огнем. Единственный дом из кирпича стоял примерно в 100 метрах от леса, от нашей стороны. От домика вдоль поляны тянулись узкие лоскуты полей, заросшие картофельной ботвой и взъерошенной минами рожью, перерезанные прямоугольниками люпина и гречихи. На межах сиротливо стояли яблоньки и одинокая груша-дичок, усыпанная плодами. Было тихо.

Танкисты договорились о сигналах и, возвратившись к танкам, подтянули машины к позициям пехоты, заняв приготовленные гвардейцами окопы. Со стороны поляны их заслоняли молодые сосенки.

После девяти съели завтрак, состоявший из хлеба, колбасы и чая, пахнущего сосновым дымом.

Очень долго ждали и почти с облегчением встретили внезапно начавшуюся перестрелку в Ходкуве.

— По машинам!

Вскочив в темные, раскаленные от солнца танки, припали к прицелам и перископам. Гул разгорающегося в деревне боя доносился до них через открытые люки. Поскольку пехотинцы не срезали деревья для маскировки танков и не очистили для них поле обстрела, Воятыцкий приказал плутоновому Кельчику:

— Бери наш топор и руби.

Тот оттолкнул в сторону механика, выпрыгнул через передний люк, однако вскоре возвратился и доложил:

— Говорят, что нельзя обнаруживать позиции.

В течение получаса они, обливаясь потом, сидели в душных, раскаленных танках и были пассивными свидетелями боя за Ходкув. Сам бон не был виден — мешали ветки, но до них долетал рев моторов, резкий гул орудийных залпов, различались очереди немецких и советских автоматов. Экипажи молчали, огорченные запретом вести огонь. Разве они сюда приехали для того, чтобы стоять за кустами?

Когда примерно в половине одиннадцатого перестрелка прекратилась и пришло известие, что немцы, отбросив роту 174-го полка, овладели деревней, подпоручник

Чичковский направился к командиру советского батальона — поругаться.

— Дай пай стрелков для десанта. Пойдем и отобьем. Как только Межицан узнает, что мы потеряли деревню, головы нам оторвет.

— Кто такой этот Межицан? — спросил Лашин.

— Наш командир, генерал. Дай десант.

— Но дам.

Они смотрели друг другу в глаза, как два выпускника школы, которые вдруг поругались из-за девушки. Пот Стекал по их лицам. Первым взял себя в руки советский капитан. Он глубоко вздохнул и, сжав кулаки, начал объяснять:

— Танки в бою поддерживают пехоту, а не наоборот. Пусть лучше ваш генерал оторвет несколькими горячие головы, чем потеряет пять машин вместе с экипажами. На той стороне поляны в засаде стоят «фердинанды». Не слышали, как били? Пока наша артиллерия их не прогонит или, по крайней мере, не ослепит, я не разрешу ни выйти из окопов, ни вести огонь с места.

Чичковский сообщил об этом ответе экипажам. Снова ждали в жаре, вдыхая густой от запаха смолы, масел и испаряющейся нефти воздух. Время шло медленно. Сидя в тени за танком, Тиль, чтобы отвлечься, пытался думать о том, где после войны будет заканчивать политехнический институт. Два курса он проучился во Львове на механическом факультете. Радист сержант Алоиз Гащ зашивал шлемофон. На переправе осколок прорезал материал, и изнутри вылезла серая вата.

Около двух часов, когда уже начали поглядывать, но везут ли на каком-нибудь автомобиле обед, из леса с запада опять донесся грохот густой перестрелки, послышались выкрики немцев, идущих в атаку, и отчетливые, звучные выстрелы танковых орудий.

— Мы сидим, а там дерутся.

— Наверняка это рота Тюфякова. Они всегда на вареники со сметаной первые.

— Везет Цыгану...

Вареники ее сметаной

Если знойный день, с утра наполненный боями, можно приравнять к миске с варениками, политыми сметаной, то действительно у 1-й роты стол был богато заставлен. И надо признать, что солдатское счастье в бою улыбнулось подчиненным капитана Тюфякова, которого называли Цыганом.

Когда батальон Ишкова около половины восьмого отразил немецкую атаку и от танка к танку пехотинцы разнесли весть, что сержант Наймович сжег транспортер, счастье улыбнулось экипажу танка 117.

Поскольку 3-й взвод шел в конце колонны, вчера вечером он и разместился дальше всех, в строю пехотинцев старшего лейтенанта Илларионова, поддерживая 3-й батальон 142-го полка. Когда утром правый сосед вел бой, хорунжий Зайнитдинов приказал всем экипажам занять места в машинах и не выходить, пока он не разрешит. Так они и сидели под раскаленной солнцем броней, в душном воздухе, и, проклиная в душе Меликуза, облизывали пересохшие губы.

Вода, которую привезли в двухлитровых термосах, давно кончилась, и негде было достать еще. Генек Франкевич рано утром ходил к лесному буераку, но в нем лежали трупы, поэтому он возвратился ни с чем.

Оказалось, однако, что к добру вышло это сидение в танках, потому что вдруг совсем близко они слышали шум двигателя.

— Одвага! — закричал Зайнитдинов, который всегда путал это слово со словом «увага»^[3].

Командир смотрел в прицел, а заряжающий сержант Франкевич прильнул к перископу. Перед ними в мертвом пространстве виднелся советский окоп. Дальше была не очень широкая поперечная просека и лужайка, по которой наискосок из леса вела дорога с выбоинами, проложенная когда-то танками. Шум двигателя становился все сильнее, между деревьями вдруг что-то замаячило, и на разрытый гусеницами лесной перекресток не спеша выехал немецкий средний танк Т-IV.

— Бронебойным! — закричал Меликуз, который ни за какие сокровища в мире не смог бы выговорить слово «пшечивпанцерным».

Генек зарядил и молниеносно подскочил к перископу, чтобы посмотреть, куда попадет снаряд. За все двадцать лет жизни ничего подобного он увидеть не мог, а когда война окончится, он все это должен будет рассказать и отцу, и матери, и шести своим сестрам.

Снаряд ударил рядом с башней, блеснул огонь на броне, и танк остановился.

Не зная, насколько удачным был выстрел, они ударили еще раз снарядом по корпусу с левой стороны туда, где находится двигатель. Не было ни дыма, ни огня, по немцы выскочили из машины и юркнули в молодняк, и только ветки закачались за ними. Наши не успели дать по ним очередь, а пехотинцы тоже прозевали удобный момент.

Зато теперь к парализованной машине побежали наперегонки все — и танкисты, и гвардейцы.

Когда они возвратились, механик, серьезный и тихий сержант Николай Анфилатов, единственный, кто остался в машине, сказал с упреком:

— Как дети, все побежали. А если бы там вас всех перестреляли или атака началась, как бы тогда? Даже Муник не остался, чтобы помочь при зарядке.

Им стало не по себе, а особенно хорунжему; они влезли в машину и продолжали

наблюдать, только люки оставили открытыми, чтобы хоть немного продувало.

Трудно было предполагать, чтобы по второй раз подвернулся такой счастливый случай, но Франкевич, как замороженный, не отходил от перископа, и солдатское счастье, которое любит терпеливых, улыбнулось им снова примерно через час.

В рассказе я никогда не написал бы об этом, ибо законы композиции запрещают рисовать одну за другой одинаковые или подобные картины. Эта книжка, однако, заставляет рассказать возможно подробнее о сражении, и нельзя опускать существенные факты во имя соблюдения литературных принципов.

Анфилатов еще доедал консервы, захваченные в немецком танке, а Зайнитдинов с радистом копались в немецком передатчике, когда со стороны той самой дороги, по которой раньте приехал танк, до Франкевича донесся шум мотора.

— Боже мой, опять едет! — крикнул он, поспешно загоня снаряд в ствол.

Хорунжий не поверил и потому несколько помедлил, но потом, услышав шум, бросился к прицелу.

— Что-то слабо тарахтит, — проворчал он.

В этот самый момент на дорогу около неподвижного танка выехал небольшой пятнистый автомобиль. Водитель в стальном шлеме на первой скорости преодолевал выбоины. Около него в полевом мундире и высокой фуражке, выпрямившись, неподвижно сидел офицер с серебряным плетением на погонах. Позади были еще двое.

Если бы у Меликуза выдержали нервы, немцы подъехали бы к самым окопам и попали бы в плен. Но хорунжий выстрелил из орудия. Снаряд пролетел над головами сидящих в автомобиле. Немцев словно ветром сдуло. Гвардейцы дали несколько очередей из автоматов, одни из немецких офицеров упал, а остальные трое удрали в рощу.

Зайнитдинов приказал радисту и механику остаться у орудия, а сам с Франкевичем побежал к машине.

Немец был мертв — очередь прострочила грудь. Они забрали у него документы, а автомобиль, мотор которого не включался, общими усилиями проволокли через советские окопы в глубь леса.

— Поздравляю, гражданин хорунжий, — сказал Франкевич, нащупывая в кармане курвиметр — небольшую безделушку с колесиком для измерения расстояния на карте. Это он прихватил из немецкого портфеля для себя лично.

Меликуз посмотрел в зеленоватые глаза заряжающего и смущенно ответил:

— Не моя заслуга. Случай вывел их на мушку.

Было немногим более половины первого, когда паром с последними танками 3-й роты 1-го полка причалил к помосту.

Подполковник Чайников и Славек Тараймович ждали их. Командир полка разложил карту.

— Отмечайте маршрут: через Магнушев до Выгоды, там поворот вправо и через Басинув, Суху Волю, Целинув идете до Ленкавицы. Явитесь в распоряжение командира 35-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Кулагина, командный пункт которого находится в фольварке у прудов. Ясно?

— Так точно.

— Проводника не дам. Найдете сами.

— Слушаюсь.

Чайников улыбнулся и, понизив голос, добавил:

— Там утром, около восьми, фрицы крепко потеснили, дошли до самых Студзянок. Эту деревню надо удержать и организовать в ней сильный узел сопротивления. Понимаете, что в такой обстановке я не могу держать вас в резерве?

— Товарищ полковник...

— Желаю вам счастья, ребята.

Сдвинув шлемофон на макушку, он поочередно обнял командиров, поцеловал их в запыленные щеки, уколол ровно подстриженными усами.

На восточном берегу, у опушки леса, между деревьями стоял тягач, переделанный из танка, у которого под Ленино снарядами разбило башню. В нем дежурил хорунжий Станислав Фридрих с механиком-водителем и двумя мастерами. В случае необходимости уже через две минуты аварийная группа будет на месте.

Утром, несмотря на бомбардировку, они немного поспали, а сейчас Фридрих, жмурясь от солнца, посматривал на реку. Из леса уже вышли два тапка. Сташек Фридрих вылез из тягача, чтобы вблизи увидеть, как они будут грузиться. Первой ехала машина 212. У парома она притормозила, механик уступил место своему товарищу из машины 213. За рычаги управления сел старый танковый волк плутоновый Иван Барылов, который несколько тысяч километров проехал па гусеницах. Погрузка на паром — нелегкое дело, поэтому был приказ, чтобы танки грузили наиболее опытные водители и роте.

Командир роты поручник Роман Козинец стоял на крыле, одной рукой держась за ствол орудия.

И тут со стороны нижнего течения реки показались бомбардировщики. Начала бить зенитная артиллерия, снаряды ложились густо, но Барылов не обращал внимания на стрельбу, а самолетов просто не видел. Спокойно и осторожно ведя машину, он въехал на осевший под тяжестью танка паром, который был немного шире гусениц. Он не видел досок настила, а только воду.

Козинец подал ему знак затормозить, и в этот самый момент начали рваться бомбы. Плутоновый нажал на тормоза чуть сильнее, чем надо, но этого было достаточно, чтобы вывести паром из равновесия. Борт накренился, и танк упал в воду.

Фридрих был в шести — восьми метрах от машины, он все отчетливо видел. От взрыва бомб высоким фонтаном взметнулся вверх песок, а потом брызнула вода. Козинец вместе с танком нырнул в Вислу, но сразу же выплыл, быстро работая руками, развернулся, и его вытащили на помост.

Солдаты, которые на какой-то миг припали к земле, пряча головы от осколков, сразу же сорвались с мест. Кто-то кричал о помощи, сержант Иван Сорока — механик-водитель буксирующей моторки сбросил сапоги, снял гимнастерку и брюки.

Ниже по течению реки, в двадцати метрах от переправы, появился Барылов, фыркая и беспомощно размахивая руками. Сорока прямо с борта прыгнул в воду, подплыл к нему и, схватив его за темный чуб, вытащил на берег. Затопленный танк блокировал пристань. Надо было как можно скорее оттянуть его в сторону. Ловкий, маленький подпоручник Матеуш Лях — командир 3-го взвода 1-й роты первым сообразил, что надо делать. Он подвел два танка, свой 217 и 218, на котором заряжающим был Ендрушко. Рыжий силач прыгнул, легко раскрутил толстый стальной трос, а сержант Сорока, тот, который вытащил из воды Барылова, хороший пловец, нырнул с концом и набросил его на крюк. В этом месте Висла делала излучину, поэтому затопленный танк было удобнее тянуть вверх по реке.

Танки включили двигатели, но с места не сдвинулись. Прицепили третий танк — результат тот же. Гусеницы все глубже зарывались в песок, а «утопленник» даже не дрогнул.

Фридрих спросил Барылова, выключена ли на танке скорость, но механик не мог ответить точно. Хорунжий подбежал к офицеру штаба бригады, который руководил переправой, и попросил разрешения проверить, потому что если затопленный танк стоит на скорости, то...

Тот согласился.

У Сташека родилась хорошая мысль. Он велел принести из аварийного тягача противогазы, соединил несколько трубок в один шланг, обмотав стыки изоляционной лентой. Затем сбросил комбинезон, сапоги и рубашку и остался только в брюках.

Тем временем баркас подтянули немного выше пристани, но и так было видно, где стоит танк. Его выдавал небольшой водоворот на воде, в котором вращалось несколько засохших листьев и обожженный огнем прут. Фридрих поплыл к танку вместе с Федором Олифером, и оба встали на башне. Вода доходила им до пояса, следовательно, глубина была около трех с половиной метров. К счастью, верхний люк был открыт.

Олифер держал шланг, а Фридрих надел маску и нырнул вниз. Держась за броню, а потом за замок орудия, он почти добрался до кулисы, до коробки скоростей, но в этот момент почувствовал, что задыхается, и поспешил вынырнуть. Он сорвал маску и теперь тяжело дышал.

На берегу уже находится командир бригады, который неизвестно откуда узнал о случившемся. Межицан велел взорвать затонувший танк зарядом тротила, чтобы как можно скорее наладить переправу. По-своему он был прав: важен не один Т-34, а результат сражения, а для этого надо как можно скорее перебросить 2-й полк на плацдарм. Фридриху же было жаль танка. Одно дело, если бы его немцы подбили, а так — жалко терять хорошую машину.

Он нырнул во второй раз. Однако ему снова не хватило воздуха, чтобы выключить скорость. Отталкиваясь, чтобы всплыть, ощутил под ногами песок, который быстро осаждался на дне танка, проникая через открытые люки.

Фридрих опять стоял на башне танка, широко открытым ртом ловил воздух, приходил в себя.

— Хорунжий Фридрих, ко всем чертям! — кричал с берега генерал. — Отцепите трос с крюка!

Саперы связывали тротил в стопки.

Сташек прыгнул в воду в третий раз. Он теперь уже гораздо быстрее добрался до рычага скорости. «Даже если нахлебаюсь воды, спасут», — промелькнула мысль. В мутной воде реки мало что было видно, песок резал глаза. Нащупав рычаг и упираясь ногами в песок, изо всех сил дернул. В тот же момент, когда передача встала на свободный ход, он почувствовал, как вздрогнул танк — это опустились натянутые гусеницы.

Олифер помог ему выбраться, схватив под водой за волосы. Отдышавшись, они поплыли к пристани.

— Трос отцепили? — спросил Межицан, когда они вышли из воды.

— Нет, гражданин генерал, — доложил Фридрих. — Но скорость выключена.

Генерал внимательно посмотрел на хорунжего, на его посеревшее лицо.

— Только не упади в обморок, офицеру не к лицу, — шепнул Межицан и, обняв его за плечи, крикнул подпоручнику Ляху: — Давай!

Натянув трос, танки медленно поползли по песку. Механики вслушивались в шум моторов, чтобы прибавить газу, когда начнут снижаться обороты, но этот момент не наступал. Они даже не почувствовали, когда затопленный танк двинулся. Три машины тащили его без труда. Вначале передвинулся водоворот на реке, потом показались крышка люка, ствол и башня.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — закричали советские саперы и польские танкисты.

Сорока уже завел мотор, и паром подошел к берегу. Танк 213 подходил к погрузке.

Затопленный танк вытащили на берег в восемнадцати метрах от пристани. Все члены экипажа танка 212 вместе с аварийной группой хорунжего Фридриха приступили к работе. Их подгоняли, но это было лишним, ибо, едва полк закончил переправу, машина уже была готова.

— А хотели тротилом взорвать, — тихо сказал Фридрих и нежно похлопал ладонью по броне.

Тилль берет Ходкув

Автор, работая над повестью, постепенно вводит действующие лица в рассказ, дифференцирует по времени события. Сражениями управляют иные законы, создавая много трудностей тому, кто пытается их описывать. Эти трудности вытекают хотя бы из того, например, что некоторые важные события происходили одновременно. Желая рассказать читателю о том, что делалось на разных участках фронта, автор не может обойтись без повторов.

Теперь, когда хорунжий Станислав Фридрих выключил скорость в затопленном танке и машина 212 была вытащена на берег, когда рота поручника Ростислава Тараймовича, проходя через лес Гай, обходит сосредоточивающиеся там после переправы взводы из мотопехотного батальона подполковника Кулаковского, именно теперь, в три часа дня, весь немецкий фронт от Эвиува до Мариамполя был объят огнем. Стреляли сотни орудий, ревели танки, в воздухе гремели эскадрильи самолетов.

Многие существенные для боя события происходят одновременно. Что выделить, на что обратить внимание?

Через несколько минут после двух часов дня но два танка из взвода Тилля и Воятыцкого получили приказ подготовиться к наступлению на деревню. Сташек Тилль, назначенный командиром группы, отдал свой первый в жизни боевой приказ. Вместе с ним был командир роты 174-го полка, пехотинцы которого должны были прикрывать танки во время наступления. Он прислушивался, ничего не говорил и только в конце кивнул головой, соглашаясь.

Около трех часов советские минометы начали обстрел Ходкува. Под прикрытием густо разрывавшихся мин танкисты повели машины на исходные позиции. Командиры танков смотрели на ручные часы, механики — на фосфоресцирующие стрелки циферблатов, вмонтированных в приборные щитки. Если все пойдет по плану, они должны двинуться с точностью до секунды, так как у советских артиллеристов кончались уже снаряды. Артиллеристы могли нанести сильный, но короткий огневой удар.

— Где же, черт возьми, эта пехота? — нервничал Тилль. — Сами ведь мы деревню не возьмем.

В этот момент из-за сосен, из воронок от снарядов, из окопов вышли солдаты в застегнутых под подбородком касках. Они спокойно забрались на танки, будто устраивались в трамвае для воскресной прогулки за город. Человек по десять на каждой машине, они были незаметны, они слились с броней, притаились за башнями, выдвинув лишь стволы винтовок и автоматов.

Подпоручник захлопнул люк.

— Осколочным, — буркнул он заряжающему Мироновичу.

— Готово, — ответил сержант, щелкнув замком.

Приближалось время атаки.

Артиллерия еще молчала. Однако Тилль крикнул сержанту Савину:

— Вперед!

Четыре машины почти одновременно вышли из рожицы. В прицелах танкисты уже видели дома Ходкува, и тут же раздался залп всей артиллерии 174-го полка. На первую линию обороны выкатили батарею из 64-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, которая прямой наводкой била по стоявшим в укрытии

«фердинандам». Польские танкисты, не останавливаясь, дали залп осколочными снарядами прямо перед собой, пулеметными очередями прочесали дорогу.

Без потерь они дошли до деревни. У первых домов десантная пехота с криками «Ура-а-а!» прыгнула с брони. Савин, заметив поблизости вспышки пулеметных очередей из подвала каменного дома, прибавил газ и боком передней брони, чтобы не задеть орудие, таранил угол дома. Под ударом тридцати тонн стали рухнули стены, затрещало перекрытие. Машина качнулась вправо, замедлила ход и под рев нарастающих оборотов вытащила гусеницу из-под завала кирпичей.

Танки опять выравнивали линию. Рядом шли пехотинцы, бросая гранаты в окна, заскакивая следом в избы, прочесывая их очередями из автоматов. Слева из-за Радомки отозвалось противотанковое орудие, но Ян Зоткин несколькими выстрелами заставил его замолчать.

В центре деревни из-за домов показалась цепь гренадеров, идущих в контратаку. Механики-водители без команды прибавили газ, пошли на сближение, утюжа землю гусеницами.

— Бери больше вправо, — приказал Тилль. — В сторону мельницы...

Уже была видна старая деревянная постройка над речкой, еще не сожженная, так как стояла в низине. Оттуда сверкнула очередь станкового пулемета. Сташек навел орудие и выстрелил.

Пулемет замолчал, но в этот момент танк содрогнулся от взрыва. Машина подпрыгнула и замерла. Подпоручник увидел сильный оранжевый свет, который охватил его, как тонущего — вода. В тот же миг Тилль почувствовал, как теплая и липкая жидкость заливает ему глаза. «Наверняка кровь, — подумал он. — Черт возьми, немного повоевал». Оранжевый свет погас в густом мраке.

Когда танк рвануло, сержант Гащ почувствовал удар в грудь и руку и от сильной боли потерял сознание.

В нескольких шагах от них танк подпоручника Здзислава Воятыцкого также напоролся на мину. Взрывом разорвало правую гусеницу. На какой-то миг экипаж потерял способность действовать, смолк, оглушенный, но оказалось, что все, к счастью, живы, никто даже не ранен...

Они овладели уже почти всей деревней, но атака захлебнулась. Гвардейцы заняли позицию перед поврежденными танками, обезвредили несколько мин, стали окапываться.

Савин и Миронович через нижний люк вынесли контуженого Тилля и раненого, потерявшего сознание Гаща. Со стороны леса по следам гусениц бежал подпоручник Бархаш. Он приказал забрать раненых. Уцелевшие машины медленно отошли в лес. Бархаш принял командование над неподвижными тапками.

— Орудия в порядке. Снаряды есть. Здесь будем защищать деревню.

Танки 124 и 127 на поврежденных гусеницах, словно раненые животные, поползли: первый — немного вперед, а второй — назад, чтобы занять лучшие позиции.

Гвардейцы, наблюдавшие за своими товарищами-танкистами, пришли к машинам с фляжками водки.

— Выпьем за тех, кто погиб, и за живых. Деревню все-таки взяли.

Никто из четырех экипажей, которые в три часа дня пошли в атаку на Ходкув, не слышал, как многократным эхом загревели выстрелы по всей линии фронта от Эвинува до

Мариамполя. Это дивизия «Герман Геринг» снова пошла в атаку.

Отсутствие документов не позволяет утверждать, что планы командования дивизии предусматривали также удар, направленный на участке между Разъездом и Ходкувом, вдоль Радомки.

Держу пари, что так было, но не хочу свои предположения выдавать за факты. Можно только выдвинуть гипотезу, что удар польских танков с десантом советской пехоты на Ходкув сорвал готовящуюся на этом участке атаку.

Западнее же Эвинува под прикрытием огневого вала и при поддержке авиации двинулись цепи пехоты и танки, нанося удар по позициям 35-й гвардейской дивизии и 142-го полка 47-й дивизии. Нетрудно предположить, что главные усилия были направлены на расширение и углубление бреши в районе Студзянок.

Изменение приказов

3-я рота 1-го танкового полка через несколько минут после окончания переправы, то есть примерно в час дня, получила назначение в 35-ю дивизию и маршрут перехода.

Прежде чем двинуться, Сташек Дротлев, воспользовавшись тем, что машины 3-го взвода заправлялись, созвал экипажи и провел первое политзанятие на западном берегу Вислы.

— Ребята! Рота Тюфякова ведет бой со вчерашнего дня. Истребила три немецких танка. Получила благодарность от командира 47-й гвардейской дивизии полковника Шугаева. Что скажете на это?

— У них преимущество — раньше переправились! — закричал плютоновый Турецкий, высунувшись из танка.

— К вечеру сравняемся, — сказал спокойно хорунжий Дацкевич — командир машины 133.

Потом они сразу же сели в машины и поехали. Дорога была довольно спокойная. Артиллерия прощупывала то впереди, то сзади, ведя огонь без наблюдателей, а самолеты были заняты другими целями. Только около Ленкавицы, у самого финиша, попали под бомбы «юнкерсов».

Танкисты знали, что времени у них немного, поэтому Дротлев остался у машин и, не обращая внимания на налет, вместе с плютоновым Бомбербахом регулировал движение, указывая машинам места под деревьями.

Тараймович и Хелин отправились искать командира советской дивизии. Фольварк у прудов они нашли быстро. Командный пункт находился в подвале. Молоденькому лейтенанту, который представился им как адъютант командира, объяснили, кто они. Из укрытия тотчас же вышел генерал Кулагин — свежесбрившийся, в чистом отутюженном мундире, с орденами на груди. Он был на голову выше их, широкоплечий, улыбающийся.

— Привет, польские танкисты! — крепко пожал им руки и, посмотрев на часы, сразу же начал объяснять, какая их ждет задача.

Они должны были лесом с запада подъехать к Студзянкам и вместе с 1-м батальоном 100-го полка организовать сильный узел обороны.

Кулагин не скрывал, что положение тяжелое, что прерывается связь, что противник в любой момент может пойти в атаку, а резервов нет и люди до предела изнурены боями.

Возвращаясь в роту, они молчали.

Машины, серые от пыли, были укрыты в саду, в тени разрушенных домов.

Дротлев встретил командира роты у головного танка Т-34, расправил комбинезон под ремнем, но вместо того, чтобы как следует отдать рапорт, тихо сказал:

— Мы потеряли Костека. Осколком бомбы наповал...

Капрал Константы Рускул, стрелок из танка 133, был одним из самых молодых в роте: ему было всего девятнадцать. Тараймович сделал движение, словно хотел уже идти посмотреть, но сдержался и спросил:

— Как остальные?

— У машины 132 Лотовского разорвана гусеница. Ремонтируют. Остальные в порядке. Запасные баки я приказал сбросить.

— Хорошо. В таком случае — по машинам...

Подняв клубы пыли, наискось пересекли поле, покрытое стерней, минули фольварк, по

узкой просеке въехали в лес. Лес был густой, поросший ольшаником и буком, влажный. Несколько снизили скорость.

Дротлев, стоя на броне танка Дацкевича, оглядывался назад. От колонны далеко отстали два танка. Может, и едут, только за пылью не видно. В лесу пыль осела, но теперь мешали ветки.

Слева, за стеной деревьев, вдруг сорвался ураган огня. Появились немецкие пикирующие бомбардировщики. Дротлев испугался, что заметят колонну, однако у самолетов была какая-то другая цель, и они, круто пикируя, исчезали за лесом.

Поперек просеки, слева направо, начали перебегать между танками пехотинцы. Раненые осторожно придерживали забинтованные руки пли, опираясь на приклады винтовок, ковыляли, с трудом передвигая ноги в потемневших от крови брюках.

Дротлев заметил, как на ехавшем за ним танке 136 флажком подавали знак «Стоять». Сташек тронул за плечо Дацкевича, чтобы тот передал сигнал в голову колонны.

На просеку выскочил мотоцикл. Солдат в каске, склонившись над рулем, выжимал все восемьдесят километров, а с заднего сиденья, привстав, как кавалерист на стремянах, молоденький лейтенант в надетой набекрень фуражке махал рукой и кричал:

— Стой, стой! Назад!

Они промчались рядом, подпрыгивая на выбоинах, и вскоре от головы колонны пришел передаваемый флажками приказ Тараймовича: «Возвращаться назад».

Пока танки, вползая задом в лес, ломали деревья, давили кусты и разворачивались, Дротлев соскочил с брони. У него колотилось сердце. Не было сомнения, что лейтенант на мотоцикле был прислан из штаба дивизии с каким-то новым приказом. Видимо, за какие-то несколько минут обстановка изменилась.

10 августа в 15.00 танковая дивизия «Герман Геринг» возобновила наступление. Сковывая противника огнем на левом фланге, а также короткими ударами танков и пехоты 19-й нижнесаксонской танковой дивизии, она нанесла в центре одновременно четыре удара, чему предшествовала артиллерийская подготовка и бомбардировка с воздуха.

Первый удар — из Грабноволи через высоту 132,1 в направлении деревни и фольварка Студзянки; второй — от опушки леса восточнее придорожного креста в направлении кирпичного завода; третий — из лесной сторожки Остшень на Выгоду, и четвертый, комбинированный, — с запада и юга на позиции 142-го полка на Гробле.

Высота 132,1 еще раз была перепажана снарядами. Не успела осесть пыль, как на высоту набросились пикирующие бомбардировщики, а из Грабноволи через стерню пошли в атаку двадцать боевых машин с десантом гренадеров.

Две «сорокапятки», расположенные на высоте, подожгли одну машину, но сразу же замолкли, разбитые снарядами танков. Танковый табун мчался с нарастающей скоростью. Когда он находился примерно в трехстах метрах от окопов, в которых сидели солдаты сержанта Снегиря из 2-го батальона 100-го полка, когда казалось, что никто живым не уйдет из-под мчащихся гусениц, ударили пушки тяжелых танков и самоходных установок, окопавшихся на опушке леса прямо перед Домбрувками-Грабновольскими.

Еще минуту назад плоскогорье заслоняло наступающих, но, как только левифланговые машины вползли на гребень и показали борта, раздался залп. Вспыхнуло пламя одновременно на трех машинах, остальные, огрызаясь, свернули несколько вправо и рассыпали гренадеров-десантников цепью. Это спасло защитников высоты 132,1. Неся

раненых, они отходили по рву, ведущему в лес, за окопы 102-го полка.

Немецкие танки въехали в лес, ломая молодняк, перестроились в колонну по дороге на Студзянки и через четверть часа вновь развернулись. На полном ходу, рассыпавшись широким веером, они ворвались в деревню, захватили перекресток и двинулись на фольварк. Фольварк молчал, обороняться там было некому.

Немцы довольно легко и относительно с небольшими потерями овладели деревней и фольварком Студзянки потому, что раньше они захватили кирпичный завод.

В то время, когда Ю-87 атаковали высоту 132,1, другая группа из тридцати машин настойчиво бомбила кирпичный завод — кусочек земли размером 200 на 150 метров, выщербленную снарядами кирпичную трубу, печь, два сарая и несколько домиков, разбросанных на горбатой глиняной выработке, заросшей кустами терна и верб. Самолеты атаковали поочередно, один за другим. В течение четверти часа не прекращались вой моторов, свист бомб и взрывы.

Когда последние «юнкерсы» еще сбрасывали бомбы, первые уже обстреливали из бортового оружия фольварк и деревню. Под их прикрытием из леса восточнее придорожного креста пошли в атаку две роты гренадеров, поддержанные восемью танками.

В рукопашной схватке гренадеры отбросили два взвода 100-го полка на высоту Ветряную.

Под угрозой оказаться окруженными в фольварке гвардейцы начали отступать к перекрестку дорог в Студзянках. Во время смены позиций по дороге, идущей из Грабноволи, подошли танки. Они молниеносно ворвались в деревню, разнося деревянные дома как спичечные коробки. За ними с воем и криками шла густая цепь гренадеров.

Внезапность удара заставила защитников отойти: часть отступила в лес Парова в сторону Папротни, а те, из фольварка, перебежками через поля отошли в Повислянские рощи и около мельницы установили связь со взводами, отошедшими от кирпичного завода.

Именно в этот момент генерал Кулагин послал адъютанта на мотоцикле догнать и вернуть 3-ю роту 1-го танкового полка. Создавать узел сопротивления в Студзянках было уже поздно. Передний край дивизии, до этого по своей форме напоминавший серп, под напором атакующих танков изогнулся к северо-западу, к Повислянским роцам.

На какое-то время гитлеровцы приостановили продвижение, но командир 35-й дивизии отдавал себе отчет в том, что в любой момент они смогут возобновить атаку и, овладев крылом выпуклого студзянковского щита, скатятся вниз на два батальона 137-го полка, растянутые вдоль ольшаника от Выгоды до Целинува, и нанесут удар по Ленкавице.

Генерал приказал своему штабу приготовиться к круговой обороне. Кроме Т-34, у него не было даже стрелковой роты, которую можно было бы бросить в контратаку. Главное, успеют ли поляки или же они придут, когда будет поздно?

Нам нельзя заняться этим вопросом. Прежде чем будет дан ответ, мы еще дважды должны будем вернуться к 15.00, к третьему и четвертому ударам из тех четырех, одновременно нанесенных дивизией «Герман Геринг». Мы должны разобраться в обстановке в лесу Остшень. Без этого многие вопросы могут показаться неясными.

Но пасаран!

Если действия дивизии «Герман Геринг» в направлении высоты 132,1 и деревни Студзянки преследовали цель расширить брешь и овладеть господствующей над местностью высотой, то в лесу Остшень игра шла на главную ставку, за удлинение клина. Не добившись в течение первых суток боев решительного перевеса, гитлеровский командир стремился любой ценой захватить Выгоду, прорвать вторую линию обороны и, выбравшись из леса на открытое пространство, удобное для быстрых действий большими группами танков, всеми своими силами обрушиться на шоссе под Пшидвожице.

Сильным фланговым ударом из района лесной сторожки Остшень с севера был охвачен 1-й батальон 142-го полка, танки прорвались на 600 метров от Выгоды — это три минуты ходу на боевой скорости. Немцы почувствовали, что они почти у цели, что им надо совсем немного времени, чтобы подтянуть пехоту. Перед ними была дорога, ведущая в сосновый лес, росший на песке среди вересковых зарослей и темный от выющегося можжевельника. Без пехоты в такой лес входить опасно.

За час до начала немецкого наступления разведчики, которые в чаще папоротника переползли линию фронта, донесли о сосредоточении десяти танков в районе лесной сторожки. Майор Горшанов воспринял это как должное: он понимал противника, он даже удивился бы, будь все иначе. Горшанов организовал командный пункт на высоте 112,2 именно для того, чтобы вокруг него создать узел сопротивления для обороны подхода к Выгоде. Эта деревенька, всего лишь из нескольких хат, была воротами, ведущими с юга к переправе через Вислу. По этой же причине он рекомендовал командиру польского танкового полка здесь же разместить свой штаб. Он обрадовался, увидев, как около двух часов дня у подножья высоты встали два командирских танка, как подтягивалась рота автоматчиков и противотанковых ружей, рота легких Т-70 из семи машин. Даже эти слабобронированные десятитонные танки, которые в открытом бою не могли противостоять немецким Т-IV, в лесу становились силой, которой нельзя пренебрегать.

Однако оборона на высоте 112,2 была последней возможностью. После прихода поляков майор Горшанов отдал 1-му батальону его роту, которая до этого времени находилась в резерве. Он приказал поддерживающему 55-му отдельному истребительно-противотанковому артиллерийскому дивизиону двумя батареями занять позиции на опушке леса в полукилометре западнее Выгоды, а третьей заблокировать дорогу, ведущую с поля под Басиновом в район командного пункта. Одновременно он решил ослабить 2-й батальон старшего лейтенанта Ишкова и забрал у него два польских Т-34, которые со вчерашнего дня сражались в его рядах.

Машины 115 и 116 прибыли вскоре после трех часов, сразу же после начала немецкой артподготовки. Сейчас, получив донесение по телефону из 55-го дивизиона о том, что немецкие танки появились перед его позициями, Горшанов крикнул полякам:

— Ребята, кто у вас старший?

Подошел темноволосый, невысокий мужчина, лет тридцати с небольшим, и доложил:

— Хорунжий Марек Вайсенберг.

— Поедете прямо по этой дороге. Недалеко, на поляне, поросшей молодняком, находятся немецкие танки. Восемь машин. Когда двинутся, их надо задержать. Только следите, чтобы не смять наши 76-миллиметровки. Там в укрытии стоит батарея.

— Слушаюсь, товарищ майор.

Горшанов поколебался, но потом любопытство взяло верх, и он спросил:

— Давно воюешь?

— Восемь лет, — ответил танкист и, видя удивление на лице советского командира, добавил: — С тридцать шестого года, с Испании.

Майор пожал ему руку, как бы извиняясь за неуместный вопрос, и кивнул головой:

— Идите.

Марек приложил руку к козырьку и, вернувшись к своим, повторил задачу. Там, куда они должны были ехать, все усиливалась перестрелка из автоматов, все чаще раздавались залпы орудий.

Танкисты заняли места в машинах и двинулись по дороге. Она немного извивалась, а это мешало постоянно вести наблюдение за тем, что делается впереди. Но с другой стороны, это было и хорошо, поскольку их переход происходил более скрытно. За одним из поворотов сержант Леон Гринберг — в гражданке он был часовым мастером, а сейчас — заряжающим на танке 115 — вдруг увидел впереди машины разбитое 76-мм орудие. Взрывной волной от снаряда тела двух убитых артиллеристов были отброшены к деревьям. Дальше, у молодых сосенок, передвигались три темные башни танков, которые имели неясные очертания на фоне тучи густого дыма.

Леон выругался и схватил снаряд, забыв о том, что орудие уже заряжено.

— Съезжай вправо, — услышал он в наушниках спокойный голос хорунжего.

Приказ касался не только механика-водителя, но и его, Леона. Марек толкнул заряжающего в плечо, чтобы того не задело при откате орудия, легко повернул башню и выстрелил.

Снаряд в цель не попал. Гринберг без команды зарядил следующий. Механик-водитель, сержант Езерский, поставил машину под толстой сосной, чтобы заслонить правый борт стволом дерева. Радист, который в прицеле видел фигуры бегущих немцев, короткими очередями сек сосенки, закрывавшие сектор обстрела.

Сжав зубы, хорунжий старательно измерил расстояние до ближайшего танка, целясь в башню, которая разворачивалась стволом в его сторону. Немец несколько замешкался, и Марек нажал на спуск. Пыль, поднятая волной, заслонила черный крест на броне. Однако Вайсенберг, хотя и с опозданием, все же понял, что попал в танк: машина задымилась. Среди канонады Вайсенберг уловил звук танковой пушки сержанта Наймовича и подумал: «Старик не подведет, режет по фрицам». Назвал сержанта «стариком», хотя оба были с одного года.

Он выпустил несколько очередей из пулемета, чтобы отогнать подбежавших гренадеров, а когда поднял ствол, увидел через прицел, что, хотя два танка в рощице и горят, количество немецких машин все увеличивается: их уже не три, а пять шли, приминая на ходу сосенки, в атаку. Хотя все это происходило на Висле, а не в Испании, он подумал: «Но пасаран! Сейчас по другому врежу».

Танк сержанта Юзефа Наймовича объехал слева разбитое орудие, остановился на краю треугольной лысины, выжженной пожаром. Радист плютоновый Леон Грешта, тот самый, который, когда шел в строю, взмахивал левой рукой, ставя левую ногу, увидел на расстоянии не более ста метров группу гренадеров с панцерфаустами. В спешке он выпустил очередь очень низко, но, не снимая пальца со спуска «Дегтярева», легким движением плеча

приподнял ствол, и фрицы по-смешному, как при замедленной съемке, начали вращаться на месте, подгибая колени, и падать на испепеленную землю.

Наймович, прикрытый в первый момент огнем танка 115, сначала выпустил один за другим три снаряда, а теперь резал из пулемета. Заряжающий капрал Вашкевич подумал, что «старик» понапрасну горячится. Смерд от пороха наполнил танк, в башне не хватало воздуха, очевидно, какая-нибудь ветка засорила вентилятор. Павел приоткрыл люк, чтобы они не задохнулись. Приподнимая крышку, он справа, метрах в тридцати, увидел танк, окутанный дымом.

— Вайсенберг горит! — крикнул он.

Наймович скомандовал механику-водителю:

— Назад!

Сержант Юзеф Павловский, львовский шофер, с начала войны сражался в рядах Красной Армии. В сорок первом был ранен под Ленинградом. Сейчас он сказал командиру:

— К черту! Следи, чтоб не прошли.

Наймович вернулся к прицелу и опять стал бить по немецким танкам, которые уже не шли вперед, а только огрызались с места. Это продолжалось минут десять, а может, полчаса — никто на часы не смотрел. Дымом заволокло всю поляну, трудно было находить цель.

Сзади вдруг раздалось «Ура!». Павловский без команды прибавил газ, несколько метров сопровождал контратакующих советских пехотинцев, чтобы им было веселее идти, и, заметив широкую, плоскую воронку от бомбы, остановился в ней.

Немецкие танки начали отходить — часть назад, часть глубже в лес, на юг. Сквозь дым трудно было смотреть. И пока фигуры отступающих были видны, их гнали огнем.

Когда возгласы пехотинцев удалились и вокруг немного стихло, Наймович в башне присел на корточки, наклонился к механику и положил ему в руку кисет с табаком, сшитый из тонкой кожи. До этого он с ним никогда не расставался.

— Возьми на память, — сказал он. С его потемневшего от пыли лица капали крупные капли пота. — Ядзя вышивала, когда я уходил на войну.

— Получил от жены — береги. Мне и козьей ножки хватит. — Павловский взял большую щепотку табаку, а подарок возвратил назад: он знал, что это единственная вещь, оставшаяся у сержанта из дому. — Пойду посмотрю, что стало с Вайсенбергом.

Долго не пришлось искать. Между деревьями прямо вверх клубами поднимался черный дым, над верхушками деревьев легкий ветерок наклонял столб дыма в сторону переправы через Вислу. Машина Вайсенберга горела. Раскаленная броня не позволяла подойти близко, а на расстоянии нескольких метров вообще многого не увидишь. Танкистов нигде не было видно: или успели выскочить, или навсегда остались под броней.

Каша севернее Гробли

В четвертый раз вернемся назад к трем часам дня, к моменту начала немецкого наступления.

Вдоль Гробли, от высоты 119,0 до Разъезда, на юге обороняются 2-й и 3-й батальоны 142-го полка. Оба более суток, с того момента, когда штурмом овладели Гроблей, почти без перерыва отражают атаки. С восемнадцати часов им помогают польские танки, два из них были недавно отозваны, и теперь в рядах батальонов остались три машины. Для 750 метров линии обороны это совсем немного.

Солдат мучит жажда. В лесу нет воды, а жара доходит до тридцати градусов. Мутной жидкости, стекающей на дно ямы, выкопанной рядом с позициями, едва хватает для охлаждения пулеметов. Язык во рту твердеет, небо становится шершавым, скрученные папироски с махоркой имеют вкус ржавого железа.

Но наступает время, когда и о воде перестают думать. Вырванные с корнями сосны и дубы валятся на окопы, плотная стена песка, поднятого взрывной волной, закрывает лес. В нескольких местах одновременно вспыхивают пожары.

Через радиостанцию танка 119 удалось установить связь со штабом и доложить о положении как раз в то время, когда немцы пошли в атаку и первые «пантеры» прорвались в лес севернее Гробли.

Несколько немецких танков вместе с группами гренадеров проникли с юга и запада в советские тылы. Однако батальоны Ишкова и Илларионова оставались в окопах, обороняя свои позиции на два фронта.

...Когда артиллерия разорвет телефонные провода и откажут радиостанции, еще остается самый старый способ передачи донесений — через связного.

После того как Тюфяков потерял связь с южной группой своих танков, ведших бой в полуокружении, он послал связного в штаб 142-го полка.

— Только будь внимателен: у пас в тылу каша.

Капрал Феликс Настуняк, в гражданке мясник из деревни Чолганы под Станиславувом, пробирался лесом так, как в родной деревне крестьяне ходили воровать дрова. Он старался лезть в самую чащу леса. С автоматом в руках он шел, склонившись, а над головой все время свистели неизвестно кем и откуда посланные пули. Услышав шум мотора, он останавливался, отходил назад, колесил, путал следы. И делал он это не потому, что здесь должны быть немцы, а просто на всякий случай.

Чем дальше он отходил от передовой и приближался к цели, тем смелее шагал. По дороге ему попался терновник, такой, как под Чолганами, — удлиненные, как бы лакированные листики, большие горошины ягод, снизу зеленые, выше голубеющие, и совсем спелые, фиолетовые, с голубым пушком, как на сливах-венгерках. Обходя этот колючий островок, он засмотрелся на него и вдруг в нескольких метрах перед собой увидел танк с черным крестом.

Феликс упал в траву и замер. Понимал, что его могли заметить и на размышления нет ни секунды. Он не сразу решил, что сделать раньше: вынуть гранату из кармана и вырвать чеку или же проглотить донесение.

«Может, не увидели, — пришла ему в голову мысль. — Я же упал сразу... Главное, не дать себя сбить с толку». Он осторожно приподнял голову, сквозь веточки терна несмело

посмотрел на гору из стали, перед которой человек значит не больше, чем желудь для свиньи.

«Тигр» стоял тихий и грозный. Настуняк решил отползти назад, но, чуть приподнявшись, увидел разорванную гусеницу. «Немцы наверняка удрали», — подумал он, однако проверять не стал. Осторожно отполз назад, обогнул поврежденную машину и пошел дальше.

...По просьбе командира 142-го полка подполковник Чайников выслал разведку в сторону отрезанных батальонов. Желающих найти было не трудно, поскольку командир взвода танковой разведки подпоручник Ферынец давно уже донимал его тем, что не хочет сидеть без дела.

Вацек везде хотел быть первым и до сих пор не мог себе простить, что не он, а Щепаник первым переплыл Вислу. Задание, которое он получил теперь, было для него подходящим — самостоятельным и рискованным. Надо рисковать головой, и если все удастся, то сразу станет известно, кто это сделал.

У капитана Падлевского, командира полковой роты автоматчиков, взяли один взвод, посадили на броню и на трех танках пошли в разведку. Т-34 Ферынеца шел первым по просеке, по бокам, сразу же за ним, — два легких Т-70. Вацек стоял в открытом люке и внимательно всматривался.

Проехали около полукилометра. Еще не успели выехать из-за невысокого холма, как он дал знак и танки остановились. Впереди был полувыкопанный окоп, а в нем около ручного пулемета — пехотинцы в пятнистых куртках. Они были видны как на ладони, на них хватило бы одного снаряда, но Ферынец решил вернуться с «языком».

Он взял двух автоматчиков и стороной, укрываясь за кустами, подкрался к пехотинцам. Их было пятеро. Они не слышали шагов, как и до этого моторов танков, ибо весь лес гудел от разрывов снарядов и перестрелки. Танкисты были уже совсем рядом, когда в окопе один фриц вдруг обернулся, вытаращил глаза и заорал:

— Ахтунг!

Ферынец отскочил и бросил гранату, пожалев при этом, что не успел взять «языка». Стреляя на ходу, они быстро побежали к своим. Один из автоматчиков, который бежал рядом с подпоручником, был ранен, и самому Ферынецу пуля попала в ногу.

Оба Т-70 при поддержке автоматчиков остановились и отбросили подбегавших немцев, а танк Ферынеца, свернув в лес, обогнул окоп и пошел по просеке.

Три машины добрались до батальона Илларионова, передали приказ, чтобы держались, и оставили около двадцати снарядов для орудий, так как уже ощущался недостаток боеприпасов. Однако самым важным для пехоты было известие, что просека свободна, что они не окружены и польская танковая разведка истребляет тех, кто прорвался в тыл.

...На помощь Тюфякову, сражавшемуся в лесу южнее лесной сторожки Остшень, пошла «сотка» с экипажем хорунжего Щепаника. Она одиноко ехала по просеке на запад, потом повернула на север. Высоцкий открыл люк, потому что под раскаленной солнцем сталью нечем было дышать. Сворачивая в следующую просеку, он увидел огромную машину, направляющуюся прямо на них.

— Слева танк! — крикнул Высоцкий, захлопывая люк и выключая сцепление.

Командир тоже заметил противника, опознав тяжелый Т-VI. Тот ехал, освещенный солнцем, метрах в двухстах. Огромный черный силуэт сам вползал на прицел. «Даже если

заметят, не успеют развернуть башню», — промелькнула мысль у командира.

Пушку рванул выстрел, замок со звоном выплюнул гильзу. Заряжающий Леон Сарницкий, не спрашивая, сразу же вогнал новый противотанковый снаряд. Щепаник держал ставшего вдруг неподвижным «тигра» на прицеле. Он видел, как открылись люки и на броню вылез экипаж. Радист плютоновый Петр Копровский только этого и ждал и сразу же резанул по ним очередью.

— Давай вперед, — приказал командир танка.

Подошли ближе, все еще ради предосторожности держа «тигра» на прицеле, но потом победило любопытство, и Рудольф выпрыгнул из машины, чтобы вблизи рассмотреть добычу. Сразу же из леса немцы открыли огонь из винтовок, и он был вынужден возвращаться низом, через десантный люк. Члены экипажа смеялись, подшучивали над ним, ибо, когда один «тигр» уже на счету, можно и посмеяться над охотником, не опасаясь, что тот обидится.

Прежде чем уехать, они выстрелили в упор, чтобы сжечь эту неподвижную коробку.

Атака третьей танковой

Оборона 142-го полка была прорвана в нескольких местах. В тыл советских батальонов, в глубь леса Остшень, ворвались группы гренадеров, несколько танков и самоходных орудий. Севернее Гробли получилась настоящая каша. Однако гвардейские роты продолжали удерживать позиции. Правый фланг немцев, где они наносили основной удар, очутился на положении воина, копьё которого попало в щит врага и увязло в нем. Однако острие этого копья все еще не достало Выгоды.

Левый фланг сражавшихся в прорыве частей дивизии «Герман Геринг» оказался в лучшем положении. После захвата деревни и фольварка Студзянки и взятия кирпичного завода фланг вышел на открытую местность.

На широких и сухих полях можно было развернуть для атаки большие силы, столкнуть советскую пехоту в болота и тогда, не опасаясь контратаки с севера, всей мощью форсировать узкую горловину под Выгодой.

Немцы внезапным огнем из самоходных орудий и минометов обложили высоту Ветряную, после чего рота гренадеров овладела ею. Под прикрытием этой атаки остальные силы немцев заняли исходные позиции для наступления.

Около четырех часов дня дивизионная артиллерия гитлеровцев начала обработку советских позиций, а несколько звеньев пикирующих бомбардировщиков, направляемых по радио, атаковали Суху Волю, Басинув и лесок западнее Выгоды. На полуторакилометровой дуге фронта, проходящего через поля от лесной сторожки Остшень до кирпичного завода, взрели моторы и выползли из укрытий тридцать танков и самоходных орудий, на броне которых сидели десантники. Танки быстро набирали скорость. Гитлеровцы, вероятно, были уверены, что не встретят уже никакого серьезного сопротивления.

Не успели еще гусеницы этих машин проутюжить первые сто метров, как из-за верхушек Повислянских роц поднялись клубы пыли и раздались выстрелы танковых орудий. Во фланг наступающим прямо через ржаное поле шли боевые машины с белым орлом на борту.

15 часов 45 минут. Южнее фольварка Ленкавица по дороге мимо озера выскочил из леса мотоцикл. На нем — водитель в каске и лейтенант в фуражке набекрень. Машина сворачивает вправо, едет вдоль поля, колеса с трудом продвигаются по разъезженной дернине, на пределе воеет мотор.

За мотоциклом идут танки — шесть машин Т-34. На башнях номера — 133, 131, 135, 136, 134, 130. Первая цифра означает 1-й танковый полк, вторая — 3-ю роту, последняя — место в роте. Свернув на тесную просеку, машины перемешались и встали в ином порядке, чем обычно.

В последней машине поручник Ростислав Тараймович при свете, падающем через приоткрытый люк, читает письмо из Рая. Рай — это деревня на Смоленщине, в которой они стояли на квартирах после битвы под Ленино. Там он женился, справил свадьбу. Теперь получил от жены письмо.

Танк качается, его бросает на выбоинах, буквы прыгают. Поручник выхватывает отдельные слова: «Сын... родился сын...»

По переговорному устройству сообщает об этом событии шаферам на свадьбе, то есть всему своему экипажу. Сложенный треугольником листок бумаги кладет в карман.

Прочитает еще раз, когда будет свободная минутка.

Машина входит в полосу дыма. Слева в нескольких метрах горит тяжелый танк ИС.

15 часов 48 минут. Голова колонны перпендикулярно перерезает песчаную дорогу из Ленкавицы в Студзянки. Радист машины 130 Сташек Павельчик оборачивается, тянет за ногу Адольфа Турецкого. Заряжающий приседает к башне и шепелявит:

— Што?

— Дай нож.

— Загупишь.

— Потом наточу. Давай поедим.

Сташек берет огородный с деревянным черенком нож для прививок. Режет жесть консервной банки с американской свиной тушенкой, прозванной «вторым фронтом» еще в сорок третьем году, до высадки союзников в Нормандии.

Потом он вытирает нож о комбинезон, прячет в карман, а про себя думает, что, когда вернется на Курпе, в деревню Гонтаже, опять будет прививать фруктовые деревья. Земля есть. Отец и мать заработали в Америке доллары и купили землю. Только вот отец не пережил — вместе с долларами привез из Детройта пневмокониоз.

Может, теперь еще дадут земли, так как солдатам причитается по реформе.

15 часов 49 минут. По сигналу лейтенанта, который слез с мотоцикла, танки останавливаются — первый в 250, последний в 150 метрах от дороги. Справа, с юга, колонну заслоняет небольшой, но густой висленский лесок, в котором не спеша стрекочут пулеметы. С севера — открытое поле, за ним полыхают хаты в Ленкавице и Целинуве. Домов за возвышенностью не видно, только дым дрожит в знойном воздухе. В той стороне, откуда они пришли, горит танк ИС, и черный столб почти вертикально поднимается к небу. Тараймович подтягивается на руках, выпрыгивает из башни на броню, потом на землю и, поправляя ремень с пистолетом, идет навстречу лейтенанту получить приказ. Незаметным движением он распахивает комбинезон, чтобы было видно орден Красной Звезды.

Механик-водитель машины 130 Петр Осёвый берет из рук Павельчика краюху хлеба с консервами и говорит:

— Оставь и для Славека. Съест, когда вернется. Разомнемся немного, ребята, выйдем на воздух.

15 часов 52 минуты. Молоденький стройный лейтенант в фуражке набекрень идет навстречу командиру польской танковой роты, в левой руке держит планшетку и, отдав честь, докладывает:

— Танковый клин фашистов врезался в боевые порядки дивизии...

Слаvek пропускает мимо ушей эти вступительные слова. Он знает, что машина Лотовского осталась в Ленкавице с поврежденной во время бомбежки гусеницей, но не знает, что с 3-м взводом подпоручника.

— Ваши два танка, — объясняет лейтенант, — на оборонительных позициях около штаба дивизии...

«Это значит, что где-то завяз только один», — думает Тараймович.

— Командир дивизии приказал вам, — продолжает адъютант генерала Кулагина, — ударить с опушки Повислянских роц по кирпичному заводу, уничтожить огнем находящуюся там группу танков и пехоту противника и после выполнения задачи вернуться на исходные

позиции.

— Сейчас проведу рекогносцировку местности, установлю связь с пехотой, — говорит командир 3-й роты. — В каком часу мы должны нанести удар и кто нас поддержит?

— Сейчас, — отвечает лейтенант, оставляя вторую часть вопроса без ответа.

Около Тараймовича стоят подпоручника Хелин и Дротлев. Последний спрашивает:

— Без рекогносцировки?

— Немедленно, — повторяет адъютант командира 35-й дивизии.

Молчание длится несколько долгих секунд. Внутри горящего танка ИС взрывается снаряд, доносится глухой, как из бочки, гул.

15 часов 56 минут. С высоты безоблачного неба срываются эскадрильи пикирующих бомбардировщиков и сбрасывают бомбы в полутора километрах восточнее. Немецкая артиллерия начинает бить залпами, батарея минометов сосредоточивает огонь на южной опушке Повислянских роц.

— Если бы здесь были советские танкисты... — говорит лейтенант, а про себя думает: «Они бы не спрашивали. Так надо. Таков приказ».

Лейтенант молчит, но мысль его можно прочитать, и Тараймович, став по стойке «смирно», отдает честь младшему, чем он, по званию, так как в данный момент он отвечает не ему, а генералу, командиру дивизии:

— Приказ понимаю. Выполню.

15 часов 58 минут.

— Командиры и механики — ко мне! — зовет Тараймович и, идя им навстречу, передает приказ.

Они должны пойти в бой в такой очередности, как стоят. Когда первая машина будет в трехстах метрах от опушки леса, когда последняя выедет из-за березок, все развернутся вправо и ударят по кирпичному заводу. Разворот на максимальной скорости.

16 часов 01 минута.

— По машинам! — приказывает командир 3-й роты 1-го танкового полка 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте.

Все бросаются к танкам. Из-за леса слышны длинные пулеметные очереди и выстрелы танковых пушек.

«Что там происходит?» — думает Дротлев. Вместе с Хелиным они идут рядом с Тараймовичем.

— Славек, мы побежим к пехоте, поднимем ее и поможем.

Подпоручник улыбается, молча жмет им руки и по гусенице взбирается на танк.

16 часов 02 минуты. Бывает такой момент, когда экипажи стоят у машины, еще не заняв места. Пройдет еще двадцать секунд — и они уже окажутся под броней, захлопнут люки.

Приостановим время. Мне хочется назвать вам имена этих людей.

Старший сержант Леонид Трепачко, садовник из-под Вильнюса, под Ленино получил повышение — из заряжающего стал командиром танка 133. Его механик-водитель, слесарь из Стрыя, — капрал Владислав Дыба. Заряжающему — сержанту Зигмунту Миньковскому из Калиша — двадцать один год. Кто замещает капрала Костека Рускуля, убитого во время бомбардировки в Ленкавице, установить не удалось.

Командир 1-го взвода подпоручник Зигмунт Гаевский, который часто поет под аккомпанемент гитары Тараймовича, имеет двоих детей — шестилетнюю дочку и четырехлетнего сына. Он самый старший в роте, ему полных 32 года. В экипаже танка 131 — двое двадцатилетних: радист плутоновый Казик Козлярук и заряжающий капрал Эдек Сус. Механик-водитель сержант Юзеф Славиньский моложе командира на десять лет.

Экипаж танка 135 называют «коммуной». Не потому, что офицерскую порцию хорунжего Дацкевича и солдатскую работу делят между всеми одинаково, так делают все, но Эдек — сын партийного деятеля — умеет остро поставить и политические вопросы. Он твердо говорит: «Польша должна быть красной». Водителем у него — сержант Эдвард Писарек; у пулемета и радиостанции — капрал Тулик; заряжающим — плутоновый Янек Левосиньский. Ни одному из четырех не исполнилось 25 лет.

В машине 136 под польским знаменем воюют два русских — сержант Андрюша Завойкин, московский таксист, и заряжающий плутоновый Алеша Кондратьев. Командир Болеслав Гуславский — рабочий из Пружан. Радист Казик Вайщук — слесарь из Манцевичей, двадцати лет.

Подпоручник Григорий Пилипейченко, украинец, — командир 2-го взвода на танке 134, а русский сержант Горев — механик-водитель. Плутоновый Подольский обслуживает радиостанцию и пулемет, а львовянин плутоновый Метек Сирий, которого называли Сивеком, — орудие.

Из танка командира роты раздается сигнал «Заводи моторы», и в момент все те, чьи имена я назвал, исчезают под броней.

Их было двадцать четыре человека. С этого момента стало шесть боевых машин, в которых работают моторы, заглушая ускоренное биение людских сердец.

16 часов 03 минуты. В танке 130 механик-водитель сержант Петр Осёвый, четырежды раненный в предыдущих боях, дважды спасенный из горящей машины, закрывает глаза, чтобы они быстрее привыкли к темноте, вслушивается в шум мотора.

Стрелок-радист плутоновый Станислав Павельчик доедает последний кусок хлеба с консервами, поправляет в кармане садовый нож Адольфа Турецкого, чтобы не мешал. «Потом отдам», — решает он. Заряжающий вопросительно показывает на противотанковый снаряд и после утвердительного кивка командира заряжает им орудие.

Поручник Тараймович отдает команду:

— Вперед! Полный ход!

Через смотровую щель Турецкий видит, как березки в Повислянских рощах бегут назад, трепещут, подхлестываемые брызгами песка. Нарастающий вой мотора врывается под шлемофон. Горячий воздух обжигает, пот течет по спине. Скошенные поля, обозначенные копнами ржи, спускаются по наклонной к югу. За вытоптанном садом видна разбитая деревня, наискосок — группа деревьев, а над ней — выщербленная высокая труба.

Шесть танков мчатся по гребню высоты, мимо старой ветряной мельницы. Земля дрожит под тяжестью ста восьмидесяти тонн стали. Тысяча пуль, выпущенных в первую минуту, сметает не глубоко окопавшуюся роту гренадеров. Остальное доделали гусеницы.

Старший сержант Трепачко из передней машины лупит по двигающемуся левее кирпичного завода танку и трассирующими очередями из ручного пулемета указывает цель тем, кто идет следом за ним.

Стерня голая, ветер несет пыль на север, видимость хорошая. Тараймович одним

взглядом охватывает все свои машины.

Видимость хорошая, поэтому из Студзянок отзываются притаившиеся за руинами «фердинанды».

Осёвый говорит:

— Трепачко получил.

— Медленнее, — отвечает Славек, нажимая на спуск и одновременно со звоном выброшенной из замка гильзы спокойно говорит: — Газ прибавь. Один есть.

— Гаевский горит.

Слышен скрежет шестеренок поворачиваемой башни, ворчит ручной пулемет Павельчика, вторично отскакивает назад ствол под действием силы отдачи.

— Второй готов. Прибавь скорость для разворота.

Машина прыгает через косу дыма, ползущего из горящей машины Трепачко. Танк 133, перебирая гусеницами, пятится назад, как смертельно раненный зверь. Но вот он еще раз сверкнул огнем из ствола пушки.

Впереди видна разворачивающаяся «пантера», за нею еще две машины. Немцы, прекратив атаку, меняют позицию.

— Убавь газ, — говорит Тараймович.

Тише становится гудение мотора, громыхание орудия.

— Дацкевич горит, — докладывает Осёвый.

— Поворачивай.

Оба пулемета секут разбросанных по полю гренадеров.

— Гуславский в огне.

Еще два снаряда Тараймович послал со ржаного поля, а третий, когда въезжали в люпин.

— Убавь газ, — были его последние слова.

Осёвый замедлил, подождал и, услышав гул орудия, закончил поворот. И тут в них попал снаряд. В самую башню, у основания ствола. Еще какой-то миг они двигались вперед. Павельчик не отрывал щеки от приклада, ручной пулемет бился как рыба, вынутая из воды, и замер на последнем патроне. Осёвый открытым ртом вдохнул насыщенный пороховым смрадом воздух и огляделся. Башня была в дыму. Славек безжизненно повис, зацепившись за замок португеей. Турецкий сидел с разбитой головой.

Второй снаряд пробил баки с горючим и попал в мотор. Танк остановился. Огонь ворвался внутрь, пламя уже лизало руки Петра, вытянутые в сторону Тараймовича, доставало лицо. Осёвый отскочил, дернул замок люка водителя, но он не поддавался. Осёвый уперся в него ногами, но плита брони не дрогнула: очевидно, снаряд заклинил ее снаружи.

Сташек Павельчик открыл десантный люк, проскользнул под днище машины. Осёвый — за ним, повис на радиокабеле, дернул и разорвал его. Павельчик схватил механика за ноги, вытянул. Петр упал на обгоревшие руки в покрытый гравием песок.

Вместо того чтобы отползти, они приблизились к открытому люку.

— Славек!

Из танка вырвалось пламя от взрыва боеприпасов. Только теперь им стало страшно, и они отползли в разные стороны. Со стороны леса затрещали «максимы», раздалось продолжительное русское «Ура!». Хелин, Дротлев и плютоновый Михал Бомбербах шли в атаку вместе с пехотинцами 3-го батальона 100-го полка.

Пусть читателя не вводят в заблуждение слова «батальон» и «полк». Их было около

пятидесяти, в большинстве — те, чье оружие было разбито, чья автомашина сгорела, а также связисты и повара. Все — смертельно измученные, в течение последних четырех дней они постоянно находились в бою. Тем не менее, когда два офицера, выскочив из окопа, крикнули: «Вперед! Там польские танки!», они пошли за ними, отбросили подбежавших гранадеров и во второй раз овладели высотой Ветряной.

Было около пяти, когда старшина 3-й роты плутоновый Бомбербах на советской санитарной машине забрал в госпиталь раненых Трепачко, Подольского и Завойкина. Осёвый, как слепой, вытягивал вперед обгоревшие руки, слезы текли по его лицу, покрытому маслом и копотью. Он повторял одни и те же слова: «Нет Славека, нет роты, все сгорело». Вместе с Павельчиком они скоро уйдут на полковой медпункт. Около Дротлева стоят двое из тех, кто не получил ран и ушел от смерти, — подпоручник Григорий Пилипейченко и плутоновый Мечислав Сирый, называемый Сивеком. Из двадцати четырех, что пошли в наступление, осталось в живых семеро.

В строю осталось 4 машины и 28 человек, однако они не перестали быть 3-й ротой 1-го танкового полка. Подпоручник Хелин взял на себя командование ротой.

Атаку отбили семидесятитонные «фердинанды», укрытые в Студзянках. На расстоянии восьмисот метров они разносили боковую броню танков. Однако, прежде чем им удалось взять танки на прицел, прежде чем они начали их поражать, уже пылало пять немецких боевых машин, которые с кирпичного завода пошли в атаку на Суху Волю. В этот самый момент правый фланг гитлеровцев, идущий на Басинув со стороны лесной сторожки Остшень, попал под огонь двух батарей 55-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона.

Неожиданность — это грозное оружие. Встреченная огнем с двух флангов, немецкая атака захлебнулась.

Потери в людях были небольшие, недостатка в машинах не ощущалось: через брешь со стороны Грабноволи подходили новые, но чтобы возобновить атаку, офицеры должны были собрать роты, сосредоточить их на исходных позициях, еще раз вызвать огонь артиллерии и организовать взаимодействие. А тем временем минуты складывались в часы. Солнце высоко стоит над горизонтом, но уже побежали длинные тени.

Если удар, вносящий перелом в ход боя, не будет нанесен до вечера, тогда то, что для Петра Осёвого — конец существования роты, для Хелина и Дротлева — трагедия и поражение, то есть шесть сожженных машин 3-й роты и семнадцать погибших танкистов, — тогда это перетянет чашу студзянковского сражения и станет его поворотным пунктом.

Ольшевский ведет огонь во фланг

1-ю роту 2-го танкового полка мы оставили на переправе в тот момент, когда танки взвода подпоручника Ляха, прицепленные к затопленному танку 212, вытащили наконец его на сушу. Обычно, если в одном месте собирается слишком много командиров, происходит замешательство. Так случилось и здесь. Не соблюдая очередности, сразу двинулись на погрузку два ближе всех стоящих танка — 211 хорунжего Медведева и 225 хорунжего Грушки из 2-й роты.

Роман Козинец еще не пришел в себя после неожиданного купания, фыркая и сплевывая воду. Сидя в одних трусах на песке, он растирал пальцами одеревеневшие мускулы и ждал, пока высохнет на солнце форма.

— Пльви, Казик, на тот берег и принимай командование, — сказал он своему заместителю. — Я присоединюсь, как только обсохну.

Подпоручник Ольшевский похлопал его по плечу в знак того, что все будет в порядке, и побежал в сторону пристани. Паром уже отошел, расстояние между берегом и бортом увеличивалось. Одним прыжком подпоручник очутился на палубе, сел около гусеницы рядом с Грушкой и спросил:

— Эдек, а ты здесь по какому праву?

— Кто первый, тот лучший.

— Думаешь, там сахар дают без очереди? — показал он на западный берег.

— Я стоял на самой опушке леса. Велели ехать, ну я и поехал, — буркнул хорунжий, чтобы не подумали, что он метит в герои. — Ты офицер-политработник, должен обо мне статью написать в газету. Я могу тебе даже заголовок подсказать: «Отважный танкист» или «Вне очереди в бой».

Причалив к острову, они форсировали мелкий рукав и выехали на берег. В саду, между крытыми соломой хатами, стояли пять машин из роты Козинца, а шестая — Медведева.

Около танка командира 2-го взвода хорунжий Шиманьский, веселый и длинноногий, исполнял свой коронный номер — песню «Чудо произошло однажды, ой, дед обратился к иконе, ой!...», а радист Владек Годлевский, сидя на земле, с увлечением барабанил в такт ложками по котелкам.

Ольшевский чувствовал себя спокойно, как дома. Теперь оставалось только ждать командира роты, 3-й взвод и «утопленника», то есть машину 212. Однако так часто бывает в жизни: едва лишь нам покажется, что можно передохнуть, как события разворачиваются иначе.

Штабной грузовик, высокий зеленый фургон, стоял тут же, у дамбы. Не прошло и пяти минут, как находившийся в нем хмурый начальник штаба, одноглазый капитан Подскребко, вызвал к себе Ольшевского.

— Где Козинец?

— Он тонул, еще не пришел в себя.

— Вместо него ты командуешь?

— Я.

— Бери эти шесть машин и гони на передовую. Рогач приказал. За Выгодой повернешь вправо. — Он указал остро отточенным карандашом место на карте. — Займешь позиции в Сухой Воле, установишь связь с батальоном 137-го полка, который там обороняется. Понятно?

— Понятно, но...

— Выполняй.

Строгий к себе, Подскребко не был мягким и с другими. Он смотрел на Ольшевского сурово, и только когда тот отдал честь и вышел из надстроенного па грузовике фургона, начальник штаба тепло посмотрел ему вслед. Встав в открытой двери, он выпрямился и, приложив руку к козырьку, проводил отъезжающие танки.

От переправы они шли ускоренным маршем. Под Дембоволей попали под заградительный огонь. Большие металлические кругляшки мин рвались совсем близко. Ольшевский, поправляя на голове тесный шлемофон Козинца, со страхом думал, что, пожалуй, надо было где-то сбросить запасные баки и ящики со снарядами, которые он везет на броне. Случись вдруг прямое попадание...

Однако он не мог останавливать машины под огнем и на виду у всех. Ответственность за судьбу людей и машин превыше всего!

Шесть машин 1-й роты 2-го танкового полка добрались до Выгоды, когда солнце еще высоко стояло над горизонтом. Не доверяя карте, танкисты спросили, как проехать дальше, и свернули по песчаной дороге на запад, так как их предостерегли, что немцы близко.

Справа был луг, покрытый темной, влажной зеленью, а дальше пучками шел ольшаник. Слева — полоса, поросшая можжевельником. Первым ехал хорунжий Виталий Медведев, вторым — Ян Шиманьский, а третьим — Ольшевский в танке командира. Когда все шесть машин, миновав первые домики Басинува, выехали на поляну, Шиманьский доложил по радио:

— Слева горит Т-34. Очевидно, из нашей бригады...

Тут же он заметил огонь с высоты, на опушке леса, на расстоянии не более трехсот метров. Снаряд сбил на одной из машин запасной бак, полный мазута. Танки без команды сделали поворот на месте лицом к противнику и, стреляя на ходу, попятнулись за домики между деревьями. Ломая стволы деревьев, они теряли ящики со снарядами. Десять голосов раздавались по радио сразу, и ничего нельзя было понять.

Машина 210 остановилась как-то наискосок. Развернуть орудие и стрелять было нельзя — мешало дерево. Водитель хотел повернуть машину, но рядом с гусеницей росло дерево, и, пока удалось его повалить, дважды глох мотор. Радист капрал Павел Парадня успел выпустить из ручного пулемета два диска по немцам, убежавшим через реденький лесок справа. Потом начал бить из орудия Ольшевский.

Гренадеры исчезли. Гитлеровские танки на горке, обстрелянные из шести орудийных стволов, замолкли и попятнулись в глубь леса. Все стихло. Подпоручник открыл шок, начал считать свои Т-34 и с облегчением вздохнул, когда насчитал шесть. Единственная потеря — это сорванный бак, который догорал на земле.

Командиры вышли из машин, экипажи начали собирать потерянные ящики со снарядами, стремясь в первую очередь утащить подкалиберные и термитные, которых не хватало.

На дороге показались четыре солдата в комбинезонах, с закатанными до локтей рукавами, с оружием в руках. Кто-то из заряжающих пустил по ним очередь из пулемета, к счастью, не точно, и те начали грозить кулаками, кричать. Ольшевский отчетливо услышал, как они упоминали сукина сына, собачью кровь, холеру. Когда они подошли ближе, он узнал в них танкистов из 1-й роты полка Чайникова.

Сержанты Езерский и Гринберг были ранены, хорунжий Марек Вайсенберг осторожно держал руки, обожженные при спасении механика из горящей машины. Невредимым был один радист. Танкисты рассказали, что, покинув танк, они укрывались в лесу и не могли пробраться в тыл, везде натываясь на мелкие группы гренадеров. И только сейчас, под огнем машин Ольшевского, немцы отступили.

— Выходит, мы вас спасли, — сказал подпоручник, обрадованный: то, что он был готов признать поражением, оказалось победой.

— Спасли по ошибке. Если б вас лучше научили стрелять, вы бы нас уложили.

Старшина роты плутоновый Юзек Костан отвел их в тыл, за Выгоду, а группа Ольшевского собралась и двинулась дальше, выполняя приказ. Однако только пять машин: на лугу за Басинувом остался танк 215 хорунжего Тадеуша Корняка. Когда начался огонь слева, они разъехались, чтобы занять боевые позиции, и танк попал на болотистое место. Гусеницы прорезали траву, завязли, и машина села на брюхо. Ни вперед, ни назад.

В Сухой Воле их встретил улыбающийся командир 1-го батальона 137-го полка.

— Привет, пять танков! Могучая сила, мощь! — приговаривал он, помогая размещать танки в саду и между хатами. — У меня взяли 1-ю роту, бросили куда-то в лес. А теперь «Геринг» не страшен.

Примерно через час после занятия позиций поручник Петкевич из машины 213 показал Ольшевскому тучу дыма над лесной сторожкой Остшень. Несмотря на то что отсюда до нее было с километр, они слышали крики и взрывы. Из-за пыли и дыма казалось, что по полю мчится танк. Что за черт? Может, Корняк выбрался из болота, заблудился, перепутал дорогу и черти его туда понесли?

— Нелегко будет выкрутиться, — показал головой Петкевич. — Ясно, что это не немецкая машина, по ней бьют из леса.

На всякий случай две машины с левого фланга, которым сподручнее, по приказу Ольшевского выпустили по пять снарядов беглым огнем, чтобы прикрыть отход танка. Казик надеялся, что ему удастся повторить такую же штуку с фланговым огнем, но даже и не предполагал, как нужны для этого осколочные снаряды.

Эдвард против «фердинанда»

Танк 225, случайно переправленный вместе с 1-й ротой, когда отъезжала группа Ольшевского, стоял несколько сбоку. Хорунжий Грушка сначала решил ждать своих, но затем ему пришло в голову, что, поскольку этих срочно бросили в бой, положение стало, видимо, угрожающим. Очевидно, на счету каждый танк, и, может, даже будет нечестно ждать 2-ю роту. В конце концов не так уж важно, какая цифра стоит у него на башне.

Только секунду он колебался, а потом устроил короткое совещание с экипажем. Все были согласны: нечего ждать, когда другие сражаются. Водитель, сержант Казик Дубелецкий, сказал:

— Я домой тороплюсь, а дорога только там проходит...

Все хорошо знали, что его дом — это Варшава, где он родился, вырос, окончил механический техникум, да и для всех остальных она также была родным домом. Надо было срочно ее спасать, тем более что два дня назад они узнали о Варшавском восстании.

Поэтому они, не спрашивая ни у кого разрешения, на полном ходу поехали по свежим следам других танков.

В Выгоде дорога совсем была разъезженной. Несколько западнее неожиданно разгорелась перестрелка, совсем близко начали рваться тяжелые снаряды. Захлопнув люки, танкисты решили переждать огонь около придорожного креста. Их было четверо, и, сидя в танке, оторванные от командиров взвода и роты, без пехоты, они почувствовали себя одинокими. Закурив, прислушивались к грохоту осколков по броне.

Перестрелка прекратилась, и сразу же кто-то постучал по броне. Оказалось, что это — связной из штаба полка, от подполковника Рогача. Он передал им приказ явиться в распоряжение командира гвардейского батальона и сел к ним на броню, чтобы сопровождать.

В лесном штабе погостили недолго. Советский командир (скорее всего, капитан Ткалунов из 1-го батальона 142-го полка) объяснил, что речь идет об овладении лежащей на высоте лесной сторожкой. Просекой на левом фланге пойдет один танк, их же машина — на правый фланг, а в центре ударят двадцать пехотинцев.

— Сколько? — Грушка решил, что ослышался.

— Двадцать, — повторил тот и добавил с ударением: — Почти вся рота. Сигнал получите по радио.

Сержант из штаба батальона отвел их на исходные позиции. По пути увидели догорающий танк. Сержант указал рукой и сказал:

— Ваш. Из 1-го полка. Дрались как герои.

Метров через сто они остановились за деревьями.

Грушка и Дубелецкий вышли из машины, пробрались к опушке леса. Сержант показал им лесную сторожку: около аллеи из елочек на высоте виднелась труба и крыша не то коровника, не то риги. Сержант ушел, пожелав им удачи. Через стерню на пригорке проходили свежевырытые окопы, а несколько дальше, за скирдами хлеба, торчали стволы немецких минометов. После каждого выстрела сверкал огонь, низко стелилась пыль от взрывной волны. Пока решили батарею оставить в покое, чтобы не обнаруживать своих позиций, и уничтожить ее, как только будет дана команда двигаться.

— Был сигнал? — спросил Грушка, когда они возвратились в машину.

— Еще нет, — ответил Володя Иванов, молоденький русский радист, который пришел к

ним прямо из школы.

— Сам послушай, — добавил капрал Лодыня. — Такая кутерьма в наушниках, что трудно схватить.

Грушка надел шлемофон. Эфир оглушил шумом, треском и людскими голосами, выкрикивавшими позывные и шифры. Черт возьми, может, уже был приказ, может, пехота пошла, а они сидят в укрытии, и там нет поддержки!

Слева в лесу он услышал длинные очереди и, уверенный, что это пехота уже пошла в наступление, приказал:

— Двигаемся. Жми на всю железку, Казик, а ты, Адам, заряжай осколочным.

Дубелецкий плавно тронул машину с места и прибавил скорость. Едва они выехали из-за деревьев на ржаное поле, танк пошел еще быстрее.

Эдек шепотом ругался, потому что сломанная ветка попала в смотровую щель и закрыла прицел. Однако он поймал в прицел скирды ржи, где стояли минометы, и на полном ходу пустил один за другим четыре снаряда, а очередями прочесал окопы. Слышна была трескотня пулемета: это Володя тоже не терял времени.

— По нас бьют из сарая в лесу, — доложил Лодыня.

Ветка упала, хорунжий увидел через прицел вспышку будто бы из-под соломенной крыши и с облегчением подумал, что те, хотя и стреляют с места и на небольшое расстояние — всего на триста метров, однако два раза позорно промазали. Не играя с судьбой, он поднял ствол орудия и рубанул по коровнику, или риге. Снаряд попал в крышу, она дрогнула, а потом, объятая огнем, рухнула.

Дубелецкий гнал машину, как на гонках, и вдруг Грушка прямо перед собой увидел песчаный бруствер и выпрыгивающих из него гренадеров, бросающих гранаты. Машину бросило вниз, вверх, в сторону: это механик прогладил окопы, раздавил гусеницами пулемет.

После этих рискованных прыжков, которые они делали в клубах пыли, поднятых гусеницами и взрывами ручных гранат, они ничего не видели. В прицелах и смотровых щелях мигали то земля, то небо. Не видели они также, как стены сарая около лесной сторожки рассыпались и из-под них выполз «фердинанд», накрытый горячей соломенной крышей. Он еще двигался, но его уже всего охватило пламя, и он вспыхнул как факел.

Когда выехали на ровное место, Эдек, направив орудие в сторону группы бегущих немцев, нажал спуск, чтобы разнести их снарядами, и вдруг у него в глазах потемнело. От выстрела вздрогнула вся машина и повернулась башня.

— О боже! — закричал Адам Лодыня. — Ствол разнесло!

Дубелецкий притормозил. Грушка открыл люк и увидел, что дульная часть орудия разорвана и гнутые поломки стали торчат во все стороны, как лепестки удивительного цветка.

Не успел он сообразить, что произошло, как вдруг что-то сверкнуло, и он почувствовал удар, будто кто-то кулаком наотмашь ударил его по лицу. Схватившись за рот, он захлопнул люк. Правая рука была полна крови и зубов.

— В лес! — пробормотал он не своим голосом.

Сержант молниеносно развернул машину и погнал ее вниз по скату высоты. Хорунжий чувствовал усиливающуюся боль, кровь стекала по подбородку на шею. Он ожидал удара в заднюю броню и с облегчением вздохнул, когда ветки сосен стали бить по башне. «Повезло нам», — подумал он, еще не зная, что своим спасением обязан своему точному выстрелу в «фердинанд» и тем десяти осколочным снарядам из танков Олека Петкевича и Янека

Шиманьского, которым заместитель командира 1-й роты подпоручник Казимеж Ольшевский приказал обстрелять лесную сторожку.

— Гражданин хорунжий. — Адам Лодыня вдруг перешел на официальный тон. — Остановимся. Я осмотрю машину.

— Подожди, — пробурчал Грушка.

Он открыл люк, высунулся, чтобы выбрать получше место. Подрезанное танком дерево упало на башню, придавив Грушке руку, и продолжало волочиться за ними по земле.

Лодыня увидел и крикнул:

— Остановись! Казик, стой!

Он вылез на броню с топором и обрубил ветки.

— Эдек, я осмотрю машину.

Они вышли из танка. Дубелецкий выключил мотор. В наступившей тишине они вдруг услышали шаги и спрятались за дерево: Лодыня — с автоматом, а Грушка — с добытым пистолетом. Заметив звездочку на каске, они опустили оружие.

— Куда идешь? — спросили они пехотинца.

— Мы должны атаковать лесную сторожку.

Они внимательно осмотрели друг друга. Дубелецкий, приподнявшись на носки, ощупывал разорванный ствол. И тут все вдруг рассмеялись:

— Они начинают, а мы уже кончили. Черт бы его забрал!

Сразу после того, как из Вислы была вытянута затопленная машина, взвод подпоручника Ляха вернулся на переправу. Суматоха еще не улеглась, и после Медведева и Грушки пошел на переправу танк 218, в котором заряжающим был силач капрал Ендрушко. На другой паром въехала какая-то чужая машина. Когда переправлялась машина Ляха, то в Пшевузе-Тарновском, где они должны были встретить семь машин из своей роты, было пусто. Даже Березка уехал, вместо того чтобы ожидать свой взвод. Очевидно, получил такой приказ. Танк Ляха вполз под деревья густого сада, куда привели следы гусениц. Они не первые использовали это укрытие: на ветках яблонь не осталось ни одного яблока.

Сержант Сташек Зелиньский, радист, пошел в разведку. Это был старый солдат, раненный в бою с немцами еще в сентябре 1939 года, и, кроме того, вообще расторопный человек. Вскоре он возвратился с полными карманами яблок, приведя с собой почтальона бригады, капрала Ковальского, в огромных сапогах, добрейшего по характеру человека.

— Черт бы побрал эту переправу! — сказал он хриплым басом. — Только что двух адресатов мы схоронили на этом валу. — Он вздохнул и безо всякого перехода показал зубы в улыбке: — Гражданин хорунжий, танцуйте! — За спиной он прятал конверт.

Матеуш сделал несколько шагов в ритме куявяка, взял письмо и, опершись о гусеницу, надорвал конверт. Ковальский какой-то момент постоял, глядя ему в лицо, а потом повернулся и быстро ушел, сгорбив широкую спину. Он очень хотел, чтобы все письма были веселые, но это не всегда случалось.

— Живы? — спросил заряжающий Збышек Козловский.

Весь экипаж знал, что, как только по радио сообщили об освобождении Дрогобыча, подпоручник написал знакомым украинцам, которые жили рядом и хорошо знали его отца, бурильщика-нефтяника. Они работали вместе с ним в фирме «Природные газы» в Сходнице. Отец Матеуша умер за год до войны, но остались другие члены семьи, и поэтому Козловский спросил, живы ли.

— Нет, — Лях медленно покачал головой. — Все убиты: мать, сестра, брат.

С неба со свистом падали тяжелые снаряды, разрывались недалеко в Висле и по обоим ее берегам.

— Сукины сыны, — сказал Блиновский то ли об артиллеристах, то ли о тех, кто убил семью подпоручника.

Связной из штаба полка передал приказ ехать к Выгоде вслед за группой Ольшевского. За Магнушевом по радио им изменили маршрут перехода. По обсаженной старыми деревьями дороге они повернули на Тшебень и мимо особняка, около крахмального завода с закопченной трубой, въехали на выложенную брусчаткой дорогу, ведущую по насыпи в сырой, темно-зеленый ольшаник.

Высунувшись по пояс из башни и внимательно осматриваясь, Лях прислушивался к приближавшейся канонаде, но где-то внутри он словно окаменел. Как унылый припев, звучали слова письма: «Мать, сестра и брат... Мать, сестра и брат...»

Навстречу шли двое в комбинезонах. Тот, что пониже, широкий в плечах, поддерживал хромавшего товарища. Матеуш узнал их, приказал Блиновскому остановиться и спрыгнул с танка на землю.

— Куда угодило? — спросил он.

— В ногу, — буркнул побледневший Березка и добавил с отчаянием: — Танк сгорел.

— А что у тебя с рукой? — Лях обратился к Ендрушко. — Как это было?

— Ничего, шлепнуло только... Гротовщик не нужен.—Капрал зубами затягивал узел на бинте.—Пока мы нашли свою роту, на поле нас обнаружила «пантера». Дала нам по башне, в баки, брызнул огонь. Мы выскочили...

— Он меня вытащил, — вмешался Березка.

— Мы вытащили Адама и начали гасить пламя песком, но это не помогло. Поезжайте, ребята, а мы дойдем. Здесь до госпиталя недалеко.

Они поехали дальше. Между деревянными балками хлюпала вода. У первых домов Ленкавицы им встретился заместитель командира полка по строевой подпоручник Владислав Светана. Он махнул им, чтобы притормозили, а затем сзади вскочил на броню.

— Где рота? — спросил его Лях.

— Где-то слева, но ты здесь занимай позицию, пригодись. Около Ленкавицы даже штабные офицеры в окопах сидят, а немец сильно жмет. Разбили роту Тараймовича.

Убиты Славек, Гаевский, Дацкевич, Гуславский и еще многие другие... Шесть машин сгорело.

Это известие опечалило экипаж. Выехав за деревню, в поле, поднимавшееся вверх, они решили остановиться в первой попавшейся воронке от тяжелой бомбы. От разбросанных по стерне гвардейских окопов их отделяло не больше двухсот метров. До захода солнца оставалось еще сорок пять минут, широкие полосы теней подчеркивали шанцы на брустверах.

Они замаскировали танк снопами. Перед ними на горизонте виднелся лесок, а слева от него из-за пригорка торчали крыша старой ветряной мельницы и два ее выщербленных крыла. Лях и Зелинский уже хотели идти искать советского командира, но советский подполковник сам их нашел. Хорунжий представился как командир взвода.

— Сколько у вас машин?

— Одна.

— И то хорошо. У меня остались в окопах только писаря и повара, а при пулеметах ниже лейтенанта не найдешь.

— Взаимодействие... — начал Матеуц, вспоминая все, чему научился в школе подхорунжих.

— Просто, — перебил подполковник танкиста, — немец все сильнее обстреливает ту высотку, где ветряная мельница. Наверняка пойдет в атаку. Как только покажутся танки, бей по ним, только метко. — Подполковник замолчал, посмотрел на экипаж и спросил: — Закурите?

Он вынул из кармана папиросы «Казбек» и угостил ими всех членов экипажа. Те брали осторожно, чтобы темными от масла пальцами не запачкать коробку, где на фоне белых горных вершин и голубого неба скакал черный всадник в развевающейся бурке.

В районе ветряной мельницы нарастала перестрелка, по стерне пробежало несколько рыжих от заходящего солнца взрывов, но танкисты спокойно прикурили: перед этим подполковником с орденами они ведь представляли нечто большее, чем их собственные фамилии. Русский выпрямился, посмотрел в сторону Повислянских роц.

Они проследили за его взглядом, по ничего не заметили, а подполковник сказал:

— Танки.

Подполковник побежал по полю вперед, к своим окопам, а экипаж занял места в танке. Светана захлопнул люк и прильнул к перископу, а Лях чуть ниже под ним — у прицела. В

прицеле он заметил немецкие машины, когда те миновали ветряную мельницу.

— Бронебойным! — приказал он Козловскому и дал поправку в расстоянии.

«Мать, сестра, брат... Мать, сестра, брат..., — мысленно считал он угловатые силуэты. — Мать, сестра, брат... Мать, сестра... Одиннадцать», — насчитал он. Танки свернули немного влево, ближе к Целинуву. Лях поймал головную машину в перекрестие прицела и поставил ногу на спусковой рычаг орудия.

Светана заметил или просто угадал его движение:

— Подпусти ближе.

Лях кивнул головой. Язык словно онемел, в горле пересохло, и Лях не мог сказать ни слова. Во второй раз он внес поправку в расстоянии — с восьмисот на шестьсот метров. В поле зрения стекол прицела рвались снаряды. Какой-то пехотинец, видимо раненный осколком, выскочил из окопа и упал, прошивший очередью. Но Матеуш не думал о смерти. Всю свою волю и умение он сосредоточил на мягком, спокойном движении рукоятки, поворачивающей ствол орудия вместе с башней. Почувствовав, что Владек Светана легонько сжал его плечи коленями, он нажал на спуск. И в тот же миг увидел вспышку на броне головной машины, затем клуб дыма и огонь. Танк застыл, свернулся набок и стволом наклонился к земле.

Щелкнул замок. Козловский заряжал без команды. Подпоручник поймал в прицел следующий танк, ударил раз, второй — и мимо. Немцы прибавили скорость и расползлись веером по полю.

— Перелет, — спокойно сказал Светана.

Лях глубоко вздохнул, дождал секунду, потом выстрелил в четвертый раз. Очевидно, попал в баки, потому что Т-IV моментально окутался клубами сизого дыма. Справа и слева открыли огонь по немцам какие-то другие танки. Чей-то снаряд попал в третий немецкий танк, а остальные, сразу же повернув, помчались за гребень высоты.

Когда стало тихо, подпоручник Светана объяснил экипажу танка 217, что справа стреляли четыре машины из 3-й роты 1-го полка, которой теперь командует Хелин, а слова, вероятно, танки их роты, которые пошли в бой во главе с подпоручником Ольшевским.

Пришел подполковник, принес им папиросы, привел повара с горячим гуляшом в термосе и, что самое важное, каждому по очереди пожал руку и сказал:

— Молодцы, поляки, герои-танкисты, молодцы, ребята.

Они в ответ улыбались, пытались делать серьезные лица, выпячивали грудь, а невысокий Лях даже как бы немного попрос. Он щурил влажные глаза, смотрел на большое красное солнце, край которого почти касался задымленного горизонта.

Бой под Выгодой

На заходе солнца немцы еще раз форсировали речку под Рычивулом, напрасно надеясь овладеть плацдармом и выйти навстречу наступающим подразделениям со стороны Студзянок. Они были отбиты, но механизм взаимодействия, однажды приведенный в движение, дальше работал уже автоматически. В тот момент, когда 17-я дивизия должна была через двадцать минут после захода солнца занять район лесной сторожки Завада, за полчаса до сумерек, на позиции 142-го полка — 2-го батальона на Гробло и 1-го батальона в лесу Остшень — ударили гренадеры дивизии «Герман Геринг», поддержанные тридцатью танками. Наученные опытом предыдущей ночи и сегодняшнего дня боев, они действовали осторожно — шли за огневым валом: пехота очищала путь, танки ползли через заросли, осторожно высовывали стволы и, сделав несколько выстрелов, прятались за деревья.

Передний край был весь изломан, поэтому вначале они перекрестным огнем отрезали врезавшиеся клинья и овладели небольшим участком. Однако, когда они дошли до позиций, занятых 1-й танковой ротой, темп внезапно спал. Каждый из наших Т-34 имел уже по две-три запасные позиции и после нескольких выстрелов, едва в воздухе начинали свистеть снаряды, а панцерфаусты валили деревья, переходил на другой участок. Огонь немецких «Фердинандов» и противотанковых пушек, которые бронетранспортеры тянули за собой, попадал в пустое место.

Не напрасно Виктор Тюфяков в течение всего дня, как только наступало затишье, заставлял экипаж рыть для танка позиции. Не напрасно командир полковой роты противотанковых ружей капитан Тадеуш Климчак обходил свои взводы и по пути, то отчитывая, то хваля, заставлял солдат буквально вгрызаться в землю. Мышцы уже не чувствовали усталости, в горле пересохло от жары и напряжения.

Оба капитана были совершенно разными. Тюфяков ходил полуразутый, с непокрытой головой, а Климчак всегда застегнут на все пуговицы, в фуражке, в начищенных до блеска сапогах, с пистолетом, низко висевшим на кожаной портупее, как требовал того флотский фасон. Однако было у них что-то общее, что делало их похожими друг на друга. Возможно потому, что оба они уже не первый день знали, что такое фронт и армейская жизнь.

Тадеуш Климчак, уроженец Варшавы, которому во время первой мировой войны было двенадцать лет, оказался с родителями в России. Он остался в СССР, одиннадцать лет служил в советском морском флоте, а с начала войны воевал в батальоне морской пехоты. Он умел влиять на солдат одним своим присутствием, не говоря ни слова, так что при нем даже не особенно храбрые не боялись артиллерийского огня. Еще в Сельцах он учил своих солдат стрелять из противотанкового ружья по самолетам. Ему не очень верили, что можно попасть, но он им под Ленино доказал: прицелился в пикирующий бомбардировщик, попал в мотор, и самолет, объятый пламенем, врезался в землю. Советские пехотинцы хвалили Тадеуша, написали об этом в газетах, и в ноябре капитан получил орден Отечественной войны.

Теперь Климчак идет по лесу с позиции на позицию, а на шаг от командира — химинструктор роты, который его никогда не оставляет. Инструктор этот — капрал Татьяна Климчак, жена капитана.

Кажется, что немецкие солдаты покрикивают где-то рядом. В черном воздухе, как искры, сверкают автоматные очереди. Из низкого окопа танк, достигающий крон деревьев на рыжем еще небе, кажется двухэтажным домом.

Гремит орудие хорунжего Лежуха, командира 114-й машины. Либо снаряд угодил в немца, либо немец испугался, так как танк задним ходом быстро отходит за стволы деревьев. Он остановился где-то недалеко, но не стреляет.

Сквозь грохот перестрелки слышно, как Лежух поет тенором:

— ...По польской крайне, по польской крайне засвистала куля, певно мне оmine...

— Минует не минует, а ты влезай внутрь! — крикнул Климчак, побежав в сторону сторожки Остшень, где чаще всего стреляют противотанковые ружья.

— А если плохо видно, — отвечает хорунжий, стараясь быть похожим на Тюфякова, который имел привычку стоять на броне, — механик-водитель стреляет, а я показываю цель.

Командир роты противотанковых ружей и его жена сворачивают в лес на тропинку. Оттуда, где стоит танк 114, один за другим раздаются орудийные выстрелы, хлестко бьют очереди, которые подрезают ветки. Тадеуш останавливается и оборачивается — красный отблеск пламени светится из-за просеки. Выбежав из-за деревьев, они видят впереди, в двадцати метрах, горящий бронетранспортер. Капитан останавливается, но в этот самый момент замечает на броне неловко согнувшуюся фигуру. Несколько прыжков — и он рядом.

— Бронек!

— Получил, — хрипло отвечает Лежух сквозь кровавую пену на губах. — Второй раз... В сентябре тоже меня...

Механик-водитель сержант Конои хочет ему помочь.

— Ничего не надо, — говорит Лежух.

— По местам! На вас уже лезут! — приказывает Климчак. — Мы его заберем.

Подгоняемые криками наступающих гренадеров, Тадеуш с женой несут раненого в тыл. За ними идет сержант Колоса, заряжающий, раненный осколком того же снаряда. К счастью, они встречают санитаря из полка, восемнадцатилетнего Юзека Шушкевича.

— Вместе с Татьяной отнесите хорунжего к доктору Стаху.

— Слушаюсь. — Солдат с облегчением вздохнул, так как одному в темном лесу, наполненном выстрелами, ему не по себе, а с капралом, пусть это даже женщина, менее боязно.

— Мать мою зовут Хелена, — шепчет раненый. — Если что, напишите... улица Грабского, 10...

Капитан уже не слышит адреса. Поддерживая низко висящий пистолет, он бежит поперечной просекой в сторону сторожки, обеспокоенный тем, что линия огня как бы двинулась с места и перемещается все больше в сторону Выгоды.

В течение четырех послеобеденных часов экипаж танка 116 был занят саперными работами. Сразу же после отражения немецкой атаки они углубили воронку от бомбы, где стояли. Едва закончили, пришел Тюфяков и приказал копать запасную позицию за корпусом сожженного танка Вайсенберга.

— Работы будет меньше, отрывайте неглубоко, эта коробка вас хорошо прикроет.

Третий окоп, на сто метров впереди, им подготовили советские пехотинцы и солдаты из роты противотанковых ружей капитана Климчака.

Уже приближался заход солнца, когда по извилистой дороге через лес приехал сержант Завадский и привез боеприпасы и двадцатилитровую канистру с водой. Вода немного пахла бензином, но они все равно жадно пили ее.

Подшли командир 1-го взвода ПТР хорунжий Януш Немчинович, заместитель

командира роты ПТР подпоручник Валенты Маховецкий и следом за ним Юзек Кот. Офицеры встали в очередь за водой. Около грузовика собралась группа солдат, и заместитель Тюфякова по политчасти, воспользовавшись случаем, сообщил, что 3-я рота 1-го полка героически сдержала продвижение немцев на Ленкавицу, что 2-й полк уже подтягивается к переднему краю, что «фердинанды» не страшны, так как хорунжий Грушка одного в рощице сжег, и что они здесь защищают ключевую позицию.

— Я предпочел бы быть на менее важном участке, — строптиво заявил Грешта.

— Я воюю с начала войны, и еще никто мне не сказал, что мой участок не является наиболее важным, — засмеялся Маховецкий.

Кот хотел ответить им обоим, но в это время немцы пошли в атаку. Как бы желая подтвердить правильность его слов, они сильнее всего нажимали именно здесь. После короткого, но сильного огневого налета через сосновый лесок рванулись два танка, а по опушке леса, в стороне от сторожки, за ними пошли три «фердинанда» и густые цепи гренадеров.

В течение нескольких секунд слышны были гортанные выкрики, рокот моторов и лязг гусениц. Потом, как розовые бусинки четок, рассыпались в сумерках трассирующие автоматные очереди. Танки начали стрелять вслепую.

С нашей стороны передний край молчал: или он был оглушен и втиснут в землю взрывами снарядов, или, может, выжидал сближения. Наконец рывкнула истребительно-противотанковая батарея 55-го дивизиона, притаившись в лесу под Басинувом, потом еще одно орудие на просеке и застучали пулеметы. Один из «фердинандов», получив свое от советской артиллерии, загорелся. На поляне сразу стало светлее.

Заряжающий капрал Павел Вашкевич доложил:

— Наши отходят.

— Юзек, давай на свои старые позиции, — приказал механику-водителю Наймович.

Павлович включил задний ход. Не останавливаясь, они швырнули два осколочных снаряда по набегающим гренадерам. Механик каким-то шестым чувством понял, что они должны уже быть на месте, приостановился, свернул и съехал на дно окопа. Теперь они били из пушки, не жалея снарядов.

Хотя на предполье горели уже три машины, противник продолжал накапливать силы. Огонь немецкой артиллерии усиливался, батальонные минометы, подвезенные на транспортерах, накрыли лесок под Басинувом, вынудив советскую батарею замолчать, а возможно, и отойти, так как взрывы справа постепенно удалялись. Казалось, что на этом фланге немцы будто бы заходили в тыл.

Два «фердинанда» опять начали нащупывать расположение танка 116, снарядом снесло сосенку совсем рядом, ствол ее упал на насыпь, и ветки замаячили в смотровой щели.

— Открой, — сказал Грешта Павловскому.

Он выпрыгнул через люк механика, припал за растянутой на земле закопченной гусеницей сожженного танка. Гренадеры были на расстоянии не более 50 метров, бросали гранаты на длинных деревянных рукоятках. Одна, отскочив от продырявленной башни, разорвалась на другой стороне, и снизу взметнулся горстями песок. Плютоновый высунулся, выпустил через кусты две очереди, услышал стон и немецкую ругань.

— Полундра! — раздался возглас слева, громче, чем выстрелы.

Грешта сразу же определил, что это командир роты идет в атаку. Он был единственным в роте, кто употреблял слова морской пехоты.

— Гранатами, ребята, за мной! — крикнул капитан Климчак.

В сторону немцев полетело не менее пятнадцати гранат, и сразу же с земли поднялись, наклонившись вперед и стреляя на бегу, фигуры.

— Ура! — крикнул Леон и вместе с другими, лавируя между деревцами, бил длинными очередями.

— Ура! — ответили голоса гвардейцев.

Контратака группы бронбойщиков и автоматчиков 1-го полка, которую возглавили Климчак, Немчинович и Маховецкий, несколько отбросила гренадеров и их танки, но захлебнулась, встретив сильный автоматный огонь.

Становилось все темнее. Командир танка 116 открыл люк, высунулся, чтобы лучше видеть, и по вспышкам разрывов корректировал огонь. У орудия стоял механик. Двумя снарядами они подавили два миномета, что досаждали пехоте. Вдруг от крышки люка рикошетировал снаряд. Металлический диск сорвался с защелки и ударил сержанта по голове.

— Юзек! Юзек!

Вашкевич дергал его за руну, но тот с внезапно почерневшим лицом сползал вниз по броне. Он лишился слуха, и у него отнялся язык. Сержант только моргал глазами при скудном свете лампочки, подсвечивающей прицел. Из темноты выскочил подпоручник Кот.

— Сержанта оглушило! — закричал механик.

— Я останусь в машине, а ты, Павел, отнеси его в грузовик Завадского и возвращайся.

— Перебьют нас здесь, холеры, — ругался заряжающий.

— Видно будет, — пробурчал заместитель командира роты и встал у орудия. — Возвращайся быстрее.

Прежде чем возвратился заряжающий, немцы снова двинулись. Возможно, это из-за темноты, но казалось, что их было в два раза больше, одних танков — не меньше пятнадцати. Казалось, что на этот раз уже не удастся их сдержать.

Неожиданно с севера ударила пушка танка Т-34, потом последовал второй выстрел, третий. Все новые орудия присоединялись к этому хору. Раскаленные полоски от снарядов протянулись поперек полянки. «Фердинанды» начали отвечать, поворачивая на месте свои огромные тела. Кот, размышляя, кто мог бы сейчас выйти «фердинандам» во фланг, выпустил по ним несколько снарядов, надеясь попасть в боковую броню. Впереди начала гореть какая-то машина, но он мысленно про себя честно решил, что это не от его снарядов.

Рота Светаны

2-я рота 2-го танкового полка проходила Магнушев на заходе солнца. Полчаса назад, неизвестно в который раз, самолеты бомбили городок. Снова запылали не до конца сожженные дома. Балки перекрытий светились рыжим светом. Трудно было понять, то ли пожар окровавил небо, то ли небо придавало пожару такую окраску.

Танкисты, соблюдая интервал, шли, как на параде. Чувствовались в этом рука и старание подпоручника Владислава Светаны, который долго командовал ротой и только перед боем, назначенный генералом Межицаном заместителем командира 2-го полка по строевой, передал ее подпоручнику Константину Жиляеву, танкисту советской армии, кавалеру ордена Красной Звезды.

Светана принимал участие в сентябрьской кампании, любил армию. У него была командирская жилка, что в искусстве мы называем талантом, и, пожалуй, его заслуга в том, что 2-я рота не потеряла машин на переправе.

Отсутствовал только Эдек Грушка, который переплыл Вислу раньше. Хорунжий Александр Марчук, заместитель по политчасти, стоял на броне головной машины и внимательно смотрел вокруг, надеясь где-нибудь его заметить. Замполит решил устроить ему хорошую головомойку, как только тот найдется. Марчук ведь еще не знает об атаке на лесную сторожку, о сожженном «фердинанде».

Марчук — такой же строгий, как и Светана, только на другой манер. Его отец, бригадир столяров на варшавском заводе Лильпоппа, после революции 1905 года попал в черный список за организацию забастовок и демонстраций. Александр родился в деревне Крупе на Люблинщине, работал в кузнице, в армии стал подковывать лошадей, а после возвращения домой в течение двух лет был безработным. Тогда же он вступил в ряды Коммунистической партии Польши. В 1937 году Марчук получил пять лет тюрьмы за подпольную деятельность, а формально — за листовки, которые ему полиция подбросила в чемодан.

С началом войны, в сентябре, по решению тюремной коммуны заключенные выломали двери камер, и четыреста четыре узника вышли из Тарнува. Они сразу же хотели получить в руки винтовки, хотели сражаться с гитлеровцами, защищать родину. Оружия не получили, а комиссар полиции в Красныставе, увидев Марчука на свободе, поспешил его арестовать.

Партийная деятельность и тюрьма выработали в нем эту суровость, неразговорчивость. Он не делал поблажки ни себе, ни другим, утверждая, что война и революция — это серьезные вещи.

Небо стыло. От позиций дивизии «Герман Геринг» надвигались тучи. Рота минула Выгоду и около придорожной фигуры свернула вправо на Басинув. Слева впереди, в темном леске, не более чем в четырехстах метрах, рывкали полевые орудия, трещали пулеметы, рвались ручные гранаты.

На песчаной, поросшей сухой травой целине он увидел двух человек, наискось перебежавших дорогу.

— Стой! Стой! — закричали они.

Различив очертания советских касок, Жиляев посветил сзади фонариком, дал сигнал, чтобы машины остановились.

— Немец теснит, помогите.

— У нас своя задача, — ответил подпоручник. — Мы должны занять позиции в Басинуве.

— А вы их не займете, — разозлился лейтенант. — Фашисты уже здесь, в этом лесочке. — Он показал рукой.

— Зайдем, — кивнул головой Шиляев. — Только покажите, где ваша пехота, а где немцы, чтобы своих не перестрелять.

— Ясно, — обрадовался русский. — Как только я три раза постучу по броне, можете шпарить.

Вместе с Марчуком они спрятались за башней справа. Рота захлопнула люки, двинулась, повернув стволы орудий наискось влево. Машины набирали скорость. Их окутала туча пыли, поднятой гусеницами на осушенном жарой песке, ветер зачесывал ее назад вправо.

По броне застучали очереди из пулеметов. Вверх взлетела ракета. Это гранадеры показывали цель «Фердинандам». В этот самый момент три удара по броне известили, что они миновали цепь советской пехоты.

— Поорудийно от первого танка... огонь! — дал команду Жиляев, выстрелил осколочным снарядом и дал очередь из пулемета.

Выезжая на это же место, по очереди били подходящие танки. Они шли, как девять кораблей в кильватерном строю, ведя огонь левым бортом.

Лесок отступил на четверть километра за стерню. В свете ракет замаячили очертания немецких машин. Наши начали бить противотанковыми, какой-то танк загорелся, неизвестно, от какого выстрела. Он полыхнул широким пламенем, и в прицелах они увидели, что противник отступает, скрывается в лесу.

С наступлением сумерек погасло последнее в этот день немецкое наступление под Выгодой. Из-за горизонта все выше поднимались тучи, быстро темнело. В темноте между соснами, как бенгальские огни, еще потрескивали короткие очереди схваток гвардейцев-автоматчиков с гранадерами, которые проникли в тыл и не собирались отходить, ожидая повторного наступления дивизии «Герман Геринг».

2-я танковая рота добралась до Басинува. Подпоручник Марчук, который шел впереди, встретил у первой построики Сухой Воли левофланговую машину 1-й роты 2-го танкового полка и подпоручника Ольшевского, который обрадовался, что соседи у него знакомые.

— Костя, ты не видел нашей машины? Козинец должен на ней приехать. До сего времени не появился, а с меня уже хватит этого командования, особенно в темноте.

Под покровом ночи

Ночь перепутала дороги и тропинки, укрыла людей, рассыпавшихся по полям и лесам, по земле, изрытой воронками от бомб и снарядов. Развесистая ива кажется ведьмой, куст — человеком, а человек — кустом, притаившийся танк — пригорком, а поросшая можжевельником кочка с криво торчащим пнем, вырванным из земли, — танком противника.

Когда 3-я рота 2-го полка закончила переправу, уже наступила ночь, тучи закрыли полнеба. И хотя старательно были погашены все огни, около Магнушева колонну заметили три штурмовика, и на нее обрушились бомбы и огонь бортового оружия. Налет не причинил никакого вреда, только на несколько минут остановил движение.

Когда колонна двинулась дальше, упали первые капли дождя. Они приятно охлаждали лица, быстро высыхали на нагретой броне, И будто в ответ на безумие земли в небе что-то сверкнуло, раздался гром и начался сильный ливень, первый такой ливень за время битвы под Студзянками. С наступлением темноты к 1-й роте 2-го полка присоединились машины хорунжего Ляха и Нестерука. Они пришли из-под Ленкавицы. Около полуночи прибыл наконец поручник Козинец на танке 212 вместе с Губиным и его экипажем. Ольшевский облегченно вздохнул и сдал командование.

Командир роты приказал отрыть запасные позиции ближе к немцам, южнее дороги, идущей через Суху Волю. Когда танки двинулись вперед, Виталий Медведев, очнувшись ото сна и не разобравшись, в чем дело, ударил из пушки по своему танку, за что, конечно, сразу же услышал в свой адрес пару «ласковых» слов.

Так пли иначе, все уже были вместе, если не считать сгоревшего танка 218 хорунжего Адама Березки и машины 215 Тадеуша Корняка, которая до сих пор еще не подошла.

Танк Корняка увяз в болоте. Днем, когда рота ушла, машину заметили немецкие летчики: следы гусениц наполнились водой и выделялись на солнце, как две широкие ленты. Три пикирующих бомбардировщика безжалостно били по неподвижной цели, однако все время неточно. Бомбы ложились в десяти — пятнадцати метрах от танка. Они врезались в болото, выбрасывая черные высокие фонтаны. От сотрясений танк еще больше осел, и на поверхности торчала только башня. Экипаж пробовал просить о помощи, но радиостанция штаба полка почему-то упорно молчала.

Ночью экипаж снова попытался вырваться из болота. Танкисты привязали поперек гусениц бревно, механик-водитель включил первую скорость. Какое-то мгновение казалось, что вот-вот танк выберется, но лопнул канат. Другого у них не было, и отчаявшийся Корняк послал своего заряжающего — капрала Дудека в штаб полка.

Невысокого роста, худощавый, Кароль вернулся под утро, до корней волос забрызганный грязью, усталый и расстроенный.

— Тягач из РТО еще не прибыл. Мне сказали: «Спасайте танк сами, как можете».

— Почему их радиостанция не работает?

— Потому же, — вздохнул капрал. — Что-то испортилось, сами не могут починить. Раз нет роты технического обслуживания, то нет и радиотехника. Командиры танковых рот тоже посылают связных. Из нашей роты я встретил там Мишку.

Мишкой, или Медвежонком, называли капрала Мариана Гоша — заряжающего из машины поручника Козинца. В свои восемнадцать лет Гош — паренек из-под Станиславува — успел поработать трактористом в Центральном Казахстане, шахтером на угольной шахте

под Нижним Тагилом, механиком экскаватора. Высоченный, метр девяносто ростом, командир роты относился к Мишке, как к сыну. Отец Мариана-Мишки. лесничий, умер.

К подполковнику Рогачу Гоша послали с рапортом о занятии позиций.

— Найдешь в темноте?

— Поищу.

По пути он попал под обстрел. Немецкие разведчики пытались пробраться в тыл, но гвардейцы 137-го полка заметили их. Разгорелся бой. Большую часть пути Мариан был вынужден ползти по мокрому песку. Он хорошо ориентировался и вскоре добрался до штаба, который находился на опушке леса, немногим больше километра севернее Выгоды.

Командира полка не было. Около радиостанции сидели, обнявшись, две девушки с расстроенными лицами. Геновефа Невчас утешала девятнадцатилетнюю Пелагею Хемерлинг, которая была моложе ее на три года.

— Пеля, почему ты плачешь? — спросил Мариан.

— Как не плакать, Мишка? Черти бы побрали этот шкаф. — И она стукнула кулаком по радиопередатчику. — Без радиотехника мы не справимся. На учениях все было в порядке, а вот теперь не работает. Разве это не свинство?

По приказу генерала Межицана рядом со штабом 4-го гвардейского корпуса на Висле, к северу от Острува, был оборудован солидный командный пункт.

С наступлением темноты сюда стали прибывать тяжелые грузовики. Из туч упали первые капли дождя, сверкнула молния, и хлынул дождь, загоня всех в землянки.

Ордзиковский из оперативного отдела неторопливо подошел к танку командира бригады и просунул голову в люк механика.

— Ну как, Олек, поймал? — спросил он радиста.

— Так точно, гражданин поручник. — Сержант Василевский лихо сдвинул шлемофон на затылок. — Только что отозвался подпоручник Хелин. Они в саду около фольварка Ленкавица, у прудов. У них четыре машины.

Ордзиковский аккуратно нанес знак на карту и направился прямо к землянке генерала.

— Разрешите войти?

— Входи. Что у вас?

— Сержант Василевский установил радиосвязь с 3-й ротой 1-го полка. У них четыре машины. Командование принял на себя подпоручник Хелин. Позиции я нанес на карту.

— Передай ему по радио, что он назначен командиром роты. Покажи карту. — Генерал перенес тактический знак на свою карту. — Мало! — Он внимательно посмотрел на поручника: — Где же остальные?

Последовало молчание.

Ордзиковский собрался с духом и хотел было сказать что-то о связи, но в этот момент по столбу у дверей постучал капитан Токарский. Прищурившись от яркого света, он доложил:

— Гражданин генерал, заместитель командира 2-го полка по политико-воспитательной работе явился.

— Заместитель командира бригады, — поправил его Межицан и, видя удивление на сухом, жестком лице Юлиана, добавил: — Мне нужен заместитель на плацдарме, а не на том берегу. Так что приступай, а назначение на бумаге я оформлю после сражения.

— Слушаюсь.

— Ты по какому делу?

— Доложить о расположении танковых рот.

— Какие данные?

— Я только что оттуда. Разговаривал с заместителями командиров — с Ольшевским, Марчуком и Опаровским.

Межицан весело подмигнул Ордзиковскому и вновь обратился к капитану:

— Показывай на карте.

— Все очень просто. — Токарский взял в руку остро отточенный карандаш и показал вдоль дороги — 1-я рота, девять машин, начиная от окраины Целинува, стоит в Сухой Воле. Дальше — 2-я рота, тоже девять машин, до этой дорожки за прудом. 3-я рота в полном составе — в Басинуве, за поворотом дороги, проходящей через деревню. Две первые окопались, третья начала готовить позиции.

В то самое время, когда капитан Токарский, теперь заместитель командира 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте, показывал генералу Межицану позиции 2-го танкового полка, происходило много событий — и важных, и совсем незначительных.

Дождь перестал, лишь тяжелые капли падали с деревьев. Хорунжий Рудольф Щепаник, опершись головой на ящик с 76-мм снарядами, спал в своем танке и видел сон.

И снился ему не подоженный накануне «тигр», нет. Он видел во сне, как однажды, еще на Оке, Сверчевский инспектировал войска.

Рудольф, стоя в шеренге по стойке «смирно», краем глаза увидел, как генерал остановился перед его сестрами — Ядвигой и семнадцатилетней Лидкой, взял в руку тяжелые косы Лидки и спросил, уж не собирается ли она воевать с такой прической. Девушка покраснела и не знала, что ответить. Тогда генерал снял шапку, провел рукой по своей блестящей лысине и сказал во весь голос, чтобы слышали все в строю:

— Солдату полагается такой чуб, как у меня...

Сержант Лидия Щепаник, шифровальщица штаба 1-го танкового полка, сидит в землянке на высоте 112,2 и плачет. Вокруг храпят связисты, клюет носом сонный телефонист, а она при свете коптилки пишет письмо родителям хорунжего Грушки о том, что их сын погиб.

Она знала Эдека, будучи еще девчонкой. Они жили на одной улице в Бориславе. Потом, уже в армии, когда за опоздание из увольнения Лидия получила три дня ареста, Эдек украдкой приносил ей что-нибудь вкусненькое. И вот сейчас один из автоматчиков сказал, что Эдека убили.

Лидка плачет от жалости, а также и от страха, потому что ночь темная, снаряды рвутся совсем рядом, а Ядзя, старшая сестра, далеко — в штабе бригады.

Почти в километре к западу группа разведчиков 142-го полка под командованием старшины Силанова, незаметно перейдя линию фронта, подползла к лесной сторожке Остшень. ОНИ замаскировались в папоротнике и при свете ракет считали сосредоточенные здесь танки и самоходные орудия. Машин было не менее восьми и, кроме того, рота солдат.

Гвардейцы терпеливо ждут. Вот один из немцев с автоматом на плече подходит совсем близко к дереву, где они лежат. Никто не слышит короткого стопа. Разведчики осторожно пробираются от дерева к дереву, неся связанную добычу.

На дорогах плацдарма, ведущих на юг, стало тесно. Не только по главному шоссе, но и

проселочными дорогами, по колеям, выбитым крестьянскими возами, с севера движется советская артиллерия разных калибров: маленькие, как игрушки, «сорокапятки»; стройные полевые орудия ЗИС с длинными шеями, похожие на рассерженных гусей; приземистые, с задранными вверх стволами 122-мм гаубицы; тяжелые минометы.

Это ночное движение станет понятным, если заглянуть на десять километров ближе к Пилице. После захода солнца 8-й и 9-й пехотные полки 3-й дивизии имени Ромуальда Траугутта начали сменять советские подразделения. Гвардейцы остались в окопах вместе с поляками еще на день, чтобы передать им свое хозяйство и сообщить сведения о противнике. Артиллеристы же были свободны. 1-я армия Войска Польского для обороны северного участка плацдарма выделила 269 орудий и 166 минометов.

Так что, пока капитан Токарский делал свое краткое донесение, в разных местах магнушевского плацдарма происходили разные события — и важные, и незначительные, те, о которых мы знаем, и те, о которых никогда не узнаем. Тем временем, бесшумно пробираясь между стволами сосен, между взрывами снарядов и мин, между жизнью и смертью, наступила полночь, завершив день 10 августа 1944 года.

Контрудар (11 августа)

От землянки командира гвардейского стрелкового корпуса до штаба 1-й бригады всего несколько сотен шагов. После совещания у Глазунова Межицан медленным шагом возвращается к себе, в задумчивости посасывая трубку. Кругом — темень, хотя ветер и разогнал дождевые тучи. Лишь на горизонте видны зарева пожарищ.

Мысленно генерал все еще видит перед собой ярко освещенную карту. Клин, вбитый 9 августа в советские позиции, вчера утром имел форму загнутого к востоку серпа. Сегодня этот клин значительно расширился и у основания достиг уже более двух километров ширины. Танковая дивизия «Герман Геринг» захватила высоту 132,1. лес Ленги, деревню и фольварк Студзянки, а также кирпичный завод. Гитлеровцам не удалось овладеть Выгодой, но их неоднократные атаки в лесу Остшень не остались безрезультатными: 2-й и 3-й батальоны 142-го полка оказались наполовину окружены с севера, 1-й батальон обороняется несколько восточнее, немцы заняли лесную сторожку и остановились в 200 метрах от высоты 112,2 — командного пункта 142-го гвардейского полка и 1-го танкового полка. И хотя противник не прорвался к шоссе, ведущему из Рычивула в Магнушев, обстановка продолжает оставаться напряженной. Однако соотношение сил изменилось в нашу пользу.

Польские танки получили приказ оставаться на своих оборонительных позициях. В боевые порядки 2-го танкового полка по возможности быстрее необходимо ввести мотопехотный батальон. Главная роль на сегодня отводится 137-му гвардейскому стрелковому полку. Его 3-й батальон уже сменяется 140-м полком, а район обороны 2-го батальона берут на себя польские пехотинцы.

Генерал Глазунов в эту ночь получил от Чуйкова несколько новых артиллерийских подразделений. Батареи прибывают на огневые позиции, оборудуют наблюдательные пункты, и с рассветом им понадобится несколько часов, чтобы пристреляться к местности. Командир 4-го корпуса знает, что дивизия «Герман Геринг» еще не исчерпала наступательной силы, поэтому нужно быть осторожными и держать в резерве польский танковый полк, чтобы в случае прорыва гитлеровцев через Выгоду на Пшидвожице иметь возможность отрезать их клин у основания. На пути ожидаемого удара немцев усиливается оборона, окапываются вновь прибывшие батареи.

Часовые у землянки отдают генералу честь. Майор Александр Коваль, начальник оперативного отдела, докладывает Межицану, что радио- и телефонная связь с мотопехотным батальоном установлена.

Со стороны Радомки слышен беглый артиллерийский огонь. Бывалый фронтовик Межицан давно улавливал его, а теперь, прислушавшись, крикнул:

— Подхорунжий Твардо!

Из темноты тотчас же появилась стройная фигура командира отделения мотоциклистов 1-го танкового полка.

— Слушаю, гражданин генерал.

— Нужно узнать, что делается в Ходкуве. Там стоят танки 124 и 127, подорвавшиеся на минах,

— Сейчас никого нет. Я поеду сам.

Танкисты расстреляли все снаряды, оставив по одному в казенной части, набросали в стволы битого кирпича и, привязав кабель к спусковым механизмам, покинули танки, взяв с

собой радиостанции и оружие. Укрывшись на дне рва, прощальным выстрелом разорвали стволы.

И в этот момент при свете немецкой ракеты танкисты увидели мотоцикл с коляской, несущийся по выбоинам наперерез очередям трассирующих пуль.

— Сумасшедший или заблудился? — проворчал Бархаш и оцепенел при мысли, что, быть может, это связной. Может быть, скоро прибудет тягач?

С мотоцикла ловко соскочил подхорунжий Твардо. Он узнал подпоручника, идущего ему навстречу.

— Генерал спрашивает, как дела.

— Кончились боеприпасы, мы отходим. — Генрик показал на разорванные стволы пушек.

— Подождите минутку! — крикнул сержант Цвик. — Я оставил там бинокль...

Он побежал к танку 127 и исчез под броней.

— Зачем кузнецу бинокль? — буркнул Кельчик. — Впрочем, у них под Краковом все парни бережливые...

Со стороны немцев начали стрелять орудия и минометы. Огонь усиливался. Вдруг над головой резко просвистел снаряд и угодил прямо в танк 127. Из него сразу же клубами повалил дым.

Твардо бросился к горящему танку, вытащил сержанта Цвика и осторожно положил его на землю.

— Погиб, — тихо сказал Твардо.

Мины ложились все ближе. Вот поднялся с земли и упал Воятыцкий. Савин перевязал ему окровавленную грудь и отнес раненого в коляску мотоцикла.

— Вези к доктору Стаху. Может, выживет...

Когда Твардо завел мотор, с опушки леса у Радомки через всю ходкувскую поляну двинулся в атаку немецкий батальон при поддержке десяти танков и самоходных орудий. Польские танкисты, а их осталось только пятеро, отходили вместе с советскими пехотинцами, отстреливаясь из ручных пулеметов.

Перед самым лесом им навстречу из-за горящих руин выскочило несколько немцев.

— Хальт! Хенде хох!

Кельчик поднял руки, сделал несколько шагов в сторону и — неожиданно бросил гранаты. Очередь прошла над самой его головой, но взрывы гранат смели немцев.

— Бегом! — крикнул Бархаш. — Пока дорога свободна.

Немцы захватили деревню, их танки ворвались в лес. Перестрелка продолжалась до рассвета. Утром фронт установился вдоль просеки до высокого обрыва у Радомки. Немцы овладели участком 165 — треугольником леса севернее Ходкува, приблизившись на тысячу метров к намеченной цели. И хотя до шоссе под Рычивулом оставалось два с половиной километра по прямой, сил для дальнейшего наступления у противника не хватило. В деревне и в густом кустарнике догорали семь бронированных машин. В зареве пожарищ занималось утро нового дня.

На рассвете, получив сведения об изменении линии фронта на правом фланге под Ходкувом, дивизия «Герман Геринг» начала наступление от студзянковского кирпичного завода и лесной сторожки Остшень на север.

Едва лишь забрезжил рассвет и стали видны разбитые домики у подножия высоты,

более 1300 немцев при поддержке танков и батареи «фердинандов» двинулись по пологому скату. Они наступали без артиллерийской подготовки, чтобы добиться внезапности. Им хотелось захватить противника врасплох. Но лишь только первые очереди прошли воздух, гитлеровцы сами были ошеломлены: к огню пехоты неожиданно для немцев присоединились 28 танковых орудий — стреляли все машины 2-го полка. Немецкий командир отдал приказ отступать.

Замешательством противника воспользовался командир 100-го полка и вновь овладел западной частью Студзянок.

Когда после полуночи вернулась группа разведчиков старшины Силанова, доставив пленного унтер-офицера, подполковник Чайников был в землянке Горшанова. Командиры полков решили наконец поесть. На столе стояли консервы и немецкий котелок с изогнутой крышкой, полный нарезанного лука. Рядом лежала буханка черного хлеба. Над столом в балке торчал узкий кавказский кинжал с серебряной рукояткой.

— Введите, — приказал майор.

Вместе с пленным вошел и переводчик. Немец был без шапки, в защитного цвета куртке, на ногах у него были толстые, ботинки парашютиста. Украдкой осмотревшись и скользнув взглядом по лицам офицеров, он уставился в стол и начал говорить, не дожидаясь, пока переводчик задаст ему первый вопрос.

Пленный сообщил, что с восходом солнца начнется первая атака через лес на высоту 112,2, а также на Выгоду. С этой целью на выжидательную позицию переброшен батальон парашютистов. В мае—июне они сражались под Монте-Касспио. В июле, после нового пополнения, их перебросили на восточный фронт. 30 июля они прибыли на станцию Варшава-Восточная и сразу же попали под бомбы советской авиации. Никогда раньше он не был на восточном фронте, так же как и вся дивизия, и ДКС.

— Что означает ДКС? — спросил Чайников.

— Дивизионскампфшутле.

— Дивизионная боевая школа, — как эхо, повторил переводчик и пояснил: — Это как раз тот батальон парашютистов, в котором он служил.

Далее немец рассказал, как они двинулись маршевой колонной через мост в Варшаву, затем поехали в Варку, а потом на фронт. Батальон принимал участие в боях за Студзянки, но сам он, парашютист, ни разу не выстрелил и именно...

— Довольно этой беллетристики, — резко оборвал его Горшанов. — К делу: состав батальона, вооружение, командиры...

Парашютист отступил на шаг, еще ниже опустил голову и продолжал:

— Три роты, в каждой восемнадцать ручных и четыре станковых пулемета, два миномета среднего калибра. Четвертая рота состоит из двух саперных взводов, противотанкового взвода с тремя орудиями, взвода тяжелых минометов, насчитывающего шесть стволов. Кроме того, в роте — пятнадцать ручных пулеметов. Командует батальоном подполковник Леман. Первой ротой, в которой я служил, — капитан Крумбигель. Связной командира роты — Альфонс Мюллер.

Чайников потянулся к кинжалу, чтобы отрезать ломоть хлеба. Пленный отскочил к стене и закрыл лицо руками. Переводчик прикрикнул на него.

— Он думает, что полковник хочет его зарезать.

— Голодный, глаз не спускает с пищи.

— Не с пищи. Он только на кинжал и смотрит.

— Скажите ему, что мы соблюдаем принципы Женевской конвенции.

Унтер-офицер не хотел больше говорить. Он только буркнул, что если бы не глупая пропаганда, пугающая большевиками, то от него ничего бы не узнали.

Чайников огорчился, что по его вине немец стал несговорчивым. Когда переводчик и пленный вышли, Горшанов сказал:

— Ерунда. Достаточно того, что мы узнали. — Некоторое время он молча подсчитывал

цифры, записанные на бумажке, а потом проворчал: — Большая сила! Более трехсот хорошо обученных солдат, одних только ручных пулеметов шестьдесят девять. Они получают сильную танковую и артиллерийскую поддержку...

— А если перенести командный пункт? — вслух подумал Чайников. — Пусть ударят в пустоту.

— Некуда. — Горшанов покачал головой и, склонившись над картой, проговорил: — Если мы позволим оттеснить себя хотя бы еще на двести метров, то тогда фрицы ударят со стороны ходкувской поляны, оттуда всего лишь километр, и зажмут в кольцо не только мой полк, но и 170-й подполковника Дронова. И тогда они прорвутся на Выгоду и в Пшидвожице. Мы должны их задержать здесь любой ценой. Организуем сильный узел сопротивления. подготовим круговую оборону.

— Согласен. — Чайников кивнул головой.

Контратаки в лесу Остшень

Атака на Суху Волю и Басинув, начатая на рассвете, окончилась неудачей. Это не позволило командованию дивизии «Герман Геринг» развить наступление на широком фронте, но силы, которые могли быть использованы в лесу Остшень, увеличились теперь почти на 300 солдат и 10 бронированных машин. В связи с этим было решено оставить пока в резерве батальон парашютистов и ввести его в бой в самый разгар сражения, чтобы добиться значительного перевеса.

В половине пятого артиллерия и минометы открыли ураганный огонь. Через десять минут двинулись танки с пехотой.

Подполковник Леман, прозванный «старым зайцем» (что можно было бы истолковать и как «старый пройдоха»), ждал приказов, сидя у радиостанции.

Командир 1-й роты капитан Крумбигель прогуливался около своего бронетранспортера, время от времени любясь новеньким Железным крестом, полученным за штурм Студзянок. Вручение награды состоялось прошлой ночью.

Слишком долго они бездействуют в этом лесу. Наконец сегодня — атака. Сегодня десантники капитана Крумбигеля покажут, чего они стоят. Рукопашный бой — их стихия.

Стрелки часов приблизились к пяти. И вот раздался долгожданный сигнал. Рота маршевым порядком двинулась по лесу, перешла недавнюю линию фронта, распознав ее по трупам своих и неприятельских солдат.

«Чтобы занять перед атакой исходные позиции — противоположную опушку леса, мы должны были пройти участок густого леса... Однако, прежде чем мы достигли опушки, русские батареи из стволов всех калибров открыли огонь», — вспоминал связной капитана Крумбигеля Альфонс Мюллер в ноябре 1961 года в ежемесячнике «Дер дойче фальширмергер».

Массированный огонь артиллерии, корректируемый наблюдателями с командного пункта майора Горшанова, захватил врасплох и рассеял 1-ю роту батальона парашютистов. Другие роты понесли незначительные потери, но тут по ним с фланга ударил капитан Виктор Тюфяков. Оставив на дамбе две дежурные машины, он быстро перебросил остальные шесть танков лесом и атаковал противника.

«Перед боевыми позициями нашей роты появился русский танк Т-34 и угостил нас такой прекрасной маршевой музыкой, которая нам, солдатам дивизии «ГГ», уже была хорошо знакома», — вспоминает Мюллер. Перевод этого поэтического языка на язык прозы весьма прост: парашютисты, двигавшиеся сомкнутым строем, не выдержали неожиданного огня 6 пушек и 12 пулеметов польских танков, рассеялись и отступили.

И в самый критический момент, когда немецкие солдаты почти дошли до скатов высоты 112,2, когда пять танков командования и разведки 1-го полка вступили в бой, когда открыли огонь Т-70 — это последнее препятствие на пути дивизии «Герман Геринг» к воротам под Выгодой, гитлеровцы не имели уже сил нарастить удар. Не имели сил, потому что советские артиллеристы и танкисты 1-й роты отбросили резервный батальон парашютистов раньше, чем он был введен в бой.

В 7.15 2-й батальон старшего лейтенанта Ишкова был атакован гитлеровцами с севера и юга. В боевых порядках советской пехоты, обороняющей южный фронт на дамбе, осталось только два танка: 116, которым после контузии Наймовича командовал хорунжий Полько

Линчевский, и 117 Меликуза Зайнитдинова. Оба танка находились на расстоянии двухсот метров друг от друга. Между ними была стена леса.

Не успел Меликуз выстрелить из орудия раза три, как раздался сильный взрыв. Танк встряхнуло, из всех щелей посыпался песок и повалил дым.

Танкисты переглянулись. Вентилятор работал. Он с шумом выбрасывал пыль и высасывал струйки дыма. Воздух в танке становился чище.

— Порядок, — сказал хорунжий Генеку. — Заряжай.

Они выстрелили еще раз. Механик-водитель сдвинул шлемофон на затылок и прикрыл уши руками. Через мгновение в наушниках послышался его спокойный голос:

— Танк горит.

Франкевич сорвал шлем. И хотя стоял грохот от огня пехоты и разрывов снарядов, было слышно, как снаружи потрескивают сухие ветки маскировки. Он откинул люк и крикнул:

— Горит!

Забыв о свистящих в воздухе пулях и осколках, танкисты мгновенно выскочили из машины, схватили лопаты и стали забрасывать песком горящие сучья, сбивать пламя, ползавшее по танку.

Когда погасили пожар и снова заняли свои места в машине, немецкая пехота и танки были уже совсем близко. Экипаж танка 117 теперь знал, что тяжелая мина разорвалась сзади, на жалюзи мотора. Броневые жалюзи были закрыты, но взрывом их разогнуло, осколки пробили бак с горючим, и оно облило ветки маскировки. Достаточно лишь искры, чтобы они вспыхнули.

Танк теперь стал неподвижным, но сражаться можно было и так.

— Хотим мы этого или нет, — сказал Зайнитдинов, — но мы должны быть героями. Об отступлении не может быть и речи.

Бесперывно отстреливаясь, они послали радиста к Тюфякову сообщить о сложившейся ситуации. Пусть как можно скорее присылают тягач и отбуксируют танк на ремонт, потому что теперь это лишь стальной неподвижный бункер.

За танк 116 тоже взяли тяжелые минометы. Видимо, вражеская батарея имела корректировщика среди наступающих пехотинцев, потому что мины, срезая деревья, одна за другой ложились рядом с танками. Танкисты решили сменить позицию, но в тот момент, когда танк тронулся с места, что-то заклинило башню — ни влево, ни вправо.

Хорунжий Линчевский приказал заряжающему выяснить, в чем дело. Вашкевич выскочил наружу, сбросил ветки и крикнул под свистящие пули:

— Топор!

Сломанная сосенка одним концом вошла в скобу для десантников, а другим — глубоко врезалась в землю. Вашкевичу подали топорик. Он рубанул раз, другой и разблокировал башню. Но в этот момент раздалась очередь из автомата. Пули попали Вашкевичу в согнутую спину. Немцы подходили уже к линии окопов.

Танкисты втащили раненого внутрь. Грешта сделал перевязку. Павел умирал: у него была прострелена плевра. Он тяжело дышал, изо рта шла кровь.

Механик-водитель Юзеф Павловский с согласия Линчевского сделал то, чего делать не полагалось. Но они не могли спокойно смотреть, как умирает товарищ. Юзеф развернул танк и на полном ходу двинулся просеками в тыл. Раненого оставили на попечение доктора Стаха, а сами, выжимая из мотора максимальные обороты, помчались обратно. На все это ушло не более семи минут: полтора километра в одну сторону, полтора — назад.

Однако именно в течение этих семи минут произошли серьезные события. В журнале боевых действий 47-й гвардейской стрелковой дивизии в записи за 11 августа читаем следующее:

«В 7.15 батальон гитлеровской пехоты при поддержке шести танков атаковал позиции 142-го полка, пытаясь прорваться в лес на север от Дамбы. Бой был тяжелым. Комсомольцы — истребители танков, наводчик Медяников и заряжающий Зозуля — подожгли вражеский танк, однако их противотанковое ружье тут же было уничтожено попаданием артиллерийского снаряда. Зозулю ранило. Фашистские танки прорвались в глубину наших позиций. Ручной пулемет, строчивший справа, косил подбегавших фашистов, но троим из них удалось спрыгнуть в окоп. Медяников бросился на гитлеровцев и убил их саперной лопаткой... 142-му полку угрожало окружение. Штурмовая группа, в состав которой входили коммунисты Першилов, Тилькин, Курбатов, Ткачев и Войтенин во главе с парторгом 1-го батальона Своленко, с боем прорвалась к своим».

Следует добавить, что вместе со штурмовой группой прорвались и более десятка солдат из роты автоматчиков 1-го танкового полка под командованием капитана Францишека Падлевского.

Эту лаконичную информацию, между строк которой следует видеть ярость наступавших и упорство обороняющихся, можно дополнить оперативной сводкой 47-й гвардейской стрелковой дивизии № 073 от 18.00 того же дня. В ней говорится, что полк майора Горшанова потерял 14 человек убитыми, 49 ранеными, одну 76-мм и одну 45-мм пушки. Гвардейцы быстро пополнили потери оружия и боеприпасов, собрав в своих окопах брошенные гитлеровцами 6 ручных пулеметов, 21 винтовку и 30 автоматов.

Кто знает, возможно, фашистам и удалось бы расширить прорыв далее на восток, если бы не захлебнулась их атака с севера на лесной квадрат 111 и если бы одновременно с контратакой штурмовой группы Своленко и Падлевского капитан Тюфяков, повернув на 180 градусов, не двинулся бы на помощь защитникам дамбы, ведя за собой также и танки хорунжих Уфналя, Резника и Бабули. Один немецкий танк они подожгли, а три других, потеряв поддержку пехоты, спешно отошли, отстреливаясь из орудий и пулеметов. На восточном фланге немецкого прорыва фронт затих, обессиленный трижды возобновляемыми атаками за три с половиной часа.

Боевое крещение

От леса Гай до рубежа Целинув, Суха Воля, куда в 7.00 должен прибыть польский мотопехотный батальон и «занять оборону на стыке 47-й и 35-й дивизий, чтобы быть готовым во взаимодействии со 2-м танковым полком отразить атаки противника», по прямой — пять, а дорогами — от шести до восьми километров. Если идти по прямой, пришлось бы передвигаться по колено, по пояс в грязи.

Свежее, умытое росой солнце вставало из-за Вислы. Войска выходили из лесу на поля. Взводы шли двумя колоннами, отбрасывая длинные тени.

Уже видно весь батальон — почти 700 человек, вооруженных автоматами и винтовками. Солдаты несли 35 ручных пулеметов, 18 противотанковых ружей, тянули 15 станковых пулеметов. Сзади пылили автомашины минометной роты, везущие боеприпасы и шесть 82-мм минометов. Не видно лишь противотанковой батареи. Она осталась прикрывать переправу. Вид батальона радовал сердце. Немногие гвардейские полки, сражающиеся под Студзянками, могли сравниться с ним по численности.

Встречные советские солдаты отдавали честь, весело шутили, желали удачи.

Командир отделения 3-го взвода Франек Подборожный, выйдя из колонны, подбежал к советскому солдату. Поляк отдал ему короткий изогнутый магазин от своего автомата, получив взамен круглый, более тяжелый, но вмещающий вдвое больше патронов.

— Хочешь застрелить семьдесят одного немца? — засмеялся русский.

— Как можно больше, — ответил плютоновый, — чтобы скорее кончилась эта проклятая война.

— Правильно!

Советский майор-артиллерист, увидев проходящих по опушке леса солдат, крикнул:

— А вы осторожней, ребята! Немцы недалеко!

Предостережение было воспринято со смехом. Когда выходили, то слышали впереди частую артиллерийскую стрельбу, но теперь все утихло. Солдаты держались гордо: чем меньше понятия имел кто о фронте, тем больше задирали нос. Многие шли в бой впервые.

Сосредоточив главные свои силы на захвате Выгоды, чтобы открыть путь на Пшидвожице, с запада и севера гитлеровцы прикрыли свой клин тремя опорными пунктами: фольварком Студзянки, кирпичным заводом и лесной сторожкой Остшень. В окуляры стереотруб просматривалась плоская открытая местность под Дембоволей и далее — почти до самого Тшебеня. Фашисты давно заметили приближающийся батальон. Какая-то нетерпеливая батарея открыла заградительный огонь, послав несколько снарядов, но высшее начальство приказало прекратить обстрел.

Донесения мгновенно дошли до штаба в Воле-Горыньской, откуда по радио были вызваны самолеты. Артиллеристы ждали: молчали орудия, молчали на наблюдательных пунктах командиры-профессионалы, хорошо изучившие ремесло войны. С каждым мгновением это молчание становилось все более грозным.

Время приближалось к шести часам. Головные взводы вступили на темный, влажный ковер лугов. Через цейссовские стекла уже хорошо были видны мундиры цвета выцветшей зелени — иные, чем советские. И вот одновременно сразу в десяти местах прозвучало одно короткое слово:

— Огонь!

И сразу же прогремело более ста выстрелов. По всему фронту зарычали жерла стволов.

Обстрелянные роты рассеялись. Их преследовали десятки снарядов.

В небе, гудя более чем тридцатью моторами, как стая стервятников, появились пикирующие бомбардировщики люфтваффе.

Военная наука учит беспрекословно подчиняться приказам и сразу же выполнять их. Выбатывает в солдате автоматизм рефлексов. Готовит не только к парадам, но и к боям. Привыкший к послушанию и дисциплине, солдат не поколеблется исполнить приказ командира даже под огнем, он легче приспособится к условиям боя, быстрее привыкнет к опасности. Однако существует граница, за которой голос дисциплины может быть приглушен самым сильным, самым естественным и первобытным из всех человеческих инстинктов — инстинктом сохранения жизни. Преобладание этого инстинкта при слабой воле мы называем трусостью.

Но будем осторожны с этим словом. Каждый, кто побывал под огнем артиллерии и под бомбами, кто, примкнув штык к винтовке, готовил в стенке окопа ступеньку для ноги, чтобы по сигналу атаки выбросить свое тело в воздух, полный пуль, — знает, что такое страх. Знает, что легче вынести активный, но ожидаемый обстрел, чем захватившую врасплох близкую очередь автомата.

Всем фронтовикам знакомо это проклятое чувство. В течение секунды оно в состоянии рассеять и уничтожить боевое подразделение. И в то же время проявление этого чувства, когда идет истинное боевое крещение, помогает узнать, кто из товарищей, подчиненных и командиров, настоящий солдат. Люди побеждают страх. К ним возвращается способность мыслить. И вот один, другой, десятый возвращаются в строй — более твердыми, более умными и отважными, чем несколько минут назад.

Возвращаются они по разным причинам: чтобы оказаться под опекой офицера, авторитет которого они признают; из-за чувства стыда перед другими и перед самим собой; иногда ими руководит чувство товарищества, ненависть к врагу или стремление бороться за правое дело. В каждом таком возвращении есть хотя бы грамм самого ценного металла, хотя бы щепоть героизма.

Сколько же вас, отважных, среди тех семисот, называемых мотопехотным батальоном 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте? Сколько вас там, где снаряды выбивают бешеный ритм?

Когда на них обрушились артиллерийские снаряды, они бросились в ближайший лесок, спрыгнули в пустые окопы, залегли. Чертовски долго длился этот огонь.

— Встать! Вперед! — передавался из уст в уста приказ командира роты поручника Сырека.

Поднялись, побежали, но их тут же накрыли новые залпы. Залегли в воронках. Плутоновый Подборожный обхватил руками голову — хоть немного прикроют. Не успел подумать, как осколок попал в левую руку.

— Назад! — кричал кто-то, а другие повторяли.

Повторять было не нужно: подгоняемые страхом, солдаты врассыпную бежали по той самой дороге, по которой пришли в лес.

— Стой! Стой, черт возьми!

Кто-то выстрелил в воздух. Подборожный тоже дал короткую очередь, преграждая путь своему отделению.

— Стой, ребята!

Тяжело дыша, все останавливались. Налитыми кровью глазами со злостью смотрели на подофицера и беспокойно оглядывались назад, на поле, перепаханное снарядами. Подборожный чувствовал, что достаточно одного более близкого залпа — и они снова побегут. Тогда уже никто не сможет остановить их.

Их остановили самолеты, выскочившие на бреющем полете из-за того леса на горке, откуда били пушки. Самолеты эти пронесли над фронтом и бросились на рассеянный батальон, чтобы закончить то, что начала артиллерия. Пехотинцы, понимая, что проиграют соревнование с самолетами, снова прижались к земле, укрылись в воронках.

Сержант Кочи, заместитель командира роты по политчасти, нырнул в одну воронку с пулеметчиком Фелеком Пекарским. Перевернулся на спину, чтобы видеть штурмовики.

— Лупим? — спросил он и толкнул локтем соседа.

— Лу-упим по су-укиным детям, — заикаясь, прокричал капрал.

Они начали стрелять из ручного пулемета и нагана. Может показаться смешным и даже глупым — два дула против тридцати бронированных штурмовиков, которые, сбросив бомбы, бьют из пушек и пулеметов. Однако через минуту еще кто-то начинает стрелять из винтовки. Заговорил второй «Дегтярев», третий, застрекотали автоматы.

Выстрелы разбудили роту. Налет обозлил солдат. Когда штурмовики, исчерпав боеприпасы, улетели, пехотинцы встали и решительно двинулись на юг, где в окопах за сырыми кустами ольшаника ждали смену гвардейцы 137-го полка.

Автомашины минометной роты на полевой дороге — отличная цель. После первого залпа водители начали тормозить, но поручник Метлицкий крикнул во весь голос:

— Жми, ребята, жми!

Вслед за автомашиной командира три грузовичка, несясь со скоростью 80 километров в час, мнут Тшебень, летят по колеям, оставленным крестьянскими телегами.

Расчеты ругаются, придерживают ящики с минами: а вдруг какая-нибудь ахнет на выбоине и разнесет все вдребезги. Немецкая батарея старается нащупать колонну. Осколки пробивают брезент, разбивают стекла в кабинах.

— Жми!

Они проскочили мостик через ров. Поворот влево, вправо. Грязь брызгает из-под колес. Первая машина вязнет, закрывая проезд остальным. Кто-то спрыгивает, бежит в кусты. Командир роты старший сержант Цинамон догоняет парня, хватая за ворот:

— Куда смываешься, молодец?

— Минометы навьючить! — приказывает Метлицкий, и его громкий голос действует успокаивающе.

— Спокойно, ребята, здесь нас не видно! — кричит Анфорович, заместитель командира. Он давно уже офицер, но звездочек еще не получил.

И действительно, снаряды падают за ними, вспахивая луг у моста.

Расчеты, как на учениях, хватают, что кому полагается, — ствол, плиту, двуногий лафет, металлические ящики с минами. При этом, может быть, лишь более нетерпеливо застегивают пряжки.

— Вперед! — командует Метлицкий, а Цинамон подгоняет водителей, которые, вытянув машину из грязи, маскируют ее свежими ветками, чтобы быть готовыми к следующему налету штурмовиков.

Появляются отдельные самолеты. Они сбрасывают контейнеры, рассыпающие десятки маленьких бомб. Полчаса назад они могли бы задержать роту, может быть, даже рассеять, но не сейчас, когда спала первая волна страха, когда солдат подгоняет стыд за эту беготню по кустам, когда усиливается ярость и желание достичь, наконец, окопов и схватиться с гитлеровцами в рукопашной. Поэтому, когда воеет контейнер, пехотинцы лишь припадают на несколько секунд к земле. Фыркают бомбочки, взрываются на болоте, оставляя большую часть осколков в грязи. Они больше нагоняют страха, чем наносят урона.

Кочи слышит, как что-то тяжелое ломает над ним сучья. Одновременно с глухим стуком мелькает мысль: конец. Проходят секунды. Тишина. Он поднимает голову — и видит жестяной лоток, половину металлического контейнера. Начинает смеяться. Вылезая из-за ближайшей кочки, вместе с ним хохочут поручник Сумеровский и хорунжий Василевский — помощник начальника штаба батальона. Позавчера он сбежал из госпиталя.

— Как твоя малярия? — спрашивает Иоахим.

— Лечу грязевыми ваннами, — отвечает Мэриан.

Прыгая через покрытые ряской болотца, все трое выбирают на луг около деревни. Впереди справа мелькают зеленые мундиры солдат.

— Какая рота? — спрашивает Сумеровский.

— Хорунжего Гугнацкого, — отвечает пехотинец.

— Мы немного отстали, — объясняет другой извиняющимся тоном.

— Где командир? — хочет узнать Василевский.

— На линии, — отвечает ему старший сержант Трояновский, старшина 2-й роты, подходя большими шагами. — Я замыкаю строй и подбираю тех, у кого от страха глаза вылезли, — объясняет он и смачно по-матросски ругается, желая напомнить офицерам, что до войны он служил боцманом на эскадренном миноносце, а в сентябре оборонял Вестерплатте.

Разговор прерывается, потому что доносящийся сверху свист мин принуждает их немедленно искать укрытия. Между домиками они видят испуганную женщину с ребенком на руках, бегущую в сторону ольшаника. За веревку она держит корову.

— Стой! — кричат ей. — Ложись!

Но женщина не слышит или не хочет слышать и бежит вперед. Каким-то чудом ни один осколок не задевает ее. Из-за болота снова бьют советские гаубицы, подавляя огонь минометов. Женщине остается всего несколько шагов до густых зарослей, сейчас она укроется в них. Но тут издали раздается очередь станкового пулемета, пули срезают траву рядом с коровой. Женщина в испуге останавливается. Гитлеровский пулеметчик безошибочно вносит поправку в прицел, срезая человека и корову одной очередью.

На луг выбегает санитар из 1-й роты Мечислав Дембковский. Не обращая внимания на третью очередь, он становится в траве на колени, но через несколько секунд отползает в сторону — женщина и ребенок мертвы. Подстреленная корова лежит на лугу бело-черным пятном, она поднимает тяжелую голову, мычит и пытается языком достать неподвижную руку крестьянки.

Жалобное мычание коровы слышится и в песчаных окопах на предполье Сухой Воли, где начальник штаба 137-го гвардейского стрелкового полка капитан Терновенко вторично спрашивает Сумеровского и Кулика, заместителей командира батальона по политической и строевой части:

— Вы должны были принять ПОЗИЦИИ в семь утра, два часа тому назад. Так как? Что мне докладывать? — В голосе советского офицера слышатся нотки нетерпения.

«Если я откажусь принять у капитана Терновенко позиции, — думает Кулик, — то тем самым сорву атаку, подготовленную на правом фланге. Скажут, что мы подвели, не сменили вовремя, позволили немецкой артиллерии разогнать батальон. Если же принять позиции с этими силами...»

Он представил себе штабную карту с толстой голубой стрелой, означающей прорванный фронт на участке польского батальона.

Советский капитан вновь хочет что-то сказать, но Кулик кладет ему левую руку на плечо, а правую протягивает, как крестьянин, который хочет завершить покупку поросенка. Они жмут друг другу руки.

— Давай акт приема позиций. Подписываю, — говорит Даниэль Кулик и тотчас же рассылает связных, чтобы по ходам сообщений подтянуть тех, кто к этому времени собрался в Сухой Воле: на правый фланг — солдат Гугнацкого, на левый — Сырека. Будь что будет: они будут оборонять позиции теми силами, которые есть, в случае чего помогут танки 2-го полка, и, наконец, черт возьми, ведь будут подтягиваться из ольшаника те, кто остался жив, но не успел дойти сюда.

— Мариан, — обращается Кулик к поручнику Сумеровскому и внимательно смотрит ему в глаза. — Я не знаю, имею ли право приказывать тебе, но не прошу, а приказываю: собери нескольких своих политработников, идите в это проклятое болото и направляйте ко мне сюда всех, кого найдете, только поскорее.

Во главе идущей на позиции 2-й роты невысокий, седоватый Гугнацкий. Хорунжий отдает честь, как во дворе казармы, и в то же время пригибает голову ниже бруствера, не высовывает ее. Блестят начищенные как зеркало довоенные, настоящие офицерские сапоги с высокими голенищами, которые Флориан носил еще в сентябре 1939 года; в них же пришел он в Сельцы.

— Пан капитан, осмелюсь доложить... — отдает он рапорт Кулику.

Это «пан» и это «осмелюсь» не отвечают уставу новой армии, но Гугнацкому можно. Служит он еще с первой мировой войны, в 1918 году разоружал немцев.

Приняв рапорт, капитан спрашивает:

— Как случилось, что ты дошел первым?

— Старые ноги быстрее ходят, — отвечает хорунжий. — Только вот дозор куда-то делся. Как начали стрелять, я сменил направление марша: через ров, в кусты и к фронту. Я всегда учил их, что нужно выходить из-под огня быстрым скачком вперед, а они, черти, кинулись куда-то вбок.

— Машинки застряли? — спрашивает Кулик. Командир 2-й роты не отвечает, только показывает рукой: из-за изгиба окопа выходит командир взвода станковых пулеметов хорунжий Густав Миколайчик, двадцатилетний паренек из Пулав, а за ним вспотевшие расчеты тащат четырехпудовые «максимы».

Пехотинцы сменяют своих предшественников. Гвардейцы 2-го батальона 137-го полка показывают обнаруженные цели, секторы обстрела и уходят. Советский командир информирует Гугнацкого, что немцы во время налетов стреляют голубыми опознавательными ракетами, и жмет ему руку.

— Счастливо воевать! — желает он.

— Хоть бы не сразу на нас полезли, — ворчит Флориан.

Кулик в бинокль посмотрел в сторону вновь горящей

Сухой Воли, не подходит ли кто. На тропинках было пусто. Сверху проносились снаряды, продолжался поединок советских и немецких батарей.

Во рту была горечь, резало глаза. Он снова представил себе карту, на которой жирная голубая стрела обозначит прорыв фронта, если немцы атакуют батальон прежде, чем подойдут те, кто застрял или спрятался в этом проклятом болоте.

Ожидание

Немцы, измотанные трехкратными утренними атаками, не имели намерения наступать, и обстановка начала постепенно стабилизироваться. Из-под Ленкавицы пришли санитары из медицинского пункта первой помощи и наметили путь эвакуации раненых. С той же стороны до позиций 2-го полка добрался хорунжий Фридрих из роты технического обслуживания и со своими механиками взялся за ремонт поврежденных машин.

Радисты наладили связь, а телефонисты успели протянуть кабель, чем очень расстроили капитана Кулика. Он, избегая разговоров, отправился на правый фланг роты Гугнацкого, на стык с позициями 137-го полка, сосредоточенного в укрытии за высотой Ветряной, но в конце концов его настигли, и в трубке послышался грозный голос Межицана:

— Доложите о занятии позиций.

— Гражданин двенадцатый, — ответил Кулик, называя командира бригады по коду. — «Нарев» занимает указанные в приказе...

— Весь «Нарев»? — перебил его генерал.

— Почти весь. Остальные подтягиваются. — Он лгал, чувствуя, как лоб покрывается испариной.

— Не крутите, черт возьми! — услышал он в ответ. — Занимаете позиции или нет? Подробности меня не интересуют. Как мне докладывать наверх?

— «Нарев» занимает позиции, гражданин двенадцатый, — бросил капитан в отчаянии.

Еще ночью решено было атаковать. На это решение повлияло несколько факторов, основательно изменивших соотношение сил по обеим сторонам студзянковского фронта.

10 августа в 18.00 дивизионная и армейская артиллерия 1-й армии Войска Польского доложила о готовности открыть огонь из 191 ствола. Поскольку после смены сражавшихся на Пилице гвардейских полков сила польской артиллерии до рассвета должна была увеличиться еще на 78 орудий и 166 минометов 3-й пехотной дивизии имени Ромуальда Траугутта, сразу же после наступления темноты более десяти советских батарей покинули свои старые огневые позиции и двинулись на юг, в распоряжение 4-го корпуса. Всеми возможными дорогами — через понтонный мост, на пароме, даже лодками — для них перебрасывались боеприпасы на западный берег Вислы.

Несмотря на напряженную ситуацию, удалось избежать ввода польского 2-го танкового полка в бой по частям. Около полуночи все его роты заняли позиции в Целинуве, Сухой Воле и Басинуве, нависая грозной тяжестью над лесом Остшень. В случае прорыва гитлеровцев в направлении на Пшидвожице танковый полк мог одним ударом с севера рассечь немецкий клин у самого основания.

Генерал Глазунов перегруппировал 140-й гвардейский стрелковый полк в лес Завада, за высоту 112,2, чтобы в случае необходимости предпринять контратаку в двух направлениях. Эта перегруппировка освободила 3-й и часть 2-го батальона 137-го полка, которые еще ночью двинулись на северо-запад вдоль линии деревень у болот и сосредоточились под Целинувом, скрытые от наблюдения со стороны немцев высотой Ветряной.

Осторожность оказалась оправданной. Пленный, взятый в Игнацувке, показал, что на участке Мариамполь, Грабноволя уже два дня находится боевая группа 19-й танковой дивизии, насчитывающая более 60 танков. Это означало, что дивизия «Герман Геринг» имеет гораздо больше резервов, чем предполагалось ранее.

На рассвете и в первые часы дня в штаб корпуса стали поступать донесения о потере Ходкува и лесного клина к северу от деревни, об отражении сильной атаки на Суху Волю и Басинув, об ожесточенных боях в районе высоты 112,2, о трудном положении 2-го и 3-го батальонов 142-го полка, которым угрожает окружение. Генерал Глазунов выслушивал эти донесения спокойно и даже с некоторым удовлетворением: противник связывал свои силы, ослаблял резервы, не добиваясь решительного преимущества.

— А как в Студзянках? — спрашивал он своего начальника штаба после каждого донесения.

— 100-й полк удерживает западную часть деревни.

Когда около восьми утра от командира 47-й дивизии поступила шифрованная радиограмма о том, что атака гитлеровцев на лесной квадрат 111 отбита, что польские танки со штурмовой группой Падлевского и Своленко отбросили немцев, пытавшихся окружить батальон старшего лейтенанта Ишкова, Глазунов спросил, вышла ли пехота бригады Межицана на позиции, и, услышав отрицательный ответ, нахмурил брови.

В половине десятого полковник Дудник пришел с донесением, что поляки находятся в окопах под Сухой Волей, 137-й полк — весь на исходных позициях, однако...

— Что однако?

Начальник штаба сдержанно рассказал о результатах налета немецкой артиллерии и пикирующих бомбардировщиков на подходивший к передовой мотопехотный батальон, оценив силы, которые дошли до первой линии окопов, примерно в две пехотные роты без тяжелого оружия.

— Подождем, — буркнул генерал. — Что в Студзянках?

— 100-й полк удерживает западную часть деревни, отразил уже четвертую контратаку.

— Сообщите генералу Межицану, что я жду от него донесения о выходе всего батальона на новые позиции.

Командир 4-го корпуса терпеливо ждал, он не хотел рисковать. «Поспешишь — людей насмешишь» — говаривали в его родной стороне. Время работало в пользу советских батальонов.

Приближалось два часа дня, когда в землянку вошел начальник артиллерии корпуса.

— Хозяйство все увеличивается, — сообщил он. — Мы получили от армии 1314-й легкий артиллерийский полк. 24 76-мм орудия. Пожалуй, я дам их Шугаеву, чтобы ему было чем встретить «тигров» и «пантер».

— Согласен. И пусть поддержат атаку полка Власенко.

— Не успеют. Они сейчас только проходят через Магнушев. Но я договорился с поляками, с заместителем командира 2-го полка. Такой молодой... — Полковник Воропаев вынул из полевой сумки блокнот и прочитал: — Поручник Светлана. Мои офицеры будут управлять огнем танков с закрытых позиций. 27 стволов — это не шутка. Я купил эту поддержку за два грузовика боеприпасов. Думаешь, дорогогато?

— Дешево. Только вот их пехота... — Он замолчал, увидев входящего начальника оперативного отдела корпуса.

— Товарищ командир, генерал Межицан докладывает, что весь мотопехотный батальон вышел на позиции.

— Наконец-то, — обрадовался Глазунов.

— Дать приказ батареям? — спросил полковник Воропаев.

— Еще нет. — Лицо генерала просветлело, и, обращаясь к Морозову, он приказал: —

Как только противник ударит по батальону Ишкова, доложите. Только тогда мы возьмем их за горло.

После донесения в штаб 4-го корпуса генерал Межицан долго сидел молча в землянке телефонистов. Утро оказалось для него более тяжелым, чем весь вчерашний день. Он ничем не мог помочь мотопехотному батальону. Генерал понимал, в каком положении оказались рассеянные по болоту роты, но одновременно не хотел понимать, почему они так долго собираются. Шестым фронтовым чувством он угадывал, что Кулик не сказал ему всей правды — старый, обстрелянный батальон успел бы уже сосредоточиться, но не эти желторотые. Межицан хорошо изучил своих солдат и знал, что многие из них впервые заглянули смерти в глаза.

— Вызови мне сюда начальника разведки, — приказал он адъютанту.

Хорунжий Пшитоцкий, который загорал на другой стороне дамбы, подбежал, застегивая мундир.

— По вашему приказанию прибыл.

— Ты что думаешь, я вас, дармоедов, держу в бригаде для строительства землянок?

— Не думаю, гражданин генерал. Разведка существует для разведки.

— Ты сделал великое открытие, сын мой, — похвалил его командир бригады. — Разведка существует для разведки! Продолжай в том же духе, и ты прославишься, о тебе будут писать в газетах. Слушай внимательно и подумай. Выбери пару ребят из своего взвода, и сейчас же идите «за языком».

— Днем? — вырвалось у хорунжего.

— А ты думаешь, что по моему приказу солнце зайдет? Не перебивай. Вы должны поскорее добраться до Повислянских роц. — Он показал на карте. — Оттуда начнется советское наступление, и при этом вы можете цапнуть какого-нибудь фрица. Ясно? А по пути проверьте, заняты ли окопы под Сухой Волей нашим батальоном. Посчитай, сколько их там, трое или пятеро. Можешь идти.

— Слушаюсь! — Хорунжий отдал честь и бегом направился к своим.

Группа разведчиков миновала позиции батальона подполковника Кулаковского (Пшитоцкий решил на обратном пути проверить, «сколько их там, трое или пятеро»), свернула за высоту Ветряную в сторону Повислянских роц. Поле казалось пустынным, но, когда они остановились в густом березняке, чтобы немного отдохнуть, разведчики доложили хорунжему о замеченных по дороге старательно замаскированных землянках, об укрытых под кустами минометах, о солдатах, дымящих махоркой на дне прикрытых сеткой окопов.

— Русских здесь не меньше четырех рот, — подвел итог старший сержант Межиньский.

— Или даже больше, — кивнул головой Пшитоцкий. — У них роты небольшие... Ребята, если мы пойдем за ними, то пленного придется покупать за водку, потому что русские сами всех заберут. А поскольку водки жалко, — объяснял он задание, — то мы раньше выйдем за передовую, к этому леску. — Он показал в просвете между деревьями. — А потом дальше через картофельное поле, до верб у дороги. Оттуда до швабов недалеко. Видите окопы? Немцы как раз стреляют из пулемета.

Выдвинувшись по одному на опушку леса, они просматривали местность. Рядом, между двумя пнями, расположился советский майор с биноклем. Он смотрел в сторону кирпичного завода, который находился наискось, левее, в каких-нибудь 700 метрах.

— Вы кто такие? — спросил он, недоверчиво посмотрев на разведчиков.

— Разведка польской танковой бригады, — ответил Пшитоцкий и спросил: — Вы когда двинетесь?

— По сигналу — две красные ракеты. Но перед этим ударит артиллерия. Хорошо, что я вас встретил. Предупрежу своих, а то они не видали еще таких мундиров и могли бы вас перестрелять.

Он подполз к ним и угостил папиросами. Из гвардейского пайка отпили по глотку «за боевую дружбу», а затем поползли по одному за передовую.

Не прошло и тридцати минут, как разведчики собрались во рву под старыми вербами. Отсюда кирпичный завод был виден хуже: его заслонил молодой сад. Зато можно свободно наблюдать за немцами, которые перебирались по рву через перекресток дорог в Студзянках, находящийся от них на расстоянии менее двухсот метров.

Неподалеку редко и сухо пощелкивали выстрелы снайперов. Разведчики, прислушивались, чувствуя, как пересыхает в горле от жажды. Пшитоцкий посматривал то на часы, то на муравьев, ползавших вверх-вниз по коре вербы. Разведчики сдавали один из наиболее важных экзаменов — «на выдержку».

Восемь притаившихся под Студзянками разведчиков даже не предполагали, что одновременно с ними сдает экзамен «на выдержку» командир 4-го корпуса гвардии генерал-лейтенант Василий Глазунов. Решив дать сигнал к атаке после атаки гитлеровцев на позиции 2-го батальона 142-го полка, он не собирался менять решение. Он знал, что если опередит немцев, то силы, сосредоточенные около дамбы, будут тотчас же переброшены на угрожаемый участок и преградят путь подразделениям 137-го полка прежде, чем те успеют достичь острия самой длинной стрелки, нарисованной на его карте.

Сообщение, которое он ожидал, поступило лишь за несколько минут до трех часов.

— В 15.00 открывай огонь, — блеснув глазами, приказал Глазунов командующему артиллерией и обратился к начальнику штаба: — Как только немцы прекратят атаку на квадрат 111, пусть батальон Ишкова контратакует.

— Они очень ослаблены, — напомнил полковник.

— Сообщи о моем решении в 47-ю дивизию, а сам соединишь по радио с польскими танкистами, которые там сражаются. Пусть передадут командиру батальона, что я приказал контратаковать, как только немцы прекратят наступление.

Когда эти слова Глазунова передали старшему лейтенанту Ишкову, он, пожав плечами, сказал:

— Наверное, в контратаку мы будем выскакивать уже из могил...

Гитлеровские танки подходили к окопам. Немецкие солдаты вновь прорвали позиции на правом фланге, вышли в тыл, и гвардейцы были вынуждены сражаться врукопашную. К счастью, два вражеских самоходных орудия подорвались на минах, расставленных саперами прошлой ночью, и остановились. Одно из них, подожженное подкалиберным снарядом, загорелось. На левом фланге батальона немцы, прижатые к земле очередями ручного пулемета, залегли.

Ишков, охрипший от крика, собрал штурмовую группу, чтобы восстановить положение севернее высоты 119,0. В группе оказалось около десяти польских автоматчиков под командованием старшего сержанта Гайды. Прежде чем они бросились в атаку, где-то сзади за лесом и справа дали залп «катюши». Началась артиллерийская буря, загремели сотни разрывов.

Старший лейтенант прислушался, а потом сказал:

— Наша бьет! — Улыбка осветила его лицо, темное от гари, пыли и пота. — Дает фрицам прикурить... Пошли, ребята!

Через несколько минут немецкие танки повернули назад, огонь автоматов прекратился и немецкая пехота начала отходить. Ишков в соответствии с приказом командира корпуса повел штурмовую группу через лес на запад. С ней шли два польских танка. Не встретив сильного сопротивления, они дошли до немецких окопов, забросали их гранатами, взяли нескольких пленных. Они прошли еще около ста метров, но потом остановились: уже не было сил занять широкий участок фронта.

Гайда, ожесточенно преследуя двух немцев, не слышал приказа остановиться. Одного он застрелил из автомата, а второй куда-то исчез. Через мгновение пули застучали по стволам деревьев и настигли старшего сержанта. Эмиль почувствовал, как у него подгибаются колени, и упал на мох. Только теперь, ощутив боль, он понял, что у него прострелены обе ноги и он один в лесу. Долгое время с автоматом наизготовку он ждал, что немец придет его добить, но тот не появился.

У старшего сержанта было три индивидуальных пакета. Он носил их не для себя, а для других. Сам он не верил, что он, сержант, начавший службу еще до войны, к тому же кавалер ордена Виртути Милитари, полученного под Ленино, может попасться, как и всякий другой. Теперь вот бинтыгодились. Он разрезал ножом штанины, перевязал раны.

Впереди, за стеной леса, гремели артиллерийские разрывы. Стиснув зубы, Гайда попробовал встать. Кровь выступила через бинты, и он упал — ноги не слушались. Он пополз назад, к своим. Это было невероятно трудно, пот заливал глаза, стекал по спине и груди.

Он полз, отдыхал, потом полз снова, пока не натолкнулся на своих. В окопе сидели два солдата со станковым пулеметом — рядовой с забинтованной головой и капрал. Они сказали, что сидят тут одни, сидят и ждут, но приказа об отходе не было.

Минут через пять на просеке появились немцы. Солдаты срезали их дружным огнем. Гайда почувствовал, как тошнота подкатила к горлу, видимо, от шума выстрелов. Его вырвало. Капрал дал ему водки, и Эмиль сразу почувствовал себя лучше. Он разделил на всех одну из захваченных вчера плиток шоколада. Этот шоколад был припрятан у него для племянника той девушки из Люблина, которая готовила вишневый суп и которую он решил взять в жены.

Чуть позднее раненного в голову рядового начало трясти как в лихорадке. Из рта у него вдруг пошла кровь, и он, вздрогнув, вытянулся. Капрал оттащил его в заросли папоротника, положил на мох и прикрыл плащ-палаткой. Гайда посоветовал вытащить его документы. Свои они тоже вынули и спрятали под корни дерева. Если бы гитлеровцы захватили их врасплох, документы не попали бы им в руки. А у капрала на оккупированной территории осталась семья, немцы могли бы с ней справиться.

Теперь они остались вдвоем у пулемета. Еще раза три выстрелили по появлявшимся из леса немцам. Ждали своих, не отходили, потому что не было приказа. Да и передвигаться тоже не могли, потому что капрал мог или тащить «максим», или нести Гайду, а бросить кого-нибудь из них не хотел. Нет такого закона, чтобы оставлять врагу оружие или раненого.

Контратака и контрудар

Муравьи без усталости бегали вверх-вниз по корявой коре вербы. Пшитоцкому очень захотелось сесть, выпить воды из фляги, а потом, сняв мундир, лечь на спину в тени, не думая ни о чем, ощущая только, как стебли травы щекочут лицо.

Именно в этот момент в той стороне, откуда они пришли, где-то в лесу за Выгодой, послышался резкий свист, и термитные снаряды прочертили небо красными шрамами. Около трубы кирпичного завода поднялись клубы дыма и огонь.

Еще не смолкли залпы дивизиона гвардейских минометов, а советская артиллерия начала артподготовку. Разрываемый снарядами воздух свистел, шипел и выл над головой разведчиков Пшитоцкого. Перекресток дорог в Студзянках, кирпичный завод и фольварк исчезли в туче пыли, в которой сверкали молнии, взлетали груды земли и кувыркающиеся бревна.

Разведчики присели во рву, распрямили плечи, поправили гранаты на поясе. Все это они проделали, не вставая, потому что время от времени недолетавшие снаряды рвались близко от них. Осколки с тонким свистом срезали разлапистые ветки верб.

Над советскими окопами вспыхнула ракета, сверху ее настигла вторая, и они загорелись двойной красной звездой. Еще мгновение — и из-за высоты Ветряной показалась цепь 137-го гвардейского стрелкового полка. Не задерживаясь, бойцы смели гранатами заслон в окопах на подступах к кирпичному заводу, очередями ручных пулеметов уничтожили пытавшихся бежать немцев, быстро приближаясь к стене взрывов собственной артиллерии.

Снаряды стали пролетать дальше, взрывы переключались на фольварк, к аллее столетних тополей, на опушку леса. Пыль над кирпичным заводом стала оседать, и в тот же момент над полем раздалось протяжное «Ура-а-а!» наступающего 3-го батальона.

Из Повислянских рощ, словно в ответ на этот крик, появился 2-й батальон, рассыпавшийся в цепи. Солдаты бежали к фольварку наискось от дороги, у которой залегли наши. Из-за его правого фланга выдвинулся атакующий Студзянки 1-й батальон.

— Если мы хотим успеть на танцы, нам пора, — сказал хорунжий Пшитоцкий.

Все семеро, как по команде, выскочили из рва. Обгоняя командира, они бросились в сторону перекрестка полевых дорог, по которым еще грохотали взрывы последних тяжелых снарядов. Всего 50 метров отделяли их от белой одинокой часовни, когда со дна окопов, из погребов, из землянок начали выскакивать недобитые артиллерией немцы. Разведчики для устрашения дали по очереди на ходу и, помня о задании, погнались каждый за своим.

В названиях частей отразилась история их боев и побед. Например, 170-й гвардейский стрелковый полк несколько дней назад завоевал право называться Демблинским. 137-й полк будет носить название города, который тысячу лет назад стал колыбелью польского государства, — Гнезно.

От больших и малых городов, от сильных крепостей берут соединения свои боевые названия. Но если бы названия давались за суровую красоту наступления, за тяжелый ратный труд, за точность выполнения приказов и ярость штурмов, батальоны полковника Власенко носили бы название студзянковских.

Гитлеровцы не замечали сосредоточения советских войск под Целинувом, на противоположном скате высоты Ветряной. Кратковременный, но массированный огонь артиллерии застал их врасплох и дезориентировал. Когда в считанные секунды брызнула огнем земля на кирпичном заводе, подожженная термитными ракетами гвардейских

минометов, укрытые там танки и самоходные орудия отступили через поле в лес. 3-й батальон 137-го полка, поддержанный с левого фланга огнем 2-го танкового полка, неожиданным ударом захватил еще дымящиеся развалины.

Следом за ним, обойдя кирпичный завод с запада, ударил 2-й батальон. Он занял окопы перед деревней, дошел до фольварка и начал тяжелый бой с укрытыми в каменных строениях пулеметами, танками и «фердинандами».

Как третья волна, усиливая мощь удара, 1-й батальон ворвался в незанятую часть Студзянок и захватил перекресток дорог, двинувшись на юг вдоль грабновольской дороги. Грузовики в клубах пыли перебрасывали артиллерию и минометы. Лошади галопом тащили через поля «сорокапятки». Командный пункт уже выдвинулся к Повислянским рощам, когда заговорила радиостанция:

— Я — «Иртыш». Задание выполнено. Мы оседлали дорогу на опушке леса. Связь с правым соседом установлена. Противник не атакует, ведет огонь с высоты 132,1 и из леса с восточной стороны, — доложил старшина Иван Савченко.

Целый час не могли опомниться ошеломленные гитлеровцы, но около четырех часов, как раз тогда, когда поступило донесение об оседлании дороги на Грабноволю и установлении связи 1-м батальоном 137-го полка со 102-м гвардейским полком, ситуация резко изменилась. Воспользовавшись местным преимуществом в воздухе, гитлеровцы вызвали самолеты. Пока штурмовики атаковали пехоту на территории кирпичного завода и в сожженных Студзянках, артиллерия перенесла огонь на окопы 102-го полка и активно обстреливала советские войска, появившиеся на южной опушке леса.

Танки и самоходные орудия из района придорожного креста усилили оборону фольварка, а пехота, переброшенная на бронетранспортерах, ударила оттуда узким клином через лес, перерезав дорогу.

Бронированные машины, атаковавшие до этого позиции 2-го батальона 142-го полка в квадрате 111, повернули на 180 градусов и, пройдя около двух километров вдоль дамбы, начали давить на открытый левый фланг советского батальона у дороги Студзянки — Грабноволя.

Эти действия еще не были опасными, но уже стали осложнять обстановку. Для достижения окончательного результата обе стороны должны были быстро ввести в бой новые силы. Эти силы ввела в действие танковая дивизия «Герман Геринг».

Потеря дороги из Грабноволи на север, потеря Студзянок и кирпичного завода свела бы к нулю все прежние успехи, а захват лесного клина, доходящего до Выгоды, — до уровня тактического эпизода. В этой ситуации нельзя было играть иначе как ва-банк.

Из района Домбрувок-Грабновольских на север двинулись рота танков 27-го танкового полка и 1-й батальон 74-го гренадерского полка 19-й дивизии. На левом фланге нижнесаксонцы были остановлены огнем из орудий и закопанных в землю тяжелых танков, однако на правом фланге они врезались клином в лес, обошли с запада 1-й батальон 137-го полка и через несколько минут вышли ему в тыл.

Вероятно, эта же самая группа под командованием капитана Мейера, захватив по пути машины из района высоты 132,7, ворвалась в Студзянки, оседлала перекресток дорог, зашла во фланг штурмующему фольварк 2-му батальону. Среди развалин и еще свежих воронок от бомб, на земле, изрытой снарядами, завязалась борьба за каждый метр.

Вот тогда и произошло событие, которое предрешило, в чьих руках окажутся Студзянки 11 августа 1944 года.

Дивизион шестиствольных тяжелых минометов дал залп по кирпичному заводу, а из леса к востоку от придорожного креста выбежала густая цепь пехоты, поддержанной «тиграми» и «фердинандами».

Прежде чем оборонявшиеся опомнились после разрывов тяжелых мин, танки уже валили стены, гусеницами утюжили окопы. Одновременно на территорию кирпичного завода ворвались парашютисты-десантники, оттеснили гвардейцев, захватили подготовленный для отправки в тыл транспорт с восемнадцатью тяжелоранеными и добились их ножами.

2-й и 3-й батальоны 137-го полка были отброшены, оттеснены влево к Повислянским рошам, а набравшая скорость лавина машин и людей с идущим впереди огненным валом артиллерии двигалась дальше на север, в направлении Сухой Воли, где в песчаных окопах, если верить донесению капитана Кулика, занимал позиции мотопехотный батальон 1-й танковой бригады.

Когда в 15.00 137-й полк двинулся вперед, у Кулика будто гора с плеч свалилась. Пули немецких снайперов доставали теперь только до левого фланга 1-й роты, утих беспокоящий огонь минометов, и капитан мог обойти свое хозяйство, навести порядок.

3-я рота, впрочем еще не вся, была расположена за линией домов в Сухой Воле в качестве резерва: два взвода роты противотанковых ружей усилили передние окопы, а третий прикрыл стык рот Гугнацкого и Сырека. Уже все минометы заняли огневые позиции на восточной окраине Сухой Воли, телефонисты протянули линию вперед, где поручник Метлицкий устроил свой наблюдательный пункт.

Солдаты старались забыть об утренних событиях, теперь они склонны были считать, что находятся в безопасном месте, почти дома. Они снимали сапоги и брюки, чтобы вытряхнуть засохшую грязь; рассказывали ужасные сказки о сотнях убитых и раненых (разумеется, не в их взводе, а в соседнем); насмехались над теми, кто лишь сейчас приходил на позиции; жаловались, что с сухой глоткой — это не война.

Кулик охрип, подгоняя командиров, чтобы они организовали поскорее доставку боеприпасов. Он требовал немедленно углубить окопы, подготовить позиции, укрытия. Те, кто уже бывал на фронте, сами торопили солдат; те, для кого этот день был днем боевого крещения, не обращали на его слова внимания. Пока человек сам не убедится, что война — это прежде всего перекапывание огромного количества земли, до тех пор он не поверит.

Уставший капитан вернулся на свой командный пункт, в землянку, унаследованную от командира советского батальона. Она была глубокая, с мощным перекрытием, ее построили посреди стока студзянковской высоты, в небольшом углублении, между кустами терновника. Сумеровский сидел у телефона, проверяя связь с командирами рот.

— Все в порядке, — сказал он довольно. — А Метлицкий здесь рядом: крикнешь — услышит.

Прежде чем капитан успел проверить работу этого простейшего вида связи, они услышали усиливающийся гром орудийных выстрелов и затем скрежет, похожий на скрип заржавленных пружин. Кулик приказал передать Гугнацкому и Сыреку, чтобы они прекратили саперные работы и приготовились к бою.

— Как услышишь эти проклятые тяжелые минометы, — сказал Кулик Сумеровскому, — знай: немец что-то задумал.

Перед передним краем, около окопов, разорвался крупнокалиберный снаряд, потом

другой, уже ближе.

— Нащупывают, гады, — выругался Кулик. Он протер глаза и отступил на шаг.

— Гражданин капитан. — У входа в землянку появился сержант Людвик Блихарский, литейщик из Стрыя. — Разрешите доложить: 2-й взвод роты станковых пулеметов прибыл...

— Черт бы вас побрал! — продолжал ругаться Кулик, хотя только вчера похвалил сержанта за то, что они захватили в районе переправы немку, которая, укрывшись в лесу, корректировала по радио огонь обстреливающей мосты артиллерии. — Чтобы вас молния сожгла! — Он потер кулаком глаза. — Сколько времени нужно, чтобы пройти через эти проклятые болота? Почему вы не сидели под кустами до утра?...

— Танки! — прервал его Сумеровский. — Танки и много пехоты!

Кулик подскочил к наблюдательной щели и увидел, как машины с черными крестами минуют кирпичный завод, как с них соскакивают солдаты и бегут прямо на позицию батальона. Артиллерия била по польским окопам, где-то рядом резко просвистел снаряд.

— Блихарский! Выдвигай пулеметы, отсекай пехоту!

— Слушаюсь! — Сержант исчез, будто его сдуло ветром.

— Метлицкий! — крикнул Кулик. — Давай заградительный! Черт бы... — Сквозь пыль, среди разрывов снарядов, прыгавших по полю, он с ужасом увидел пламя, бьющее из самого центра позиций минометов.

Взвод подпоручника Яворского замаскировался снопами ржи. Но как только танки вышли из леса, первый же снаряд разбросал снопы, поджег высушенную на солнце солому. Минометчики бросились гасить пламя, сбили огонь, но новый взрыв перебросил пламя в сторону, где под снопами в яме лежали ящики с минами, оставленные гвардейцами.

Один из солдат не выдержал, бросил винтовку на землю и, завывая от страха, побежал в сторону болот. За ним не гнались, нельзя было терять ни секунды. Заместитель командира роты Отто Анфорович и несколько солдат голыми руками хватили горящие снопы и отбрасывали их подальше. Песком и куртками гасили тлеющие ящики. Отброшенные взрывом камни поранили Анфоровичу пальцы.

— Огонь! Огонь! — кричал подбежавший телефонист Жук. — Линия порвана, а пехота просит огня!

Они бросились к минометам. Раздались первые команды.

Сержант Блихарский, обрадовавшись, что не надо выслушивать проклятий Кулика, поднял свой взвод. Обливаясь потом, они добрались до передовой. Справа — пригорок, слева — второй, впереди — пологая впадина, закрытая на расстоянии полукилометра кустами и трубой кирпичного завода. По этой впадине бегут немецкие солдаты, а за ними, в облаке пыли, съезжают по пологому склону танки, стреляя из орудий. Очереди их пулеметов, как удары бича безумного возницы, хлещут по полю, по окопам, свистят над самым бруствером.

— Пулеметы к бою! Прицел 250, отсечь пехоту!

Первым заговорил пулемет старшего сержанта Павла Кульпы, вторым — тот, в расчете которого были два брата Межвиньских — Влодек и Антек — и подносчик Сташек Храпливый.

— Пень, в чем дело? — Сержант подбежал к третьему «максиму».

— В ствол попал песок! — ответил наводчик, перегнулся над пулеметом и тут же, получив пулю в плечо, осел на дно окопа.

Блихарский, заменяя ствол, уже видит лица бегущих немцев, всем телом чувствует, как дрожит земля под гусеницами танков, слышит вдоль линии окопов неравномерный треск винтовок, очереди автоматов. «Задавят нас, — мелькает мысль. — Почему минометы не стреляют? Где артиллерия?...»

Но вот пулемет готов. Блихарский вставляет ленту и, склонившись над «максимом», дает первую очередь по немцам, которые уже подняли гранаты...

Танки были уже в 200 метрах от окопов, когда загрели притаившиеся советские орудия. Три батареи 1314-го легкого артиллерийского полка, приданные 47-й дивизии, били над головой пехотинцев со стороны болотистых лугов; с левого фланга — батарея, окопавшаяся в районе Басинува, а из Повислянских роц — противотанковые пушки 137-го полка. Почти одновременно взводы противотанковых ружей роты поручника Пахуцкого открыли огонь вдоль всей линии окопов.

У Блихарского кончилась первая лента, и он, на секунду оторвав взгляд от прицела, увидел в широкой впадине между высотой Ветряной и кирпичным заводом четыре горящие немецкие машины. Остальные притормозили, начали маневрировать, укрываясь за подбитыми танками. Со стороны Сухой Воли засвистели мины. Остановившись в верхней точке траектории, они, как черные ястребы, упали двухсотметровой грядой взрывов среди немецкой цепи.

— Больше огня! Скорее! — кричал капитан Метлицкий в телефонную трубку.

— Быстрее! — повторяли командиры взводов.

Старшина роты старший сержант Цинамон позвал нескольких пехотинцев резервной 3-й роты: они бегом подносили ящики из спасенного от огня склада советских мин. Анфорович заменил заряжающего, командиры расчетов сами стали к прицелам.

— Изменить прицел! Быстрее, фрицы отступают! Они на открытом месте! Бить в хвост и в гриву!

Они носились как заведенные. Старший сержант Антоний Моравский подбежал к миномету, открыл ящик. Заряжающий опустил мину, потянулся за следующей и, споткнувшись, закрыл ствол. Раздался взрыв. Капрал Кунцевич прижал ладони к окровавленному лицу. Рядовой Мажец, служивший лишь три недели в роте, отбежал на несколько шагов и повалился на траву. Моравский упал с осколком в сердце. Подносчика мин спасла от смерти винтовка: большой осколок плашмя ударил в приклад, солдат отделался переломом двух ребер.

Цинамон отвел раненых за развалины хат. Пять минометов, изменяя прицелы, били беглым огнем, преследуя отходившего противника до самого кирпичного завода, в развалинах которого скрылись и танки.

Полукольцо (12 августа)

Перегруппировка

Августовская ночь от наступления темноты и до первых солнечных лучей длится семь с половиной часов, из них первые четыре часа до полуночи в соответствии с календарем относятся к предыдущему дню. Но по логике большая часть ночных боевых действий относится к следующему дню. На основании вечерних донесений командиры оценивают обстановку, отдают приказы. Под прикрытием темноты обе стороны скрытно перегруппировывают силы, - на одних участках оставляют только оборону, а на других сосредотачивают танки и пехоту для нанесения удара.

Генерал Василий Глазунов принял решение на следующий день нанести удар по самому основанию клина, вбитого дивизией «Герман Геринг». 137-й полк получил приказ передать свои позиции в Повислянских рощах сменяющей части и сосредоточиться на южной оконечности студзянковой поляны, на левом фланге 102-го полка, максимально приблизившись к своему окруженному батальону.

Польская мотопехота должна была в связи с этим сгруппироваться в одном эшелоне, чтобы удлинить свой фронт на целый километр к западу. На левый фланг батальона перешла из резерва 3-я рота капитана Доманьского, а 1-я заняла позиции 2-й роты. Хорунжий Флориан Гугнацкий получил приказ занять Повислянские рощи и быть готовым на рассвете атаковать Студзянки. Поддерживать его должна была 1-я рота поручника Козинца 2-го танкового полка.

До рассвета было еще долго. Но времени на подготовку оставалось не так уж много. Как трудно порой бывает выполнить самый простой боевой приказ! Какое множество случайностей может перечеркнуть замысел командира! Обе стороны стремятся превзойти друг друга не только по количеству батальонов, вооружения и боеприпасов, но и по организованности. Абсолютно точное выполнение приказа — этого много и в то же время иногда слишком мало, чтобы сорвать маневр врага, чтобы не допустить случайностей. Когда ни одна сторона не имеет подавляющего превосходства, дело решают люди, их воля к борьбе, дисциплина и ум.

1-я рота 2-го танкового полка намеревалась занять новые позиции днем. До них было недалеко, около 1300 метров, и казалось, что осуществить перегруппировку будет совсем просто. За свою неосторожность пришлось дорого заплатить: потеряли танк 216 и двух членов его экипажа. Как только машины вышли из окопа в поле, броневой снаряд укрывшегося за стенами кирпичного завода «фердинанда» пробил башню танка, а второй — баки. Невесело пришлось танкистам ожидать наступления темноты.

Ночью, когда танки собрались в Повислянских рощах, Козинец приказал своему замполиту Казимежу Ольшевскому выставить охранение с ручными пулеметами и наблюдать за рытвем окопов, а в случае если гитлеровцы двинутся в лес — до последнего момента ничем не выдавать присутствия здесь танков. Если противник обнаружит их, завтрашняя атака наверняка провалится.

Отдав эти распоряжения, Козинец взял заряжающего из своего экипажа, восемнадцатилетнего капрала Гоша, и отправился с ним искать соседей справа. Выбор не случайно пал на Мариана: никто, как он, сын лесничего, не умел ночью так находить тропинки среди деревьев и ориентироваться в темноте. К тому же и стрелял он быстро и

метко.

Пригнувшись, они перебежали песчаное заброшенное поле и уже на опушке леса, к своей радости, встретили советского командира батальона 100-го полка. Он сообщил, что людей для прикрытия танков дать не может, потому что своих людей буквально по пальцам пересчитать, а им приходится оборонять позиции в 600 метрах от дороги на Папротню до этого места. Однако, если фрицы попробуют атаковать, он поможет полякам. На переднем крае, в небольшом сосновом леске, у него стоят две «сорокапятки» и один пулемет, которые прикроют поляков с фланга. Западную окраину деревни Студзянки должен оборонять соседний батальон, но до какого места, трудно сказать, так как уже с наступлением сумерек там разгорелась стрельба и положение могло измениться.

Танкисты поблагодарили за добрые слова и вернулись к своим: высокий поручник — впереди, маленький капрал — за ним. В Повислянских рощах было тихо, экипажи переговаривались шепотом, иногда лопаты скрежетали по камню. Сквозь клубы дыма изредка проглядывал узкий серп луны, и ее мерцающий свет вырывал из темноты могилы и кресты.

Козинец вполголоса разговаривал с Ольшевским. В конце концов они решили, что старшина роты плутоновый Костан пойдет искать нашу пехоту в окрестностях сожженной ветряной мельницы.

— Танки одни я не пущу, — ворчал Козинец, — а то будет то же самое, что с ротой Тараймовича. И где эта чертова пехота до сих пор болтается?

— Придут, — успокаивал его Ольшанский. — Не знаешь разве, как на фронте бывает? Наш Тадек Корняк тоже вон позавчера вечером увяз, так его до сих пор и нет.

Подпоручник, сидевший на пустом запасном баке, снятом с танка, поднял голову и задумался.

— Казик, а не пойти ли тебе за ним? — предложил он своему замполиту.

— Дай мне веревку, я его вытащу, — съязвил хорунжий.

— Брось шуточки. Одна машина много значит. Может быть, тебе удастся организовать какую-нибудь помощь.

— А может, я его беседой о международном положении сагитирую, — в тон ему ответил Ольшевский, но потом, тяжело вздохнув, добавил: — Хорошо, попробую. — Он поправил кобуру пистолета и зашагал в темноту.

С наступлением ночи Корняк приказал экипажу спать, а сам уселся с ручным пулеметом на броне за башней. Теперь, когда никто не мог его видеть, он дал волю мыслям и вскоре почувствовал, как глаза наполнились слезами. «Это не от жалости, а от злости», — пробовал он себя утешить.

С момента, когда танк увяз в этом проклятом болоте, прошло больше суток. О случившемся знали не только в роте, но и в полку. Ведь Дудек ходил докладывать. Там сказали: «Спасайте, как можете». Хороший совет, черт бы их побрал! Весь день ползали по лугу, срезали ольховые ветки, совали их под гусеницы и пробовали сдвинуться с места.

Гусеницы вращались, разбрызгивая жидкую грязь, но машина оставалась на месте. А немцы, слыша рев мотора, угощали их новой порцией мин. Хорошо еще, что они не могли достать орудийным огнем, а то давно бы прикончили...

Впереди, метрах в двухстах от увязшего в болоте танка, раздался крик и вспыхнула ожесточенная перестрелка. Хорунжий прыгнул в танк и захлопнул люк. Вместе с проснувшимся экипажем он напряженно наблюдал через смотровую щель. И хотя светила

луна, танкисты не могли понять, в чем дело: кто-то кричал, стрелял, двое, согнувшись, бежали по лугу недалеко от танка. Никто не знал, свои это или немцы.

Если немцы прорвались на дороге и бродят по болоту, то как только рассветет...

Делать нечего, нужно ждать. Было за полночь, когда среди развалин деревни танкисты увидели танк. Он сошел с дороги и остановился в саду, не более чем в ста метрах от них. Наш или не наш?

Корняк решил рискнуть: приказал экипажу вести наблюдение и в случае чего рубануть бронебойным по хорошо различимой машине, а сам пополз по высокой мокрой траве к саду. Распластавшись, замер и прислушался. Разговаривали двое мужчин, но на каком языке — разобрать было трудно. Наконец он услышал, что говорили по-русски.

— Товарищи, — радостно закричал Корняк. — Я свой, не стреляйте!

Танкисты из экипажа тяжелого ИС встретили его недоверчиво, но когда поняли, в чем дело, сняли с брони толстое дубовое бревно и трос и помогли привязать их к гусеницам польского танка.

— Теперь, механик, давай помаленьку.

Заурчал мотор — и бревно начало медленно исчезать в болоте.

— Газ, газ! Больше газу! — дирижировали русские.

К счастью, немцы не открыли огня. Рев двенадцати цилиндров нарастал с каждой секундой. Увязшая машина дрогнула и немного подалась вперед. Передняя часть танка начала подниматься кверху.

— Давай, давай!

Когда уже стало казаться, что танк встанет совсем вертикально и опрокинется назад, центр тяжести тридцатитонной громадины переместился на другую сторону бревна и танк 215, похожий больше на холм мокрой земли, вылез из болота. Огромная яма, в которой он только что находился, быстро заполнялась водой.

— Ну и хорошо, — сказал один из русских, когда механик выключил мотор.

— Бревно возьмите себе, у нас еще есть, берем с разбитых машин.

Экипаж Корняка отцепил бревно, привязал его к броне и, сердечно попрощавшись со своими благодетелями, занял места в машине. На большой скорости танк миновал Выгоду, направляясь в расположение полка. Вел машину капрал Дудек, который знал дорогу. Только один раз, встретив трех солдат из бригады, они спросили, правильно ли едут.

Когда прибыли на место, машиной занялись механики из роты технического обслуживания: начали проверять двигатель, вызвали заправщика горючего. Члены экипажа этого уже не слышали: растянувшись на мокрой земле и прижавшись друг к другу, они спали.

Через два или три часа, когда все было уже готово, их разбудил Юлиан Токарский:

— Вставайте, скоро рассвет. Ваша рота пойдет в бой. Они стоят в Повислянских рощах, — показал он Корняку место на карте, — только сначала надо поесть.

Обжигая губы, они торопливо глотали кашу. Не верилось, что скоро увидят своих. Отмытая от грязи и нагруженная ящиками с боеприпасами машина стояла рядом. За башней была привязана бочка с горючим.

— Зачем они в тыл поехали? — спросил Чарнокозиньский у своего командира взвода капрала Васильева. — Может, драпают?

Оба смотрели вслед удаляющемуся танку.

— Наверное, за горючим, — успокоил его Сташек Ижикович. — Не беспокойся, Леон,

это не твое дело.

— На башне у него номер двести пятнадцать, — сказал Васильев. — Потом узнаем, а теперь пойдем, дел много.

Все трое были из саперного взвода подпоручника Конопки. Прошлой ночью они строили землянки для штаба, а теперь их послали проверить и восстановить нарушенную телефонную линию, связывавшую штаб с мотопехотным батальоном. Вроде бы не их это была работа, но сапер, как известно, умеет делать все и к тому же лучше, чем другие.

Командир группы Николай Васильев был опытным солдатом: в сентябре 1939 года он в составе 5-го полка подгалянских стрелков принимал участие в боях под Санокком, Леском и Яворниками, после поражения ходил с контрабандой через засыпанную снегом границу на Сане, пережил хорошие и трудные времена. Ночные прогулки по незнакомой местности и под огнем не были для него новостью.

Пробирались втроем, на расстоянии нескольких метров друг от друга. Впереди — Васильев с автоматом наизготовку. Шедший за ним Ижикович соединял сорванные провода. Чарнокозиньский прикрывал группу. Когда линия привела их на болото, в редкие кусты ольшаника, Николай прижался к земле. Двое других согласно договоренности сделали то же самое. Лежали долго. Очень долго, проклиная про себя излишнюю осторожность командира. Иногда даже начинали думать, что он задремал.

«Чего он боится, — думал Чарнокозиньский. — До немцев еще далеко, стреляют редко... Поползу вперед, там узнаю». Однако он не двинулся с места: перед ним лежал капрал Ижикович.

«Пусть начальство беспокоится. Здесь мокрогато, но зато удобно... Что еще нужно...» Он чуть приподнял голову, и глаза у него полезли на лоб: из-за куста вынырнули две согнувшиеся фигуры и начали осторожно приближаться к лежащему впереди Васильеву. Когда уже казалось, что они наступят на него, прогремела автоматная очередь. Оба рухнули на землю.

— Ребята, ко мне, — позвал Николай.

Саперы забрали автоматы у убитых немцев. Не найдя в карманах документов, отрезали по погону. Радость переполняла их сердца — поручник Конопка будет доволен.

Теперь первым шагал Ижикович. Чтобы наверстать время, шли напрямик, через болото, и уже были недалеко от берега, когда их накрыла стреляющая вслепую батарея. Снаряды падали густо, вздымая к небу черные фонтаны вонючей грязи. Когда огонь утих, осмотрелись. Их было двое. Чарнокозиньский исчез.

— Павел...

Тишина. Из-под воды с шумом вылетали пузырьки воздуха.

— Павел!

Шум усилился. Где-то совсем рядом зашевелилась гора водорослей. Подбежали. Стали снимать зелень. Сначала освободили голову, потом плечи. Видимо, один из последних взрывов подбросил в воздух целый пласт водорослей, который, как ковер, прикрыл сапера.

— Ну и замаскировался же ты, — восхищенно проговорил Николай.

Вышли на луг. Надергали из стога сена и немного очистили Павла от грязи. Затем снова двинулись вдоль провода и уже без всяких приключений нашли командный пункт батальона.

Приказы

На командном пункте собрались четыре капитана — Кулик, Гжегож Вашкевич (заместитель командира по технической части), начальник штаба Эдвард Вонсовский и даже начальник отдела вооружения из штаба бригады Чеслав Наперальский, прославившийся тем, что, еще сражаясь на далеком Севере в Красной Армии, проник в тыл противника и, подобно Кмицицу, подорвал дальнобойное орудие.

Саперы получили благодарность за исправление линии, а когда сказали о тех двух немцах и показали погоны, один из которых был с серебряным кантом, все оживились. Как выяснилось, убитые были из разведывательной группы, которая прорвалась через линию фронта около Басинува. Часть этой группы была уничтожена гвардейцами 1-го батальона 140-го полка, а часть — взводом автоматчиков из батальона Кулика.

В землянке, спрятавшейся среди колючих кустов терновника, не умолкали разговоры. Отдавались приказы. Входили и выходили все новые люди.

Доложил о своем прибытии фельдшер, которого подполковник Кулаковский прислал с группой солдат для эвакуации раненых.

— Было двое или трое, но они уже отправлены в тыл. Но ты не возвращайся, утром понадобится.

Вошел старший сержант Анджей Верблян.

— Сегодня не первое число, — нелюбезно встретил его Кулик.

— А я не с деньгами, — ответил кассир батальона. — Повар, а ну-ка идите сюда.

В землянку, с трудом пролезая через узкий вход, вошел огромного роста мужчина, толстый и круглолицый. За плечами у него был большой, набитый до отказа рюкзак.

— Старший стрелок Худзик прибыл с провиантом.

Вторым влез Галикевич, тоже повар и тоже с продуктами...

— Где кухни? — спросил капитан Вербляиа.

— Поручник Ржеуцкий прислал меня спросить, куда им подъехать.

— Ваше счастье, Верблян, что вы сюда первым из интендантского отдела пришли. Стружку снимать с вашего начальства буду. Люди до сих пор без еды. Давайте кухни побыстрее в Суху Волю.

Вернулись разведчики. В землянку вошел сержант Томаш Волчаньский. За ним его замполит старший сержант Юзеф Квока.

— У фрицев на кирпичном заводе три «фердинанда». Подойти близко к ним нельзя: перед ними в окопах — пехота.

— Укрепляют свои позиции, окопы роют?

— Да нет. Поставили пару спиралей из колючей проволоки, но проходы есть. Сидят, сволочи, играют на губных гармошках, пьют кофе. Хотите попробовать, гражданин капитан? Дай, Юзек, флягу.

Квока протянул Кулику металлическую фляжку, обтянутую брезентом. Кофе был еще теплый. Связные, посланные в Повислянские роци, не возвращались. Капитан с беспокойством смотрел на часы. Было около двух, когда из своего угла выскочил дежурный связист и подал ему трубку.

— Командир 2-й роты у телефона.

— Флёрек, это ты?! — закричал в трубку Кулик. — Ну и что, черт бы тебя побрал?! Приказ выполнен? Где ты, почему так долго молчал?

Донесения о боевых действиях за вчерашний день были готовы: одно — на польском языке для штаба 1-й армии, а второе — на русском для 8-й гвардейской армии. Начальник IV отдела штаба бригады поручник Владислав Столярчук поехал на командный пункт Чуйкова и вручил пакет командиру бронетанковыми и механизированными войсками 8-й армии.

Матвей Вайнруб быстро прочел донесение, сверкнул темными, как угли, глазами и пристально посмотрел на капитана.

— Посмотрим, как ваши подготовились к наступлению. Поможете мне как переводчик.

Они вместе сели в «виллис». Проехали Тшебень, по ухабистой дороге проскочили в Ленкавицу. Генерал расспрашивал Столярчука о деталях учебного процесса в довоенных польских офицерских училищах. Шофер лихо гнал машину в темноте, будто видел дорогу, как кот. То резко тормозил, то снова прибавлял газ, ловко уклоняясь от взрывов мин на стерне. Остановились на песчаных холмах в непосредственной близости от Повислянских роц. В неглубокой окопе тоже стоял «виллис».

— Чья машина? — спросил Вайнруб.

Шофер стал всматриваться в лицо незнакомого офицера в брезентовой плащ-палатке. Узнав Столярчука, ответил :

— Генерала Межицана.

— А где он?

— Пошел со Светаной на передний край.

— Ну и мы пойдем, — проговорил Вайнруб и повернулся к поручнику.

Шоферы, оставшись одни, присели в окопе, закурили и начали неторопливый разговор.

— На две роты два генерала. Серьезная атака.

— Ну и что же, что две роты? Мы с генералом Межицаном не сидим в штабе. Все время на передовой.

— Мы тоже. А кто этот, Сметана?

— Не Сметана, а Светана. Подпоручник, но уже заместитель командира полка.

— Замполит?

— Нет, по строевой. Генерал любит его. Приказал руководить атакой, чтобы Светана мог показать, на что он способен. У нас в польском войске так. Если человек способный и отважный, то сегодня он — поручник, завтра — капитан, послезавтра — майор, а там уже целым полком командует.

— У нас тоже-

Пока шоферы хвалились друг перед другом, вернулись оба генерала. Шли рядом. Худощавый, стройный Вайнруб и полный, но энергичный Межицан. Они заканчивали разговор, начатый дорогой.

— ...Все полком или по крайней мере двумя танковыми ротами. Я взял бы Студзянки и пошел бы вперед к батальону, окруженному у дороги на Грабноволю. Эти мелкие удары...

— Глазунов осторожен, — ответил Вайнруб, — но это — его достоинство.

Генералы обменялись рукопожатиями, сели в машины, но Матвей Вайнруб жестом остановил шофера, который хотел уже завести мотор.

— Ты когда-нибудь видел, как собаки осаждают кабана? — спросил он Межицана.

— Нет.

— Глазунов применяет точно такую же тактику. Немец упрямо идет на Выгоду, а он

прыгает ему на загривок. Рвет за уши, за бока. Задача ваших рот в Повислянских рощах — тянуть за хвост «тигров» и «пантер». Дай своим приказ, чтоб были осторожнее...

По полевым дорогам из Воли-Горыньской, поднимая облако песка, несется мотоцикл с погашенными фарами.

Ведет его, проклиная про себя своих командиров, связной штаба дивизии унтер-офицер Дингер. С наступлением ночи его направили в штаб 19-й нижнесаксонской танковой дивизии, а когда через несколько часов он, измученный ночной ездой, вернулся обратно, получил приказ найти под Грабноволей 74-й гренадерский полк, сменяющий позиции, и вручить его командиру запечатанный пакет.

Светит луна, но ее почти не видно в клубах дыма. Пыль толстым слоем осела на очках. Здесь не то что в Италии — и дороги другие, и война ожесточенная. В проклятой Польше за каждым кустом могут сидеть партизаны. Перед глазами у Дингера еще стоит березовый крест, под которым похоронен у железнодорожных путей на окраине Едлиньска вместе со многими другими полковник командир 1-го гренадерского полка его дивизии, убитый партизанами. Кладбище растет с каждым днем. Это не то что в Италии...

Внезапно унтер-офицер чувствует, что переднее колесо мотоцикла вязнет в чем-то мягком. Дингер теряет равновесие и падает на землю. Сжимая зубы, вынимает из кобуры пистолет, отползает в сторону и прячется за высокой межей, готовый к обороне. Облегченно вздыхает: вместо окрика «Руки вверх!» он слышит жалобный визг и видит черного пса, который, хромя, бежит по полю. Его охватывает злость и в то же время чувство благодарности судьбе за то, что это всего лишь собака, а не партизан. Позже он так и напишет в своих воспоминаниях.

Последние машины 74-го гренадерского полка 19-й танковой дивизии покидают Грабноволю, когда Дингер подъезжает к деревне с юга. На дороге — бронетранспортеры с минометами, гремят гусеницы танков, а рядом на поле, пытаясь грохотом выстрелов замаскировать перегруппировку, ведет огонь артиллерия.

— Пакет из штаба танковой дивизии «Герман Геринг» подполковнику Дреусу! — кричит связной.

— Он в конце колонны, — отвечает из темноты какой-то гренадер, шагающий рядом со взводом.

— Спасибо, — говорит связной.

— Тебе тоже спасибо, — бросает тот. — Накрал в штаны твой Геринг и тащит нас ночью на большевистскую бойню...

Дингер отдает пакет офицеру в стальном шлеме, берет расписку и несется обратно, думая, где бы устроиться после возвращения в Волю-Горыньску, чтобы спокойно поспать хотя бы часа два. Ночи, проведенной на мотоцикле, достаточно, чтобы свалить с ног любого. Пока он доедет, уже рассветет.

В ночь на 12 августа обе стороны не предпринимали серьезных атак. Теперь на рассвете меняются часовые и дозоры. С грузовиков разгружают снаряды, полевые кухни везут горячую пищу, которая будет и завтраком и обедом: ведь только вечером следующего дня удастся пробраться в передовые части.

Но ни кухни, ни боеприпасы не попадут в 1-й батальон 137-го полка, в единственный батальон, который сражается без отдыха. Снова и снова, десять часов подряд, этот кусочек земли, перепаханный бомбами и снарядами, подвергается атакам то с севера, со стороны

леса, то с юга, от Грабноволи. Перед окопами растет число трупов гренадеров. Но немало убитых и раненых в окопах и защитников, однако батальон удерживает свои позиции, не пытаясь вырваться из окружения: приказ требует драться на месте.

Радист старшина Иван Савченко передал сообщение:

«Батальон удерживает свои позиции. Кончаются боеприпасы. Взяты в плен солдаты из 74-го гренадерского полка. Опасаемся, что на рассвете будет сильная атака. Просим артиллерию дать заградительный огонь по высоте 132,1...»

Савченко прерывает передачу и хватается за автомат, так как между стволами деревьев раздаются очереди.

В Повислянских рощах все готово к атаке. Окопы, отрытые ранее советскими солдатами, теперь заняли 2-я рота хорунжего Гугнацкого, 2-й взвод хорунжего Бойко из 1-й роты, 3-й взвод противотанковых ружей сержанта Гаврича и 2-й взвод станковых пулеметов старшего сержанта Блихарского — всего почти двести человек.

Под деревьями стоят замаскированные танки роты поручника Козинеца, а среди них — советский 46-тонный ИС, который огнем своей мощной 122-мм пушки должен поддержать атаку с места.

Теперь уже никто не думает о том, успеют ли подразделения прибыть вовремя и подготовиться. Все обсуждено и согласовано — сначала артналет, затем, через пять минут, поднимается пехота, у самой деревни ее догонят танки и вместе ударят на Студзянки.

После захвата деревни и перекрестка дорог подразделения должны окопаться и удерживать захваченное.

Оружие проверено, в гранаты вставлены запалы. Телефонная линия, связывающая батальоны с командованием, действует безупречно, и даже капризная рация принимает контрольные сигналы.

И все же беспокойство осталось. Что произойдет, когда небо на востоке посветлеет, когда прозвучит команда и бойцы пойдут по еще темному полю отвоевывать у немцев то, что те захватили пять лет назад. Испугается их враг или срежет пулеметными очередями?

Как называется деревня, что перед нами? Студзянка или Студзянки? В листьях шелестит утренний ветерок, сдувает пепел с углей, и становятся заметными рыжие пятна — остовы сожженных домов. Далековато, черт возьми, а поля голые и ровные, обычные польские поля, такие удобные для пахоты.

И названия обычные — Повислянские рощи, высота Ветряная, Студзянки. Не такие звучные, как крутая, гремющая барабанным боем Сомосьерра. Не такие боевые, словно краткая команда, как Кирхольм. Не такие экзотичные, как Монте-Кассино, звучащее будто слово священника перед алтарем.

«Впрочем, и тех названий раньше никто не знал», — думает подпоручник Владислав Светана. Он сидит на сброшенном с танка запасном баке, жует сладковатый стебель травы. Раньше командиры сидели на барабанах, но времена меняются. Запасной бак не хуже.

В окопе у Гугнацкого — наблюдатель с биноклем, посыльный, связные из шести взводов, телефонисты, Зося Вейде с рацией и санитарка — двадцатилетний старший сержант Зенфира Лепешиньская, представляющая медицинскую службу. Хорунжий горд, что его рота так выросла. В офицерских сапогах, в которых он служил в 33-м пехотном полку, оборонял Ломжу и испытал сентябрьское поражение, он поведет солдат в атаку. На этот раз не только немцев, но и его будут поддерживать танки.

— Вызывает подполковник Кулаковский, — докладывает телефонист.

— Так точно... Так точно, — отвечает Гугнацкий, слегка хмурится и, положив трубку, приказывает связным: — Бегите, ребята, во взводы и скажите, что большой артподготовки не будет. Три выстрела танковой пушки! Я свистну — и двинем. Носы не вешать, справимся. Скажите и сразу же возвращайтесь.

И он ударил себя рукой в грудь в знак того, что говорит правду. В ответ зазвенели Крест Храбрых, Крест за заслуги, медаль «За войну за Независимость» — все недавно вынутые из

тряпочки и почищенные куском фланели.

По неглубоким окопам связные идут к подпоручнику Антонию Парысу и хорунжему Якубу Шнейдеру, к подпоручнику Аркадиушу Розынкеру и хорунжему Густаву Миколайчику. Уверения в том, что справимся и без артиллерии, несут они сорокатрехлетнему хорунжему Александру Бойко — кавалеру ордена «Виртути Милитари», трех Крестов Храбрых и Креста Независимости с мечами. Докладывают о новом сигнале к атаке в пулеметном взводе и взводе противотанковых ружей.

Каждый воспринимает это сообщение по-своему, так как нет на свете двух одинаковых людей, а те, что сидят в окопах у Повислянских роц, сильно отличаются один от другого. Старшему стрелку Грушнику шестнадцать лет, а рядовому Томашу Речко — тридцать шесть. Стрелок Михал Целён окончил два класса, а у старшего сержанта Владислава Лисса — аттестат зрелости. Лисс по профессии — бухгалтер, капрал Эдвард Круль — слесарь, сержант Анджей Рапацкий — рулевой с речного парохода, сержант Стефан Рога — сапожник, рядовой Рыбиньский — крестьянин из Поморья, а первый номер Моця Пень, который вчера не отошел от своего пулемета, — кузнец.

Капрал Пень родом из Ружана на Нареве, хорунжий Ян Колесняк родился в Калише на Просне, капрал Макаревич — в Терещанах на Виленщине, Альфонс Вечорек — в Бельповице в Силезии, Петр Урбан — в Южной Америке, а братья Межвиньские — на Украине под Винниками. Владимир — член большевистской партии; девятнадцатилетний Антоний — комсомолец. До сих пор они не знали иной деревни, кроме колхозной, не видели полей, пересекаемых межами, поэтому говорят с удивлением: «В шахматы можно играть на полях... у нас в Польше».

Слова «у нас в Польше» объединяют этих людей в отделения, взводы и роты. Новая Польша становится реальностью, вырастая на песках Повислянских роц, у деревни с не известным еще никому названием Студзянки, которой они должны овладеть, чтобы передвинуть на километр границу освобожденной родины.

Листья зашелестели громче. Дрогнули верхушки сосен. Угли пепелищ в Студзянках из красных стали вишневыми. Фронт затих. Не стреляют даже беспокойные минометы, даже ракет будто бы не хватило у немцев. Внизу еще темно, но небо за Вислой побледнело, его темно-синий свет сменился голубым.

Солдаты догрызают сухари, так как кухня не пришла. «Может, и лучше, что не пришла, — думает Гугнацкнй. — Поляк злой, когда голодный».

Стрелки часов поручника Светаны показывают 3.40. Владек стучит рукояткой нагана по броне — и танк Козинеца с точностью хорошо отрегулированного механизма посылает с восьмисекундными интервалами три снаряда.

Не успели умолкнуть раскаты разрывов на опушке Повислянских роц, оттуда, где дорога вливается в деревенскую улицу и где стоят две раскидистые вербы, послышался свист. Лихой свист голубятника, которым мальчишки из Ломжи поднимают своих разномастных питомцев. Свист этот летит к лесу, потом возвращается отраженным эхом, и, прежде чем он смолкает, взводы выскакивают из окопов. Пригнувшись, пехотинцы перебегают по стерне.

По пепелищам Студзянок, по немецким окопам методично бьют семь танковых стволов. Выделяется гремящий реже низкий бас советской 122-мм пушки, зло лают из леса две «сорокапятки», сыплют минами четыре минометные роты: польская — со стороны Сухой Воли; советские — от Ленкавицы и из леса, что правее.

Гитлеровцы, прижатые огнем к земле, не отвечают.

Урчат на малых оборотах моторы танков. Хорунжий Шиманьский в перерывах между выстрелами смотрит в перископ, не появится ли ракета над Повислянскими рощами на фоне неба, подернутого дымкой пожаров далекой Варшавы. Заряжающий плютоновый Сова через смотровую щель видит, как с левой стороны появляется цепь солдат Гугнацкого и Бойко. Через броню в танк проникает громкое «Ура-а-а!» атакующей польской пехоты.

Загорается и гаснет ракета, нарастает ритм работы мотора. Передняя часть машины вползает на бруствер окопа. Несколько мгновений в прицел видно небо и верхушку столба дыма над догорающей немецкой самоходкой. Т-34 перекачивается через бруствер и с глухим стоном, как пришпоренный конь, выскакивает на поле.

— Ура-а-а! — кричит круглолицый Сташек Сова, загоня снаряд в ствол.

— Полный газ! — бросает Шиманьский в ларингофон. Они несутся, выжимая из двигателя всю его мощь. Пепелища деревни приближаются наискосок с правой стороны, растут на глазах. У капрала Манцевича чешутся ладони, хочется нажать на спуск, но немцы молчат, поэтому и ему приходится ждать. Может быть, сбежали?

Нет, не сбежали. Как искра, бегущая по бикфордову шнуру, вспыхивают огоньки вдоль бруствера, и Вацек, прижав приклад к плечу, выпускает по этим вспышкам весь магазин. Гренадеры швыряют гранаты, перепрыгивают через изгородь из жердей, но машина уже ломает жерди, со скрежетом вминает в землю пулемет и выскакивает на широкую улицу.

— Справа танк! — кричит Сова.

— Вижу, — отвечает Шиманьский.

Не снижая скорости, они разворачивают башню вправо и бьют четыре раза.

— Как солома, — радуется заряжающий.

— Готов, — говорит хорунжий.

Гренадеры делают короткие перебежки от укрытия к укрытию. Манцевич ловит их фигурки в прицел пулемета. Заметив вспышку из трубы панцерфауста, дает длинную очередь.

Неожиданно все исчезает: с левой стороны — белая часовенка, с правой — груда камней под старой акацией.

— Я двести четырнадцатый, — докладывает Шиманьский. — Достиг перекрестка.

Над камнями — языки пламени. Снаряд замаскированного «тигра», выпущенный с расстояния ста метров, пробивает башню и разбивает замок орудия. Командир танка валится на ящик со снарядами. Рядом с ним со стоном, обливаясь кровью, падает Сова.

Капрал Яковенко подхватывает заряжающего за плечи и вытаскивает через нижний люк.

Другой снаряд попадает в мотор. Из машины вырывается огонь. Манцевич ныряет в люк механика-водителя, рвет кабель и падает на дорогу. Услышав крики приближающихся немцев, вскакивает и бросается к картофельному полю. Однако силы оставляют его. Кровь стекает на лицо, спит. Он стирает ее тыльной стороной немеющей ладони.

«Тигр» стреляет в третий раз по неподвижной машине, но внезапно в клубах дыма на башне появляется человек. Он подтягивается на руках и скатывается по броне на землю. Манцевич замечает выскакивающих из-за акаций немецких парашютистов-десантников в пятнистых комбинезонах, в касках с ветками, вплетенными в сетки. Их не меньше пятнадцати. Они с криками бегут к танку.

С земли с трудом поднимается Янек Шиманьский. Он хватается руками за гусеницу, выпрямляется и, опершись на броню, встает на одной ноге. Разможженная голень левой

ноги заливают кровью обрывки комбинезона.

Немцы в растерянности замедляют шаги.

— Хенде хох!

Хорунжий левой рукой держится за десантную скобу, правую с наганом поднимает. Волосы липкие от пота. Лицо бледное. Один за другим сухо щелкают выстрелы. Ближайший из парашютистов валится навзничь, другой сгибается, зарываясь головой в песок. Остальные с бедра выпускают из автомата длинные очереди. Падает третий немец, а несколько мгновений спустя и командир танка 214 — хорунжий танковых войск Ян Шиманьский.

В машине, срывая башню, взрываются снаряды. Из отверстия валят клубы дыма.

Прямо на группу парашютистов из этого дыма выскакивают поляки.

— Бей швабов! — кричит шестнадцатилетний Грушник. Он срезает очередью двух немцев, но падает и сам, изрешеченный пулями.

Томаш Речко прыгает в середину, бьет прикладом по голове рослого детину. За ним следуют Вацек Гашголд, Целен и Вечорек, оцетинившиеся штыками.

— Ура-а-а!

На перекрестке между часовней и горящим танком разгорается рукопашная схватка.

Стоящий за каменным укрытием «тигр» бессилен. Он не стреляет, чтобы не попасть в своих, и задним ходом отползает к лесу. Его увидели из своих танков Губин и Петкевич. Они развернули пушки, дали по выстрелу в просветы между тополями и, прибавив газу, выскочили вперед. Выдвинувшись восточнее перекрестка, поймали «тигр» на прицел, но, забывшись, увязли на мокром лугу. «Тигр» тем временем успевает скрыться за деревьями.

Вдогонку Губин и Петкевич посылают еще по одному снаряду, для острастки. Затем Петкевич приказывает Годлевскому и Фридману бежать в лес и спилить какое-нибудь дерево. Барылов заменяет заряжающего, а хорунжий засыпает снарядами фольварк, откуда все гуще сыплется пулеметные очереди, все чаще стреляют танки, укрывшиеся в кустах у дороги.

Машина 212 Губина отвечает на огонь со стороны фольварка. Радист танка плутоновый Ян Биль огнем из пулемета прикрывает подходы к мокрому лугу, куда пытаются прорваться вооруженные гранатами гренандеры. Заряжающий Метек Шпихлер, оторвавшись от перископа, докладывает, что из фольварка бегут немцы с панцерфаустами.

Танкистов спасает наступающий на левом фланге взвод хорунжего Бойко. Его солдаты стремительно врываются на лужок, падает за смертью Франек Шинель, ранен Сильванович, но остальные уже у сожженных домов. Очередями сметают гранатометчиков. Сержант Францишек Закравач с несколькими солдатами выбегает на перекресток, где еще идет рукопашная.

— Ура-а-а!

С криками добивают оставшихся в живых парашютистов.

Запыхавшиеся, обливаясь потом, подбегают расчеты противотанковых ружей. Бойко, организуя оборону с восточной стороны, указывает цели. Расчеты ползут попарно, направляют длинные стволы своих ружей в сторону кустов у фольварка.

Первым открывает огонь плутоновый Ян Сурмач — мельник из-под Пшеворска. Он целится в черный силуэт, едва заметный за деревьями. Трижды стреляет, видит вспышки на броне. «Фердинанд» обнаруживает себя выстрелом из пушки. Снаряд разрывается далеко позади, а Сурмач целится теперь туда, где должна быть гусеница, бьет четвертый раз — и покалеченная самоходка исчезает за деревьями.

Хорунжий Гугнацкий со своими людьми уже в деревне. Вправо от перекрестка они нашли неплохой подвал, который немцы прикрыли еще бревнами. Оттуда Гугнацкий руководит боем.

Противник упорно обороняется. Наши пехотинцы овладевают перекрестком и частью деревни по обе стороны дорог (метров триста), но немцы сидят справа в нескольких разрушенных домах. У них явно большой запас панцерфаустов. Они бьют ими, как из орудий. Остановили взвод подпоручника Парыса и не дают ему головы поднять.

На помощь им отправляется плутоновый Павел Кульпа со своим «максимом». Ему знакомо расположение домов в фольварках — отец его был батраком. До войны он не служил в польской армии, зато воевал в рядах Красной Армии под Киевом. Был тоже пулеметчиком. Расчет ползет гуськом, прячась за полусожженными сараями. Пулемет устанавливают за кирпичным фундаментом.

— Тяжело будет, — ворчит плутоновый. Отсюда видно, что позиции немцев представляют собой настоящий узел сопротивления, подготовленный для круговой обороны.

— Павел, — тянет его за рукав заряжающий, — танки на нас идут.

— Действительно, черт подери, — ругается Кульпа, но тут же лицо его светлеет: на башнях танков видны белые орлы.

— Ребята, это наши!

И почти в упор они начали косить гренадеров фланговым огнем, прижимая их к земле.

— Вперед! За Польшу! — кричит подпоручник Парыс.

— Ура! — подхватывает сержант Ян Вашкевич, поднимая цепь на другом фланге.

— Вперед! Ура-а-а! — слышится с другого конца деревни. Там — несколько гвардейцев из 100-го полка с капитаном в лихо сдвинутой набок пилотке.

Немцы, атакованные с двух сторон, находятся под непрерывным обстрелом пулемета с третьей стороны. Они волнами откатываются к окраине деревни. Заметив танки, обходящие их с тыла, фашисты не выдерживают и в панике бегут.

Над лесом, у фольварка поднимается красный диск солнца. В его лучах немцы хорошо видны. Старший стрелок Ян Зинько выстрелами догоняет убегающих и валит их на землю. Ни одному гитлеровцу не удастся достичь леса. С юга из-за деревьев начинают вести огонь несколько немецких ручных пулеметов. Танки 3-й роты, развернувшись, бьют в этом направлении из пулеметов. Гитлеровцы отвечают орудийным огнем, и танки отходят. Кроме танковых пушек огонь ведут немецкие тяжелые минометы. Мина падает на машину Хелина и повреждает мотор: водитель оставил открытыми жалюзи. Хорунжий Попель на машине 138 прикрывает неподвижный танк, маневрирует между ним и немцами, поднимая облака пыли и ведя непрерывный огонь из орудия. Хорунжий Марек на танке 139 подъезжает

вплотную. Его механик, сержант Петр Зарыхта, берет на буксир машину командира роты, и через минуту они скрываются в лесу Парова.

Замполит хорунжего Парыса, девятнадцатилетний сержант Вашкевич, прибегает к Гугнацкому.

— Мы вытеснили швабов из деревни. На правом фланге вошли в контакт с 100-м гвардейским полком.

— Хорошо, сынок, — говорит Флориан. — Получишь вторую медаль.

Первую, серебряную медаль «Заслуженным на поле славы» Янек, бывший тогда рядовым 2-го пехотного полка, получил за битву под Ленино.

Командир роты смотрит, как худой, невысокий юноша бегом возвращается к своим, затем берет из рук телефониста трубку и докладывает о взятии Студзянок.

— Противник не контратакует?

— Никак нет. — Хорунжий вытягивается, узнав голос Межицана. Генерал находится на командном пункте батальона.

— Не контратакует? — В голосе генерала слышится что-то вроде неудовольствия. — Ну хорошо, а что тебе больше всего мешает?

— Кирпичный завод. Оттуда ведут огонь с тыла по левому флангу.

— Поможем. Держись, «Старик».

«Похоже, командование хочет, чтобы я отвел на себя швабов, — делает невеселый вывод Гугнацкий, но ему приятно, что генерал назвал его по-дружески: «Старик». — Значит, доволен, что мы сидим в Студзянках».

Обещанная помощь не особенно значительна. В бинокль видно, что минометы батальона начали обстреливать кирпичный завод, однако пяти стволов небольшого калибра слишком мало для такой крепости. Советская артиллерия усиливает огонь, но ее снаряды идут выше Студзянок, рвутся над лесом, километрах в полутора южнее деревни. Видимо, там — более важные цели...

Солнце уже оторвалось от горизонта. Начало припекать. На всем участке роты стрельба постепенно усиливается. Хорошо, что заботливый старшина роты старший сержант Трояновский подвез на танке Козинеца целую гору ящиков с боеприпасами, так что о патронах можно не беспокоиться.

На западном конце деревни начинают рваться снаряды. Трояновский выбегает. Вернувшись в землянку, докладывает, что на студзянковской поляне, на опушке леса, у высоты 132,7 ведут огонь два танка и слышен шум моторов. Наверное, немцы готовятся к атаке.

Из леса Парова за огнем гитлеровских машин наблюдает подпоручник Хелин. Его танки уже укрылись в окопах, так что над брустверами возвышаются только башни.

На проселочной дороге нарастает рев моторов. Уже видны силуэты немецких танков. Хелин прильнул к прицелу. В момент, когда днище «тигра», защищенное всего лишь трехсантиметровой броней, поднимается над бруствером, Хелин посылает снаряд. Бьют пушки всех четырех танков 3-й роты. Советская батарея полевых орудий вторит им залпами. Над студзянковской поляной с воем перекрещиваются траектории десятков снарядов. На высоте 132,7 вырастают два клубящихся столба дыма, похожих на два больших дерева.

— Не двигаются, — докладывает Трояновский. — С другой стороны поляны по ним

бьют не менее десяти орудий, а станковые пулеметы Блихарского поливают огнем с флангов.

— Один «максим» передвинуть влево от перекрестка, к той куче камней, — приказывает командир роты.

Он угадал: из леса между фольварком и дорогой на Грабноволу начинается контратака. Немцы стреляют на ходу, кричат. Рукава закатаны до локтя, мундиры расстегнуты на груди. Наши почему-то не отвечают, но Гугнацкий спокоен — на левом фланге хозяйничает опытный вояка, хорунжий Бойко.

Гренадеры ускоряют бег, орут, но внезапно из всех стволов на них обрушивается огонь, летят гранаты. Гитлеровцы залегают, но не отходят. Бойко дает сигнал ракетой. На их фланге строчат два ручных пулемета, замаскированных в лесном клине. Очереди косят фашистов.

Стрельба утихла. Только в том лесном клине, который с юга подходит вод самые Студзянки, трещат автоматные очереди. Взвод 1-й роты выбил из него немцев сразу же после овладения перекрестком и теперь не отступает. Туда бежит хорунжий Миколайчик, за ним — расчет со станковый пулеметом. Надо усилить перекрестный огонь.

Через четверть часа немцы накрывают минами часть деревни восточнее перекрестка и снова бросаются в контратаку. На этот раз их больше. Цепь движется двумя волнами. Огонь их не останавливает. Несколько человек врываются на деревенскую улицу, завязывается рукопашная. Поляки наотмашь рубят саперными лопатами, как лесорубы топорами, немцы пускают в ход штыки. Однако, когда «максим» Густава Миколайчика скошил очередями вторую цепь, нервы у grenадеров не выдержали — гитлеровцы побежали в сторону фольварка.

На поле перед деревней осталось много трупов. В наших окопах — тоже убитые и раненые. Сержант Лепешиньская бежит на помощь.

Снова по деревне бьют минометы. На этот раз огонь усилился. Заговорила дивизионная артиллерия и батарея «стопяток». Пыль стоит столбом. Она лезет в нос, оседает на лицах бойцов. Провода перебиты, телефоны не работают.

В пять утра в наушниках Зоей Вейде раздается густой баритон Межицана.

— Дай-ка мне «Старика».

— Слушаю, — говорит в микрофон Гугнацкий.

— Противник контратакует?

— С юга, из леса. Два раза. Отбили. Третья контратака с высоты 132,7 сорвана огнем танков в артиллерии. Сильный орудийный и минометный огонь.

— Поникаю. Отлично. Оставайтесь на приеме. Конец.

Слышен треск выключателя.

Немцы не прекращают обстрела. Снаряды рвутся по всей деревне. Широкая дорога обезображена воронками. Высоко в небо взлетают горящие головешки. Дым смешивается с пылью. Огонь пожирает все на своем пути. Торчат одни лишь печные трубы.

Потеря деревни

Годлевский и Фридман притащили из леса в деревню только что срубленный ствол. Привязали его к гусеницам. Машина Петкевича сначала сама выбралась на твердый грунт, а затем вытащила танк Губина. Оба отошли немного в сторону и встали под толстые старые деревья. Экипажи были еще заняты оборудованием новой позиции, когда к ним прибежал поручник Козинец.

— Где у вас глаза? — спросил он и показал на опушку леса, до которой было около полкилометра. — Танки!

Ветер раскачивал верхушки деревьев. Замаскированные машины были почти незаметны среди стволов.

— Нужно их опередить, пока есть время.

Они дали по несколько выстрелов. Петкевич высунулся из башни и стал смотреть в бинокль. Где-то совсем рядом разорвался снаряд. Годлевский услышал крик командира роты.

— Бинт и воды!

С термосом в руках он выскочил через передний люк и вместе с Козинцем снял с башни неподвижное тело Олека Петкевича. Осколок перебил ему горло. Кровь била сильной струей. Ваня Барылов разорвал рубашку на полосы и стал пытаться сделать перевязку. Годлевский стоял с термосом в руках. Внезапно в глазах у него потемнело, и он сел на землю.

— Ранен?

— Нет.

— Расстегни мундир, — приказал поручник.

Спина у радиста была в крови. Козинец перевязал его и спросил:

— Помнишь, откуда мы выехали? Иди туда, здесь от тебя пользы не будет.

Капрал встал и, пошатываясь, поплелся. У леса встретил Манцевича. Тот шел с трудом. Тяжело дыша, присели в канаве под вербой. Манцевич рассказал, как погиб Шиманьский. Бинты пропитались кровью. Все вокруг плыло, как в тумане.

— Пошли.

— Давай подождем остальных.

— Они не идут. Бегут.

По полю, подпрыгивая, бежал солдат без каски, без винтовки. А потом совсем близко от них пролетели сломя голову еще двое. Раскрытые рты. Безумные глаза. Тяжелое дыхание. Танкисты обменялись понимающими взглядами: это были не раненые.

Пехотинцы мотопехотного батальона выдержали в Студзянках двадцатиминутный налет минометов и орудий, но, когда из леса появились танки и повели парашютистов в четвертую атаку, несколько солдат из последнего пополнения, охваченные страхом перед смертью, побежали, бросив оружие.

Гнаться за ними и возвращать было некому. Вся линия вела непрерывный огонь: сухо щелкали выстрелы противотанковых ружей, захлебывались пулеметы. Во время переброски «максима» па новую позицию пуля свалила с ног командира пулеметного взвода 2-й роты хорунжего Миколайчика. В рукопашной схватке с гренадерами, возвратившимися в деревню, погибли тридцатилетний рядовой Томаш Речко и автоматчик Фолик Кишуль. Обливаясь кровью, упал сержант Францишек Закравач из 1-й роты. Осколки гранаты изуродовали ногу

старшему сержанту Лиссу. Лежавший рядом варшавянин капрал Шлёма Фельдман стрелял из противотанкового ружья до последнего: разбил гусеницу «тигра» и погиб, прошитый автоматной очередью. Той же очередью был ранен плутоновый Кобылянский. Исход боя решил подпоручник Светлана: он направил на левый фланг танк хорунжего Нестерука, сам занял место убитого Олека Петкевича и вместе с машиной 212 Губина огнем из трех стволов час заставил гитлеровские танки отступить.

Отступили и гренадеры. Хорунжий Бойко ударил с группой автоматчиков, чтобы захватить лесной клин, подходящий к перекрестку, но на этот раз вынужден был отступить, потеряв рядового Яна Блащикевича и унося двух раненых. Его и самого задела пуля, однако Бойко остался в строю.

Бой затих минут на пятнадцать. Хорунжий Гугнацкий успел отправить в тыл Лепешинскую с группой легкораненых. Танк с тяжелоранеными на броне благополучно добрался до Повислянских роц. Но не успела Зося Вейде установить связь с командным пунктом батальона, как на них снова обрушился ураганный огонь. Он бушевал ровно пять минут, потом внезапно затих, а от фольварка и из леса с ревом потянулись танки — пять, семь, одиннадцать...

За первым эшелонем шел второй, ведя огонь из пушек и пулеметов. Пули, словно когти хищника, разрывали дорн, поднимали пыль па дороге. С брони танков из-за башен прыгивали десантные группы гренадеров.

Этот удар буквально нокаутировал наши шесть взводов, отбросив их из деревни. Под гусеницами танка погибли у своего противотанкового ружья капрал Ян Сурмач и его заряжающий Михал Овсяньский. Пули вырвали из рядов бронбойщиков капрала Владислава Захаряха, старших стрелков Стшалковского и Росоловского. Защищая перекресток дорог, погиб кавалер ордена Виртути Милитари, трех Крестов Храбрых, довоенный сержант-сверхсрочник, хорунжий народного войска Александр Бойко. Разорвавшийся рядом снаряд контузил замполита роты противотанковых ружей хорунжего Яна Колесняка. Погиб рядовой Юзеф Чарнецкий, ранены девятнадцатилетний Целён, капрал Эдвард Круль, Рыбиньский из поморского городка Рыбно, старший из братьев Межвиньских — Влодзимеж, капрал Бронислав Лянг, плутоновый Ян Петрович и Петр Урбан, родившийся в Южной Америке. Подпоручника Парыса с перебитыми ногами солдаты несли на плащ-палатке.

Немецкое командование после трех неудачных контратак решило побыстрее завершить дело. Пока противник находился в Студзянках, не могло быть и речи об атаке в северо-восточном направлении. Батальон 74-го гренадерского полка и две роты 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии — вся боевая группа, стянутая из Мариамполя для удара на Выгоду, — остановились и изменили направление наступления. Тридцать танков взяли на броню десант гренадеров и двинулись на Студзянки. Под тяжестью этого удара лопнули нити управления, оборона перестала существовать. Часть солдат бросилась бежать, отступление превратилось в паническое бегство.

Три танка 1-й роты 2-го полка, несколько «максимов» и противотанковых ружей, группы стрелков, не потерявшие своих командиров, две или три минуты сдерживали противника на линии деревни. Остальные три Т-34, отойдя к Повислянским роцям, открыли огонь из окопов. Вели огонь советские бронбойщики, с фланга стреляли четыре танка подпоручника Хелина.

Выделяющаяся длиной своей пушки «пантера», которая первой проскочила перекресток и, гонясь за польскими танками, подошла к деревне, была подбита 122-мм снарядом

советского ИС и вспыхнула ярким пламенем.

Под этим прикрытием Гугнацкий, Гаврыч и Блихарский отступала с оставшимися солдатами. Поспешно отходили и три танка под командованием подпоручника Светаны. Они были уже метрах в пятидесяти от исходных позиций, с которых на рассвете начинали атаку, когда «фердинанд» со стороны кирпичного завода сорвал гусеницу у танка хорунжего Нестерука. Машина съехала с траков, пошла с разгона влево и свалилась в воронку от бомбы. Не успел экипаж выскочить из машины, как второй снаряд попал в ее правый борт, а два других пробиты башню. Из открытых люков повалил густой дым.

«Осталось только пять», — подумал Светана. Он выглянул из танка, чтобы сориентироваться в обстановке, и зло выругался: с северо-запада приближались три шестерки самолетов. По двойному излому крыльев и шасси, что торчали, как лапы коршунов, он опознал немецкие пикирующие бомбардировщики. Стоящий в окопе танк они могли уничтожить только прямым попаданием, но для пехоты, застигнутой в поле, пехоты, которая только что перенесла ураганный огонь и отступает, появление пикировщиков означало смертный приговор.

Слыша, как свист воздуха, разрезаемого крыльями самолетов, заглушает вой двигателей, Светана захлопнул люк, припал к перископу, и сердце его радостно забило. «Юнкерсы» один за другим сыпали бомбы на Студзянки. К небу поднялись облака пыли. Летчики прошивали их красными стрелами ракет, стреляя по своим танкам. С земли подавали опознавательные сигналы, но разноцветные огоньки тонули в дыму. Летчиков ослепляло солнце, низко висящее над горизонтом на востоке.

Подпоручник Светана на танке 213 занял позицию там, где перед утренней атакой стояла машина Янека Шиманьского, — в выдвинутом вперед леске. Здесь же находились два советских расчета 45-мм орудий. Отсюда можно было наблюдать за передвижением немцев в деревне.

Было уже половина десятого, когда прибежал капрал Гош и принес листок от Козинеца. На нем было нацарапано несколько слов: «Хозяин спрашивает по радио, намерены ли фрицы атаковать. Если нет, приказывает провести разведку боем. Что делать?»

Владек нахмурился. Ведь в Студзянках и в лесу за деревней у немцев около тридцати танков. Без потерь такая демонстрация не обойдется. Начал писать на обороте записки: «Приказ есть приказ. Я пойду на №213 и...»

— Фрицы пошли, — доложил ему заряжающий.

— Возвращайся, Мариан, галопом. Ответ не нужен, — приказал Светана Гошу и, захлопнув люк, прильнул к перископу.

Немецкие танки двинулись на наш правый фланг. Шли под прикрытием садов. Были видны только клубы пыли да сверкали на солнце отполированные землей гусеницы. Машинально пересчитал — шесть или семь.

«Тигр» свалил яблоню, выполз из сада и свернул, чтобы укрыться за трубой. Светана нажал на рычаг спуска. Пушка дернулась назад. Из ствола выпала гильза. Вдыхая резкий пороховой запах, Владек увидел, как по вражеской броне пробежал голубой огонек. «Тигр» остановился, крышка люка отскочила, из танка выпрыгнул сначала один, а потом и второй немец — оба в темных комбинезонах.

— Осколочным!

Владек выстрелил вслед бегущему экипажу из пулемета, а сам уже видел следующую

машину, появившуюся из-за деревьев.

— Бронебойным!

Подпоручник заметил, что снаряд сорвал крылья и отскочил рикошетом. «Тигр» несся полным ходом. Капрал Фридман выдергивал снаряд из тесных зажимов. Шли секунды. На броне танков Светана увидел десант гренадеров. Нашим автоматчикам было далеко, но противотанковые ружья и пулеметы уже стреляли. Били также орудия всех окопавшихся танков.

Немецкие машины сбавили скорость, обошли неподвижный «тигр» и спрятались за руинами. Один все-таки выскочил в поле и мчался, ни на что не обращая внимания.

— Готово, — послышалось в наушниках одновременно со щелчком оружейного замка. Разогнавшийся танк все время держали на прицеле, а сейчас дали поправку на опережение и выстрелили. Попадание! «Тигр» прошел по инерции еще несколько метров и остановился неподалеку от леска. Открылся люк, но какое-то время никто не вылезал.

— Механик, вперед! — скомандовал Светана. — К этому ящику.

Взревел мотор. Ваня Барылов прибавил газ. Подошли к неподвижному танку. Огромная машина «тигра», как щит, прикрывала их от снарядов. Светана выпрыгнул с пистолетом в руке, одним прыжком перескочил на броню «тигра» и вытащил за воротник раненого немецкого командира. Подбежавшим советским пехотинцам Светана передал двух других членов экипажа, оглушенных попаданием.

— Давай обратно!

Команда оказалась очень своевременной, так как немцы сосредоточили на них огонь и машина начала дымиться под ударами снарядов. Под прикрытием этого дыма танкисты вернулись в окоп.

Говорить с пленным даже не стали, не было времени. Гитлеровцы теперь маневрировали, ведя огонь из-за деревни, и нужно было внимательно следить за ними. Взятый в плен унтер-офицер сидел в танке тихо и покорно, уверенный, что близок конец. Его взяли солдаты Гугнацкого, пообещав доставить в штаб бригады целым и невредимым.

Из леса южнее Студзянок ударили тяжелые минометы, загнав пехоту в окопы, а танкистов — в машины. Прислушиваясь к свисту крупных, как поросята, мин, танкисты сидели, обливаясь потом, считая взрывы и ожидая новой атаки гитлеровцев. Осколки стучали по башням, срезали ветки деревьев.

На рассвете 11 августа линия фронта в лесу Остшень имела странную форму: на правом фланге 142-го полка гитлеровцы остановились в 500 метрах от перекрестка дорог в Выгоде, проникли на западные склоны холмов в районе высоты 112,2 и, натолкнувшись на сильный узел обороны вокруг командных пунктов майора Горшанова и командира 1-го танкового полка подполковника Чайникова, были остановлены. Южнее линия окопов круто поворачивала к западу вдоль северного края лесных участков 111 и 112, где укрепились батальоны старших лейтенантов Ишкова и Илларионова, упорно оборонявшие этот узкий перешеек, окруженный с трех сторон.

Последняя атака противника началась вчера в 15.00, а прекратилась, когда на западном фланге прорыва 137-й гвардейский стрелковый полк захватил Студзянки и его 1-й батальон, продвигаясь по обе стороны дороги на Грабноволу, приблизился к южной опушке леса Ленги. Введенная сегодня гитлеровцами в район прорыва боевая группа 19-й танковой дивизии не могла атаковать Выгоду: ее главные силы были связаны боем за Студзянки, которыми овладели группа Светаны и роты Гугнацкого и Козинеца. Тактика «тянуть кота за хвост» принесла ожидаемый результат.

И именно теперь, когда поступили первые донесения, что гитлеровцы начали атаку на Повислянские рощи, генерал Глазунов приказал командиру 140-го полка нанести удар.

Более ста артиллерийских стволов начали артподготовку, накрыв огнем немецкие позиции в лесу Остшень. 1-й и 2-й батальоны полка майора Галанина, миновав высоту 112,2, прошли через боевые порядки обескровленных в боях рот капитана Ткалунова и выдвинулись вперед. Когда через двадцать минут артиллерия перенесла огонь далее к западу, на поляны и перекрестки дорог, гвардейцы нанесли удар.

Их удар не был эффективным, он напоминал не вчерашнюю удалую атаку 37-го полка, а, скорее, разрушение ломом прочной кирпичной стены.

Сначала наибольшего успеха гвардейцы достигли на правом фланге: дорогу им пробивала артиллерия, расположившаяся на восточной окраине Басинува.

Солнце было в зените, когда гвардейцы вышли к высоте в 150 метрах от лесной сторожки. Здесь их встретил сильный огонь окопавшихся «фердинандов» и пулеметов. С трудом отразив контратаку гренадеров, гвардейцы были вынуждены перейти к обороне.

Левый фланг постепенно выравнивал фронт и, охватывая сторожку, медленно продвигался вперед. Около часу дня продвижение было остановлено контратаками, носившими особенно ожесточенный характер на лесном участке 102.

Из глубины леса по просеке на большой скорости выскакивал «тигр», обстреливая осколочными снарядами пехоту и быстро отходил. Через несколько минут на его место выползал другой, стрелял и тоже отходил. Взятый в плен унтер-офицер показал, что неподалеку находится командный пункт гренадерского батальона.

Гвардейцы вызвали на помощь танки. Пришли три машины. Услышав шум двигателей и треск ломаемых ветвей, немцы начали бить по лесу минами и снарядами и перестали стрелять, только когда танки остановились. Их хотели сразу же бросить в атаку, но капитан Тюфяков, сориентировавшись в обстановке, заявил:

— На верную гибель машины не пуцу! Здесь не силой, а хитростью надо. Полчаса подождать можете?

Командир советского батальона согласился и добавил:

— Но если хитрость не поможет, через тридцать минут трогаемся.

Виктор не ответил. Он приказал экипажу обмотать тряпками ролики, поддерживающие гусеницы, чтобы не стучали. Осёвый, который сменил смертельно уставшего механика, забинтованными ладонями взялся за рычаги управления. Виктор, босой, с непокрытой головой, с закатанными рукавами комбинезона, стоял, опершись на броню, и крутил в пальцах веточку вереска, покрытую фиолетовыми цветами. Он так внимательно ее рассматривал, будто его ничто другое не интересовало. На просеке заурчал «тигр», гремя траками гусениц. «Цыган», кивнув Осёвому, двинулся вперед, а за ним его Т-34, совсем как зверь, огромный, но послушный. Забрались в густой молодняк. С боков машины пристроились советские автоматчики. Когда немецкий танк, сделав несколько выстрелов, включил задний ход, Виктор остановился и снова начал разглядывать ветку вереска.

Повторив этот маневр, Т-34 приблизился к немецким позициям. Машина спрятала правый борт за корнями сваленной сосны. Капитан подозвал одного из автоматчиков.

— Скажите командиру батальона, что, как только я пушу в вашу сторону зеленую ракету, мы трогаем.

Потом взобрался на броню и закрыл люк.

Командир 2-го батальона смотрел в бинокль. «Тигр» снова, пожалуй уже в пятнадцатый раз, шел по просеке. Уверенный в прочности своей брони, он швырял снаряды по советским позициям, сыпал пулеметными очередями.

76-мм снаряд, выпущенный с расстояния 100 метров, попал в середину левого борта «тигра», пробил броню и разнес баки. Огромный танк запыхал факелом. Другая машина бросилась ему на помощь, чтобы спасти экипаж, выпрыгивавший из люков, но ее постигла такая же участь.

Над густыми кустами орешника взвилась зеленая ракета, мелькнула между стволами сосен и упала в папоротник.

— Вперед!

Двинулась пехота, за нею — польские танки с десантом. Не выдержав внезапного удара, гренадеры отошли.

Тюфяков, не дожидаясь остальных машин, ваял своих автоматчиков на броню. Заросли расступались перед танком, как тростник перед носом лодки. Раздавлив плоскую крышу деревянного бункера, машина неожиданно выехала на опушку маленькой поляны.

Под высокими, в рост человека, кустами орешника стоял в окопе бронетранспортер, а чуть дальше — мерседес, размалеванный маскировочными пятнами. Над бронетранспортером, рядом со счетверенной установкой 20-мм пушек, торчало знамя со свастикой. Несколько солдат в касках сидели на борту. Один срывал большие черные ягоды с кустов и показывал другим. Из-за шума недалекого боя немцы не услышали приближения танка.

— Петр, полный газ! — бросил Тюфяков.

Автоматчики, скрытые башней, открыли огонь. Радист сержант Врублевский нажал на спусковой крючок «Дегтярева». Танк взревел. Гренадеры, увидев танк, исчезли за стальными бортами своей машины. Один лихорадочно пытался развернуть пушку. Транспортёр, пятясь, пополз из окопа.

Танк навалился на бронетранспортер и снял радиатор. Виктор спрыгнул с башни прямо на землю, выстрелом из нагана свалил убегающего знаменосца и вырвал древко. На

металлическом кольце готическими буквами было вырезано: «1-й батальон 2-го гренадерского полка танковой дивизии «Герман Геринг».

Рассыпавшись по поляне, автоматчики брали немцев в плен. Среди них — штабные офицеры из мерседеса. Врублевский и Лицкевич, который заменил раненного в ногу Величко, доставали из смятого бронетранспортера итальянские консервы и уцелевшие бутылки с ромом.

— Эх, Пётрек, сколько добра перебил, — с упреком сказал радист Осёвому.

Лесной участок 102 примыкает к участку 111 с севера. Как только наступающие выровняли линию с правым флангом 2-го батальона 142-го полка и клин исчез, Горшанов бросил в атаку свой 1-й батальон.

Решительным штыковым ударом немецкая оборона была прорвана, и бойцы вышли на участок 110. Они шли по следам вчерашней атаки штурмовой группы старшего лейтенанта Ишкова, в которой были и польские автоматчики под командованием Эмиля Гайды. Батальон Ткалунова овладел участком глубиной около 400 метров, вбил клин в горло немецкого прорыва. Батальон находился на середине большой поляны, когда на них двинулись немецкие танки и заставили отойти.

Отступая, группа советских солдат наткнулась на окоп, в котором, уронив голову на рукоятки пулемета, согнувшись, лежал польский сержант. Рядом с ним — капрал с пробитой головой, а немного дальше лежало тело рядового, прикрытое плащ-палаткой. Разбросанные вокруг трупы гренадеров свидетельствовали, что эта тройка долго оборонялась. На сосновом суку висел, как знамя, побуревший от крови бинт.

Автоматчики решили взять не только оружие, но и документы погибших, чтобы отдать их в штаб. Пусть хотя бы после смерти герои получают ордена, пусть их матерям будет утешение. Но документов при них не оказалось. У сержанта едва билось сердце. Санитары положили раненого на носилки.

— Может, и выживет, но ходить не будет, — сказал один из них, осмотрев посиневшие, опухшие ноги раненого.

На западной окраине участка 111 в хорошо оборудованных окопах, вырытых солдатами Ишкова, 1-й батальон занял оборону, а гитлеровцы, встретив сопротивление, отказались от новых атак. Несколько севернее 2-й батальон 140-го полка метр за метром снова начал продвигаться.

В 17.00, после семи часов непрерывного боя, оттеснив противника на расстояние полутора километров от Выгоды, оба батальона 140-го стрелкового гвардейского полка перешли к обороне.

Фланговый удар с запада

Можно было бы сказать, что после неудачной атаки на Повисляньские рощи немцы и в Студзянках около 10.30 также перешли к обороне. Однако такая оценка положения ввела бы нас в заблуждение. На самом деле происходила перегруппировка сил, продолжалась ожесточенная артиллерийская дуэль, танки с обеих сторон фронта без усталости охотились друг за другом. Проходил час за часом, а немцы все не могли организовать атаки на наши позиции. Заслуга в этом принадлежит замечательной советской артиллерии. В каком-то полку 122-мм гаубиц, названия которого до сих пор не удалось установить, наблюдатели укрылись на высоких деревьях и оттуда как на ладони видели немецкие позиции, что позволило вести необыкновенно точный и умелый обстрел, перенося огонь с места на место, не давая немцам сосредоточиться.

В особенно невыгодном положении оказались немцы на западной окраине деревни. С севера на расстоянии 300 метров раскинулся безымянный квадратный лесок, из которого их обстреливали противотанковые орудия, бронебойщики и танк, а с юга, лесом Парова, на дистанции 200 метров подходили машины 3-й роты 1-го полка.

Точнее, машин было две: у танка 132 Ахирона было повреждено орудие, а танк 137 Хелина после поломки мотора мог вести огонь только с места, исправными оказались только машины Попеля и Марека. От роты осталось только название. Я это подчеркиваю, так как часто авторы смело оперируют названиями и мы с удивлением читаем о полке, который заставляет отступать дивизию, хотя на самом деле эта дивизия имеет численность батальона.

Возможно, гитлеровцы в конце концов уничтожили наблюдательные пункты советского гаубичного артиллерийского полка, а может быть, попросту артиллеристы получили новый приказ. Так или иначе, в 14.00 их огонь прекратился, а в 15.00 лес Парова атаковали две роты grenадеров, поддержанные четырьмя самоходками.

Обстановка внезапно усложнилась. Чтобы прикрыть танки Хелина, прибыл малочисленный взвод гвардейцев из 100-го полка. Разгорелся ближний бой, на броне танков рвались ручные гранаты. Уже не оставалось сомнений, что очень скоро придется сжечь неподвижный танк и отдать немцам западный край студзянковой поляны. Но в самый критический момент пришла неожиданная помощь — с севера, от Ленкавицы, стреляя на ходу, по опушке леса двигались восемь танков 2-й роты 2-го полка.

Немцы, потеряв две самоходки, бронетранспортер, несколько пулеметов и десятка полтора убитыми, отступили в деревню. За ними погнались машины Попеля и Марека с десантом советских пехотинцев. Они достигли первых домов, поливая немцев огнем из автоматов и пулеметов, затем отступили на исходные позиции, но grenадеры уже не рискнули полезть вперед. Западная окраина деревни стала ничейной территорией.

Описывая боевые действия спустя много лет, мы имеем тенденцию упорядочивать события, чтобы читатель по возможности яснее представил обстановку. Но в то же время мы не в состоянии передать тот неизбежный в бою хаос, замешательство, ту нервозность и человеческий страх, который усилием воли превращается в решимость. Но лучше всего иногда могут сказать правду документы — не только те, что написаны в штабах, но и те, что поспешно нацарапаны карандашом на переднем крае. К сожалению, такие документы чаще всего гибнут.

Один из них случайно сохранился. С танками 2-й роты прибыл офицер связи из штаба

бригады и потребовал у Хелина донесение.

— Напиши ему, Сташек, —попросил командир 3-й роты своего заместителя. — Я должен проверить машины.

Дротлев устроился в яме, выкопанной под танком, — там его не могли достать осколки мин, рвавшие вокруг, — и написал то, что было на сердце.

«Дротлев — Межицану.

Танки подпоручника Хелипа и хорунжего Марека занимают оборону на опушке южн. (должно быть: юго-западнее.— *Авт.*) Студзянок. Танк Хелина подбит, поврежден мотор. Танки действуют как огневые точки, уничтожили пулеметную точку пр-ка и отбили атаку двух танков пр-ка, из кот. (орых) один подбит. Технической помощи не имеем, помпотех и регулировщик ранены и отправлены в госпиталь. Имеем четыре некомплектных экипажа, нет башмана (т. е. башенного, заряжающего и пулеметчика. — *Авт.*). Танк ппор. Ахирона — без крышки люка в башне, сорван спусковой механизм у орудия. Нет боеприпасов. Танки 137 Хелина и 139 Марека имеют около 50%, танки 132 Ахирона и 138 Попеля — по 75% снарядов. Имею сведения о 6 раненых подофицерах и 3 офицерах. 5 офицеров и 15 подофицеров пропали без вести или погибли в огне. 6 танков сгорели или взорвались.

В момент, когда я пишу донесение, немцы наступают из р-на Студзянки. Активно действует авиация пр-ка. Подошла 2 рота 2 тп., 8 танков вступили в бой. Более точных данных нет. Настроение у солдат моей роты хорошее, несмотря на столь большие потери. Танки 1 тр. и 2 тр. 2 тп. пользуются радиосвязью и работают на прием, находясь в обороне.

Кроме экипажей имею в своем распоряжении четырех связных из штабной роты, из которых двое — при мне для связи со штабом и двое — при Хелине для связи со мной.

Офицеры и солдаты сражаются храбро, и если гибнут, то гибнут, как настоящие поляки, высоко неся звание польского солдата.

Более подробных данных об обстановке не имею.

12.8. 16.30 Дротлев».

Взвесьте не умом, а сердцем эти слова о чести польского солдата, написанные не в кабинете, а в окопе под танком, на поле боя.

В 17.00, за два часа до захода солнца, положение дивизии «Герман Геринг» в районе прорыва значительно ухудшилось. Несмотря на введение в бой передислоцированной на Мариамполя боевой группы нижнесаксонской дивизии генерала Кельнера, гитлеровцы были отброшены от Выгоды, а западнее Студзянок охвачены стальным полукольцом: в лесу Парова все еще находились четыре машины 3-й роты 1-го полка, рота Жилиева тремя танками оседлала дорогу на Папротню, а пять расставила по опушке леса севернее дороги. Далее на северо-восток шли позиции обороны мотопехотного батальона, усиленные в Повислянских роцах советским ИС и шестью машинами роты Козинеца. За ними до Басинува располагалась еще не тронутая 3-я рота 2-го танкового полка.

Немцы отказались от безуспешных атак внутри клина. Они продолжали непрерывно нажимать на окруженный батальон 137-го полка и начали перегруппировывать часть сил на

свой правый фланг, обстреливая все более интенсивно линию обороны советских войск от высоты 119,0 до Радомки. Уже в 18.00 крупные силы пехоты при поддержке танков атаковали Гроблю на лесном участке 111.

В это самое время с левого фланга 102-го полка двинулись в атаку 2-й и 3-й батальоны 137-го гвардейского полка, чтобы помочь своим товарищам, окруженным более суток.

Молниеносный, осуществленный без артиллерийской подготовки удар застал немцев врасплох. 3-й батальон, несмотря на ранение командира майора Лебедея, за четверть часа овладел четырехсотметровым участком, достиг дороги на Грабноволю у опушки леса. 2-й батальон, нанося удар вдоль этой дороги в северном направлении, приблизился к Студзянкам на 500 метров. Однако там ему не удалось удержаться. Из деревни и с фольварка бросились в контратаку пехота и танки гитлеровцев. Батальон был отброшен к югу. Поддержанный батареей 45-мм орудий, он окопался и остановил противника.

Бои были тяжелые и кровопролитные. 137-й полк потерял в этот день 60 человек убитыми и 180 ранеными. Однако захваченная им территория в лесу Ленги, как серп, врезалась с запада в основание клина, удерживаемого дивизией «Герман Геринг». Основание клина в результате сузилось до 1800 метров.

Немцы развивали активность на правом фланге. Несмотря на потерю двух тяжелых танков, транспортера и двух 75-мм орудий, они упорно лезли на позиции батальона Ишкова, а с 18.30 начали атаковать 174-й полк севернее Ходкува. Атаки на самом берегу Радомки не прекращались до вечера.

Рассчитывая, что атаки на лесной участок 111 и под Ходкувом отвлекли советские резервы на фланги, они нанесли около 20.00 удар в направлении Разъезда, на стыке 142-го и 170-го полков. Однако они наткнулись на минное поле и не выдержали огня прямой наводкой, который открыли окопавшиеся Т-34 и артиллерия. С высоты 112,2 на помощь прибыли танки штаба и разведки 1-го полка.

После часового боя, поняв, что атака не удалась, командование дивизии «Герман Геринг» отдало приказ отойти на исходные позиции. Еще некоторое время лаяли минометы, гремели выстрелы отдельных пушек, а потом все стихло. Опустилась ночь. Изредка тишину нарушал стрекот пулеметных очередей.

Клещи (13 августа)

— Гражданин генерал, заместитель командира 2-го танкового полка подпоручник Светлана прибыл.

Межицан один. Он сидит без сапог, в расстегнутой рубашке и похож сейчас скорее на отдыхающего кузнеца, чем на командира бригады.

— Садись, Владек, — говорит вполголоса генерал и начинает показывать на карте: — На западной стороне немецкого клина — 35-я дивизия и 137-й стрелковый полк, на восточной — два остальных полка 47-й дивизии. Между ними расстояние около 1800 метров. Далее на север, в самом широком месте, район, занятый немцами, растянулся на два с половиной километра от западной окраины Студзянок до лесной сторожки Остшень. По форме это скорее гриб, чем клин, но оборона его очень крепкая. Как его ликвидировать?

Генерал поднимает карандаш и смотрит Светане прямо в глаза.

— Отрезать у основания, окружить...

— И уничтожить, — доканчивает генерал. — Значит, нам нечего волноваться? Наша бригада на этом грибе, как надетая набекрень шапка. С запада и севера мы полукругом охватываем деревню, фольварк и кирпичный завод. Будем ждать, пока советские пехотинцы окружают гитлеровцев.

— Я не ото имел в виду, гражданин генерал.

— А что?

— Отсечь клин нужно в лесу, а помочь советской пехоте могут 1-я и 3-я роты Чайникова. Наш полк и мотопехотный батальон сковали бы противника, не давая ему преждевременно отойти, а затем и разгромили бы окруженную группировку.

— А как ты намерен удерживать немцев, чтобы они преждевременно не отошли?

— Оказывать постоянное давление. Не давать им оторваться, провоцировать на контратаки.

— А если они уже теперь, ночью, отводят свои войска? — Карандаш пробежал по карте. — Кулаковский и разведчики Пшитоцкого докладывают, что в западной части Студзянок уже нет противника.

Светлана вскочил, но, встретив взгляд генерала, опять сел и мрачно молчал.

— Я знаю, Владек, о чем ты думаешь. Вот, мол, командир бригады держит тебя в штабе, а тем временем враг уходит из западни. Ты хотел бы быть сейчас на своем месте и в душе ругаешь меня за глупые выдумки.

— Гражданин генерал, я...

— Молчи. Зачем обманывать? Любой человек может вспылить, и я тебя не виню. Я еще не старик. Между нами разница только четыре года. Тебе тридцать, мне тридцать четыре, но мы — разные по характеру люди.

Наступило молчание. Межицан прислушивался к отголоскам фронта. Редкие выстрелы орудий доносились сюда приглушенно. Где-то недалеко разорвался крупнокалиберный снаряд, дрогнула лампочка, подвешенная на ярком немецком проводе.

— Не горюй, Владек, — снова заговорил генерал. — Немцы не только не выводят войска из клина, а направляют туда новые роты. Мы захватили мотоциклиста. Он вез приказ. Фашисты решили перейти к обороне на занимаемых позициях. Они сражаются уже шесть дней. Наша бригада находится здесь третий день. Вчера немцы, кажется, поняли, что ликвидировать плацдарм не так-то просто, но они не теряют надежды и готовятся к новому

наступлению в ближайшее время. За это они дорого заплатят. Хороший командир должен уметь не только вовремя ударить, но, если нужно, вовремя и отступить.

Межицан так разложил карту, чтобы виден был весь плацдарм.

— Позавчера ночью дивизия имени Траугутта заняла территорию в несколько километров фронта на Пилице. позволив 8-й армии создать резерв и перебросить артиллерию. Плацдарм мы не отдадим! Отсюда нам открывается путь на Лодзь, Познань и Быдгощ. — Он говорил, все более воодушевляясь. — А может быть, даже к Одеру, на его западный берег. Этот плацдарм — трамплин для прыжка на Берлин. И прежде всего — ключ к Варшаве. Ты видел на севере дым? Отсюда мы не должны выпустить ни одной дивизии, иначе погибнет сражающийся город. Танки, которые мы здесь сожжем, солдаты, которых мы здесь убьем, не пойдут на Варшаву.

Светана слушал командира как зачарованный. Ему казалось, что стены землянки раздвигаются и он видит танки своего полка, идущие по улицам Варшавы. Вот они, гремя гусеницами, прошли по Пулавской улице и через поля направились в сторону Берлина. Бои рот Козинеца и Гугнацкого, смерть Петкевича, Шиманьского и Бойко, обгоревшие «тигры» — все это вдруг приобрело новый смысл.

— До Берлина далеко, а до Варшавы тоже не близко. — Межицан заговорил спокойным, деловым тоном и, достав карту Польши, продолжал объяснять: — Сначала нужно навести порядок на правом фланге, который сильно отодвинут на восток, от Вислы и за Соколув-Подляски — более 80 километров. С тех пор как мы начали переправу, с 9 августа, там идут бои. В сражение введены пять армий и три танковых корпуса. Но им нелегко. За четыре дня захвачены Соколув-Подляски, Венгров и Нур, пехота дошла до Косув, но на подступах к Праге встретила упорное сопротивление и контратаки. Смогли взять лишь Станиславув и занять несколько километров местности. Наступление поддерживает только часть 2-й танковой армии, а ее 16-й корпус, который был направлен нам на помощь, выдвигается на магнушевский плацдарм. Нашим на севере нелегко наступать по обоим берегам Западного Буга, но уже завтра мы получим поддержку авиации, которой нам не хватало до сих пор. Все самолеты были заняты на правом фланге.

Генерал замолчал и долго смотрел Светане прямо в глаза.

— Знаешь, почему я все это тебе говорю? — спросил Межицан.

Светана молчал: впервые он узнал о действиях на таком широком фронте.

— Командиров полков и батальонов я также информировал об обстановке, но тебе я рассказал больше. Не только потому, что вообще тебя люблю. Видишь ли, Владек, в годы революции люди быстро выросли. Чуйков в девятнадцать лет командовал полком. Сейчас он командует армией. Многие из вас, сегодняшних сержантов и хорунжих, через несколько лет станут полковниками и генералами. Советские офицеры вернутся домой, а наша армия будет расти, и вы, молодые, вместе с ней... Обещай, что пригласишь к себе по меньшей мере дважды: когда получишь под командование танковую дивизию и когда будешь нашивать на погоны генеральскую серебряную змейку.

— Вы примете приглашение по случаю присвоения мне звания поручника? — с улыбкой спросил Светана.

— То есть через четыре дня? — Межицан сделал серьезное лицо. — Хорошо, согласен. А теперь смотри. Рота Гугнацкого ночью займет оставленную немцами часть Студзянок и окопается. Если противник утром не будет проявлять активности, начинай нажимать, но не очень сильно. Если он сам начнет атаковать — тем лучше. Во всяком случае в течение пяти

часов после восхода солнца, по крайней мере до девяти утра, связывай их, но не оттесняй. Жди от меня приказа. Как только клин будет отсечен у основания, мы ударим всерьез, со всей силой.

Со связным штаба Светлана подъехал к шоссе. Там он увидел колонну грузовиков 1-го танкового полка, которые везли боеприпасы.

Светлана остановил первую машину. Из нее выскочил поручник Антопольский.

— Привет, Владек. В чем дело?

— Привет. Ничего особенного. Пытаюсь добраться до своих.

— А Хелин далеко от твоих?

— Близко.

Командир штабной роты пропустил три машины со снарядами для 1-й и 2-й рот, четвертой машине он приказал забрать Светлану.

Вот грузовик остановился, и поручник Антопольский выпрыгнул из машины, чтобы немного размяться. Водитель, выключив мотор, дремал за рулем. Тихо шелестели под ногами сухие прошлогодние листья. В кустах попискивала какая-то птица. «Как будто где-то на земле, — подумал поручник. — Может, у нее крыло сломано?»

Писк повторился несколько громче. Птица — не птица, надо проверить. Антопольский, раздвинув ветки, прошел несколько шагов и, нагнувшись, увидел лежащего под березой ребенка.

— Вот тебе и птица. Не бойся... — Он взял малыша на руки и вернулся к машине.

— Что это? — удивился проснувшийся водитель.

— Не что, а кто. Посвети.

При слабом свете лампочки спидометра на них смотрел испуганный мальчуган лет трех.

— Не бойся, — повторил поручник. — Скажи, как тебя зовут?

— Флянек.

— А где мама и папа?

— Не знаю, — ответил Франек и заплакал.

— Поехали, — приказал Антопольский водителю.

Быстрее, чем обычно, они выгрузили боеприпасы для трех танков, стоящих в засаде под Рычивулом, и вернулись на высоту 112,2.

В штабной землянке было пусто и темно. В гильзе от артиллерийского снаряда шипел фитиль. Кто-то храпел в углу. Слух о том, что командир нашел мальчика-сироту, быстро облетел часть. Первыми прибежали старшина роты сержант Владислав Дендес и его брат Рудольф, за ними — заведующий оружейным складом капрал Генрик Красейко. Он принес консервы и хлеб.

— Вот тебе, сынок, кушай.

— Погоди, не давай ему все сразу, глупый. Может, он несколько дней ничего не ел.

— Нужно бы ему сварить кашу на молоке.

— А где взять молока? У Дендеса скорее самогону достать можно.

— Не беспокойся, — проворчал сержант, — у старшины роты есть в запасе все, что нужно... Повар! — крикнул он, выглянув из землянки. — Свари кашу на молоке, да поскорее!

— Что мы с ним будем делать? Нужно отдать его в детский дом.

— Сейчас вся Польша — детский дом. Кто его возьмет?

— Мы. Пойдешь, Ясь, с нами?

— Ну ты, не заслоняй свет. Его зовут Франек.

— Тихо, не пугайте ребенка.

— А фамилии он не помнит? Пусть тогда называется Ясь Франек.

Мальчик сидел на столе, тараща глазенки на склоненные к нему лица, и вдруг протянул руку к автомату:

— Дай.

Красейко лукаво подмигнул товарищам:

— Ребята, да он будет солдатом, его тянет к оружию. — И, быстро вынув диск, проверил, не остался ли патрон в стволе. — На, Франек, бери... Автомат образца 1943 года, калибр 7,62, вес без магазина три килограмма, поражает на восемьсот метров...

— Тьфу, Хенек, ты с ума сошел! Это же ребенок! — Дендес оттолкнул его. — Я взял бы его как сына, но у меня уже трое и у брата тоже.

— Я его возьму. — Командир тягача капрал Давидович протолкнулся к столу. — Возьму как сына.

— И будешь возить его под обстрел?

— Но ведь под броней! Или отдам пока тетке в Стару-Милосну, а потом заберу.

— А чем будешь его кормить?

— Это моя забота, — заявил старшина роты. — Когда тебя убьют, я не буду тебя снимать с довольствия.

— А так можно? — спросил Антопольский. До сих пор он молча сидел на нарах. — Ведь это обман.

— Ну что вы, гражданин поручник! — обиделся Дендес. — Смерть на фронте — обычная история. Прокормить сироту хлебом погибшего солдата — это никому не повредит. И мундир ему нужно сшить. Штаны рваные, рубаха дырявая...

Принесли пахнущую дымом молочную кашу. Сержант выпроводил из землянки всех любопытных, а сам вместе с Красейко и Давидовичем складными ножами принялись кроить мундир для Ясека Франека. Склонившись над пламенем коптилки, они деловито сновали иглами, зажатыми в грубых пальцах, исподлобья посматривая, как малец орудует великоватой для него ложкой.

Решение о передаче позиций в Повислянских рощах и о создании обороны в покинутой немцами западной части Студзянок не вызвало энтузиазма у командира 2-й роты. Его солдаты уже успели обжиться здесь, врыться в землю.

В землянке Гугнацкого в связи с этим стоял невообразимый шум. Наконец все успокоились и, глубоко вздохнув, пошли готовить взводы.

Перегруппировка началась после полуночи. Впереди пошло охранение из нескольких автоматчиков во главе со старшим сержантом Трояновским.

Сержант Вашкевич передавал позиции 1-й роте, которая занимала их место. Изредка постукивали тяжелые пулеметы, советские гаубицы под Папротней время от времени посылали по одному-два снаряда по Студзянкам. Не слишком мало, чтобы это не вызвало подозрений, и не слишком много, чтобы спровоцировать противника на ответный огонь. Передача позиций — дело тонкое, и лучше, чтобы противник ни о чем не догадывался.

В землянке командира роты сидели связные, телефонисты и командир 2-го взвода с перебинтованной головой. Они с нетерпением ждали донесений от Трояновского. Все думали только об одном: как бы не догадались фрицы и не ударили из орудий и минометов.

Разговаривали мало, только изредка перебрасывались словами.

— Шел бы ты, Куба, в госпиталь. Каску тебе надеть нельзя. Ведь тебя сразу заметят и прикончат, — говорил Шнейдеру, раненному в голову, Гугнацкий.

Вчера к вечеру вражеские снайперы открыли огонь. Хорунжий Шнейдер заметил их на деревьях и, скорректировав огонь пулеметов, снял двоих. Однако третий снайпер успел выстрелить в офицера с биноклем. Пуля пробила каску сбоку и задела висок.

— Я был там. Сделали укол, забинтовали.

— Как себя чувствуешь?

— В голове гудит, но терпеть можно.

В землянку вошел очень высокий широкоплечий солдат Цырыль Радзиха. Вид у него был ужасный: лицо опухшее, губы фиолетовые, вместо глаз — узкие щелки.

— Черт возьми, кто это тебя так? — Гугнацкий вскочил. Радзиха попытался что-то ответить, но издал лишь нечленораздельные звуки, пошевелив в воздухе распухшими пальцами.

— Я сейчас скажу. — Из-за спины Радзихи показался приземистый черноволосый капрал Николай Васильев из довода саперов. — У него под Равой был сад. Он тридцать Лет занимался пчеловодством. В сентябре немцы сожгли его хату и ульи тоже. А вчера он высмотрел из окопов, что около села между фруктовыми деревьями находится пасека. Перестрелка не затихала, и пасека была под самым огнем. Никому ничего не сказав, Радзиха ночью пошел туда. Он заворачивал ульи в плащ-палатку и переносил в долину, что за той высотой, где ветряная мельница. Когда он взял последний улей, немцы заметили его и обстреляли. Пчелы вылезли, а что было дальше — вы видите.

— Черт возьми, парень! — Хорунжий потряс его за плечо. — Зачем ты, Цырыль, ходил туда и подставлял голову под пули?

Гигант закрыл от боли глаза и громко, хотя и невнятно, проговорил:

— Если мы деремся с немцами, то какое до этого дело пчелам?...

— Тихо! — крикнул телефонист и подал трубку.

Командир роты принял сообщение и приказал:

— Свертывайте линию, забирайте все с собой. Идем в Студзянки.

Телефонисты на ходу заряжали оружие, надевали каски.

— Подожди минутку. — Гугнацкий постучал по столу рукояткой «ГТ» и спросил в трубку: — Что ты говоришь? Повтори... Лозовский? Понимаю, но жив или убит?

Минула полночь. Он узнал это по звездам. Надо было возвращаться. Сначала он тихо поползет, а если заметят — побежит. Темно, может быть, удастся уцелеть. «Не каждая пуля попадет, — подумал он. — В тире и то целишься-целишься... И что? Бывает, что и промахнешься».

Он высунул голову из погребка и осмотрелся по сторонам. Немцы запускали ракеты, и он снова спрятался, решив переждать.

Надо же, чтобы это случилось именно с ним. И хотя он дослужился до капрала, но в бой попал впервые. В 1939 году ему было всего 16 лет, и вообще в Мазурках тогда война прошла стороной, около Аугустува.

Когда вчера двинулись в атаку — страх подумать: по ровному полю! — он тянул с Фрончаком связь на самом правом фланге, вслед за танком. Этот танк немцы подожгли около белой часовни, но деревню рота захватила. Связь они передали хорунжему Парысу,

устроившись в погреб с толстым бревенчатым накатом.

Потом линия оборвалась. Двое побежали, чтобы восстановить связь, но тут немцы начали стрелять из пушек и минометов, в атаку пошли танки. Трубка отозвалась: хорунжий Гугнацкий приказал пехоте отойти, а связь пока поддерживать. И капрал Лозовский остался: было его дежурство. Капрал Фрончак сказал, что вдвоем веселее, и остался тоже, «за компанию».

Они долго ждали, и им уже стало не до смеха. Адам Фрончак, более молодой и расторопный, решил выйти осмотреться и узнать, что же делать. Он выскочил из погреба. В этот момент засвистели бомбы. Земля заходила ходуном. Лозовский сначала подумал, что это немецкие самолеты, но, когда стих гул моторов, он услышал крики немцев: два их танка горели. Это было видно сквозь щели между бревнами.

Только теперь он понял, что остался один в тылу у фашистов. Стал кричать в трубку: «Нарев», «Нарев»!, но трубка молчала, или, быть может, на линии был обрыв. Взрывной волной вход в погреб засыпало землей, замело следы. Лозовский ничего не трогал и не откапывал, только потянул кабель и постепенно втащил внутрь, чтобы нельзя было обнаружить его по проводу. И тут же подумал, что и так, наверное, найдут.

Найдут или не найдут, а уж если наши ударят, то немцы так же быстро сбегут отсюда, как и пришли. А если они будут уходить, то он даст им сзади из автомата. Патронов хватит — два диска, и в карманах наберется еще на пять. К тому же есть и две гранаты.

От возбуждения он грыз уголок воротничка мундира и не мог допустить мысли, что ведь наши могут не дойти, что ведь гитлеровцы могут... Ерунда, ничего они не могут. Самое большее, что они могут, — это убить, но жизнь он даром не отдаст!

Время тянулось невыносимо медленно. Голода он не испытывал, потому что в углу под мягким песком нащупал солому, а еще глубже — бочку с квашеной капустой. Ел, чтобы успокоить нервы, пока не заболел живот и на зубах не навязла оскомины.

День клонился к вечеру. Лозовский выглянул и увидел, что земля у входа усыпана листками белой бумаги. Ему стало любопытно, и он, преодолев страх, приподнял крышку погреба и палочкой втащил один листок внутрь. Начал читать. Дело подвигалось медленно: в погребе стояла темень, буквы были мелкими, и он волновался. Тем не менее Лозовский понял, что от него требуют сдать, иначе получит пулю в лоб. Его очень удивило, что немцы пишут ему по-польски, да еще печатными буквами.

— Как бы не так, — буркнул он.

Лозовский решил, что ночью выйдет и будет пробиваться к своим. Когда стемнело, он долго ждал. Немцы ходили взад-вперед, разговаривали, а потом вдруг как бы притаились в засаде и — ни гугу. «Я возьму вас измором, — решил он. — Вот подожду до полуночи и посмотрю, что вы замышляете».

Но минула и полночь, а он все сидел в погребе. «Ты что, капрал Лозовский, трусишь?» — разозлился на себя он и, повесив телефонный аппарат через левое плечо, а катушку с кабелем через правое, взял в руки автомат, снял с предохранителя и вылез из погреба. Прополз по ровному двору сожженной хаты, потом спустился в мелкий окоп.

Ракета!

Он застыл, а когда ракета опустилась ниже, впереди в кустах, в метре от себя, Лозовский увидел лежащего на земле Фрончака — без каски, с темной каплей, застывшей посередине лба.

— Адам...

Лозовский протянул руку и тут же отдернул, обожженный прикосновением к холодной, как камень, щеке Фрончака. Нет, Лозовский не испугался. Он лишь почувствовал, как у него пересохло в горле, и страстно захотел, чтобы в эту минуту ему подвернулся какой-нибудь шваб. Он внимательно осмотрелся, держа автомат наготове. За поворотом окопа замелькали тени. Не раздумывая, он взял их на мушку. К счастью, кто-то из них споткнулся и выругался:

— Вот черт!

— Ребята, не стреляйте. Это я, Лозовский!

Они подозрительно осмотрели его. Подошедший старшина роты узнал Лозовского и сурово спросил:

— Ты что здесь делаешь?

— Я остался со вчерашнего дня. Линия была прервана. Вот здесь, рядом, погреб как раз под склад для гражданина сержанта. Есть даже бочка с квашеной капустой.

Оборона, атака и отступление

После ампутации генерал Вальтер Гартман долго пролежал в госпитале и привык к определенному образу жизни: спал после обеда и работал после полуночи. Утром он обычно бывал в хорошем настроении, но сегодня — все как будто против него, даже донесения офицеров собственного штаба.

Вот, пожалуйста, «приятные» известия о событиях в ближайшем тылу корпуса: между Радомом и Кельце — крупное сосредоточение советских и польских партизанских отрядов. С какой же стороны, черт возьми, проходит линия фронта? Два или три дня назад эти негодяи разбили две ремонтные роты и, как кабана на охоте, застрелили из засады командира 1-го гренадерского полка дивизии «Герман Геринг».

Генерал Шмальц должен был представить план операции. Гартман поднял трубку и спросил адъютанта:

- Где командир дивизии «Герман Геринг»?
- В пути, герр генерал, скоро должен быть здесь.
- Попросите его, как только приедет.

Некоторое время он сидел, выпрямившись, постукивая протезом по столу, а затем снова прочитал полученную вчера зашифрованную телеграмму командующего 9-й армией:

«Командиру 8-го корпуса.

Приказываю командиру 8-го корпуса с 13.8.44 г. перейти к обороне в районе плацдарма Магнушев и удерживать занятый рубеж.

Доложить, имеется ли возможность занять более удобные позиции на участке танковой дивизии «Герман Геринг» путем перемещения главной линии обороны на рубеж Ходкув, Грабноволя...»

«В этом документе — весь Николаус фон Форман, — подумал генерал, скривив губы. — Приказывает удерживать позиции и одновременно представить проект отхода танковой дивизии на рубеж Ходкув, Грабноволя».

Тихо звякнул колокольчик, адъютант доложил о прибытии командира дивизии «Герман Геринг» и тактично вышел. Прибывший вытянул руку в партийном приветствии, которое со времени покушения на фюрера стало обязательным для офицеров в армии.

— Хайль Гитлер!

Гартман поднял руку, указал тому на стул и заговорил со злостью:

— Между Варшавой и Наревом противник продвигается вслед за нашими отходящими войсками. Что вы намерены предпринять, не сумев выполнить первоначальной задачи, генерал? Попытаться оторваться от врага?

— Нет, вот проект моего решения.

Какое-то время они пристально смотрели друг другу в глаза.

Гартман мгновенно оценил план своего подчиненного. Командир танковой дивизии решил сходящимися двойными ударами с севера и юга отсечь концы советских клещей, впившихся у основания клина. Тогда линия фронта прошла бы от высоты 142,1 по опушке леса через высоту Ветряную, кирпичный завод и лесную сторожку Остшень под Ходкув. Образовался бы своего рода трамплин для будущих наступлений. Это было приемлемое предложение.

— Надеюсь, вы подготовились к выполнению этого плана, не дожидаясь моего согласия?

— Так точно. На рассвете нанесем первый удар в лесу Остшень. В лесу Ленги — часом позже, как только артиллерия сможет перенести огонь.

— Согласен. Утверждаю. А что означает эта линия? — Он указал на западную окраину Студзянок. — Вы решили оставить без боя часть захваченной деревни?

— Да.

— Сколько раз вы брали ее за последние дни и сколько заплатили за это?

— Западный выступ обстреливается с трех сторон. Я отвел роту, потому что она несла большие потери.

— Отход! — издевательским тоном произнес Гартман. — Плановое сокращение линии фронта! Туда уже, наверное, влезли польские легионеры. — Он разволновался и без всякой необходимости повысил голос: — Отбросьте их оттуда!

Гартман тут же спохватился: лучше бы они выпили по рюмке коньяку! Но теперь уже поздно проявлять сердечность.

— Спасибо, вы свободны, — сказал он, вставая.

В журнале боевых действий 142-го гвардейского стрелкового полка — краткая запись о «первом» ударе: «В ночь на 13 августа саперы минировали передний край обороны. Противник вел себя спокойно. Однако на рассвете силами четырех рот моторизованной пехоты, поддержанных танками, он ударил по позициям подразделения старшего лейтенанта Илларионова. Под сильным огнем артиллерии 3-й батальон начал отступать, но солдат, покидавших окопы, задержали заместитель командира батальона старший сержант Ярков, командир роты станковых пулеметов старший лейтенант Шукин и адъютант батальона лейтенант Комар. При огневой поддержке взаимодействующих с нами танков положение было восстановлено».

Ввиду отсутствия сообщений и документов на эту тему трудно сказать больше.

Как представляется, группы немцев проникли за линию фронта. Быть может, гитлеровцам даже удалось захватить сто или сто пятьдесят метров территории на лесном участке 112, но фронт этот не был зафиксирован в документах. Однако мы точно знаем, что командир 1-й роты не вводил свои танки в бой. Наоборот, он усилил резерв, перебросив от лесной сторожки Остшень четвертую машину 111 хорунжего Мариана Гаевского.

В это время — с начала немецкой атаки прошло около полутора часов, и было около пяти утра — натиск противника стал слабее, артиллерия перенесла огонь на северо-запад.

— Снова обрабатывают Студзянки, — сказал Тюфяков и, соединившись с Ишковым, спросил: — Теперь наша очередь? Начинаем?

Оказалось, что еще нельзя начинать, что нужно терпеливо ждать: сигнал поступит из дивизии.

— «Луг», я «Сосна». Двенадцать «сорок» сидят на Гугнацком. Спроси ноль четвертого, разрешит ли он помочь, когда пойдут «утюги»? Прием. — Светлана говорил спокойно, но в горле у него пересохло. Он долго тщетно пытался проглотить слюну.

— «Сосна», я «Луг», я «Луг», — запел в наушниках молодой девичий голос, и подпоручник сразу же узнал Пелю Хемерлинг. — Ноль четвертого поблизости нет, буду искать...

— «Луг», спроси, скоро ли «встреча»?

Несколько раз щелкнул переключатель, и заместитель командира 2-го полка совсем рядом услышал сердитый баритон Межицана:

— Не разрешаю. «Встреча» не скоро. Поменьше болтать.

В прямоугольнике танкового перископа клокотала перемешанная с огнем земля. Красными полосами неслись к ней наклонные трассы очередей из бортового оружия: самолеты гнались за своими же снарядами, но в последнее мгновение отрывались, чтобы не врезаться в землю. Продолжалось это дьявольски долго. Завершив последнюю серию атак, самолеты ушли, но в ту же самую минуту на засыпанную и оглушенную роту двинулись танки — два, пять, шесть...

Из леса Парова, подпрыгивая на выбоинах, выскочили два тягача. Развернулись узким полукругом, отцепили передки орудий и исчезли в перелеске. Не прошло и минуты, как из стволов небольших орудий вылетели огоньки. Вырывались они каждые две-три секунды. Головная машина замерла. Остальные продолжали продвигаться вперед, но теперь уже заметно медленнее, рывками, от укрытия к укрытию.

— Ловко, только калибр маловат, — заметил Светлана.

Янек Биль, заряжающий машины 212, которую вытащили из воды на переправе, находился в танке заместителя командира полка как связной от Козинеца. Он обладал хорошим зрением.

— Это 2-й взвод нашей батареи, — сразу определил он.

Солдаты отступали из Студзянок. Они часто меняли позиции, прикрывались огнем, прижимали гранадеров к земле и снова короткими перебежками отходили назад. Артиллерийская прислуга, упираясь в орудия, покатила их к лесу, но скоро отстала.

Немецкие танки на большой скорости мчались вперед, развернувшись в линию. Со стороны леса Ленги снова загремели орудийные залпы. На студзянковскую поляну выдвинулась батарея самоходных орудий, поддерживавшая атаку.

Холод пробежал по спине Светаны. Если гитлеровцам удастся захватить опушку на противоположной стороне, они выйдут в тыл батальонам, получившим задачу запереть потел, и тогда никакой «встречи» не будет.

— Я «Сосна», ноль-три. Приказываю немедленно... — И голос прервался.

От полевой дороги, бежавшей через рощи и высохшие поля, подкрашенные фиолетовым вереском, в воздух пзметнулась широкая клубящаяся волна жидкого огня. Ее передняя вишнево-золотистая часть достала три вырвавшихся вперед танка. Два сразу потонули в пламени, уничтоженные взрывом собственных боеприпасов. Третий повернул назад и, волоча за собой мечущийся шлейф огня, помчался по полю, выбросив на ходу черные фигурки экипажа. Теперь объятые пламенем одинокое стальное чудовище мчалось галопом еще несколько томительных секунд, пока огонь не подобрался к снарядам. Описав широкую

дугу, танк ткнулся носом в воронку от бомбы, выпустил вверх султан дыма и, загребая судорожно вращающимися гусеницами землю, замер.

Солдаты, ведя плотный огонь, сдерживали гитлеровцев тут же, за развалинами последних домов. Но вот уже второй раз с юга налетели пикирующие бомбардировщики с крестами на фюзеляжах. Двенадцать машин уступом влево.

Светана бросил взгляд влево. Самоходные орудия, ведя огонь, медленно ползли по полю. В промежутках между ними вперед выдвигались танки, чтобы занять место тех, сожженных огнеметчиками. На броне их сгрудились фигуры десантников.

— Я «Сосна», ноль-три. По танкам с места — огонь!

Услышав два выстрела соседей, Светана нажал на спуск своего орудия и на секунду оторвался от прицела, чтобы посмотреть в перископ. То, что он увидел, приковало его к визиру, заставило забыть о необходимости вести огонь.

Со стороны солнца метнулись два ярких луча, достали первый бомбардировщик в нижней точке его «пике», прошили его насквозь, и самолет, будучи не в силах свернуть с курса, на всей скорости, которую только мог дать его мотор, врезался в землю, взлетев в воздух рваными клочьями металла. Следующий «юнкере», не успев сделать и полуразворота, получил в брюхо целую очередь. Перевернувшись на спину, он рухнул в лес.

Вот появилось пять пар истребителей, скрывавшихся до этого в лучах солнца. Взмыв вверх прямой свечой, они сделали боевой разворот и снова устремились за пикировщиками. «Юнкеры», взыв моторами, бросились в разные стороны, под прикрытие своей зенитной артиллерии. «Яки» сверху набросились на последний из «юнкеров», прошив его очередями. Он сразу слегка задымил, потом, оставляя за собой все больше стужавшийся хвост дыма и резко накренившись на пробитое крыло, исчез за лесом.

Истребители, набрав высоту, повернули влево, потом вправо, словно ласточки, осматривающие луг. «Могли бы еще обстрелять танки, согнать десант», — подумал Светана и с удивлением увидел, что лавина танковой цепи замедляет свое продвижение, останавливается на студзянковской поляне, а две машины поворачивают назад. Что это с ними?

Танкисты дивизии «Герман Геринг» уже увидели то, чего подпоручник не мог видеть: из-за Повислянских роц, с резким свистом разрывая плоскостями воздух, налетела «шварце тод» — «черная смерть».

Первый «ил» с высоты не больше 50 метров выпустил реактивные снаряды. Ржавые полосы наполненных термитом снарядов перечеркнули правофланговый «тигр», окутали его клубами жаркого трехтысячеградусного пламени. Беспорядочно стучали счетверенные зенитные установки и пулеметы, но горбатый силуэт летающего танка взмыл вверх, делая разворот вправо.

Бронированные самолеты шли один за другим, выпуская реактивные снаряды, все сильнее покрывая поле боя огнем и дымом. Их было шестнадцать. Образовав над лесом Ленги, фольварком и кирпичным заводом боевой круг, походивший на огромную карусель, они один за другим падали к земле, клевали деревню и поляну снарядами из скорострельных пушек, поливали очередями из пулеметов. Одна из машин задымила и, теряя высоту, скрылась за лесом.

Танковые экипажи 2-го полка прекратили огонь. Только на левом фланге настойчивый Лях и Корняк (они не принимали участия во вчерашней атаке), пользуясь каждой возможностью, по очереди били, как два кума во время молотьбы на току.

— «Сосна». — Межицан, как всегда, на месте. — Подготовь «Березы». Скоро «встреча». Прием.

— Вас понял, готовлю «Березы». Перехожу на подслушивание, — ответил Светлана.

Он присел на дне машины, из-за спины механика-водителя посмотрел на безотказно работающие танковые часы. Фосфоресцирующие зеленые стрелки на черном циферблате показывали 9.30. «Пять часов уже прошло с тех пор, как все это началось», — подумал он с удивлением.

— Эй, братцы, — обратился он к экипажу, — нет ли у вас чего перекусить?

Внезапность

Минуты тянулись, лениво перерастая в часы. Четырнадцать человек (два пулеметчика, два снайпера, десять автоматчиков), составлявших взвод старшины Семенова, ползком добрались сюда ночью. Едва стало рассветать, они осмотрелись на местности и заняли круговую оборону, замаскировавшись так тщательно, что можно было скорее наступить на солдата, чем обнаружить его. В течение многих часов их главным оружием должна была стать неподвижность.

Впереди, чуть правее, на северо-востоке виднелась сожженная лесная сторожка. Около нее чернел остов «фердинанда» с остатками обугленных стропил, висящих на стволе, а немного дальше, на опушке, застыли еще две скорлупки танков, дочерна закопченные. В замаскированных ветками окопах неторопливо ходили гитлеровские солдаты. До их ближайшего дота, где два ручных пулемета обслуживали пять солдат, можно было добросить гранату. Немецкий снайпер, сухопарый высокий блондин с бородкой, взбирался по веревочной лестнице на дерево всего в 30 метрах от Семенова. Старшина голодными глазами смотрел, как тот располагался между толстыми ветками, жуя сухари, а может, и шоколад. Немец осматривал в бинокль местность. Этот гад даже стрелял четыре раза, а они не могли его снять, хотя и ловили на мушку. Не могли, потому что так было надо.

И лишь когда за две минуты до восьми не предупрежденное артиллерийским огнем неожиданно грянуло громовое «Ура!» поднявшихся в атаку двух батальонов 140-го гвардейского стрелкового полка, Семенов спокойно вздохнул, вытер пот со лба и одним небрежным выстрелом из автомата снял снайпера.

По этому сигналу пять гранат одновременно полетели в сторону пулеметов и застигнутых врасплох гитлеровцев. Стремительным броском вперед гвардейцы заняли сторожку, выпустили букет сигнальных ракет и деловито стали скашивать очередями выбегающих из-за деревьев гитлеровцев. А когда увидели своих, приветствовали их радостными возгласами и красным флагом, прикрепленным штыком к ели. Вместе с наступающими гвардейцами шли два польских танка. Группа старшины села на них как десант.

Два удара по сходящимся направлениям советские войска нанесли в 8.00. Честь запереть котел выпала на долю 47-й дивизии полковника Шугаева.

Атакующие с запада на восток 2-й и 3-й батальоны 137-го полка сразу же встретили сильное огневое противодействие, которое возрастало с каждым шагом. Первая контратака началась в 8.40. Затем с небольшими промежутками последовали еще три, одна другой сильнее и решительнее. В 9.30 батальоны в конце концов залегли и стали закрепляться вдоль дороги Гробля, имея за собой 500 метров отвоеванной местности. Начальник штаба полка в донесении указал, что пройдено 600 метров. Чтобы выполнить задачу до конца, полк должен был продвинуться до опушки леса, но сил не хватило. С запада к этому самому месту должен был выйти и 140-й стрелковый полк, и, как только он появится здесь, без труда, одним ударом, можно будет перерезать эту артерию — последнюю дорогу, ведущую к гитлеровскому клину в Студзянках.

Тем временем с тыла батальонов Власенко подходили солдаты 100-го полка, образуя внутренний фронт окружения, обращенный на север. Осуществить этот маневр облегчила передача западной части поляны под Студзянками роте автоматчиков 2-го танкового полка.

Второй удар 47-й дивизии начался со штурма лесной сторожки. Разведгруппа старшины Семенова атаковала с тыла и уничтожила две огневые точки. Оборона гитлеровцев была дезорганизована. 1-й батальон 140-го полка почти без потерь ворвался на высоту. Поддержка правого фланга 3-й ротой 2-го полка, ведшей огонь прямо из Басинува по целям на опушке леса, казалось, гарантировала быстрый выход в район придорожного креста у высоты 131.8, возможность достать фольварк огнем из автоматического оружия и обойти кирпичный завод. Надежды, однако, не оправдались: как раз в этом месте гитлеровцы сосредоточили силы, стремясь до темноты выровнять линию фронта от лесной сторожки Остшень до Ходкува.

В 8.58 командир 140-го полка майор Галанин ввел между 1-м и 2-м батальонами свой 3-й, находившийся во втором эшелоне, после чего левый фланг стал продвигаться в западном направлении. Между 140-м полком и его соседом образовался разрыв, в который выходил 1-й батальон 142-го полка, быстро разворачиваясь фронтом на юг.

Местность была уже знакома солдатам: вчера они здесь шли вперед и отходили назад. Немцы повторили вчерашний маневр и отскочили за широкую засеку, приготовившись встретить гвардейцев на открытом пространстве огнем из автоматического оружия, минометов и самоходных орудий.

И тогда из-за деревьев, не сделав ни одного выстрела, выскочили приземистые Т-34. Они шли на предельной скорости, резко подпрыгивая на пнях и кренясь, когда на пути попадались воронки от снарядов. И прежде чем вражеские минометчики перевели прицелы, танки успели преодолеть больше половины расчищенного от деревьев участка.

Притаившийся в засаде «фердинанд» открыл огонь. До того, как его обнаружили, он дважды выстрелил по танку 114. Снаряды были выпущены точно, но механик-водитель Владислав Конон удачно поставил свой танк между двумя разбитыми машинами, и снаряды, ударившись о броню под острым углом, рикошетировали. Все четыре танка одновременно открыли ответный огонь, но пробить крепкую лобовую броню окопавшегося «фердинанда» удалось не сразу. Как раз в этот момент ранило Полько Линчевского, который заменил убитого в первый день сражения Лежуха, и варшавянина Мариана Гаевского из танка 111. Правда, группа Тюфякова не понесла больше никаких потерь.

Как это обычно бывает после овладения новым рубежом, пехота сразу же начала окапываться, оборудовать укрытия, соединять отдельные окопы ходами сообщений. Было несколько минут одиннадцатого, когда правый сосед подошел к Гробле на лесном участке 109 и тоже приступил к инженерным работам, продолжая частью сил вести бой и продвигаться в западном направлении.

Командир 1-й роты и хорунжий Уфналь остановились у танка 113, наблюдая за местностью и прислушиваясь. Издалека, издавая в воздухе странный звук, словно гигантские рыбины, прилетели два снаряда, выпущенных из тяжелых орудий, и подняли два громадных фонтана земли.

— Ну, это уже ерунда. — Капитан Тюфяков с облегчением вздохнул. — Я думал, что они сразу перейдут в контратаку, а они издали огрызаются.

— Котел закрыт. Теперь они обдумывают как бы вырваться.

— А может, еще и не замкнут, — буркнул Виктор. — Вот как с той стороны подойдет Хелин со своими танками, тогда уж точно будет замкнут.

— Понимаю, но не о том речь. Я должен быть уверен... — Межицан, левым плечом и головой придерживая трубку, кричал в микрофон и одновременно наносил на карту обстановку. — Я спрашиваю, видит Виктор Хелина или нет?... Я должен знать, можно ли разрешить «встречу».

В землянку связистов вошел сухощавый светловолосый хорунжий. Увидев генерала, он хотел уйти, но тот подал ему рукой знак остаться и продолжал кричать в трубку:

— Окруженных добьет Рогач, а твое дело обеспечить, чтобы никто ему не помешал... Ну хорошо, привет! — Генерал передал трубку телефонистам и вопросительно посмотрел на офицера: — Тебе чего, Бялек?

— Разрешите обратиться, гражданин генерал? Куда проводить инспектора из политуправления армии?

— Это тот, который вчера выставил нам одни пятерки?

— Позавчера, гражданин генерал.

— Мировой парень. Будешь его сопровождать. Значит, так. — Генерал стал показывать, водя пальцем по целлофану планшетки. — Поедете к Ленкавице, туда ходят автоколонны с боеприпасами, найдете там Светану в лесу Парова, сядете на танки с Хелиным и доберетесь до леса Ленги. Как раз в этом месте соединяются два клина, а оттуда до Тюфякова — рукой подать. Покажи своему капитану, как мы окружили немцев. Если он захочет и не умается, то можете добраться до 2-й роты 1-го полка и до Ходкува.

Хорунжий быстро нанес карандашом на своей карте маршрут: перед войной он окончил школу землемеров и с топографией был, что называется, на «ты».

— Когда будешь его сопровождать, Тадек, — снова заговорил генерал, положив хорунжему руку на плечо, — то постарайся при случае рассказать ему, как за четыре дня боев нам все-таки удалось навязать противнику свою волю. Смотри, вот — черточка, а вот — кружок. 1-й танковый полк на рубеже от Радомки до западного конца Гробли — это черточка, а 2-й танковый полк и мотопехотный батальон — почти как кружок, вернее, как буква «С» вокруг Студзянок. Ночью мы еще продвинемся в восточном направлении, продвинем 3-ю роту в лес Остшень и завтра все закончим. Группа Светаны — молот, а 3-я рота — наковальня. Так ему и скажи — быстрее запомнит. Вот, пожалуй, и все. А теперь давай отправляйся.

Капитан Болеслав Друждж в ожидании хорунжего Бялека сидел в землянке политотдела бригады.

— Куда путь держать будем? — нетерпеливо спросил он, увидев входящего в землянку Бялека.

— Во всех танковых ротах побываем, — ответил хорунжий и стал быстро запихивать в карманы сводки и листовки, которые ему предстояло раздать по пути.

С самого начала им повезло: подвернулись грузовики, отвозившие боеприпасы. В машины пришлось, правда, прыгать на ходу. По гати, через поросшее ольхой болото и дальше по лесной просеке они выбрались на дорогу к Папротне, в тыл 2-й танковой роты.

Не останавливаясь, они скоро достигли опушки леса, а потом, пройдя еще немного вперед по ходу сообщения, остановились, чтобы понаблюдать за атакой. Впереди местность была слегка приподнята, сзади чернели пепелища, а еще чуть подальше, в глубине, на общем фоне выделялись две печные трубы.

Охнули минометы, несколько раз выстрелили гаубицы, десятка два разрывов затанцевали над немецкими окопами. Из леса выехали три танка. Они на ходу открыли огонь из пушек и пулеметов, затем, убавив скорость, выползли на поле. Спрыгнувшие с них бойцы устремились к первой линии окопов. Застрекотали автоматы, загремели разрывы ручных гранат.

От противоположной стены леса ответили вражеские самоходные орудия. Трассирующий снаряд рикошетировал от башни правофланговой машины и наискось прочертил небо. Танки остановились, выстрелили и все одновременно дали задний ход. За ними двигались автоматчики, неся на себе раненого. К счастью, они успели укрыться за деревьями на какую-то секунду раньше, чем гранадеры вернулись в окопы и открыли огонь из пулеметов.

— Что такое? Ничего не понимаю, — произнес Бялек.

— Спросим заместителя командира полка, — предложил Друждж.

Ориентируясь на рокот затихающих моторов, они двинулись в лес, через густой ольшаник выбежали на полянку и, увидев Светану, остановились как вкопанные: подпоручник, сжав кулаки, приближался к стоящему к ним спиной танкисту.

— Дурак, философ несчастный! Я тебя зачем посылал? Чтобы ты после первого же снаряда назад повернул?

— Тремя танками деревни не возьмешь, — ответил ему тот.

— Лучше было бы сразу целым полком, так, по-твоему? Ты даже не попытался ее захватить...

— Владек...

— Молчи, я тебе не Владек. Не успели по тебе выстрелить, как ты уже струсил.

— Да я за себя не боялся... Зачем зря людей и машины терять?

Оба вдруг замолчали и обернулись. На полянку вышли трое перепачканных, покрытых копотью солдат. Они несли на плащ-накидке четвертого. Осторожно положили его на землю.

— Кто это? — спросил Светана. — Что с Павлом? — По советским орденам на гимнастерке, видневшимся из-под расстегнутого комбинезона, он узнал поручника Попова, командира танка 229.

Солдаты не ответили. Бальбус и Миницкий стояли неподвижно, по их щекам текли слезы. Заряжающий капрал Рогалю опустил на колени и краем брезента закрыл лицо лежащего. Не поднимаясь, капрал каким-то деревянным голосом произнес:

— Когда нам приказали отходить, Павка открыл люк, чтобы позвать солдат, чтобы не оставить... и осколок в лоб...

— Видишь, чертов сын, как ты бережешь людей! — При этих словах, обращенных все к тому же стоящему танкисту, заместитель командира полка схватился за кобуру пистолета.

Кто-то придержал его за руку:

— Подпоручник Светана!

— Хорошо, пусти, не буду стрелять. Но под суд, под полевой суд его отдам.

— Я не о себе...

— Молчи. Останешься на исходной позиции, пока не вернусь. Я сам пойду в атаку. К машине! — приказал он экипажу танка погибшего Попова.

Смерть в полдень

От танка к танку передали, что во второй раз в атаку поведет Светлана на машине 229. Заработали на малых оборотах моторы. На броню садились группы автоматчиков из десантной роты 2-го полка.

В танке 222 хорунжий Бестлер, круглолицый блондин с мечтательными глазами, объясняет механику-водителю:

— Чуть изменил направление — и они промахиваются. А самое главное — газ. Хорошо, Ежи?

— Ладно. Все, что от меня будет зависеть, сделаю. — Четырко, которому война помешала учиться в Варшавском политехническом институте, всегда отвечает полными предложениями.

— Гвардейцы смотрят, скажут, что поляки трусили, — с огорчением говорит радист Саша Абакумов.

— Задом стыдно ездить, — подтверждает заряжающий Миша Смычков.

Саша — сибиряк, а Миша — тракторист из-под Курска. Они берегут честь знамен, под которыми сражаются. Разговор идет о том о сем, чтобы как-то скоротать томительное время, от которого никуда не денешься, пока не последует приказ идти в атаку.

В окопе слева от Бестлера тихонько ворчал мотор танка 228, известного в роте как «молодежный». Его командир Михал Гай уже в 1938 году в звании старшего стрелка был пулеметчиком на танкетке ТК-3 в 6-м танковом батальоне. Но когда началась война, для Гая не хватило даже этих 8 мм брони, и пришлось ему воевать с винтовкой в руках. Стоя во главе отделения резервистов, он оборонял от гитлеровцев Львов.

Каждый знал, что хорунжий — старый танкист, бывалый человек (целых 26 лет!), но все равно его причисляли к молокососам. Может, за то, что был он скромный и тихий, за то, что без памяти влюбился в Лидку Мокшицкую и тайком писал ей длинные письма, о чем знали все. Под командование Гая и прислали механика-водителя Юзека Багиньского, на два года моложе его, а заряжающий Янек Максмыяк и радист Сташек Жешутек оказались вообще шестнадцатилетними — с двадцать седьмого года. Другой бы запротестовал, но только не Михал. «Молодых легче научить, — говорил он. — Отваги им не занимать, а за год они подрастут».

— Внимание! «Ели», два, восемь. По пулеметам в окопах, прямой наводкой, осколочным... — услышали они спокойный твердый голос Светаны и тут же зарядили орудия. — Огонь! И вперед, да поживее!

Одновременно с грохотом орудийных выстрелов взревели моторы, и три танка стремительно вырвались в поле. Гай в центре. Метров через тридцать он выстрелил из пушки еще раз и выпустил очереди из пулеметов. За возвышенностью показалась сожженная деревня, но перед глазами Гая стояла сейчас схема, которую он изучил на утреннем совещании командиров: на ней у перекрестка дорог были нанесены самоходное орудие и окопанная 75-мм пушка, а правее, на опушке леса, — три «тигра». Значит, нужно вести танк так, чтобы не выскочить на дорогу, да и глядеть в оба, чтобы не угодить под огонь этих «зверей» справа.

Из-за трубы показалась каска, а вслед за ней — похожий на дубину панцерфауст. «Не успею развернуть башню», — промелькнула мысль, но в тот же момент Гай с радостью увидел, как Жешутек полоснул очередью по трубе — и каска исчезла.

Вагиньский тоже все видел, поэтому немного свернул, поддел и раздавил остаток кирпичных развалин, проутюжив их гусеницами.

С опушки темнеющего напротив леса блеснули рваные вспышки орудийных выстрелов. Снаряд попал в башни, рикошетом отскочил, скорее всего, случайно. Попасть в танки было трудно, потому что шли они зигзагом, через сады. Выезжая на открытое место, танки открывали огонь, а затем снова делали стремительный бросок, чтобы скорее укрыться за закопченными деревьями, в зелени слегка увядших кустов между развалинами.

Танк Светаны шел почти вровень с машиной Гая, слева от дороги. Танка справа сначала не было видно, но вдруг он проскочил вперед и обогнал всех, утопая в облаках пыли. Даже номера на башне нельзя было различить. И тут снова ударила пушка, а Максмыяк, взглянув в бортовую смотровую щель, бросил лишь одно слово:

— Наша.

— Ров, — доложил Вагиньский.

— Влево! — приказал Гай.

Танк свернул. Проезда не было, и поэтому пришлось выехать на улицу. Впереди сверкнула вспышка выстрела.

— Быстро за подбитый танк! — скомандовал Гай.

Танк рванулся вперед, корпус машины Янека Шиманьского прикрыл их снизу. Укрываясь за ним, как за щитом, они несколько раз ударили по окопу. Их поддержали огнем справа. Вражеское 75-мм орудие было уничтожено: на том месте, откуда оно стреляло, торчали станины лафета.

— Вперед! — скомандовал Гай. Он хотел быстрее выбраться на перекресток.

Они проехали мимо подбитого танка. Гусеницы подмяли под себя окоп с высоким бруствером, нос машины задрался вверх, и тут последовал удар. Казалось, что танк с ходу налетел на стальную стену. Мотор заглох. Снизу сверкнула вспышка. У Гая потемнело в глазах, он почувствовал боль ниже колена.

— Немцы! — услышал он крик Жешутека.

— Бей по ним, Стась!

Хорунжий пошевелил ногой, убедившись, что она цела. Пулемет застрочил, а в это время плутоновый Максмыяк заряжал орудие. Они дали для верности еще два выстрела из пушки. Почувствовав запах гари, хорунжий испугался.

— Юзек убит! — крикнул Максмыяк. Нагнувшись за снарядом, он увидел дыру в лобовой броне, вырванный люк водителя, распластавшегося в луже крови механика и прыгающие по его одежде огоньки пламени.

Оба выскочили из танка, упали на песок. За броней слышались стоны, и это заставило заряжающего забыть о страхе. Он просунул голову в окутанное дымом отверстие люка.

— Стась! — позвал он.

— Глаза, мои глаза! — раздалось в ответ.

Янек отодвинул в сторону поврежденный ручной пулемет и подтянул худощавого капрала к десантному люку. Обжигая себе руки, он стал выбрасывать горящую паклю. «Не подожгли, танк целый», — мелькнуло у него в голове. Он торопливо гасил огонь на теле механика, на его голове.

— Глаза... — шептал Жешутек.

— Все в порядке, это только кровь, — успокаивал его Михал, накладывая повязку на

рассеченную бровь и на рану на правой щеке. — Видишь?... Ползи к лесу, там санитары...

— Холера! — выругался Максмыяк, доставая из-за пазухи еще теплый осколок.

— Тебя что, ранило?

— Нет, — пробормотал он. — Комбинезон пробило. И синяк здоровенный, как яйцо.

— Надо бы вытащить это разбитое корыто. Мы еще повоюем на нем, — предложил Гай.
— Осмотрись, может, кто на буксир нас возьмет.

Они лежали в неглубоком, наполовину засыпанном окопе, между своим танком и подбитой машиной 214 со свернутой набок башней, вдавливаясь головой в песок, потому что совсем низко над землей со свистом пролетали пули. Это вели огонь автоматчики, которые догоняли ушедшие вперед танки.

— Не хватало только, чтоб свои же прихлопнули, — проворчал Максмыяк и во весь голос крикнул: — Осторожней, черти!

Наступающие бойцы очередями косили гитлеровцев, а тем, которые бросали оружие и поднимали руки, показывали направление в тыл и давали пинка, чтобы ко перепутали, куда идти.

Заговорила артиллерия, справа били танки, впереди, со стороны фольварка, вели огонь штурмовые орудия. Замполит, тот самый хорунжий, который прибыл во 2-ю танковую роту без каски, торопил санитаров, чтобы побыстрее подбирали раненых. Над полем боя поднимались клубы пыли и дыма, сверкали вспышки выстрелов.

...Танк 226 не участвовал в атаке, но, когда три машины уже вышли на гребень высоты, к нему подбежало отделение гвардейцев в полном боевом снаряжении. Высокий, статный парень, приложив руку к каске, доложил:

— Мы — десантная группа. Докладывает комсорг сержант Куделин. Где польские танки, которые...

— Ушли, — перебил его Марчук и показал рукой, куда двинулись танки.

— Без нас? — с отчаянием в голосе спросил Куделин. — Ребята, бегом за мной!

— Стой! — сердито остановил его хорунжий. — Садитесь, подвезу.

Захлопывая люк, он увидел, что на броню садится и Казик Савицкий с санитарями.

Плютоновъ Федоров, бывалый солдат, повел машину быстро и в то же время осторожно. Он и Марчук были схожи темпераментами: там, где Гай приказал свернуть на улицу, ленинградец открыл люк, выскочил, осмотрелся и затем переехал через ров, сбросив в него грудку битого кирпича. Чуть выдвинув конец ствола, ударил по немецкому орудью, стоящему на перекрестке, и только потом выехал, чтобы дать по нему последний выстрел.

— Возвращаемся, — приказал хорунжий. — Подвезли и хватит.

Появившийся в этот момент Максмыяк показал на поврежденный танк. Подъехали к нему, развернулись, отвечая из орудия вражеским пулеметам, звеневшим пулями по броне. Даниэль Вагнер выскочил, чтобы помочь заряжающему. Прижимаясь к земле, он и Максмыяк набросили толстый трос на крюк. Максмыяк пробрался в свой танк и сел на сиденье механика-водителя, чтобы управлять.

Даниэль наблюдал из воронки, как двигаются с места оба танка. Вагнер остался один. «Догоню, теперь я уж не нужен», — утешал он себя.

— Поляк, давай сюда! — крикнул ему сержант из того самого отделения, которое они подбросили на танке. — Смотри, это ваш? — Куделин, стоя на подбитом «тигре», сунул в руку взобравшемуся капралу бинокль и точно назвал цель: — Дорога, вправо тридцать, танк

двести метров.

С этой высоты Вагнер увидел совсем другую картину боя, непохожую на ту, что он наблюдал из окопа. Над клочьями дыма и клубами пыли, за перекрестком дорог виднелось окруженное стеной леса поле, а на нем неподвижный танк Т-34, облепленный человеческими фигурками. Вагнер поднес бинокль к глазам и увидел, как собравшиеся вокруг башни гитлеровцы вытаскивают из танка неподвижное тело. Высокий фашист с повязкой па левой руке положил на башню потерявшего сознание танкиста, затем размахнулся и размозжил ему голову ломом для натягивания гусениц.

Танк 222, едва устремившись в атаку, немного отстал.

— Янек, давай побыстрее!—крикнул Бестлер Четырко.

— Не хочет бежать, холера бы его взяла... — Сержант возился с кулисой, а когда наконец включил третью скорость, дал полный газ, решив не переключать на меньшую скорость, чтобы снова не заело.

Эта задержка в самом начале дала им минутную передышку и превосходство. Они видели стрелявших «тигров», которые охотились за Гаем и Светаной. Машина шла вдоль линии, где раньше стояли риги. Смычков заряжал как автомат, а Генрик стрелял с перерывом в восемь секунд, не замечая даже, что они уже обогнали остальных и двигались теперь впереди совсем одни.

— Впереди окоп, — спокойным голосом доложил Абакумов и очередь придавил гитлеровцев ко дну окопа, а гусеницы засыпали их песком.

Две ручные гранаты разорвались на броне. Стальной корпус загудел. В десяти метрах от окопа, когда они переезжали через дорогу на Грабноволю, в танк попали два снаряда. Первый отскочил рикошетом от верхней части башни, разбив замок и покорежив люк; второй сорвал стальную крышку с шарниров и отбросил ее куда-то в сторону.

— Хорошо, больше воздуха будет, — пошутил обеспокоенный Бестлер.

— Справа автомашина, — предупредил Сашка-сибиряк.

Четырко сжал рычаг и одним ударом разбил мотор

выезжавшего из окопа грузовика. Внезапно внутри танка сверкнула ослепительная вспышка — раздался взрыв. Четырко почувствовал, как два острых шипа пронзили уши и впились в голову. Из последних сил он выжал сцепление, чтобы переключиться на меньшую скорость. И, двигая кулисой, погрузился во мрак, сознавая, что не смог сделать что-то очень важное.

...От взрыва первого снаряда внутри танка Бестлер потерял сознание. Впившийся в кость осколок от другого снаряда вместе с болью вернул ему способность воспринимать окружающее. Высоко вверху, на орудийном замке, повис Смычков, а еще выше виднелся клочок неба. На этом небе застучали тяжелые сапоги. Появились немцы. Бестлер знал, что это означает. Понял, что рана не освобождает его от обязанности сражаться до конца, что до госпиталя еще далеко, и крикнул:

— Осколочным! Янек, газ! — И тут же снова провалился в темноту.

Четырко услышал команду дать газ, но не мог ее выполнить: чьи-то руки потащили его наверх. Он ударился затылком о металл. Открыл глаза, на фоне облака увидел лом в занесенной руке и все понял. Он хотел ударить гитлеровца кулаком в лицо, стереть с него гримасу усмешки, но лишь с трудом пошевелил разбитой рукой. На его голову обрушился смертельный удар.

Шесть гитлеровцев были скошены автоматными очередями. Они не успели заметить подбегающую группу советских пехотинцев. Обер-ефрейтор вскинул автомат, но Вагнер успел прикладом раскроить ему лоб. Двое пытались убежать, но тоже упали, уткнувшись лицами в песок. Трое подняли руки. Мотор продолжал работать. Вагнер посадил гвардейцев на броню, а сам сел на место механика-водителя. Включая скорость, он слышал, как Бестлер, голова которого лежала на коленях комсорга, шепотом отдавал приказание:

— Газ, Янек, газ! Зажигательным заряжай!

Когда самоходное орудие выдвинулось на перекрестке немного вперед, Светлана поймал его в прицел, метясь в треугольник тени под основанием ствола. Он выстрелил, чтобы спасти танк 228. Пушка Гая отозвалась еще дважды и замолчала. «Двум машинам нужно отходить», — подумал Светлана. Он решил не просить подкрепления и вызвал по радио только тягач, укрытый у дороги на Папротню.

Автоматчики тем временем достигли перекрестка. Светлана отправил связного задержать их, вызвал огонь минометов Метлицкого, чтобы прикрыть свой правый фланг. «Генерал будет доволен», — подумал он, ощутив ту редкую радость, которую испытывают командиры, своей волей направляющие бой в нужное русло. Он знал, что потери не должны быть большими, самое большее — в экипаже танка Гая. Да и там, видно, к счастью, не все погибли: ведь после попадания в их машину они еще стреляли.

— Сколько времени? — спросил он механика-водителя.

Бальбус, хитрый варшавянин, понял, о чем его спросил командир.

— Прошло два часа с начала веселья, — фамильярно объявил он и тут же, уже официально, добавил: — Четырнадцать часов двадцать шесть минут.

Чтобы Светлана мог почувствовать всю полноту жизни, судьба не избавила подпоручника и от горечи, которую познает командир, когда не может диктовать свою волю другим. Первые мины заградительного огня легли так близко от наших позиций, что автоматчики, ругаясь, вынуждены были отойти немного назад. Часть из них, увидев машину Марчука, тянущую на буксире подбитый танк 228, решила, что это — начало отхода, и оставила окопы. В это же время из облака пыли и дыма выскочил танк с задраным вверх стволом пушки. Он на полной скорости летел прямо на наши позиции.

— Куда! Это же наш! — крикнул заместитель командира полка бегущим автоматчикам. — Назад! — пытался Светлана остановить их, до пояса высунувшись из башни.

Снайперская пуля угодила ему точно в середину лба. Миницкий подхватил падающего вниз подпоручника, уложил его на дне танка и стал на место заряжающего. Рогаля осмотрелся вокруг.

— Одни мы остались. Пора уносить ноги!

Но они не стали удирать. Бальбус дал задний ход и медленно повел машину зигзагами, точно останавливая ее за каждым укрытием, будто видел спиной, куда идет танк. Они стреляли из орудия, не жалея снарядов, удерживая гитлеровцев на значительном удалении. Опушки леса, откуда танки двинулись в атаку, они достигли вслед за последним автоматчиком, добравшимся до нее.

На полянке рядом с Поповым положили Светану, а на другой стороне — Ежи Четырко, Мишу из Ленинграда, Сашку-сибиряка и сержанта Багиньского.

Командир бригады стоял на другой стороне полянки у капота «виллиса» и слушал доклад хорунжего Марчука.

— Подпоручник Светлана решил отдать его под половой суд, но я прошу дать ему

возможность еще раз... Пусть докажет в бою...

— Хорошо, — мягко произнес генерал и сделал чуть заметное движение головой, какое делают смертельно уставшие люди. — На сегодня и так довольно убитых. Если завтра его танк будет одним из первых у фольварка, я забуду об этом.

Генерал повернулся и медленно, с безвольно опущенными руками зашагал по высокой пересохшей от жары траве.

С завыванием пронесся гаубичный снаряд, высоко над землей сорвал вершину березы, осколками срезал вокруг ветки деревьев. Солдаты попадали на землю, укрылись за танками, а Межпцан словно ничего не заметил. Он тяжело, с трудом опустился на колени. Сгреб зеленые ветки и поднял солдатскую брезентовую плащ-накидку. Осторожно дотронулся пальцами до сгустков крови, засохшей на лбу подпоручника Светаны, заместителя командира 2 го танкового полка.

Из тех, что стояли неподалеку, некоторые потом утверждали, что он несколько раз повторил: «Владек, Владек...»

Пришел приказ — с наступлением ночи доставить тело подпоручника Светаны в штаб бригады. Жешутека увезли советские санитары. Первую помощь Бестлеру оказал фельдшер 2-го полка, студент университета Яна Казиможа, хорунжий Калиш.

— Что нужно, чтобы он выжил? — спросил Межицан.

— Госпиталь. И чем скорее, тем лучше.

— Армейский или фронтовой?

— Дольше, чем до доктора Лещиньского, ему не выдержать, гражданин генерал... — Докладывающий опустил глаза.

Генрика осторожно положили на снопы необмолоченной ржи, покрыли плащ-накидкой, под голову подсунули сложенный вдвое ватник.

— Трогай, Юзек! — Генерал сел рядом с шофером, — Довезешь его живым до госпиталя бригады, получишь медаль.

Плютоновъй Богуславский, чуть наклонив голову, дал газ — и машина плавно тронулась с места. Надо ехать быстро, очень быстро и в то же время осторожно, чтобы машина не подсакивала на корнях и выбоинах, чтобы тело раненого не испытывало толчков. Эти два условия несовместимы, но водитель сделает невозможное: он повезет умирающего танкиста так, как если бы это был его отец или брат, потому что бригада для него — все, потому что гитлеровцы уничтожили его родных до единого.

В темной землянке друг против друга стоят двое — поручник и рядовой. Первому — двадцать два года; второй, с темным от румянца лицом, — на полтора года моложе.

— Я убежал, я трус. Сначала делал то же, что и другие, а потом испугался, что все погибнут, что и я погибну и не будет уже ничего, ни солнца, ни травы. Ничего не будет. Я бросился бежать и уже не мог остановиться. Думал, что за мной гонятся. Только на другом берегу, когда переплыл Вислу, меня встретил один и спросил, куда...

— Кто тебя встретил?

— Шарейко, тот, что у нас в минометчиках ходил, а сейчас он шофером в роте зенитных пулеметов. Он сказал мне, что хоть через два дня, но я должен вернуться и доложить, как все было. Он сказал: «Чем тебя жандармы расстреляют, пусть лучше твой командир тебе в лоб пулю всадит, а то, может, и простит еще...»

— А что он еще говорил?

— Что если я не вернусь, то буду свинья, а не поляк, и что лучше мне тогда самому себе пулю в лоб...

— Дай карабин. — Поручник протянул руку.

Солдат побледнел, отдал оружие, стал расстегивать пряжку.

— Оставь ремень, молокосос. Чистил?

— Чистил.

— Возьми. — Офицер проверил ствол, отдал карабин. — Останешься в роте. Будешь воевать. Но если увижу, что трусишь, если еще хоть раз немцу свой зад покажешь, то без суда и следствия застрелю как последнего сукина сына. И помни, что если погибнешь, то не со всем светом. Свет останется. Иди.

— Спасибо, гражданин поручник.

Так в землянке наблюдательного пункта Метлицкий разговаривал со своим солдатом,

который струсил. С солдатом на полтора года моложе его.

Межицан добрался с Бестлером до госпиталя в пятом часу. В операционной раненого положили на стол. На крыльце под руководством врача майора Антония Лещиньского состоялся короткий консилиум. Все сошлись на одном: состояние раненого очень тяжелое, шансы спасти его ничтожные — от сильного удара треснула черепная коробка. Везти его дальше — равносильно смерти. Нужно попробовать на месте вернуть умирающего к жизни. Четверо в халатах тяжело дышали, смотрели покрасневшими глазами, уставшими от непрерывной вот уже в течение четырех суток работы.

— Я подожду, — сказал Межицан, садясь на лавку у стены.

Через четверть часа двери открылись. Первым вышел доктор Давидович, сидящий врач из Вельска.

— Ничего не поделаешь, гражданин генерал. Придется внести в список погибших.

Кольцо (14 сентября)

Операционный план, который Вильгельм Шмальц предыдущей ночью представил командиру 8-го армейского корпуса генералу Гартману, затрещал по всем швам у Студзянок уже утром 13 августа. Но это был еще не конец: в то время как главные силы группы прорыва, сосредоточенные в треугольнике Студзянки — кирпичный завод — фольварк, подвергались непрерывным атакам «польских легионеров», большевикам удалось ударом с востока и запада отсечь клин у основания. То, что клещи не сомкнулись, командир танковой дивизии «Герман Геринг» был склонен скорее приписать везению, хотя полковник Ганс Хорст фон Неккер утверждал, что удержание коридора, получившего кодовое наименование «Шторьххальс» («Шея аиста»), является заслугой исключительно 2-го гренадерского полка дивизии, который добился этого благодаря контратакам.

Правильнее всего принять во внимание оба фактора, тем более что и в советских документах упоминается о двух ротах, которые при поддержке пяти танков предприняли контратаку в лесу в южном направлении от поляны у фольварка. Это произошло в 15.45.

Так или иначе, лесной участок, обозначенный цифрой 108, а также западная часть участка 109, то есть полосу леса шириной примерно 500—600 метров, гитлеровцы удержали в своих руках и под покровом темноты могли предпринять попытку вывести свои подразделения из Студзянок. Могли, но не сделали, хотя приказ генерала Формана, отданный днем раньше, вполне определенно внушал такую возможность.

Внушал, но ответственность за принятие решения переложил на командира корпуса. Форман боялся, что «если бы противнику удалось концентрированным наступлением... овладеть районом Радома, то перед ним открылись бы все оперативные возможности для нанесения удара как в направлении Силезии, так и Лодзи с целью дальнейшего продвижения на юг и на запад от Вислы». Требуя новых подкреплений, он жаловался, что «с начала организации 25 июля фронта на Висле на участке 9-й армии немецкие соединения потеряли 17 тыс. солдат».

Большую часть этих 17 тыс. убитых и раненых можно записать на счет генералов, которые, проиграв сражение, решили хоть на день оттянуть предполагаемое наступление противника.

Так или иначе, но гитлеровцы не попытались вывести свои части из захлопывающейся ловушки. Около полуночи в Студзянки на бронетранспортере прибыл полковник Георг Хеннинг фон Гейдебрек, новый командир 1-го гренадерского полка танковой дивизии «Герман Геринг», назначенный вместо прежнего, убитого партизанами, а с ним — известный своей отвагой командир батальона майор Иозеф Фриц, который 27 июня еще в Италии получил дубовые листья к своему Рыцарскому кресту. Вместе с полковником фон Неккером, который вначале командовал на острие «клина», они обсудили сложившееся положение и решили усилить гарнизон Студзянок разведывательным батальоном танковой дивизии (без 1-й роты), как наиболее подготовленным к ведению боев в лесу, к действиям в условиях полуокружения.

Около часу ночи (луна уже поднялась над лесом на ладонь) оба командира полков и, конечно, отважный кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями майор Иозеф Фриц уехали на том же бронетранспортере, на котором и прибыли. Чтобы они случайно не заблудились, впереди их поехал на мотоцикле Дингер, который знал, где в лесу можно

свернуть, чтобы не напороться на притаившийся в засаде польский танк или же на советскую разведывательную группу. Через «Шторьххальс», то есть через «Шею аиста», офицерам проскочить удалось. Только Дингер ударился ногой о низко свисавшую толстую ветвь, содрал кожу и поехал прямо в санитарный батальон.

Группа хорунжего Пшитоцкого собиралась за «языком». Рита Дымитрато пришла просить Пшитоцкого взять ее с собой в разведку. Хорунжий отказал, хотя и понимал, что девушка тоже хочет взять автомат в руки и участвовать в бою. Но ведь одно дело бить из автомата фашистов, которых ты видишь перед собой, и совсем другое — разведка. Без умения пробираться в тыл врага, быть терпеливым «языка» не добудешь. Но пятнадцатью минутами позже он был вынужден все же капитулировать, когда его об этом попросил сам генерал. Не приказал, а попросил.

— Возьмите ее. Помнишь, как ты не хотел брать Збышека Барчака, а потом он тебе пригодился?

— Помню, гражданин генерал. Возьму.

— Ну вот и хорошо. А теперь мне нужно, чтобы ты к утру приволок какого-нибудь фрица. Не из тех, что в Студзянках, эти и сами ничего не знают, а из-за котла.

— Понял.

Пшитоцкий, конечно, помнил, как было дело со Збышеком, В Ровно к генералу пришел одиннадцатилетний парнишка, который до этого был у партизан и в советской части, а теперь стал просить, чтобы его приняли в бригаду: ведь он поляк, а дома он не может остаться, потому что нет у него ни дома, ни родителей. Межицан сначала отказал, но, когда увидел детские слезы, согласился и определил пацана во взвод разведки. Хорунжий ругался на чем свет стоит. Висевший на шее автомат доставал до колен Барчака, сапоги и форму надо было подгонять — словом, хлопот не оберешься. Но оказалось, что хлопоты на этом и кончились. Збышек ползал тихо, как мышь, был быстрый, послушный и стойко переносил все невзгоды. Все это хорошо, но что делать с Ритой?

Ладно, если генерал так думает, то и он, Пшитоцкий, тоже сумеет поставить на одну карту — либо пан, либо пропал.

И вот сейчас по лесу идут четверо: он, Рита, Барчак и Олек Стемпень. Только этот, последний — настоящий разведчик: с начала войны служил в Красной Армии, под Смоленском попал в плен, но через шесть месяцев убежал, долго ходил в партизанах, так что дело свое знает.

В ольховых зарослях леса Парова они встретили радиста из танка Ляха сержанта Зелиньского. Тот узнал Риту. Удивившись, стал допытываться, что это еще за театр такой ночью, да к тому же на передовой. А когда понял, что она и в самом деле идет за «языком», схватился за голову.

— Да ты что, дивчина? Зачем тебе это? Жить надоело? И другие из-за тебя погибнут.

— А мне не жалко с жизнью расставаться, — ответила она.

Потом их встретили командиры танков 1-й и 2-й рот, собравшиеся обсудить некоторые вопросы. Танкисты прервали совещание, не веря своим глазам, но Пшитоцкий прибавил шаг и растворился в темноте. На ходу он бурчал себе под нос, что, может, это и театр, но только не цирк с обезьянами в клетке.

Цирк начался позднее. То ли гвардейцы спросонья недостаточно отчетливо отозвались, то ли разведчики продвигались не очень аккуратно, но, во всяком случае, кто-то из них,

перепрыгивая через окоп, зацепился ногой за проволоку, и из вкопанного в землю огнемета взметнулось пламя. В лесу вспыхнул пожар. Все бросились гасить огонь. Разбуженные немцы, не зная, что случилось, начали пускать ракеты. Прошло, наверное, не меньше часа, прежде чем они успокоились.

Хорунжий в это время подумал, что, возможно, он в последний раз идет в разведку. Но у него и мысли не было повернуть назад. Все четверо поползли гуськом, когда немецкие пулеметы еще продолжали стрелять. Разведчики, прижимаясь к земле, пробирались под красными огоньками трассирующих пуль. Извиваясь, как дождевые черви, ползли по колеям, оставленным гусеницами танков, а потом — по борозде вдоль оцетинившейся колючками межи.

Пшитоцкий услышал, что девушка плачет, и со злостью подумал: «Хорошо. В другой раз будет умнее». Но когда через пять минут они вползли в погреб рядом с колодецем в Домбрувках-Грабновольских, Казик принялся ухаживать за Ритой. Окровавленные пальцы девушки с обломанными ногтями он обмыл водой из фляжки, а потом смазал раны йодом. После этого все выпили из фляжки по глотку, оставив немного на всякий случай, потому что никто не знал, сколько еще придется здесь сидеть: может, час, а может, и сутки. К тому же колодец, хоть он и находился от них в каких-нибудь пяти шагах, был им так же недоступен, как и Гималаи, как сон в теплом доме на пуховой перине. Кто первый подойдет к колодцу — тому конец. Первыми должны появиться около него немцы.

Время тянулось убийственно медленно. От напряжения, вызванного томительным ожиданием, мышцы, готовые в любое мгновение прийти в действие, начинали дрожать, а нервы — подводить. Дважды разведчикам казалось, что они слышат шаги и видят фигуру, маячащую на фоне темного неба. Один раз шесть мин, выпущенных нашими минометами, легли так близко, что разведчиков оглушило. После этого они целых пятнадцать минут не слышали ничего, кроме шума и звона в ушах.

Легкое дуновение ветерка принесло в погреб запахи августовского леса. Они чудом проникали сквозь смрад, издаваемый сожженной нефтью и бензином, ржавым железом. Пшитоцкий стал уже думать, что здесь, видно, придется проторчать весь день. Но не прошло и минуты, как Рита дотронулась до его руки и чуть слышно прошептала:

— Идет.

Немец шел согнувшись, чуть ли не на четвереньках: видно, боялся, как бы с передовой не полоснули очередь. Осторожно повесил на крючок ведро и потихоньку стал опускать его в колодец. Разведчики видели только спину немца. Как было решено заранее, они подождали, пока он вытащит ведро и поставит его на землю, иначе шум от падающего в колодец ведра мог бы их выдать. Взяли немца бесшумно. Ему заткнули рот и, приставив к ребрам нож, приказали ползти самому и как можно тише. Рита взяла добытое оружие. Маленький Барчак немного отстал, чтобы в случае чего прикрыть всех огнем.

Пленный оказался обыкновенным рядовым и знал лишь, что танки и солдаты, которые подоспели на помощь, уже отошли, и теперь в Домбрувках-Грабновольских остались только свои, из дивизии «Герман Геринг». Но генерал Межицан, которого разведчики встретили в лесу Парова, услышав эти сведения, повеселел: видно, именно такие данные ему и были нужны.

Энтузиазм и сонливость

У Фридриха под Ленкавицей собралось пять машин. Подбитые в бою, они были похожи на смертельно раненных животных. Перекосившись на разбитых гусеницах, танки кровоточили черными жирными ручейками горючего из продырявленных баков. Здесь стоял танк 213 убитого Петкевича. Танк 225 раненого Грушки был на ходу, но с оторванным стволом. Танк 228 Гая — с пробойной в лобовой броне, ниже люка механика-водителя. Танк 222 Бестлера, экипаж которого фашисты перебили, — с сорванным люком. И у последнего, танка 219, в правом борту зияла громадная рваная пробоина, в двух местах насквозь была пробита обожженная башня и размозжен снарядом ствол пушки.

После полуночи три танка уже были готовы к бою, а с машины 219 сняли ставшую ни к чему не пригодной башню. Механик-водитель из экипажа Грушки варшавянин Казимеж Дубелецкий стал доказывать хорунжему Фридриху, что его машина тоже может идти на передовую, а танк 219 может послужить тягачом.

— Ну из чего ты будешь стрелять? Из этого обрубка?...

Танки двинулись по дороге на Студзянки. Последним шел танк 225, в башне которого находился Фридрих.

Пройдя километр, машины чуть свернули вправо, к лесу. Дубелецкий убавил газ, чтобы другим дать время сделать поворот. На взгорке прибавил скорость, и из выхлопных труб стали вылетать рваные огненные язычки, потому что двигатель пожирал довольно много горючего. Немцы еще издалека, из окопа на высоте Безымянной, которая находилась севернее кирпичного завода, заметили танки и открыли по ним огонь из восьмидесятивосьмимиллиметровок. Машины прибавили газу и скрылись в лесу, но немец не унимался. После седьмого или восьмого снаряда механик не выдержал:

— Разрешите ответить хоть из этого обрубка. Не бойтесь, не разнесет.

Хорунжий махнул рукой, разрешил. Один за другим последовали три выстрела. Трудно сказать, попали они в цель или нет, ведь из укороченного ствола снаряд вылетает с меньшей скоростью, да и рассеивание было больше. Но как бы там ни было, все же научили фрица почтению, потому что он сразу же замолчал.

— Вы уж теперь мне разрешите, я хоть фрицев испугаю, — попросил Дубелецкий, когда они догоняли идущие впереди три танка.

Почти уже на месте, перед дорогой на Папротню, их остановил Межицан. Когда моторы заработали на малых оборотах, танкисты услышали его сочный баритон:

— Это что за войско?

— Усиленный взвод хорунжего Фридриха, — бросил кто-то шутливо из темноты. — Четыре машины из ремонта, гражданин генерал.

— Спасибо, Сташек, хороший подарок мне сделал. У меня здесь на позициях было одиннадцать, а теперь будет пятнадцать. Вам нужно чего-нибудь?

— Поспать бы, если можно, гражданин генерал.

Гамбит на рассвете

Около полуночи в Острове закончились два совещания. Первое происходило в землянке генерала Глазунова. На этом совещании, учитывая просьбу Межицана, задача по ликвидации главных сил окруженной группировки противника была поставлена перед 1-й танковой бригадой.

— Полки 4-го корпуса овладели многими населенными пунктами, — сказал генерал. — На нашей земле мы только сейчас открываем счет. Накануне пятой годовщины с начала войны мы хотели бы преподнести Польше подарок — Студзянки.

Второе совещание проводил генерал Межицан.

— Удар под Ходкувом запланирован как вспомогательный. С его помощью мы рассчитывали улучшить позиции 170-го полка у Радомки. Возможно, эти действия заставят противника перебросить часть своих сил на этот фланг. 1-й танковый полк вместе с пехотой, которую он поддерживает, должен прикрыть нас от главных сил дивизии «Герман Геринг», отразить ее возможные атаки с юга. Основное, что нам предстоит выполнить завтра, — это обеспечить полную согласованность во времени трех элементов: артиллерийско-авиационной подготовки, удара с востока, который назовем «наковальной», а также ударов с севера и запада, которые назовем «молотом»... 3-я танковая рота 2-го полка, прикрытая взводом противотанковых ружей 1-го полка, поддерживая батальон советского 140-го стрелкового полка, должна выйти в район придорожного креста и высоты 131,8 на опушке леса, открыть интенсивный огонь по укреплениям кирпичного завода и фольварка и тем самым сковать часть сил противника. Тем временем начнется артиллерийская подготовка атаки, усиленная налетом группы штурмовиков. Одновременно с последними разрывами снарядов наша 3-я пехотная рота атакует кирпичный завод. 1-я пехотная рота и танки Козинеца атакуют фольварк с севера, а 2-я рота Гугнацкого вместе с ротой автоматчиков 2-го полка и 2-й танковой ротой овладевает деревней и наносит удар по фольварку с запада... — Генерал замолчал, потом, улыбнувшись, добавил: — Разумеется, это только планы, а на деле простейшие вещи имеют обыкновение невероятно усложняться. Чтобы все шло как по маслу, распределим обязанности: начальник штаба проследит за действиями летчиков и артиллеристов, мой заместитель подставит «наковальню», а я, как когда-то в кузне, ударю «молотом».

Еще не начало светать, в лесу тем более, а небо позади танков уже побледнело и по цепи последовал приказ, чтобы экипажи 3-й роты 2-го полка заняли места в машинах. Танкисты расходились, перекидываясь шутками. Каждому в этот момент хотелось подольше поговорить с товарищем, сократить время ожидания, предшествующее бою.

Кшиштофяк разговаривал с Болеком Немечком, расспрашивал, о чем пишет ему его нареченная. Он ее знал с тех пор, как они вместе из лагеря под Киверцами ездили в трехдневный отпуск: Владек — к матери, отцу и сестрам в Шпанов, а Болек — к девушке, которая четыре года ждала его возвращения. Молодые встретились и расстались, обещая друг другу, что, как только кончится война, они поженятся.

Плютоновый Немечек доложил о получении приказа командира роты, и хорунжий с улыбкой сказал:

— Ну что ж, тронемся, чтобы быстрее покончить с этой войной.

Ехали не спеша, следом за советскими пехотинцами. Становилось все светлее, хотя внизу еще сохранялась густая тень. Одновременно впереди нарастала стрельба, такая

сильная, что ее хорошо было слышно сквозь рев мотора. Танковая пушка уже была заряжена осколочным снарядом, и Кшиштофяк ощущал дрожь в кончиках пальцев, словно между рукой и спуском пробежал электрический ток.

В окуляре перископа стало вдруг светло. Они выехали на опушку высокого леса. Впереди лежала поляна, поросшая островками молодняка. Гвардейцы подали знак, что это — то самое место, куда было приказано выйти. Плютоновый Величко убавил ход, заехал за поваленную сосну, за растопыренные пальцы вырванных корней, облепленных землей.

В полумраке густого кустарника впереди них над землей сверкнула вспышка. Хорунжий прикинул расстояние, поправил прицел и, спокойно наведя орудие, выстрелил. Хлестануло пламя, вздыбилась земля. Вспышки погасли. Все произошло быстро и просто, как на стрельбище.

— Ура-а-а! — Пехотинцы пошли вперед.

Вслед за ними выскочили танки. Совершив прыжок в двести метров, они снова остановились на краю старого леса. На этот раз местность впереди просматривалась не так хорошо. Автоматический огонь немного утих, передвинулся вправо, где часто грохотали орудия.

Кшиштофяк подумал, что до поляны перед студзянковским фольварком, наверное, не так уж и далеко, и решил разведать дорогу. Ехать по неизвестному маршруту и к тому же через лес — так и машину недолго потерять. Семин хотел идти вместе с ним, но хорунжий оставил его при орудии.

Недалеко, рядом с воронкой, из земли торчал ствол ручного пулемета, разбитого снарядом. Чуть подальше лежал убитый офицер, а рядом с ним валялся маленький «вальтер», в котором оказалось всего два патрона. Забросив пистолет в кусты, хорунжий вышел на край полянки. В траве он заметил оставленную сверху, чуть прикрытую клочком сена противотанковую мину. Кшиштофяк нацепил кусок тряпки на ветку букового куста, обозначив это опасное место, потом пригнулся к земле, чтобы проверить, нет ли просвета между деревьями.

Просвета не было, но на другом конце поляны он увидел спокойно идущего с панцерфаустом в руке одетого в пятнистую куртку гитлеровца. Владек прицелился, выстрелил из пистолета и увидел, как тот упал вниз лицом. В этот же миг он сам почувствовал удар в голову, будто кием, и хотел даже обернуться, увидеть, кто это там сзади, но ноги внезапно ослабли, и он упал навзничь. Во рту он ощутил вкус крови. Попытался дотянуться до пистолета, выпавшего из ладони и лежавшего тут же, рядом, но рука не повиновалась. Краем глаза он заметил спускающегося с дерева немца.

Он ждал, чувствуя, как деревенеет шея, как в левой стороне груди разгорается пламя. Солнце уже поднялось над деревьями, и его косые лучи били Кшиштофяку прямо в глаза. Вместо немца появился танк. Он поднял ствол над кустом, осторожно стуча траками гусениц, танк чуть свернул влево: из него заметили раненого. Стой! Там же мина! Хорунжий из последних сил приподнял непослушное тело, замахал рукой. Танк остановился в полуметре от круглой железной коробки, начиненной тротилом. Кшиштофяк рухнул в траву, чувствуя, как его всего пронизывает нестерпимая боль.

Первым из танка выскочил Немечек. Он опустился на колени и, всхлипывая, проговорил:

— Лучше бы в меня попали.

Справа снова отозвались орудия и пулеметы. Очереди шли плотно, резкие, длинные.

Кшиштофьяк приказал экипажу вернуться на место. Семин поднял Кшиштофьяка на руках, уложил позади танка, осмотрел раны и только после этого сел в танк.

Кшиштофьяк вслушивался в звуки боя. Кажется, наши немного продвинулись...

Экипаж танка связался по радио с командиром роты. Прибежал его заместитель подпоручник Шимирский. Он занял место у прицела, а Немечек и Кубисяк понесли Кшиштофьяка на брезентовой накидке, прикрепленной к сосновой жерди: получилось нечто вроде детской люльки.

Люлька сильно раскачивалась, а потом жердь переломилась, и они уронили его на землю. Снова понесли. Позади, там, где шел бой, разгорелась стрельба, и Кшиштофьяк приказал им положить его, а самим возвращаться к танкам.

— А ты как же? — спросил Болек.

— Буду лежать. Кто-нибудь проедет — подберет.

Но пока никто не проезжал, и лежать ему одному здесь, видно, придется долго. Потом прошли двое русских автоматчиков — солдат и сержант. Они сообщили, что фрицы контратаковали, но понесли потери и остановились. Дали попить воды из фляжки. Их догнала снарядная повозка, на которой немолодой усатый батька вез раненного в живот солдата. Польского хорунжего положили на солому рядом с ним. Пожелали доброго пути.

Хорунжий то терял сознание, то снова приходил в себя. Временами ему казалось, что едет уже не один десяток километров. И так неудобно было лежать на дне повозки. Потом вдруг стало просторнее. Ездовой объяснил, что раненный в живот солдат скончался и его пришлось оставить у дороги, чтобы не мешал живому.

Потом был госпиталь и два врача — женщины, которые говорили о трех пулях: одна вошла ниже левой ключицы, пробила легкое и вышла рядом с позвоночником; другая вышла справа под мышкой, разбила кость; третья пробила сверху шлемофон и отлетела рикошетом от крепкой головы. И еще они говорили, что началась гангрена и правую руку надо ампутировать.

— Что ты, Анна Сергеевна! — стал возражать Владек. — Разве для того ты меня спасла под Гомелем в июне сорок первого, для того вывезла из окружения через линию фронта, чтобы теперь резать меня?

Обе женщины исчезли, а к хорунжему подошел тучный майор и сказал:

— Здесь Анны Сергеевны нет. Держись, хлопче, я без наркоза буду делать, чтобы знать, в каком месте ты еще боль чувствуешь.

Изъятие пуль и ампутация руки прошли без наркоза. Хорунжий не потерял сознания. В награду за это он получил полную кружку водки. Выпил и сразу же провалился в темноту. Уснул.

«Наковальня» подставлена

В 4.30 были получены первые донесения из роты Чичковского о ходе атаки в направлении Радомки. Танкам удалось даже ворваться на северную окраину Ходкува. Здесь они раздавили два грузовика и уничтожили орудие. Однако сильный огонь противотанковых пушек из-за речки вынудил их снова отойти в лес. Пехота же отступила и сидит в подвалах и погребях, прикрываемая от контратак немецких танков нашими машинами. Противник отошел к южной окраине поляны.

Сведения из леса Остшень были хуже: после выхода на заданный рубеж на первом этапе атака захлебнулась. Большое количество противотанковых мин затрудняет продвижение вперед.

На помощь был послан взвод саперов 2-го полка под командованием подпоручника Висьневского, выпускника военного инженерного училища в Модлине, участника сентябрьской кампании. Когда началось сражение, саперы ходили недовольные тем, что они только землянки для командования сооружают, а настоящего дела для них нет. Теперь лица у них прояснились.

Саперы расползлись на предполье в разные стороны в густом папоротнике. Пробирались от укрытия к укрытию, охотясь за тротилом и каждый миг оставаясь объектом охоты для немецких grenадеров. Пехота надежно прикрывала их огнем, а танкисты очередями из пулеметов прочесывали самые густые вершины деревьев, на которых могли сидеть в засаде немецкие снайперы.

Саперы вернулись в окопы через полчаса. Выкладывали запалы из обезвреженных ими мин: по два, по три, по четыре. Мечислав Анисько принес семь. Смеялся, показывая белые зубы и простреленный рукав.

— Поставлены кое-как, никакой маскировки, заметить легко. Теперь наши могут смело идти вперед, — радостно проговорил он.

Но наши не смогли пойти вперед, потому что немцы, передав своим батареям данные о сосредоточении танков, открыли огонь, который усиливался с каждой минутой. Стреляли минометы и гаубицы по меньшей мере четырех калибров. Они прижали к земле пехоту, заставили сидеть в машинах танкистов. Всех бесило вынужденное бездействие: вперед двинуться нельзя, а назад отходить совсем ни к чему: жаль отдавать с таким трудом отвоеванную землю.

Механик-водитель машины 233 Виктор Бахар считал ближайšie разрывы снарядов. Танк дрожал и будто стряхивал с себя осколки, которые, словно слепни, налетали на броню и жалили ее со всех сторон. Виктор сбился со счета. Откуда-то сверху ударил снаряд, и танк, словно раненое животное, издал что-то вроде стопа и задымил.

— Погасить пламя!

Бахар выскочил наружу первым. И вот уже оба огнетушителя брызнули пеной, сбили пламя с сетки двигателя, прежде чем оно успело по-настоящему разбушеваться.

— В машину! Механик, задний ход! Черев сто метров остановись. Посмотрим, что повреждено.

Дьявольски долго не ослабевал огонь немецких орудий. Видно, батареи сменяли одна другую, и экипажам танков под раскалявшейся от солнца броней стало не хватать не только воздуха, но и проклятий.

— «Береза», «Береза», я «Луг». «Наковальня» готова? — беспокоилась Пеля на

полковой радиостанции.

— «Луг», я «Береза». Не готова. Как будет, сообщим.

Около 10.00 гаубицы, словно поперхнувшись, замолчали, а через двадцать минут — и минометы. Сразу же поднялась пехота, и батальон, поддержанный шестью танками, снова пошел в атаку. Довольно неожиданно оборона гитлеровцев дала трещину. На правом фланге сопротивление стало ослабевать, и вот уже плутоновый Марцин Соя из танка Кулеши удивленным голосом сообщил:

— Я тридцать шестой, справа вижу поле.

— Поле, а за ним труба, — добавил Немечек.

— Я тридцать четвертый, вся «Береза-два» на опушке леса. Перед нами кирпичный завод, — доложил подпоручник Коркуць.

— Сидите тихо! — Командир роты по радио напомнил им, чтобы не открывали огня.

Минуты две в эфире было спокойно, а в лесу нарастала канонада: это взвод хорунжего Федоровича, ведя огонь из орудий, медленно продвигался вперед.

— Я тридцать первый, — отозвался Янек Бахож. — В просвете лесной дороги — строения. Недалеко от придорожного креста — белый камень, расстояние сто метров.

— «Береза», я «Луг». Жду донесения. Прием, — на-, поминала о себе капрал Пелагея Хемерлинг.

— «Луг», я «Береза». Докладываю: «Наковальня» через пятнадцать минут. Как поняла? Прием.

— Я «Луг», поняла вас, «Береза». Через пятнадцать минут будет готова. Перехожу на радиоперехват.

Теперь нельзя было терять ни минуты. Михаил Синицын переключился на волну взвода:

— Я тридцатый. «Береза-три», заводите моторы. Орудия к бою, о готовности доложить.

— Я «Береза-три», — почти тут же ответил хорунжий Гутман. — Готово.

Командир роты внимательно смотрел на часы. И летчики и артиллеристы могли, конечно, запоздать, но теперь все нужно ставить на одну карту — на точность.

— «Береза-три», открыть огонь с опушки леса. Вперед.

Еще до момента, как немцы открыли продолжительный, изнуряющий огонь, до того как на левом фланге оборона уже стабилизировалась, а правый фланг сместился к западу, подпоручник Синицын выдвинул 3-й взвод на ось дороги, остановив его за зоной обстрела. И вот теперь танки Синицына тронулись с места.

Взвод подошел к обочине лесного тракта, развернулся в линию на высоте, где находились позиции пехоты. Когда танк 238 проехал мимо танка Гольбы, Хенахович приподнял крышку люка и, перекрывая рев мотора, крикнул:

— Казик! Курица в котелке почти готова! — И он показал рукой назад.

— Так что, забрать?

— Забери!

Щелкнул замок люка, и одновременно все водители прибавили газ. Машины пошли на большей скорости.

Гольба послал Еленя, чтобы тот принес курицу, когда она доварится, а сам припал к прицелу орудия. Нурковский взял намного левее и исчез в зеленых зарослях. Гутман ехал краем дороги, а Хенахович как раз миновал белый камень. Грохнули три орудийных выстрела.

— Командир, — обратился к Гольбе механик плутоновый Новичков. — Наши уже стреляют по этому проклятому фольварку.

— Иди к черту, — буркнул Гольба. — Это Генрик горит.

Из танка Хенаховича в стороны брызнули вспышки пламени цвета спелой вишни. Орудие выстрелило еще раз, затем открылась крышка люка, и Шафер высунулся из танка по пояс, пытаясь спастись. Его Прошило очередью. Он еще секунду пытался совладать с собой, но, охваченный огнем, исчез внутри танка, где бушевало пламя.

— Черт, еще один горит!

— Я тридцать первый, «Береза-один», вперед! — приказал Федорович.

«Береза-два», огонь! — скомандовал Коркуць, и первые снаряды ударили в выщербленные стены кирпичного завода.

— «Луг», «Луг», я «Береза»! — кричал сержант Олдак. — «Наковальня» готова. Ты поняла, Пеля? Готова.

Нурковский заметил полосу огня, вылетевшую из ствола панцерфауста в тот момент, когда гитлеровец, высунувшись из окопа, стрелял по танку Хенаховича. Пулемет Осташевского скосил немца.

Танкисты дали еще один выстрел. В каменной стене конюшни фольварка, зиявшей бойницами, зачернела пробоина. Но тут же в левый борт ударил снаряд. Танк вздрогнул, задымил загоревшимся маслом. Сержант Плаксин оглянулся, потянул носом и, дав газ, въехал кормой в густой молодой березняк. Выскочил из танка, быстро вернулся, доложил:

— Огня нет. Порядок! — Упругие ветки сбили пламя, преградили доступ воздуху.

Экипаж непрерывно вел огонь из орудия. Слева прочесывали лес советские автоматчики. Справа их прикрывал командир взвода, который маневрировал вдоль дороги, делал короткие остановки и давал выстрелы. Облако черного дыма из танка Хенаховича обволакивало деревья, маскируя не только ведущие бой, но и спешившие на помощь танки командира роты и командира 1-го взвода. От придорожного креста по фольварку вели огонь шесть орудий и двенадцать пулеметов.

Несколько минут лишь 2-й взвод обстреливал кирпичный завод, но вот советские артиллеристы и пехотинцы выкатили на край поля батарею 76-мм орудий и дали первый залп.

Сначала немцы отвечали изредка, потом, перебросив самоходные орудия в пределах узлов обороны, все чаще и охотнее. «Фердинанды», имевшие пушки большого калибра и одетые в более мощную броню, укрытые за кирпичными стенами и брустверами окопов, заставили наших немного отойти в глубь леса, укрыться за деревьями: Т-34 вели огонь, на короткое время выдвигаясь вперед.

Заряжающий инженера Гутмана старший сержант Генрик Кравец, вытерев полотенцем лицо и шею, доложил:

— Двадцать восемь снарядов выпущено. Мы сначала палили, как хотели, вот и хватило их нам не надолго.

Радист из танка командира роты все время поддерживал связь с полком:

— «Луг», «Луг», я «Береза». «Наковальня» готова, но нас оттесняют огнем. Начинайте.

С юга обрушились тяжелые снаряды, разорвались вокруг пылающего танка 238 и придорожного креста. Это орудия крупного калибра дивизии «Герман Геринг» ударили по тому месту, откуда выбегала из леса дорога на Студзянки.

Плутонowego Замиралова, по прозвищу Волкодав, из сожженной машины взял к себе

экипаж хорунжего Федоровича. Сидя рядом с механиком, Замиралов кивал головой, плечи его вздрагивали. Он шептал:

— Сгорело все... Все сгорели.

Он не знал, что в живых остался и капрал Чапкевич, который выскочил из горящего танка, песком погасил тлевшие на голове волосы, ползком выбрался из-под огня. Теперь он сидел в танке 239, а Юрек Осташевский перочинным ножиком выковыривал у него острый рваный осколок, застрявший неглубоко под кожей на правой лопатке.

— «Луг», «Луг», я «Береза». «Наковальня» готова, готова, черт возьми!

«Молот» поднят

— «Тула-два-четыре», давай «Весну»... Айнунддрайсиг дурьх шторьххальс. Ахтунг, дурьх, шторьххальс... Вся «Береза-два» на краю... «Тула-два-четыре»... Кирпичный завод... Ахтунг, айнунддрайсиг... — хрипел приемник.

Генерал даже не посмотрел на радиостанцию. Не выпуская изо рта трубки, он только немного выпрямился в своем «виллисе», как в седле, и все поняли, что приближается минута, которой так ждали.

Современному командиру не дано окидывать взором поле битвы. Не может он верхом на коне стоять на высоте за пределами досягаемости огня противника и на виду у своих войск. Радио не заменяет личного наблюдения, но, когда в свисте и треске эфира всего лишь в течение минуты отчетливо прозвучали слова «Береза-два» и «Кирпичный завод», это было равнозначно тому, что слышавший эти слова увидел картину: в клубах пыли сверкнули бронированные доспехи танкового легиона, выходящего на вражеский фланг.

Межицан, сидя в «виллисе» рядом с водителем, слушал вылетающую из динамика фронтную многоголосицу и курил большую трубку. Солнце, запутавшееся в листьях и пойманное в маскировочную сеть, трепетало беспокойными рыбками на серебряных нашивках парадного мундира. Сегодня генерал был какой-то торжественный и праздничный, необычно тихий и спокойный. Он не смеялся, не шутил. Он ждал.

Несмотря на радиопомехи при приеме, он сразу узнал голос. Ему совсем не нужно было помнить условное название, чтобы узнать, что говорит подпоручник Эдвард Коркуць, дослужившийся перед войной до капрала, любивший показать свою выправку, прекрасный танцор, не робевший перед девушками.

Один взвод уже видит кирпичный завод. С опушки леса можно видеть его не только от придорожного креста, но и от сожженной рощи — разница всего в километре. «Подождем еще», — подумал генерал.

Он подумал «подождем», а не «подожду», потому что многие ждали вместе с ним:

в лесу Парова, южнее дороги на Папротню — роты автоматчиков и противотанковых ружей 2-го полка под командованием поручника Якуба Шпедко и подпоручника Яна Мамойки и 2-я танковая рота (восемь танков) подпоручника Жилиева;

севернее дороги — 2-я пехотная рота хорунжего Гугнацкого, которая уже два раза достигала центра Студзянок;

в Повислянских рощах и на высоте Ветряной — 1-я пехотная рота элегантного и всегда аккуратно отдающего честь поручника Мечислава Сырека и 1-я танковая рота (шесть танков) под командованием спокойного детины подпоручника Романа Козинеца;

между Сухой Волей и Басинувом, на склоне прикрывающей кирпичный завод высоты Безымянной — 3-я рота капитана Станислава Доманьского, опытного офицера, прозванного из-за его невзрачной фигуры и курносого носа «котом в сапогах»;

рота противотанковых ружей поручника Пахуцкого и рота станковых пулеметов капитана Пётковского, приданные повзводно для поддержки пехоты;

минометная рота (пять минометов) поручника Метлицкого — на огневых позициях в заросшей терновником ложбинке, за 3-й ротой;

батарея 45-мм противотанковых орудий поручника Шпаковского — на стыке флангов 1-й и 3-й рот.

Генерал сказал себе «подождем», потому что говорил от имени одиннадцати рот.

Он сказал «подождем», потому что хотел быть уверенным, что танки Синицына вместе с 1-м батальоном 140-го гвардейского полка достигнут края поляны в районе придорожного креста, атакуют фольварк с востока и кирпичный завод с юго-востока, скуют часть сил противника в Студзянках.

Между 140-м и 137-м гвардейскими стрелковыми полками все еще оставался разрыв шириной около 400 метров, через который ночью два раза посылались подкрепления к Студзянкам. Подразделение, которое вчера должно было закрыть эту брешь, потеряло ориентировку в лесу и задачу не выполнило. Командир не доложил об этом вовремя, считая, что в любую минуту исправит ошибку. Едва об этом стало известно, пришло донесение, что враг не выводит свои силы из «котла», а, напротив, подбрасывает подкрепления обороняющимся в треугольнике. Ну что ж, если раки сами ползут в сачок...

Решено было оставить разрыв между полками открытым до того времени, когда разведка установит первые попытки отхода. Тогда корпусная артиллерия сразу же поставит плотный заградительный огонь, а пехота, поддержанная 1-й и 3-й ротами польского 1-го танкового полка, перережет горловину котла ударом с двух направлений.

Межицан сразу одобрил это решение. Чем больше немецких grenадеров здесь ляжет, чем больше танков и самоходных орудий сторит в Студзянках, тем свободней будет дорога на Варшаву, Лодзь и дальше на Берлин. Соппротивление, которое встретила группа «наковальни» в лесу Остшень, свидетельствовало о том, что враг сюда ночью перебросил много живой силы и техники. Без сомнения, часть этих подкреплений усилила гарнизоны деревушки, кирпичного завода и фольварка. Одновременно были пополнены и боеприпасы. Хватит ли у бригады сил овладеть Студзянками, деревушкой на севере Козеницкой пуци?

Межицан должен быть уверен, что часть стволов будет повернута на восток, что обстрел позиций противника с двух сторон немного ослабит интенсивность вражеского огня в тот момент, когда молодые солдаты пехотных рот поднимутся в атаку. Немаловажен также и психологический эффект: grenадеры должны почувствовать, что они попали в западню.

— Густав, ихь хёрэ дихь, ихь хёрэ дихь... — вызывал по радио какой-то немец. — Через пятнадцать минут... — раздалось по-польски. — «Тула-два-четыре», давай «Весну»... — попросили уже по-русски. В эфире то одна, то другая речь перебивала третью.

Радист подал шлемофон. Генерал не надел его, а только прислонил наушник к уху.

— Я «Луг», — вызывала Пеля из штаба 2-го полка, — в десять тридцать «Береза» доложила, что «наковальня» через пятнадцать минут. Я «Луг». Прием.

Это еще не была уверенность, но, учитывая боевую обстановку, — достаточная гарантия. Генерал улыбнулся смотревшим на него и спокойно произнес:

— Начнем в одиннадцать пятнадцать.

Все было подготовлено. Оставалось только вписать числа и запечатать пакеты. Мотоциклисты-связные тем временем ждали в воронках среди почти выжженного хлебного поля, в еще зеленой, несмотря на зной, траве. И вот, надвинув на глаза очки и резко нажав ногой на рукоятку стартера, они завели машины и помчались по дороге на Ленка вицу, потом свернули влево, вправо и разъехались по разным направлениям. Состязаясь со снарядами, опережая реакцию немецких наводчиков, они спешили к командирам батальонов и рот, к советским артиллеристам, чтобы вручить пакеты, в которых указано время «Ч», тайна начала атаки, которую нельзя доверить ни радиоволне, ни телефонным проводам.

Генерал попросил соединить его с начальником штаба бригады, взял из рук

телефониста трубку:

— Попроси гостей выходить из дому. Времени мало... Уже в пути? Отлично. Связной будет у тебя через десять минут.

От «Ч» минус 40» до «Ч» минус 30»

— По приказу... Гости в пути... — Подполковник Малютин отдал солдату трубку и повернулся к офицеру — представителю советской штурмовой авиадивизии. — Через сколько они могут быть над целью?

— Через двадцать три минуты, — ответил майор, взглянув на часы. — Девять машин.

Радиостанция начальника штаба бригады и авиационная станция наведения находились в непосредственной близости от фронта, на южной опушке сырой ольховой рощи за Целинувом, вместе со штабом мотопехотного батальона, который играл скромную и не слишком завидную роль хозяина. Чтобы подготовить место гостям, нужно было до минимума сократить свои потребности.

— Предупредите, капитан, командира батальона и командиров рот, что скоро начинаем.

— Предупредил, гражданин полковник, — доложил Вонсовский, который, услышав обрывки разговора полковника с генералом, успел отдать необходимые распоряжения по телефону.

— Быстро работаете. Мне говорили, что у вас вся семья военная. — Малютин, находившийся в бригаде пять месяцев, с большим уважением относился к этому тихому, пунктуальному в ведении штабных документов офицеру, который оказался спокойным и расторопным и в боевых условиях.

— Нет, гражданин полковник, семья гражданская. Отец дубил кожи. Просто пришло такое время, и все братья оказались в армии.

— А где они?

— Петр погиб в сентябре. Юзеф утонул — корабль торпедировали немцы, когда он направлялся из Африки в Англию. Ян сейчас участвует в формировании артиллерийской бригады для 2-й армии... — Капитан замолчал, увидев на тропинке мчавшегося сломя голову мотоциклиста.

«Ч» минус 30»

— «Наковальня» готова, готова. Понимаешь, Пеля? Готова. Быстрее.

От «Ч» минус 30» до «Ч» минус 20» Командир 2-й роты 2-го танкового полка получил пакет, вскрыл его. Итак, «Ч» назначен на 11.15. Посмотрев на часы, он приказал своему заряжающему капралу Доманьскому обойти все танки и передать всем радистам, чтобы они любой ценой установили связь с 3-й ротой.

— Иначе наскочим друг на друга с двух сторон и перебьем самих себя. Передай: первый, кто установит связь, будет представлен к награде.

Доманьский повторил приказание. Значит, сейчас каждый вызывает «Березу»: и сержант Павел Миницкий, и капрал Рейхман из Кракова, и капрал Вагнер из Жирардува, и капрал Вурм из Львова. Не вызовет «Березу» капрал Жешутек, потому что ранен; капрал Абакумов. потому что вчера убит, и капрал Брошкевич, потому что позавчера сгорел.

— «Береза», «Береза», я «Кедр», — вызывает Юзек Рейхман. Он в восемь лет остался без отца, после трех классов нанялся посыльным, потом носильщиком, а безработным был целый год до начала войны, до 1 сентября. В этот день закусовые были открыты, он с

друзьями выпил за погибель немцам, и все вместе запели «Военко, военко»... Это не понравилось полицейскому, и тот замахнулся дубинкой, разгоняя гуляк. Дома Юзека ждала мобилизационная повестка, но на призывном участке ему сказали: «Иди в Тарнув», а там сказали идти в Жещув, и так дальше... дальше...

— «Береза», «Береза», я «Кедр», отвечай, «Береза»...

В Тарнополе уже была Красная Армия, и беженцы отправлялись дальше в глубь страны. Многие стали работать в Советском Союзе в разных местах, кто где, пока генерал Сикорский не подписал соглашения и не началось формирование армии генерала Андерса, у которого были такие офицеры, что в Янги-Юле во время осмотра били по лицу за оторванную пуговицу. Однако тот, кто уже однажды был бит полицией и у кого больше не было охоты еще раз испытывать такое удовольствие, удрал в Ташкент, откуда весной 1943 года добровольцем отправился прямо в Сельцы, где один сержант сказал ему, что там большая нужда в электриках. Юзек сказал, что он электрик, и его сразу же взяли на курсы вместе с Осташевским, который сейчас в экипаже танка 239 3-й роты.

— «Береза», «Береза»... Осташевский, черт побери, отвечай!

— Чего тебе? — услышал он голос в наушниках.

Тут же прибежал хорунжий Савицкий и начал договариваться, что делать, чтобы одни не перестреляли других, когда выскочат с двух сторон на этот фольварк. В это время какая-то сильная радиостанция заработала на той же волне и, заглушая все, стала повторять:

— Сорок четыре, сорок четыре... Внимание! Сорок четыре.

Командир 3-й пехотной роты, получив пакет, узнал, что «Ч» назначен на 11.15. Пакет привез адъютант батальона хорунжий Мариан Василевский.

— Я слышал, что ты удрал из госпиталя, — обратился к хорунжему капитан. — Малярия не треплет?

— Нет. Мне скорее жарко, чем холодно. Останусь с вами. Помогу организовать огонь минометов и противотанковых ружей, когда возьмете Безымянную.

— Это здорово, — обрадовался хорунжий Шабловский — командир 3-го взвода. Они знали друг друга еще по гимназии в Высоком-Мазовецком и вместе начинали воевать.

— Проклятая высота, — выругался капитан Доманьский, прозванный «котом в сапогах», и разлил из фляжки по кружкам точнехонько по два глотка.

— Выпить в принципе можно только после атаки, а до — не помешает разок чокнуться: кто знает, все ли дождутся следующей оказии.

Вышли в окоп, и через бойницу ближайшего «максима» Василевский смотрел на сильно перекопанную, похожую на кротовину высоту, отделенную полем, покрытию черными лишаями сожженной стерни.

— Круто придется взбираться на эту... черт возьми, чтобы названия ей не придумать. На карте на сапог похожа.

— Если получим на ней пинка, то тогда можно будет назвать ее Утиной Гузкой, — предложил сержант.

— Такая атака не годится, — буркнул Доманьский. — Мало времени. Всего десять минут. Трудно будет собрать взводы для броска на кирпичный завод.

— У тебя меньше всех потерь, рота почти целая, — возразил Василевский.

— Так кажется, потому что вчера был спокойный день. — Капитан вытащил из планшетки карточку с записями: — Рота потеряла четырнадцать человек.

— В общем, осталась целая сотня, не считая взвода станковых пулеметов. — Помощник

начальника штаба посмотрел список и отдал командиру роты.

— Даже на одного больше.

— Если один лишний, — показывая в улыбке зубы, шутливо предложил плутоновый Гячиньский, — то я могу вернуться. Я — сапожник, подамся в интендантство, буду сапоги тачать...

— А я с плутоновым, как связной, — подхватил шутку солдат Славек Рохманковский, радист.

Смеяться вроде бы было не с чего, но так уж, видно, бывает, что перед атакой сидящих в окопах солдат охватывает нервная дрожь, которую легче скрыть шуткой.

Командир посмотрел на часы и сказал:

— Ну, ребята, по местам. Помните, мы не дожидаемся конца бала, а выскакиваем, как только взлетят желтые ракеты.

Телефонист Фелек Ласкажевский выглянул из своей норы в окопе и доложил:

— Вызывают «Ворона». «Ворона» вызывают, гражданин капитан.

В двух местах в небо взвились одновременно пучки ракет, но пока это были не желтые.

Подготовка

«Ч» минус 20». Серия звездных ракет. Телефон — «Ворон». Радио — 44.
— «Луг», «Луг», я «Береза». «Наковальня» готова, черт побери, готова...

От «Ч» минус 20» до «Ч» минус 17» — первый огневой налет.

Дорога от Ленкавицы петляла среди садов и небольших рощиц. Слева поблескивали пруды, заросшие у берегов камышом. Франек поддерживал раненую руку (всего третий день, как в нее попал осколок), и, когда на выбоинах подбрасывало, ее пронизывала острая боль. Михал успокаивал своего спутника, что дорогу он знает как свои пять пальцев — как-никак, а два раза в сутки ему приходилось здесь проезжать, отвозя еду, — и что до 1-й роты уже недалеко.

Но когда въехали на небольшую плотину на лесном озерке, со всех сторон неожиданно загремела артиллерия. Два снаряда, как вспугнутые куропатки, пронеслись почти над самой кабиной.

Подборожный вздрогнул. Это напомнило ему обстрел батальона, рассыпавшегося на открытом лугу.

— Наши бьют,—сказал он, чтобы успокоить самого себя.

— Наши. — Перельман кивнул головой. — Хорошо бьют, можешь мне поверить. Я — артиллерист еще довоенный. Действительную оттрубил в 30-м легком артиллерийском полку, а сентябрьскую кампанию — в 9-м. Ну а потом кое-что еще повидал. А когда однажды радио угольной шахты на Урале передало: «Гей, кто поляк, в штыки»... — Он говорил громко, почти кричал, стараясь перекрыть грохот и свист, поднявшийся вокруг. Рева мотора уже не было слышно.

Неожиданно затормозив, Перельман показал рукой:

— Готово. Узнаешь?

Несколько солдат с такой жадностью опорожняли ящик с гранатами, будто воровали груши в чужом саду.

— Привет! — Старший сержант Бартманович, командовавший взводом после гибели хорунжего Бойко, протянул руку. — Удрал?

— Удрал. Уже могу отделением командовать и из автомата стрелять...

«Ч» минус 17». Серия зеленых ракет. Телефон — «Сорока». Радио — 55.

От «Ч» минус 17» до «Ч» минус 13» — непрерывный огонь.

Когда после первого артиллерийского шквала грохот канонады немного утих, плутоновый Шпихлер выбрался из своего танка, который после купания в Висле все прозвали утопленником, отошел на несколько шагов в сторону и, остановившись между могилами деревенского кладбища, закурил. С минуту он смотрел на деревню и кирпичный завод, методично обрабатываемые гаубицами и минометами.

С могильного холмика, поросшего травой, поднялся советский солдат — невысокий, с мягкими чертами лица — и попросил:

— Дайте прикурить.

Солдат снял каску, чтобы достать свернутую заранее сигарку, и по плечам его рассыпались волосы.

— Что удивляешься? — недружелюбно спросила девушка. — Солдата не видал? Мы из дивизионной разведки.

Она прикурила и, по-мальчишески подтянув брюки, поправила ремень с висящими на нем гранатами и ножом. И вдруг рассмеялась, хлопнув заряжающего по плечу:

— Ну что ты глазеешь? Война кончится, брошу. И курение, и разведку. Честное комсомольское... — завершила она искренне и совсем по-детски.

«Ч» минус 13». Серия голубых ракет. Телефон — «Сова». Радио — 66.

От «Ч» минус 13» до «Ч» минус 10» — второй огневой налет.

Голубые ракеты предупредили батальонную минометную роту: быть в готовности, но пока не открывать огонь. Минометчики должны были переждать первые две минуты налета, а потом усилить его, выпустив за шестьдесят секунд сто пятьдесят мин на окопы высоты Безымянной, и так шпарить до тех пор, пока 3-я рота не достигнет рубежа для решительного броска и не подаст сигнала о прекращении обстрела.

Командиры отделений смотрели на старшего на огневой позиции — подпоручника Яворского. Заряжающие не сводили глаз с командиров отделений, натруженными крестьянскими руками держа у груди мины, словно купленных на базаре поросят. Подносчики поглядывали по сторонам и вперед, где град снарядов сыпался па позиции врага, и еще нет-нет да и бросали взгляд на того солдата, который удрал, но вернулся. Командир на этот раз простил его, по предупредил, что больше не помилует, если что. Так вот подносчики украдкой и поглядывали, не сдрейфит ли этот солдат снова. Андрейчак даже подумал: «У меня в халупе дочка осталась шестимесячная — я не удираю, а он же — холостяк!»

— Слушай, кавалер, — обратился Андрейчак к Генеку Таляреку, наводчику, и кивнул головой па того, «дезертира», но так, чтобы заметил офицер-политработник, к которому обычно обращались «гражданин поручник», хотя погоны он носил без единой звездочки.

— Рядовой, протрите мины ветошью и не крутите носом в ту сторону, откуда ветер не дует, — приказал ему Анфорович.

Андрейчак не успел вытереть уже давно чистые мины, потому что подпоручник Яворский поднял руку и, резко рубанув ладонью воздух, что было силы крикнул:

— Рота!... Огонь!

— Огонь! — повторили пять командиров расчетов, и каждый энергично махнул рукой, словно держал в ней топор.

Стволы с тихим вздохом приняли мины и тут же выплюнули их вверх.

— Залп! — крикнул в телефонную трубку Ежи Жук.

— Залп! — топорща усы, повторил капрал Косьцёлек на наблюдательном пункте.

Поручник Метлицкий внимательно смотрел на секундную стрелку. В грохоте артиллерийской подготовки он различил разрывы своих пяти мин. Ему даже показалось, что он уловил их вспышки в грязно-желтом облаке глиняной пыли.

— Сейчас будет в самый раз, — проговорил Метлицкий, обращаясь к Доманьскому.

— Наших не покалечь. Перенесешь вовремя? — спросил капитан.

— Перенесу. Впрочем, я пойду с тобой, а телефонисты потянут провод.

Доманьский поправил каску, приподнялся на носки, чтобы хоть чуточку быть повыше, и скорее пропел, чем крикнул:

— Штыки-и-и!...

— Штыки-и-и!... Штыки-и-и!... Штыки-и-и! — повторили командиры взводов и отделений, не дожидаясь конца команды.

— Примкнуть!

— Примкнуть... нуть... уть... — пронеслось по окопам, словно несколько раз щелкнул затвор, и вдруг все изумленно прошептали: — Генерал...

— Елки-палки! Верно, генерал, — повторил сержант Чайковский.

— Что, генерал?

— У ветряной мельницы стоит.

От ветряной мельницы остался лишь черный остов, и вот около него вырисовывался «виллис», а в нем стоял человек, рослая крупная фигура которого всем была хорошо знакома, и смотрел в бинокль.

Над лесом засвистало, завывало... Все невольно повернули головы в ту сторону. Над самыми вершинами деревьев пронеслись штурмовики. Они открыли огонь из пушек, выпустили реактивные снаряды, сбросили бомбы.

Тройной удар был неожиданный и мощный, словно гром в горах, усиленный многократным эхом. От этой картины захватывало дыхание. На высоте Безымянной земля горела белым термитным пламенем. Бомбы расшвыривали высоко в воздух глыбы горячей глины.

«Еще одна такая атака, и от моей роты ничего не останется, — подумал Доманьский. — Я туда аккурат на похороны поспею».

Нельзя было медлить ни минуты, и Доманьский, приподнявшись на носки, скомандовал:

— Рота...

«Ч» минус 10». Серия желтых ракет. Телефон — «Ястреб». Радио — 77.

— ...вперед! — И прежде чем ракеты достигли высшей точки полета, Доманьский выпрямился над бруствером с поднятым вверх автоматом: каждый командир, поднимающийся в атаку необстрелянную роту, какую-то долю секунды чувствует себя одиноким.

Нет, он был не один. Краем глаза Доманьский видел, как поднялись сержант Спруж, хорунжий Ласак (откуда-то из Келецкого воеводства), капрал Гарбьяк и Патер (гураль^[4] из-под Сонча), Рохманковский с рацией на спине.

Ракеты на мгновение задержались вверху и затем рассыпались. Рота перевалила за насыпь, зашуршала сапожищами по стерне, издавая звук, похожий на тот, когда скребут щетину одной бритвой без мыла. Сержант Чайковский большими прыжками пробежал мимо командира.

— Если нам дадут пинка, пусть называется Утиной Гузкой. Ура-а-а! — закричал он вдруг пронзительным голосом.

И вслед за ним сто тринадцать глоток роты одновременно гаркнули:

— Ура-а-а!

Нет, сто двенадцать, потому что в Колодыньского в этот момент попала пуля. Все это произошло, прежде чем радисты трижды выдали в эфир: «Семьдесят семь», прежде чем телефонисты произнесли: «Ястреб».

«От «Ч» минус 10» до «Ч» минус 5» — непрерывный огонь.

Минометная рота не прекращала огонь. Старшина роты Цинамон и Анфорович мобилизовали всех свободных людей, и даже непослушных шоферов, на подноску снарядов. Били из минометов на максимальной скорости, навешивая по две мины из одного ствола.

— Отбой! — крикнул телефонист.

— Стой! Кончай, черт побери, хватит!

Солдаты, угоревшие от порохового смрада, оглохшие от грохота выстрелов, не сообразили сразу, что от них требуется.

— Внимание! Сосредоточение огня номер два, кирпичный завод...

— Командир просит... — Жук подал трубку.

— Да... Понятно. Сейчас дадим...

— Сейчас дадут, — сказал поручник Метлицкий.

Вместе с Доманьским и его связными они находились как раз на кончике мыска этого сапога, на которой походила высота Безымянная. Впереди, в ста двадцати метрах, над глиняными карьерами зеленели кусты. В пятидесяти метрах левее шел бой: это взвод Шабловского, очищая ходы сообщения гранатами, продвигался вперед, но почему-то казалось, что вот-вот он остановится. Еще хлестче стали бить автоматы. От кирпичного завода строчило уже с дюжину ручных пулеметов. Очереди неслись низко над землей, подстригая все на своем пути. Ранило Рублевского и Косиньского.

— Когда дадут?

— Сейчас. Меняют прицел.

— Надо было сразу.

— Надо было.

Будто у самого уха оглушительно ударила пушка.

— Вот тебе и на... — (Два снаряда пролетели над головой.) — Дождались. Эти сволочи уже бьют... — (Четвертый снаряд!)—А наши, противотанковые?...— (Резине выстрелы противотанковых ружей.) — Нет, тоже заговорили... — Доманьский улыбнулся, будто удивленный.

Петр Вельтер вел свой взвод противотанковых ружей сразу за пехотой. Солдаты порядком вспотели. Вместе с боеприпасами на каждого приходилось по четверти центнера груза. Замполит и старшина роты, старшие сержанты Коврыго и Зелиньский, тоже были нагружены, как мулы, ящиками с боеприпасами. Когда стрелки добежали до окопов, Вельтер подал команду: «Ружья вперед!» Бойцы быстро установили ружья, причем одно от другого на таком расстоянии, чтобы вражеский снаряд, если уж упадет сюда, не накрыл всех сразу.

После второго снаряда, разорвавшегося поблизости, бойцы открыли огонь. Мариан Гавлик — совсем молодой, ему и двадцати еще нет, но выдержанный и настойчивый, — хорошо попал: танк сразу задымил. Капник, высунувшись, вlepил еще один раз в броню, но и сам схлопотал пулю и опустился на дно окопа. Его перепачканный глиной рот искривился в растерянной улыбке:

— Санитар!

Зелиньский первым подбежал к раненому. Фронттовую закалку он получил еще в сентябре. Познанец родом, он сражался в армии генерала Кутшебы под Кутно, отступал к Модлину, оборонял Варшаву. В то время он был плутоновым. Осмотрев рану, Зелиньский спросил:

— Можешь сам идти? Тогда дуй отсюда, да поживее...

В зарослях лозы над глиняными карьерами перебежали группами гренадеры. Прямо по центру, от выщербленной трубы, стреляя на ходу, напоздали еще два танка.

— Гражданин капитан, они готовятся к контратаке.

— Сам вижу. — Доманьский кивнул головой. — Всем во взводы, держите людей в руках! — приказал он подофицерам, собравшимся вокруг него.

Наконец над головами пронеслась первая волна мин. Четыре из них накрыли немецкие позиции, одна же разорвалась совсем близко.

— Эх вы, стрелки! Один ствол на прежнем прицеле. Ноги повырываю! — крестил своих по телефону Метлицкий.

— Если летчики такие же умники, то они нас прикончат. — Доманьский выхватил у связного ракетницу и одну за другой выпустил вверх четыре ракеты: красную — зеленую, красную — зеленую.

Головной штурмовик послал два реактивных снаряда в зелено-желтое пятно — кирпичный завод и освободил бомбодержатели прямо над головами пригнувшихся и окопах солдат. Темные сигары секунду преследовали самолет, затем со свистом отстали и, описав дугу, скользнули вниз, взметнув фонтаны воды и пламени в глиняных карьерах.

— Ура-а-а! — пронеслось по окопам.

«Если б сейчас поднять людей и в нужную минуту иметь возможность чуть придержать снаряды, чтобы они точно падали на кирпичный завод», — подумал командир роты. Однако не было ни силы, которая бы в мгновение ока подняла укрытые в окопах отделения, ни такого надежного рычага управления, с помощью которого можно было бы перемещать запланированный огонь. Нужно действовать согласно расписанию, как движется поезд по рельсам до станции назначения. Было еще только 11 часов 10 минут.

«Ч» минус 5». Серия черных ракет. Телефон — «Кукушка». Радио — 88.

Артиллеристы сбросили с себя пропитанные потом рубашки. На темных лицах сверкают лишь белки глаз да зубы в полуоткрытых ртах.

— Заряжай — готово — огонь! — эти отрывистые команды сливаются в одно многосложное слово.

Пустые гильзы, падая, подскакивают на дне окопов и подкатываются под ноги артиллеристов.

— Отбрасывай! Только не руками — обожжешься.

Гаубицы и минометы ведут навесной огонь, пушки бьют прямой наводкой. И наконец раздается многоголосый рокот моторов танков: это вместо «Богородицы» в былые времена перед атакой конницы.

От «Ч» минус 5 до «Ч». Третий огневой налет.

— «Береза» докладывает, что «наковальня» сдвинута на двести метров восточнее придорожного креста.

— Хорошо.

— 3-я рота остановлена огнем из танков и автоматического оружия на высоте Безымянной.

— Хорошо.

Межицан с той минуты, как вернулся от ветряной мельницы на командный пункт, не выпускает трубки изо рта. Сейчас на каждое донесение можно только отвечать «хорошо»:

каша уже варится в котле, и тыкать вилкой — не имеет смысла.

Командиры подготовили подразделения бригады и выработали оперативный план. Техники позаботились о броневых машинах и оружии. Снабженцы подвезли горючее, снаряды и хлеб. Политработники морально подготовили бойцов к бою. Теперь все решают солдаты!

Девятый «ильюшин» взмыл вверх, лег на крыло, сделал крутой вираж и вновь занял свое место в строю.

— Я «Ласточка», — раздался хриплый бас в наушниках радиостанции наведения. — Мы кончили. Как работали?

— Работали хорошо, — говорит в микрофон советский летчик, майор. Он стоит у своей автомашины на гребне высоты Ветряной.

— Квока, где ты? — спрашивает по телефону капитан Вонсовский.

— На месте, — отвечает плютоновый. — Ласковский ранен.

Автоматчиков из батальонной разведки маловато, но им удалось достичь восточного склона высоты Безымянной. Сейчас они сидят там, укрывшись в воронках.

— Квока^[5] — фамилия звучит как закодированное название, — через три минуты поднимаемся.

— Ясно, — отвечает приемник раненого Волчаньского и сдвигает на лоб каску, чтобы выглядеть суровее.

Кулик и Вонсовский еще ночью решили, что должны помочь 3-й роте: как увидят, что автоматчики идут, тоже поднимутся...

— Берите, берите гранаты! — покрикивает капрал Шопа. — Я не буду за вами носить.

— Мне можно? — спрашивает русская девушка. Из-под каски выбиваются светлые локоны. — Мы — разведчики.

— Можно, — отвечает парень и невольно краснеет. — Конечно, можно. Бери, сколько хочешь. Погоди, я тебе выберу самые красивые...

— Пошли, ребята! — Плютоновый Квока, вылезая из воронки, махнул рукой. — Поможем «коту в сапогах».

Взвод разведки торопится, ускоряет шаг. На гребне высоты разведчики видят, что атакующие уже выскочили из окопов. Капитан Доманьский бежит по насыпи, размахивая автоматом. То здесь, то там прямо у его ног пули поднимают фонтанчики песка.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — Этот призыв прорывается сквозь грохот, поднимает солдат из окопов и укрытий.

Танковый снаряд вспахал землю — убит Зигмунт Завильский, ранены Каневский и Ласковый.

— Вперед! — Рота поднялась, бросилась вперед. Солдат гонит ярость, а отлогий склон высоты лишь ускоряет движение.

На территории кирпичного завода рвутся снаряды, лопаются мины из минометов поручника Мотлицкого, но в немецких наводчиков, защищенных броней, они еще не попали. Вот хлестанули пулеметные очереди из немецких танков — ранило плютонового Гачиньского и Патера, упал, сраженный, минометчик Эдвард Раули.

Генерал надевает трехгранный танковый шлем, затягивает тесемку, прижимающую

ларингофоны, и говорит иначе, чем обычно, — с волнением и гневом в голосе.

— Пора, ребята. За матерей и сестер! За Польшу! Прямо в морду, чтоб летели вверх тормашками.

Эти слова генерала отзываются в десятках наушников, эхом повторяются в окопах, на стерне, в воронках, где сотни солдат в вылинявших, пропитанных потом мундирах сжимают побелевшими пальцами оружие. За минуту, за секунду до того, как стихнет гром артиллерии, они должны будут выйти из окопов, поднять головы. Голова у каждого одна, но — черт побери! — ведь они шли год, а может, и все пять лот, к этой минуте, которая сейчас наступит.

Вперед!

— Вперед! — Роты Гугнацкого и Сырека поднялись из окопов. Впереди — колеблющаяся песчаная стена, то и дело разбиваемая взрывами.

— Вперед! — Трещат станковые пулеметы Пёнтковского. Бегут парами бронбойщики Пахуцкого.

— Вперед! — Через студзянковскую поляну движется первая волна автоматчиков Шпедко и бронбойщики Мамойки, а за ней из леса Парова выползают танки 2-й роты.

— Вперед! — Машины Козинеца, выпустив по залпу, набирают скорость, подходя к Повислянским роцам, на склоне высоты Ветряной.

Генеральский «виллис» второй раз подъезжает к ветряку. Отсюда хороший обзор: рыбий скелет дереvушки; зелено-желтый, словно жаба, кирпичный завод, а в глубине — каменный череп фольварка с продырявленными глазницами. Все это, словно ватой, окутано пылью, охвачено ржавыми языками пламени.

По стерне и убранному картофельному полю в облаке густой пыли движутся зеленоватые цепи. Они кажутся безмолвными, потонув в грохоте артиллерийской канонады.

— Ближе, ближе к разрывам... Как к девушке, ребята, — говорит генерал, хотя прекрасно знает, что они не могут его слышать.

«Ч». Серия красных ракет. Телефон — «Ласточка». Радио — 99.

Полковая артиллерийская группа 140 ставит заградительный огонь на горловине. Дивизионная артиллерийская группа 35 сосредоточила огонь на фольварке. Разрывы удаляются к югу, умолкают орудия прямой наводки и минометы. В небе — высокий тенор пары истребителей, стерегущих поле битвы. На какую-то долю секунды вдруг становится так тихо, что слышно шипение ракет в верхней точке траектории. Так тихо, что — тысяча чертей!...

Есть! Наконец есть. Оно взорвалось над высотой Безымянной, взлетело, сопровождаемое грохотом автоматического оружия, и двинулось по склону к кирпичному заводу. Перебросилось во взводы 1-й роты, перемахнуло через поле к деревне, где атаковали бойцы Гугнацкого, и на поляну к автоматчикам 2-го полка. Пошло, как искра по запальному шнуру! Ударилось о стену лесов и — охрипшее и звонкое, дикое и грозное, как рев зубра перед боем, — обрушилось на немцев:

— Ура-а-а!

Очнулись вражеские пулеметы, заговорили из уцелевших дотов, прислуга бросилась к орудиям. Уже строчат автоматы. Противник сильный, обученный своему ремеслу, не склонный прятать голову в песок.

Мчатся вперед танки роты Козинеца: правофланговый — вдоль дороги в тени верб; левофланговый — к кирпичному заводу. В деревне еще слышны разрывы запоздалых снарядов. На бешеной скорости несутся три танка. Немцы драпают или наши преследуют? От перекрестка дорог им навстречу сверкнуло пламенем противотанковое орудие. Значит, наши машины. Сверкнуло еще раз, и вокруг орудия противника взметнулись разрывы — близкие, но не сильные. Это бьют наши «сорокапятки». Танки пересекают перекресток.

— Три машины из 2-й роты оторвались от пехоты, — говорит генерал поручнику Ордзиковскому. — Доложите мне потом, какие.

«Здорово пошли», — отмечает про себя Межицан и вновь раскуривает свою трубку. И

сразу же подумалось: «Прежде чем выкурю, все будет решено!»

Секунда — это много. У старого почтенного пулемета типа «максим» скорость — четыре-пять выстрелов в секунду. Тысяча секунд — это неимоверно много, в десять раз по сто больше, а может, даже и в сто раз по сто, если это — первая тысяча секунд, непосредственно после часа «Ч». Невозможно описать все, что делается сейчас, ибо тогда пришлось бы сначала упорядочить хаос, установить временные связи — что происходило вначале, что одновременно, что потом — и таким образом воссоздать схему причин и следствий. Но это же получится схема — схема повествования, но не изображение атаки, которая создает хаос на свой манер. Лучше записать то, что возможно, пусть каждый сам поразмыслит над тем, как это было на самом деле. Каждый поймет это по-своему, и вот это как раз и хорошо, потому что один солдат воспринимает атаку иначе, чем другой, и в общем, что ни солдат, то своя правда, не всегда совпадающая с содержанием донесений командиров.

1-й взвод 2-й роты 2-го танкового полка: три машины Т-34 под номерами 221, 222, 223. Экипаж тапка 221: командир взвода — подпоручник Леон Турский (родился в 1912 году в Варшаве); механик-водитель — плютоновый Влодзимеж Тушевский (с 1921 года); радист-стрелок — капрал Игнаций Вурм (с 1925 года); заряжающий — капрал Люциан Полетек (с 1920 года). Танк 222 после гибели экипажа Бестлера принял заместитель командира роты по технической части подпоручник Виктор Зинкевич. Радистом у него был рядовой Владислав Пайонк из штабной роты бригады. Имена остальных установить не удалось. Командир танка 223 — хорунжий Кароль Нитарский. Взвод действует на левом фланге роты. По плану он должен был выйти в «Ч» минус 1», а двинулся в «Ч» минус 2»: разница в минуту при боевой скорости 12 километров в час дает 200 метров непреодоленного пространства.

Осколки снарядов нашей артиллерии, заканчивающей третий огневой налет, вынудили десантников спрыгнуть с брони у первых же пепелищ деревни. Разрывы снарядов нашей артиллерии прикрывают танки на трассе около 600—700 метров. Но вот с перекрестка заговорило вражеское противотанковое орудие. Это первый снаряд.

— Водители, полный вперед! — подал команду Турский.

Второй снаряд рикошетом отскочил от башни танка Нитарского.

«Те два танка пройдут, а я в прицеле у фашиста, и он успеет меня прикончить», — пронеслось в голове у Кароля, и он стреляет в сторону фольварка, чтобы успеть выпустить лишний снаряд по врагу.

1-й взвод истребительно-противотанковой батареи мотопехотного батальона: две 45-мм пушки образца 1942 года (вес в боевом положении 560 килограммов, дальность стрельбы 4400 метров). Командир взвода — хорунжий Францишек Ярош (родился в 1911 году в деревне Эльжбета, Пулавского повята); заместитель по политчасти — старший сержант Ян Сопочко (родился в 1921 году в поселке Суринты, Молодечненского повята). Командиры орудий — сержант Несцерук и капрал Бабяш; наводчики — капралы Пузыревский и Скарбек.

Орудийная прислуга стоит на коленях, Ярош смотрит в бинокль. Через несколько секунд после наступления часа «Ч» над перекрестком дорог в Студзянках засверкало и запыхало.

— Ориентир: часовня, влево десять. Осколочным заряжай!

Паздзёр зарядил. Дронг захлопнул замок. Пузыревский поймал в стеклах придела тени немецких канониров. Облако пыли взметнулось второй раз.

— Первое — огонь! Второе — огонь!

Оба орудийных расчета положили снаряды в выемку, обложенную дерном. Зеленые фигурки выскочили наверх. Они бегут по полю к лесу. Вот они вновь залегли. Через дорогу, словно дикие кабаны, проскочили три танка.

— Орудия — вперед! Двое со мной, — приказал хорунжий Ярош и тихо добавил, обращаясь к высокому, сухощавому Сопочко: — Подтяни, Янек, к перекрестку.

А сам вместе с двумя бойцами побежал ложбинкой вниз по скату высоты Ветряной, к садовому питомнику.

3-я пехотная рота ведет бой восточнее кирпичного завода. Три пулеметных гнезда уничтожены гранатами. Но снайпер ранил рядового Эмиля Станьского и плутонового Курылу (из пулеметных расчетов поддержки). Противотанковые ружья с высоты Безымянной сдерживают самоходные орудия противника. Усиливается огонь со стороны фольварка.

1-ю роту на правом фланге остановил пулеметный и автоматный огонь от перекрестка дорог. На левом фланге идет бой за садовый питомник. Автоматчик Станислав Плахта (с 1896 года) гранатой заставил замолчать тяжелый пулемет. Шавельский ранен, Болеслав Одолинский ранен, плутоновый Рышард Брыгула ранен, рядовой Станислав Байковский из Пасьного Бора убит.

2-я рота третий раз атакует одно и то же пепелище. В центре деревни танки вырываются вперед. Пехота остается позади. Немцы открывают огонь, прижимают взводы к земле. Из укрытия на позицию выезжает вражеский бронетранспортер и бьет из скорострельного 20-мм орудия. Но под огнем взвода противотанковых ружей хорунжего Яна Серетного он отходит. Бронебойщики капрал Кульчицкий и рядовой Михалек заставляют замолчать два блиндажа.

Заместитель командира 1-го взвода сержант Ян Вашкевич указывает командиру танка 1-й роты поручнику Козинецу цель. Танк таранит бронетранспортер. Рота пускает в ход гранаты, бросается вперед и приближается к перекрестку, где стоит разбитый танк 214. Рядовой Михал Браер ранен, рядовой Стефан Пероговский из Гвоздице убит.

Радист танка 210 капрал Павел Парадня рассказал:

«Во время атаки танк поручника Козинеца шел чуть сзади. Вдруг нас оглушило. Это рикошетом отскакивали снаряды — один, другой, третий, четвертый. Осколком ранило командира орудия Мариана Гоша. В ушах у меня стоял шум и звон. Я ничего не слышал, но мы продолжали двигаться. Значит, целы. Мы шли параллельно дороге. На поле — хлеб в копнах, впереди — пепелище да закопченные кирпичные трубы. Немцы выскакивали из окопов и укрытий и бежали. Я бил по ним из пулемета. Въехали в деревню. На пути — грузовик, подмяли его под гусеницы.

Я слышал, как о броню стучали пули. Огонь вели из пулеметного гнезда. Немцы хотели отсечь от нас пехоту. Выстрел из орудия — и ничего не слышно. Это Козинец утихомирил немцев. Станковые пулеметы находились в глубине деревни, в саду. Наконец немцы отступили, оставив несколько обгоревших танков и орудия. На перекрестке стоял разбитый Т-34».

Те, кто вел бой, этого не видели, но с командного пункта генерал Межицан заметил, что немецкие артиллеристы стали приходить в себя. Вот они выпустили первые снаряды и перенесли огонь па западную окраину деревни, на высоту Безымянную. Два тяжелых снаряда упали на Ветряную. У немцев еще есть связь и наблюдатель. Они еще удерживает кирпичный завод, перекресток дорог и часть деревни. Фольварк находится за пределами радиуса основных действий, так как немцам удалось отбросить «наковальню».

Командир танка 221 подпоручник Леон Турский рассказал:

«Наши три танка проехали через всю деревню и вышли к фольварку. Здесь еще падали снаряды советской артиллерии. Мы ворвались, когда еще огонь не перенесли и осколки стучали по броне машин. Я не очень разбирался, куда нас занесло. Только когда замолкла артиллерия и немцы стали высовываться из укрытий, я попросил помощи по радио».

Командир танка 217 подпоручник Матеуш Лях:

«2-я танковая рота пошла в атаку под непосредственным командованием Марчука, а взвод Турского — на ее левом фланге. Они двинулись сразу на большой скорости и быстро скрылись из виду в клубах пыли и дыма. Вскоре (все работали на одной волне) я с удивлением услышал сообщение Турского: «Я один на «Эфэф». — (Условное название фольварка.) — Что делать?» Меня это поразило, потому что ни деревня, ни кирпичный завод еще не были взяты. Козинец немедленно отдал по радио приказ: «Вперед!»

Справа — двухэтажный дом между деревьями, слева — кузница, курятник, барак для батрацких семей... Прямо впереди — разбитый кормозапарник, конюшня, коровник. Дальше вправо — рига, амбар. Дальше влево, за дорогой — водная гладь пруда. Строения солидные, сложенные из гранитных валунов, усеянных черными, красными, коричневыми и серыми зернами. В окошках — вертикальные железные прутья с отогнутыми острыми концами.

Прежде чем танк притормозил во дворе фольварка, Нитарский успел всадить в эти окошки два снаряда. Он слышал, как Вурм, радист танка командира взвода, передает:

— Я «Кедр-один»... Фольварк взят.

По броне звонко стучали пули, совсем рядом разорвался тяжелый снаряд.

Подпоручник Турский увидел в перископ, как, пригнувшись к земле, к танку Нитарского крадутся немцы. В пятнистых куртках и касках, они проворно вскакивали на броню. Турский почувствовал у себя на спине холодный пот. Танкисты оказались в ловушке, слишком тесной, чтобы вести бой. Мертвое пространство орудия — 22 метра, а немцы ближе. Заряжающий Люциан Полетек зубами вырвал чеку и, приоткрыв люк, метнул гранату. Нитарский сделал то же самое и уложил четверых, но с другой стороны лезли еще пять гитлеровцев. Где же, черт возьми, пехота? Где остальные танки роты?

— Механик, — приказал командир взвода, — задний ход...

Командир танка 226 подпоручник Александр Марчук:

«Когда я получил приказ, что должен непосредственно руководить атакой, я собрал командиров танков и сказал им, что нам нельзя задерживаться у окопов пехоты, нельзя ждать пехотную цепь, иначе мы все получим там крепкий удар, поэтому всем следует на полной скорости мчаться прямо к лесу. Я занял позицию на правом фланге. В этом месте противник мог открыть фланкирующий огонь. После артиллерийской подготовки мы тронулись в путь, ведя огонь из всех стволов. Когда танки миновали окопы, пехота поднялась за нами и пошла в атаку. Въехав в лес, я сразу же потерял радиосвязь с остальными...»

Всегда бывает минута, когда всей связью будто черт командует: заглушает радиостанции, рвет провода, пылью и дымом заслоняет опознавательные знаки, разрывами перекрывает голоса командиров, пулями останавливает связных. В это время действуют только уставшие от бега, бешено колотящиеся в груди солдатские сердца.

Всегда бывает минута, когда и весь тактический план будто черт перепутает. И тогда параллельные направления перекрещиваются, полосы наступления налезают друг на друга либо расходятся в стороны. В это время наступающая часть подобна большой реке, которая, выйдя из берегов, хлынула вдруг всем своим потоком, прорвавшись в наиболее слабом месте.

Роты автоматчиков и противотанковых ружей 2-го танкового полка поднялись из окопов и пошли за танками в атаку. Перед солдатами широко раскинулась, примерно на полкилометра, студзянковская поляна. Лес за нею, растерзанный артиллерийским шквалом, молчал. Десантные группы на броне танков достигли высоты 132,7, захватили лесной плацдарм.

Цепь атакующих, споткнувшись о несколько пулеметных гнезд, забросала их гранатами и обстреляла из противотанковых ружей. 1-й истребительно-противотанковый взвод хорунжего Красовского с фланга обстрелял немецкие танки, уходившие из деревни. Рота Гугнацкого фланкирующим огнем рассеяла группу гитлеровцев на опушке леса южнее деревни.

Цепь снова двинулась в атаку, приближаясь к лесу. Сломив в рукопашной схватке сопротивление противника и разбившись на штурмовые группы, атакующие продолжали стремительно наступать. При штурме студзянковской поляны были ранены старший стрелок Мендель Колтун из роты противотанковых ружей, капрал Стефан Там и плутоновый Станислав Старчевский из роты автоматчиков. Рядовой Владислав Рудницкий, несмотря на ранение, остался в строю.

«Максим» плутонового Кульпы уже третий раз пробирался среди пепелищ Студзянок. Местность была знакомая. Пулеметчики перебежали правой стороной, по задворкам, а когда атака захлебнулась у разбитого танка, они уже были в лесу. Перескочив через песчаную дорогу вместе с автоматчиками 2-го танкового полка и свернув влево, они установили свой «максим» в воронке, стволом на север. Теперь перекресток дорог был от них слева.

«Только бы долго не ждать, — подумал Павел Кульпа и приказал открыть огонь по немецким окопам у дороги в деревню. Пулеметчик старший стрелок Юзеф Зинко застрочил

аккуратными, размеренными очередями. Прежде чем кончилась лента, пулеметчики услышали «Ура!». Это была рота Гугнацкого. И вот уже первые наши солдаты оказались под высокими деревьями у белой часовенки.

Кульпа заметил на разветвленном тополе немецкого снайпера и показал на него пулеметчику. Скорректировали огонь, и Кульпа увидел, как немец рухнул вниз.

Здесь уже больше нечего было делать, и пулеметчики, подхватив своего «максимку», направились к дороге. Посреди лужайки их накрыла мина. Кульпу ранило в колено. Зинко погиб.

Сташеку Порчику из Домбрувки еще и семнадцати лет не исполнилось, когда он появился в роте. Перед этим сражением ему только пошел восемнадцатый. Старался парень, получил звание капрала и ручной пулемет носил, как первый номер, но о нем все равно еще говорили: «Дитё».

Чтобы доказать обратное, ему, видимо, надо было совершить что-то большее. И поэтому, когда его ранили в плечо, он остался в строю, не ушел из отделения. Но его превзошел Подборожный: тот вернулся из госпиталя перед самой атакой.

Когда взвод залег перед садовым питомником, капрал Порчик очередью выкурил двух немцев. Третий выстрелил в него из ближайшего окопа, и тут как раз «Дегтярев» заело. Тогда Сташек метнул гранату, но не попал. Немец тоже бросил гранату — удачно, но она не взорвалась. Сташек швырнул последнюю, оборонительную, и сам вскочил в ближайшую воронку. От злости у него чуть слезы на глаза не навернулись, но все-таки ему удалось устранить неисправность, и он дал такую очередь из пулемета, что у немца сорвало с головы каску и отбросило далеко в сторону.

В этот момент подошли танки. Вся рота с криком «Ура!» бросилась вперед. Порчик остановился под тополем, чтобы дать очередь, и вдруг получил пулю в правую ладонь. Пришлось отдать ручной пулемет Яну Сенкевичу. Тот несказанно обрадовался — ведь ему тоже шел восемнадцатый.

Руку Сташеку перевязал хорунжий Шнейдер из 2-й роты. Он сам был с повязкой на голове. Как раз в это время с правой стороны подошла 2-я рота, и ее бойцы не преминули тут же похвастаться, что это они, захватили деревню и перекресток дорог.

Старший сержант Кочи и офицеры собрали взводы, чтобы ударить на фольварк, но в этот момент наши артиллеристы неожиданно начали стрелять из трофейного орудия. Неизвестно, откуда они его раздобыли, потому что во всем батальоне ни одного такого не было.

Когда обе «сорокапятки» выпустили по снаряду и хорунжий Ярош бросился вперед, следом вскочили сержант Несцерук и капрал Скарбек. Они едва поспевали за ним.

Около садового питомника с правой стороны показались танки, и цепь поднялась в атаку.

Худой немец замахнулся гранатой, но Скарбек уложил его очередью. Два гитлеровца выскочили с винтовками с отомкнутыми штыками. Одного Несцерук скошил, а другого трахнул прикладом автомата. Ярош, Несцерук и Скарбек почти одновременно оказались у орудия. Рядом валялись трупы немцев. И среди них лежал убитый два дня назад хорунжий Бойко из 1-й роты.

Пушка, «семидесятипятка», была цела, не хватало только спускового шнура. Несцерук

снял с брюк пояс и привязал. Взявшись за станины, попытались развернуть пушку — тяжело. Подбежал Сопочко и еще несколько человек — помогли.

— Заряжай, — приказал хорунжий Ярош и припал к прицелу. Навел орудие на фольварк.

Они дали один за другим пять выстрелов, так что даже дым пошел и все деревья окутало пылью.

— Хол-л-ера! — Сопочко всегда запинаясь, когда был зол или раздражен, что случалось с ним нередко. — А как там н-наши?

На всякий случай они увеличили дальность стрельбы и выпалили все до одного снаряда в тыл противника.

Старший стрелок Скавиньский шел со своим противотанковым ружьем позади всех. Нет, он не был плохим солдатом. Просто позавчера ранило его заряжающего Роговского Блажея, и теперь Скавиньскому приходилось все нести самому. Кроме того, вчера ему в колено угодил кусок кирпича, и Скавиньский хромал на правую ногу. Когда он взобрался на высотку, 3-я рота, поддерживаемая взводом, уже вела бой за кирпичный завод. Скавиньский с удивлением отметил, что из того леса, где должны были находиться танки 3-й роты, стреляет «тигр». До танка было с полкилометра или больше, и Скавиньский понимал, что такую толстую броню не пробить, но все же решил поугадать немца. Прицелившись, он выстрелил раз-другой, и «тигр» отошел за деревья.

— Хорошо, — похвалил бронебойщика замполит роты сержант Евсей. Он сам прибыл только позавчера, когда ранило хорунжего Колесняка. — На вот, я тебе патроны принес.

— Я сейчас еще одному влеплю.

— Какому? — спросил сержант.

— Вон тому, что кормой в болото ползет. Вот дурак.

— Погоди, — Евсей прикрыл глаза ладонью. — Это же наш.

Штурм фольварка

Пятеро в пятнистых куртках и касках, с пучками соломы под маскировочными сетками вскочили сбоку на броню танка Нитарского.

— Задний ход, — приказал Турский. — Левую выжимай, еще левую.

Капрал Полетек смекнул, в чем дело, и зарядил пушку осколочным. Задним ходом они перескочили мощеную дорогу и въехали в небольшой пруд, полный разбухших убитых гусей. Ударили из пушки по каменной стене коровника, потом еще раз. Обломки разлетелись по двору, взрывная волна смела немцев с брони. Вурм из своего «Дегтярева» вылуцивал немцев из расщелин в стенах, из-за углов. Таким способом им удалось оттянуть время секунд на двадцать-тридцать, а может, и на минуту. Но немцы могут вот-вот ударить из какого-нибудь окошка или через пролом в стене. Где же, черт возьми, пехота, где остальные машины?

Командир танка 226 подпоручник Александр Марчук:

«Мы влетели в лес, где я сразу же потерял радиосвязь с остальными, но размышлять об этом было некогда, и мы продолжали рваться вперед. Я даже не заметил, что задел стволом за дерево и башню развернуло назад. Только выстрелив два раза в сторону своих, я увидел, что внизу нет водителя, и повернул башню. Через минуту наехал на сосну с раздвоенным почти от самой земли стволом и остановился».

Радист танка 210 капрал Павел Парадня:

«В поле на старой раскидистой груше засели два немецких снайпера. Очередь из танкового ручного пулемета — и оба, как две груши, упали с дерева. Их уничтожил Виталий Медведев из танка 211.

Набрав скорость, мы помчались к кирпичному заводу. Пехота отстала. Со стороны кирпичного завода стрелял «тигр», потом он замолчал. Наконец мы разбили заводскую трубу, по которой с самого начала стреляли все».

Командир танка 217 подпоручник Матеуш Лях:

«Наши три машины шли слева от дороги, а остальные с Козинцем — правее нас. Поддерживали нас бойцы мотопехотного батальона. Я видел капитана Кулика, поднимающего солдат... Атака была ураганная. И немцы и мы вели сильный огонь. Взводы наконец прорвались к кирпичному заводу. Я хотел идти дальше с пехотой на фольварк, но приказ Козинца остановил нас. Мы поддерживали цепь огнем с места».

Подпоручник Александр Марчук:

«Танк наехал на сосну с раздвоенным почти от самой земли стволом и

остановился. Мой механик-водитель плутоновый Федоров из Ленинграда, уже немолодой мужчина, подал машину назад, с ходу мы свалили эту сосну и поехали дальше».

Командир танка 215 хорунжий Гадеуш Корняк:

«Мы пересекли поле длиной 1200 метров. Мы вели огонь на ходу, противник отступал. В лес въехали очень осторожно. Для защиты танка я получил трех автоматчиков. Показались два советских солдата, они сидели, замаскировавшись, и подавали сигнал, чтобы в зарослях танк не наехал на них. Примерно в 40 метрах от опушки леса я заметил движение. Это немцы вели оборонительные работы: маскировали пулеметные гнезда и позиции противотанковых орудий. Между обеими опушками было жнивье шириной 200—250 метров. Снопы были собраны в копны, некоторые из них немцы уже разобрали для маскировки своих позиций».

Подпоручник Александр Марчук:

«В начале атаки у меня на броне было четыре автоматчика, но, где я их потерял, не знаю. В лесу на нас напали немцы, прыгнули на машину. Я через люк метнул гранаты, чтобы сбросить их с танка. Наконец мы приблизились к противоположной опушке леса, примерно метров на сто правее строений фольварка».

Хорунжий Гадеуш Корняк:

«Я открыл сильный огонь из танка. Немцы, ошеломленные, бросились бежать, укрываясь за деревьями. Сориентировавшись, откуда ведется огонь, они подтянули два орудия к опушке леса и начали стрелять осколочными снарядами, которые рвались вокруг танка. Осколком разбило стекло смотровой щели водителя. Я приказал сменить его. К этому времени мы уже израсходовали две трети боекомплекта (более шестидесяти снарядов)».

Подпоручник Александр Марчук:

«Когда мы вышли на открытое пространство, снаряд с противоположного конца поляны сорвал бандаж с колеса, поддерживающего гусеницу. Мы отъехали назад за деревья и подтянули свободную гусеницу. Я увидел за полянкой убегающих немцев и автомашины на расстоянии около полукилометра. Я открыл по ним огонь из орудия, еще не зная, где остальные танки роты. Из пулемета я уложил гранадера, который удирал через поляну, неся на спине сноп ржи... Через какое-то время через лес с юга к нам подбежала советская пехота. Было слышно, как бойцы кричат «Ура!» и стреляют, преследуя немцев».

Лес рубят — щепки летят, как говорится в пословице. Однако наступает минута, когда после очередного сильного удара дрогнет ствол дерева от корня до вершины, и тогда только одним дровосекам ведомо, что оно вот-вот рухнет.

Наступая, соединение вначале разрушает блиндажи, уничтожает орудия и пулеметы противника, овладевает отдельными окопами. Но узел обороны еще держится, жалит очередями, бросается снарядами с закрытых позиций, управляет огнем поддерживающих его дальнобойных орудий. Однако наступает минута, когда после очередного удара, такой же силы, что и все предыдущие, лопается главная артерия или надламывается психическая сопротивляемость обороняющихся. Очень трудно понять, какой из ударов стал решающим, ибо они следуют один за другим с быстротой молнии, но минуту можно определить безошибочно.

С командного пункта Межицана на высоте Ветряной видно, как огонь немецкой артиллерии неожиданно теряет ритм, перестает быть метким, снаряды рвутся на пустых картофельных полях, осколками вспахивают сожженное жнивье. В нескольких местах одновременно вспыхивают танки. Султаны дыма светлые, насыщенные бензином, а не нефтью: горят немецкие. Внезапно усиливается грохот автоматического оружия, трескаются гранаты и с удвоенной силой взрывается крик атакующих, окрепший, предчувствующий близкую победу, на два тона ниже, чем до этого.

Танки Ляха и Медведева вместе с правофланговым взводом 1-й пехотной роты прорвались к кирпичному заводу с запада в ту самую минуту, когда с противоположной стороны 3-я рота в третий раз бросилась врукопашную. Сопротивление врага прекратилось внезапно. Часть гренадеров подняла руки, один экипаж взорвал собственный танк, другой танк, пытаясь уйти, получил снаряд и теперь пылал на полпути к фольварку. Плютоновый Кушикович, подыскивая землянку для телефониста, вытащил «из-под земли» унтер-офицера, который с уверенностью в голосе его уведомил, что «Гитлер капут».

Разгоряченные боем пехотинцы из разных рот, без приказа, перемешавшись, двинулись на фольварк, где вели бой наши танки, а со стороны деревни ехали еще два с автоматчиками наскоро собранного десанта. С противоположной стороны к фольварку подбегали гвардейцы штурмовой группы добровольцев под командованием лейтенанта Мамедова, артиллеристы из 35-й дивизии. Никто не организовывал взаимодействия четырех групп, атакующих по трем сходящимся направлениям. Ни один штаб, имеющий все средства связи, не руководил этим штурмом. Достаточно было победного клича, предчувствия близкой победы, чтобы все удары обрушились одновременно.

У немцев в фольварке не было никого из командиров гренадерских полков. Однако танковая дивизия «Герман Геринг» оставила в его стенах свои лучшие кадры, так называемую «дивизионскампфшюле», или батальон парашютистов-десантников, а также разведывательный батальон. Это были отборные солдаты, убежденные в своей принадлежности к непобедимой расе сверхчеловеков, хорошо обученные своему ремеслу. Это были гитлеровцы, многократно использовавшиеся в прошлом «цур безондерен фервендунг» — «по особому назначению».

Годами им вбивали в голову, что фюрером, судьбой, зовом германской крови они призваны побеждать, а поражение они не смеют пережить ни секунды.

Из всех амбразур, проделанных в стенах, со всех позиций, не засыпанных снарядами,

хлестали очереди. Каменный прямоугольник строений изрыгал огонь, швырялся гранатами во все стороны. Ничто, однако, кроме смерти, не могло остановить атакующих. В один из моментов фольварк стал центром циклона, местом отчаянной схватки, адским смешением поляков, русских и немцев, гренадеров, пехотинцев и гвардейцев, танков и транспортеров, стали и камня, гранат и пуль, грохочущих, как гравий, ударяющийся о лист железа.

Вспышки разрывов, мрак между каменными стенами, оранжевое солнце сквозь дым и пыль.

Граната, прыжок, очередь, удар прикладом, укол штыком, рассекающий удар саперной лопатой.

Рев моторов, грохот рушащихся под ударами стен, треск ломающихся стропил.

Крики бросающихся к горлу врага, стоны раненых, молчание убитых.

И вдруг только тень тишины, какая-то доля секунды — и смена тональности криков, и сломленные страхом, пригнувшиеся фигурки бегут по поляне фольварка, скашиваемые очередями. Момент, когда одна из сторон ставит печать на поражение дополнительной сотней убитых и раненых, десятками пленных.

— Их бин кайн фалльширм-егер, кайн наци. Я не парашютист-десантник, не нацист, — обращаясь к радисту танка поручника Мантеля, стоящему у развороченного угла строения, говорит светловолосый мужчина. — Мне 32 года, у меня жена и двое детей, я из Вены, моя фамилия Кёниг.

Такое впечатление, что, если бы не необходимость держать руки вверх, немец охотно представился бы. Разумеется, все было бы в порядке, если бы не такой пустяк:

— Откуда же вы взялись в Студзянках, герр Кёниг? Вас махен зи хир? Что вы здесь делаете?

Во время штурма фольварка Студзянки 14 августа 1944 года:

— из штабной роты мотопехотного батальона — рядовой Циприан Шпрингель ранен;

— из разведки автоматчик Юзеф Шмерский ранен;

— из роты станковых пулеметов — капрал Станислав Мазур ранен; сержант Миколай Госцик из Белостока ранен; рядовой Мечислав Калиш из Бжезин под Лодзью убит;

— из роты противотанковых ружей — рядовой Якуб Пиндера ранен; рядовой Францишек Врублевский ранен;

— из 3-й пехотной роты — рядовой Станислав Затыльный ранен; старший стрелок Стефан Третьак ранен; капрал Эугениуш Грабьяк ранен; сержант Юзеф Чайковский из Чорткува убит;

— из 2-й роты — рядовой Винцентий Кшепский ранен; рядовой Владислав Якель убит;

— из 1-й пехотной роты — старший стрелок Юзеф Трепа ранен; автоматчик Казимеж Вилюш из Радзанува убит; капрал Юлиан Сеглюк из Попелюва убит;

— из 2-й танковой роты — механик-водитель танка 223 капрал Иван Калинин из Омска убит.

Командир 2-го отделения 3-го взвода 1-й роты плютоновый Францишек Подборожный:

«Во время атаки на фольварк мы уничтожили много немцев. Они убегали через поляну, а мы косили их из автоматов. Здорово показал себя пулеметчик моего отделения Бронислав Шавельский. Второй пулеметчик, Юлек Сеглюк, очень хороший парень, в этой атаке погиб. В захваченном фольварке, в подвале, мы

обнаружили гражданских. Они рассказали нам, что два дня назад немцы удрали из фольварка, но потом снова вернулись. Мы успокоили их, что больше немцы не придут сюда».

Связной 1-й роты парашютно-десантного батальона из дивизии «Герман Геринг» унтер-офицер Альфонс Мюллер:

«Во время этой атаки от нашего гордого штурмового батальона осталось только тридцать пять человек. Немногих из его солдат можно найти среди тех, которые остались в живых. Я сам во время этой атаки был тяжело ранен».

Телефонист батальонного взвода связи капрал Станислав Лозовский:

«Я, как сквозь сон, вспоминаю, что от кирпичного завода мы потом рванулись к фольварку через садовый питомник. Деревца были скошены огнем, и даже гуси в прудике все перебиты. Мы овладели подожженным коровником, под которым имелся большой подвал, и в этом подвале сидели многие жители деревни. Их сразу отправили в тыл. Среди них был лесничий Чеховский, который сообщил нам много сведений о противнике и его позициях».

Командир 2-го взвода пулеметной роты старшин сержант Людвик Блихарский:

«Я установил все четыре пулемета на дороге в 50—100 метрах от фольварка Студзянки. Чуть позади нас был маленький пруд, на берегу которого ногами в воду лежал труп немца. В пруду плавали подстреленные гуси. Возле пруда мы увидели нескольких советских солдат и среди них одну девушку, Наташу. Она принесла им еду. Русские радовались, что сражение кончилось. Мы начали целоваться. Они решили нас угостить. Наташа взяла ведро с супом, чтобы и вас накормить, но в этот момент очередь из пулемета прострелила ее вместе с ведром».

Приписка от руки в списке состава 3-го взвода 2-й роты против фамилии капрала Яна Свицерского, командира 2-го отделения: «Похоронен во рву около кирпичного завода напротив сада у трех кустов боярышника».

Приближалось время «Ч» плюс 17», то есть одиннадцать часов тридцать две минуты. Прошло тысяча секунд, то есть десять раз по сто, а это — чертовски много. А может, даже сто раз по сто, потому что это была первая тысяча после часа «Ч». Секунда — это очень много. Даже старый почтенный пулемет типа «максим» и тот стреляет со скоростью четыре-пять выстрелов в секунду.

Сразу же после овладения фольварком 14 августа 1944 года:

Санитар мотопехотного батальона сержант Попек перевязывает семнадцатилетнего телефониста Шпрингеля, который, протягивая кабель, пролезал между двумя горящими танками, потому что получил приказ быстрее установить аппарат в фольварке.

Марчука обстреляли из автомата, когда он хотел выйти из танка. Он посмотрел в перископ, мол, что за черт, и увидел советского солдата, укрывающегося за углом. Тут как раз подошел лейтенант Мамедов и крепко выругал этого солдата. Смуглый симпатичный узбек объяснил, что на броне нарисована какая-то птица, звезды нет, откуда ему знать, что это урток — товарищ, значит. На прощанье в знак примирения он подарил танкисту кожаный кисет с табаком и пообещал, что запомнит силуэт белого орла.

Сержант Маслянка, гураль из Живеччины, принес два ведра меду, разделил его между солдатами, а сам есть не стал, потому что пчелы так его искушали, что он едва мог шевелить языком.

Танк 217 стоял в терновнике и овсе. Лях дежурил у прицела, а Зелиньский с остальными членами экипажа сидел за машиной. Немцы открыли огонь, снаряд разорвался в пруду, всех обдало грязью.

Капрал Сидор, несмотря на небольшое звание, командовал 2-м взводом роты противотанковых ружей 2-го танкового полка. Он организовал противотанковую оборону у восточной стороны фольварка и огнем прямой наводка заставил повернуть два самоходных орудия, которые пытались обстреливать из леса наши позиции.

Приступила к своим делам группа разминирования под командованием сапера Адама Люблиньского.

Сенкевич из 1-й роты, Крупский из 3-й и Ольшевский из роты противотанковых ружей устроили набег на приусадебный сад. Внизу было сожженное жнивье, а на ветках висели сладкие, еще теплые от огня печеные яблоки. Все трое срывали их и отправляли в рот, сожалея, что перед атакой съели дневную порцию сахара, который теперь очень пригодился бы: яблоки стали бы еще слаще.

Когда немецкая артиллерия ослепла, оставшись без наблюдателей, когда вдруг запылало несколько немецких танков и пехотинцы начали штурм фольварка, генерал вернулся с высоты Ветряной на командный пункт за Повислянскими рощами, где были установлены телефонные аппараты и имелись радиостанции. Вскоре со всех сторон стали поступать донесения.

Поручник Ордзиковский едва успевал наносить данные на новую чистую карту, прибереженную специально для этого случая. Он все больше мрачнел: противник, выбитый из деревни, кирпичного завода и фольварка, еще держался в западной части леса Остшень, обороняясь в районе лесных участков 92, 93, 100 и 101. Штаб 47-й дивизии оценивал силы противника в пехотный батальон и десять танков.

— Откуда эти немцы? Надо сейчас же... — горячились младшие офицеры штаба.

— Ночью они в мешок залезали, а днем им некуда спрятаться, — спокойно объяснил генерал. — Уверяю вас, что они останутся там, пока мы их не ликвидируем. Только сейчас пока ничего нельзя сделать. Нужно снова подготовиться к бою.

Около полудня командир корпуса генерал Глазунов заснул. Он не спал со среды, а

сегодня уже понедельник.

Было начало седьмого, когда его стали будить:

— Василий Афанасьевич...

Он спал, лежа на правом боку, подложив под голову руку; лицо его, изборожденное морщинами, было спокойно. Он ровно дышал. В ногах его, в конце длинных нар, проснулся лисенок и, показав мелкие, как иголки, зубы, твякнул, давая понять, что охраняет сон своего хозяина.

— Смотри ты какой... Товарищ генерал...

— Да... — Командир открыл глаза и сел, проснувшись так быстро, как могут только старые солдаты: — Кто в Студзянках?

Перед ним стояли его ближайшие помощники: начальник политотдела Виктор Золотых, отважный и искренний человек, прекрасный оратор, перед войной, до прихода в армию, был секретарем парткома на крупном заводе; командующий артиллерией Иван Воропаев был наделен шестым чувством предвидения, о таких говорят, что у них хорошее чутье; начальник штаба Дудник, еще не набравшийся опыта, но старательный.

— В Студзянках — поляки. Бригада заняла деревню, кирпичный завод и фольварк в 11.32. Остатки окруженной группы силой до пятисот человек, десяти танков, нескольких орудий и минометов отброшены в глубь леса Остшень.

— Какие меры... — начал генерал, сдвинув брови, и тут же замолчал, чтобы до конца выслушать донесение.

— Мы предприняли меры двоякого рода: сбросили листовки, через мегафоны призываем прекратить сопротивление и сложить оружие, а потом снова открываем огонь из минометов и гаубиц. В 15.50 пехота 140-го полка и польская 1-я танковая рота, атаковав с востока, овладели районом придорожного креста и отрезали немцев от студзянковских полей.

— А разрыв на участке 47-й дивизии ликвидировали?

— Нет еще, но все готово. Можем начать в любую минуту, — доложил Золотых.

— Так начинайте, чтобы прекратить огонь к заходу солнца и отрезать путь к отступлению до темноты.

Командующий артиллерией и начальник штаба отправились на узел связи, чтобы отдать необходимые приказы. Золотых разложил на столе карту, разгладил ее рукой и сказал:

— Окруженный противник часто предпринимает что-либо сразу после заката. В этом есть что-то от детской убежденности в том, что в темноте никто ничего не заметит... Может, перекусите, Василий Афанасьевич?

— Не хочется, а вот крепкого чаю выпил бы.

— Я так и полагал. Чай уже готов.

Седой ординарец внес чайник, сахар и банку вишневого варенья, которое преподнесли генералу на люблинской улице. Они пили горячий, освежающий голову чай, ощущая приятный предвечерний холодок.

— После вчерашней атаки немцев на позиции 74-й дивизии наши контратаковали сегодня под Закшевом на Пилице. Ее соседи справа — поляки.

— А ты о танкистах Межицана подумал? Надо написать благодарность полкам и батальонам и наградить людей орденами.

В землянку входили офицеры с донесениями, генерал принимал решения, отдавал приказы, но выезжать никуда не собирался. Он неторопливо продолжал разговор, сидя за

столом. За окном стемнело. Ординарец зажег свет. Около восьми вечера полковник Дудник принес весть о том, что котел окончательно закрыт.

— Интересно, что теперь предпримет немецкий командир корпуса генерал Гартман? Вчера у него был шанс вывести людей и танки из окружения. Почему он этого не сделал?

Генерал Глазунов не знал, что командир немецкого корпуса генерал Гартман не мог исправить свои вчерашние ошибки, потому что Николаус фон Форман, критически оценив действия по ликвидации магнусшевского плацдарма, да к тому же задетый за живое тем поражением, которое понесли под Студзянками главные силы 9-й армии, возложил ответственность за исход боев на своем правом фланге на генерал-лейтенанта Смило фон Лютвица, командира 46-го танкового корпуса. Он подчинил ему 17-ю пехотную, 45-ю гренадерскую, 19-ю танковую дивизию и танковую дивизию «Герман Геринг». Кроме этих четырех крупных соединений в состав корпуса вошли часть 174-й запасной дивизии, 600-я учебная группа штурмовых орудий, три противотанковые группы, шесть отдельных батальонов, одиннадцать отдельных рот и кавалерийский эскадрон СС. В ближайшие дни в распоряжение корпуса должны были прибыть две боевые противотанковые группы, 641-я гаубичная артиллерийская дивизия и еще два крупных соединения — дивизия «Е» и 6-я гренадерская дивизия.

Командующий 9-й армией сосредоточивал основные силы на юге: ведь именно в районе магнусшевского плацдарма каждый тактический успех может сразу же превратиться в оперативную угрозу. Сегодня, например, в результате атаки на сходящихся направлениях русским удалось соединить плацдарм под Яновицом с другим, находящимся уже в полосе 4-й танковой армии, которая подчинена группе армий «Северная Украина».

Форман несколько не сомневался, что сосед, который действует южнее, в своем донесении постарается всю-вину свалить на него. Благоразумнее всего не допустить обвинения. Фельдмаршал Модель, командующий группой армий «Центр», должен получить данные о сложившейся обстановке из соответствующих источников.

Пока он ожидал, когда его соединят с командующим, начальник штаба доложил ему, что как раз с сегодняшнего дня командующим группой армии «Центр» стал генерал-полковник Рейнгардт, один из лучших командиров танковых войск. Николаус фон Форман вспомнил, что именно Рейнгардт, командуя 4-й танковой дивизией почти пять лет назад, в самом начале войны пытался стремительным танковым ударом через Окенце захватить Варшаву. «Ну что ж, он будет иметь возможность захватить ее еще раз и одновременно оборонять, — с горечью подумал он. — История повторяется».

История жизни Рейнгардта — это история продвижения по службе в вооруженных силах третьего рейха. Ее можно было бы сравнить с наступлением танкового соединения, если бы не один печальный факт: по мысли генерала, повышение всегда запаздывало.

Будь у него в 1939 году не 4-я танковая дивизия, а 16-й танковый корпус, отданный кавалеристу Гоппнеру, он мог бы засиять, как звезда первой величины, взяв Варшаву внезапным штурмом 8 и 9 сентября. Если бы группу армий «Центр» ему дали бы четырьмя месяцами раньше, тогда он, возможно, смог бы предотвратить катастрофу в Белоруссии, смело и искренне доложив обстановку фюреру... С горечью он подумал, что потребовались покушение 20 июля и действия гестапо, в результате которых ряды немецких генералов поредели не меньше, чем на восточном фронте, чтобы фюрер вспомнил о генерале

Рейнгардте и определил его на место, соответствующее его опыту, знаниям и энергии.

Генерал находился один в большой комнате для оперативных совещаний, у стола, на котором была разложена испещренная разноцветными карандашами карта. Перед ним лежала территория, на которой шли бои от Тукумса у Рижского залива до Пулав и Казимежа на Средней Висле. Впервые он имел столько простора для действий;

«В добрый час», — мысленно пожелал он себе и, принявшись за дело, взял в руки «Лагеберихт Ост» («Обстановка на Востоке») от 14 августа — сводку отдела иностранных войск, руководимого Геленом.

Большая часть сводки, почти две машинописные страницы, касалась, к сожалению, группы армий «Центр». Были в ней отмечены два незначительных момента и один важный — поражение на участке 46-го танкового корпуса, которому в сводке было отведено десять строчек, то есть столько же, сколько действиям 2-й и 4-й армий вместе.

«В результате атаки с плацдарма Казимеж противнику удалось захватить узкую полосу, соединившую этот плацдарм с другим, лежащим южнее, в полосе действий группы армий «Северная Украина». Крупные силы противника, поддерживаемые артиллерией, танками и штурмовиками атаковали западный участок плацдарма, что южнее устья Пилицы, и осуществили глубокий прорыв в юго-восточном направлении от Варки. Тяжелые бои идут с переменным успехом. Более слабые, поддержанные танками атаки противника (до двух батальонов) были отражены на южном участке плацдарма».

Рейнгардт усмехнулся: даже в таком совершенно секретном документе, который вручался едва ли двум десяткам лиц во всем рейхе, довольно явственно чувствовалось влияние доктора Геббельса, маэстро немецкой пропаганды. Если обречение на гибель и уничтожение почти восьмисот гренадеров и около двадцати танков, которым приказано сражаться в окружении только для того, чтобы получить день-два отсрочки, можно назвать «отражением атак на южном участке плацдарма», то каждое отступление можно назвать сокращением фронта.

Последние выстрелы (15—17 августа)

Если телефонисты лучше всех информированы о том, кто что сказал, если водители знают в основном все об офицерах, которых они возят, а штаб — о донесениях, то военным врачам ничто человеческое не чуждо. Не им ли лучше всех знать обстановку на фронте, хотя для того, чтобы уловить правду из уст раненых, требуется большой опыт и навык.

Первая большая группа раненых, подобранных на территории кирпичного завода и фольварка, была доставлена в санитарную часть бригады в понедельник в полдень. Они рассказывали, опьяненные одержанной победой и уверенные, что это — уже конец сражения, как немецкие парашютисты-десантники драпали через поляну к лесу.

К ночи были доставлены первые раненые гренадеры, и штабная рота должна была выставить охрану, чтобы свои раненые не расправились с немцами. Слишком много ненависти было в сердцах людей, чтобы терпеливо ждать суда над теми, кто пять лет зверски убивал их родных и близких.

Врачи, повинясь чувству долга, перевязывали раны и в то же время возмущались.

— Их еще больше будет, — сказал капрал Варшавский, радист из взвода танковой разведки бригады. — Я сам слышал, как начальник штаба говорил, что в лесу окружено больше пятисот немцев и они никак не могут вырваться...

Вечером стало как будто спокойнее, но через час после наступления темноты привезли солдат из роты автоматчиков 1-го танкового полка. Раны их были тяжелые, почти каждый был контужен, попадались глубокие разрезы. Майор Лещинский спросил капрала, который привез раненых:

— Что вы там делаете? Люди чуть не на куски разорваны. Я такого еще не видел.

— Я тоже, пан майор, хотя лет на двадцать больше вас живу на этом свете, — ответил капрал Штейка, кивком поблагодарив за предложенную ему папиросу. — Я участвовал в великопольском восстании, в восемнадцатом году меня ранило в бою под Жнином, а потом был на фронте, но такого тоже не видал. А было это все, стало быть, так...

Старый капрал огляделся по сторонам, где бы сесть, потом опустил с доктором на скамью у облупившейся глиняной стены.

— А было так. На заходе солнца мы, значит рота автоматчиков, сели на танки и вместе с русскими отрезали немцам последнюю дорогу к отступлению, это — ту, что в лесу. С другой стороны ударили тоже наши танки и наши автоматчики. Так вот, встретились мы и кинулись обниматься и целоваться. Даже капитан Тюфяков, тот, которого цыганом зовут, тоже с подпоручником Хелиным целовался. И вот в этот момент, когда у немцев уже не было никакого выхода, они то ли приказ получили выходить из окружения... — Капрал Эдмунд Штейка замолчал, поглубже затягиваясь папиросой.

Из боевого донесения № 650 командира 1-й танковой бригады командующему бронетанковыми и механизированными войсками армии (время 17.00 15 августа 1944 года):

«Из показаний пленного из 1-й роты 1-го батальона гренадерского полка танковой дивизии «Герман Геринг» (захваченного 1-м танковым полком на Гробле) установлено, что группы в составе штурмового батальона и одной роты гренадерского полка, находящиеся в лесу и на поляне, южнее фольварка и придорожного креста, получили приказ в ночь на 15 августа 1944 года отойти, к

исходному району (Грабноволя)».

Папироса разгорелась, осветив лицо капрала, блеснули белки его глаз.

— Это часто бывает, пан майор, что приказ приходит совсем поздно. Так вот, значит, немцы ударили с фронта, с юга, когда те, окруженные в лесу, еще не были готовы. Наши танки подбили три их танка на предполье, а мы вместе с гвардейцами скосили пехоту. Вроде бы уж все кончилось, но тут они двинулись за нашими спинами. То ли пьяные были, то ли лекарство им какое дали, а может, и сами захотели, чтобы смерть скорей пришла. Вдобавок они перепутали направление и ударили не в сторону фронта, а на фольварк. Наши сразу подожгли две самоходки, на поляне сделалось светло, а немцы шли цепь за цепью, как на параде. Из фольварка их начали косить ручные пулеметы, а мы с криками «Ура-а-а!» с фланга сошлись лицом к лицу. Все сразу перемешалось. Ночь темная, свет только от того, что горит, и потому, пан майор, если уж рана, так такая, как от дикого кабана. Хоть сразу гроб готовь.

Военврач молчал, в темноте белел его халат.

— Разрешите идти, пан майор? Там еще немало дел осталось.

Из оперативной сводки № 070 штаба 47-й гвардейской стрелковой дивизии (время 18.00 15 августа 1944 года):

«...Пленный из 3-й роты 1-го гренадерского полка дивизии «Герман Геринг» показал, что его рота занимает оборону на участке 300 метров и насчитывает 25 человек. 3-й батальон 137-го полка вместе с 3-м батальоном 140-го полка в ночь на 15 августа прочесывал лес в южном и юго-восточном направлениях от фольварка».

Из боевого донесения № 050 командира 1-й танковой бригады (время 7.00 16 августа 1944 года):

«Противник, атаковавший 15 августа в районе леса в южном направлении от фольварка и поляны, уничтожен. Рассеянные мелкие группы противника, не имея выхода, продолжают бродить по лесу».

Ночью на грузовой машине привезли начальника разведки мотопехотного батальона подпоручника Фишмана-Днепровца, офицера Красной Армии, имевшего уже трехлетний опыт боев на фронте. Он был тяжело ранен, но говорить мог. Он объяснил врачам, что противник совсем не так слаб, как может показаться по рассказам пленных. Когда в 22.30 танки 2-й роты 1-го полка вместе с двумя ротами 174-го стрелкового полка ударили на Ходкув, они были отброшены на исходные позиции.

— Это наши последние усилия, — улыбнувшись, произнес он, преодолевая боль.

После того как была сделана перевязка, подпоручника перевезли на правый берег по новому большому мосту, который польские саперы навели в течение шестидесяти часов под Вельголясом.

В ночь на 17 августа сменными частями 16-го танкового корпуса польская бригада

начала отводить солдат и технику с переднего края, чтобы вернуться в подчинение своей 1-й армии.

Ранним утром 17 августа в штаб 4-го корпуса прибыл командующий 8-й гвардейской армией. У входа в ту же самую, что и восемь дней назад, землянку встретились четыре генерала — Чуйков, Вайнруб, Глазунов и Межицан. Карта лежала на раскладном столике, испещренная бликами от солнечных лучей, проникавших сквозь ветки верб, растущих на дамбе. Когда поблизости разрывался тяжелый снаряд, светлые кружочки на карте начинали дрожать, а потом на несколько минут неподвижно замирали. Было всего восемь часов, но солнце уже начало припекать.

— Хорошо поработали танкисты, — констатировал Чуйков. — Честно говоря, не предполагал. Солдаты молодые, а сражаются, как гвардия.

Эта похвала из уст защитника Сталинграда была высшей наградой для Межицана. По открытому лицу командира бригады пробежал румянец.

— А его ругают за то, что у него большие потери, — сказал Глазунов, не обращая внимания на протестующий жест руки Межицана.

— Какие у тебя потери? — спросил Чуйков.

— Сто убитых, двести раненых.

— Так... А в твоих дивизиях, Василий Афанасьевич?

— С девятого по вчерашний день 35-я дивизия потеряла тысячу четыреста человек, 47-я дивизия — семьсот, 57-я дивизия — девятьсот. Всего в корпусе — семьсот убитых и две тысячи триста раненых...

— Так, — остановил его командующий 8-й армией и снова повернулся к Межицану: — А танков сколько?

— Восемнадцать сожженных и разбитых. Было еще девять сильно поврежденных, но они уже на ходу.

— И наших машин из 40-го тяжелого танкового полка тоже с десятков потеряно, да еще несколько самоходок из дивизионных подразделений. И все для того, чтобы овладеть деревней, фольварком, кирпичным заводом да еще несколькими десятками гектаров леса, — говорил Чуйков, постепенно повышая голос. — Но думать так может только пустоголовый... — решительно отрезал он. — Под этой деревушкой ваша бригада, решая вместе с 4-м корпусом судьбу плацдарма, перемолола, как между жерновами, две дивизии — 45-ю гренадерскую и танковую «Герман Геринг», да и 19-ю танковую тоже отчасти потрепала. Я не люблю дутых цифр, которые указываются в донесениях, чтобы они весомее выглядели, но все же вы одни уничтожили не меньше тысячи фашистов. А теперь перейдем к совершенно конкретным делам, — обратился он к командующему бронетанковыми и механизированными войсками армии. — Твоя комиссия закончила работу?

— Так точно.

— Сколько приходится на поляков?

Генерал Вайнруб достал небольшой листок и прочитал:

— Шесть «тигров», одна «пантера», шестнадцать Т-IV, один Т-III, тринадцать самоходных орудий «фердинанд» и три штурмовых орудия.

Пятнадцать лет спустя на вопрос о том, какие потери нанесла противнику под Студзянками 1-я танковая бригада, маршал Чуйков, не задумываясь, ответил: «Сорок машин. Это точная цифра. Поле битвы осталось в наших руках, и мы смогли точно подсчитать подбитые машины. Я созвал специальную комиссию, которая ходила и устанавливала, кто

какую машину уничтожил. Когда офицеры относили подбитую машину на счет советских войск, то они рисовали мелом на броне кружок, а если на счет наших союзников, то, — здесь Василий Иванович улыбнулся своей фронтовой шутке, — поскольку поляки — религиозный народ, ставили крестик».

— Всего сорок машин, — суммирует генерал Вайнруб и с азартом охотника добавляет: — На вашем счету порядочно крупного зверя: от лба до хвоста — по семь метров ровно.

С востока, из-за Вислы, приближается несколько штурмовых эскадрилий. Летчики издали видят свои цели и уже над Острувом чуть отдают от себя рычаг, увеличивают обороты моторов, готовясь к атаке. Продолжительный рев моторов прерывает разговор.

Межицан еще на рассвете узнал об этих сорока машинах, записанных на счет бригады штабом 8-й гвардейской армии. Об этом ему сообщил офицер финчасти бригады поручник Курьянович. Генерал мог бы еще присовокупить к трофеям бригады знамя, добытое в лесу Остшень, девять бронетранспортеров, семнадцать разбитых орудий, девять минометов и семь грузовиков, да еще вдобавок целую батарею 75-мм орудий, пригодных для использования. Все это, однако, мелкая рыбешка по сравнению с танками: потеряв восемнадцать 76-мм стволов и пятьсот шестьдесят тонн, бригада уничтожила тысячу семьсот шестьдесят три тонны танков и самоходных орудий врага, двадцать один 75-мм ствол и девятнадцать 88-мм стволов.

Последняя волна штурмовиков пролетела над линией фронта. Чуйков улыбнулся и произнес:

— Ну что ж, повоевали вместе на славу, пора расставаться. Глазунов, угостишь?

— А как же иначе...

Усатый сержант поставил на стол тарелку с мелко нарезанной говядиной, черный хлеб и стаканы.

— Разбавлять? — спросил он Межицана, наполняя стакан на одну треть спиртом.

— И чего ты спрашиваешь? — остановил его командир корпуса. — Пора бы знать. Не надо.

— За союзников, за братьев-поляков, — предложил тост Чуйков.

— За гвардию! — поднял стакан командир бригады.

Выпили, закусили и вскоре поднялись, чтобы разъехаться по своим местам.

— Около полудня будешь принимать гостей из Главного командования Войска Польского, — доверительно предупредил Межицана Чуйков. — Держись, смотри не проиграй сражения... А тут тебе еще вот конверт с письмом. Мы его от чистого сердца писали.

«...Несмотря на то, что большинство солдат польской бригады впервые участвовали в бою, они сражались исключительно хорошо, подавая пример безупречной организации, дисциплины, стойкости и отваги. Бесперывно отбивая яростные атаки превосходящих сил пехоты и танков противника, тесно взаимодействуя с частями 4-го гвардейского стрелкового корпуса, отважные танкисты не отступили ни на шаг с занимаемых позиций. Подпуская врага на близкое расстояние, они уничтожали его прицельным огнем, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

1-я польская танковая бригада в упорных боях на плацдарме на Висле оказала большую помощь частям Красной Армии.

Командующий 8-й гвардейской армией, Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Чуйков

Член Военного совета 8-й гвардейской армии гвардии генерал-майор Пронин».

Бригада, смененная советскими частями, получила приказ занять позиции во втором эшелоне сражающихся на Пилице дивизий, в районе деревушки Осемборув, в трех — пяти километрах от реки. Четыре саперных взвода под общим командованием начальника инженерной службы бригады капитана Тропейко выступили на рассвете, чтобы «отремонтировать дороги и очистить район сосредоточения от мин, если они будут обнаружены». Что же с того, что саперы выполнили приказ, а хорунжий Прушковский из 1-го полка даже мостик построил, если в Осемборове и прилегающем к нему районе уже расположился кто-то другой.

Из боевого донесения № 010 начальника штаба известно, что «танковая бригада сосредоточилась в готовности выступить в лес «Груша», высота 110,5, в связи с тем, что район, который должна была занять бригада согласно приказу № 01 командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-й Польской армии, занят пехотой и артиллерией 1-й Польской армии». Звучит это спокойно, даже деликатно, но я думаю, что не у одного читателя завяли бы уши, словно капуста, побитая заморозками, если бы он услышал лишь часть слов, высказанных по этому поводу. И действительно: такой винегрет получился, а тут еще гости, что называется, на пороге.

В лесу «Груша», который носит официальное название Гай, а похож больше на дубину, с самого утра кипел ожесточенный «бой». Старшины рот, охрипшие от крика, мотались из конца в конец. Танкисты чистили оружие, танки и сапоги, мылись в Висле под Виндугой, брились, используя все имевшиеся в наличии бритвы, а плютоновый Френкель, самый отважный автоматчик среди парикмахеров и самый великолепный парикмахер среди автоматчиков, просил лить ему воду на голову, чтобы не заснуть во время работы: он утверждал, что ночная схватка с пьяными гренадерами на поляне у фольварка — это невинная забава по сравнению с таким гвардейским бритьем, как сегодня.

Около часу дня бригада стала немного походить на войско, какое мы знаем по фотографиям в иллюстрированных журналах, хотя порванные мундиры были защиты только спереди, в наивной надежде, что гости с тыльной стороны строя смотреть не будут. Кроме убитых и раненых недоставало еще нескольких десятков человек, которые куда-то запропастились или, может быть, отсыпались в укромных местах окопов после восьмидневного сражения. Но командиры полков и батальонов все же питали надежду, что гости не станут всех считать.

Плохо было только то, что куда-то пропал танк 110 вместе с командиром 1-й роты. О нем и газеты писали, и Межицан имел неосторожность вспомнить, так что, если спросят о нем, пиши пропало. Командир бригады приказал искать Тюфякова и даже немного затянул обед, устроенный в штабе в Острове. Не помогло. Ну а так как всему бывает конец, то через несколько минут после 14.00 телефонисты передали условный сигнал «Град», а радиостанции — 99 и будто случайно из зарослей ивняка на берегу Вислы в небо взлетела ракета.

— Едут, гости едут, — эхом отдалось везде, и роты выстроились, застыв по стойке «смирно», хотя команда еще не прозвучала.

В этот же момент полевой дорогой со стороны Выгоды весь окутанный пылью от гусениц до верхушки антенны подъехал танк 110. Перекрывая рев мотора, обезумевшая гармошка наяривала на все сорок восемь басов, а капитан Тюфяков, сидя на крыле,

демонстрировал свету свои ноги в дырявых носках и свою кудрявую голову, которую миновали пули. Он радостно улыбался людям и солнцу.

— С позиции я отвел танк вовремя, — начал он объяснять командиру полка, — но меня сначала задержали в ротах, которые мы поддерживали, а потом в шести батальонах, в двух полках, в штабе 47-й дивизии. Как же я мог не попрощаться с боевыми товарищами?

— Виктор, — произнес подполковник Чайников так выразительно, что одного этого слова оказалось достаточно.

— Смирно! Равнение на-право!

Прежде чем гости подошли к правому флангу 1-го танкового полка, танк 110 был замаскирован в кустах, экипаж умыт и побрит (самые большие порезы бритвой Френкель заклеил пластырем). Капитан Виктор Тюфяков стоял в сапогах, одолженных ему командиром полка, и смотрел своими веселыми глазами, из которых один был голубой, а другой — карий.

Вдоль шеренги медленно шли гости — четыре генерала и полковник в сопровождении Межицана и Токарского. Они задерживались через каждые несколько шагов, обменивались несколькими словами, а полный среднего роста генерал с открытым лицом вручал ордена.

Те, кто знал, шепотом объясняли тем, которым в Люблине не пришлось познакомиться:

— Это Михал Роля-Жимерский из партизанского движения, главнокомандующий всем Войском Польским... А этот полковник — тоже из Армии Людовой, под Киверцами к нам приезжал, когда прибыла делегация Крайовой Рады Народовой, — Мариан Спыхальский, начальник штаба.

Молодой красивый полковник с иссиня-черными волосами внимательно смотрел на солдат, показывая в улыбке ослепительно белые зубы.

Остальных все знали давно: высокого Берлинга, Сверчевского с его смуглым, словно вырезанным из дерева лицом, и невысокого худощавого заместителя командующего армией генерала Александра Завадского.

— Даю вам два, одного будет маловато, — сказал Жимерский Чайникову, прикалывая к его мундиру два Креста Храбрых.

Церемония награждения продолжалась довольно долго. Части солдат выдавали только удостоверения, потому что медалей на всех не хватило.

Потом генерал Жимерский коротко рассказал о том, что партизанская Армия Людова и Польские Вооруженные Силы, сформированные в Советском Союзе, объединились в единое народное Войско. Польское, затем поздравил танкистов с большой победой в этом сражении и поблагодарил за отвагу и мужество, которое они проявили при овладении Студзянками.

В заключение он отцепил со своего мундира крест Виртути Милитари и хотел приколоть его к груди Межицана, но генерал взял орден и поднял его в обеих руках кверху. Кто стоял близко, видел, как солнце засияло на серебристом металле.

— Солдаты! — во весь голос крикнул Ян Межицан. — Это не я, это вы заслужили этот крест, солдаты 1-й танковой бригады!

Стратегическая цель Красной Армии в первой половине 1945 года заключалась в окончательном разгроме гитлеровской армии, овладении Берлином и выходе на Эльбу. Опираясь на планы, разработанные и обсужденные с командующими фронтами еще летом 1944 года, Генеральный штаб принял решение развернуть наступление на главном стратегическом направлении, берлинском, выводящем войска от среднего течения Вислы через Познань и Берлин к Эльбе, и на трех вспомогательных — приморском, пражском и венском.

Первый удар в январе было предусмотрено нанести на главном направлении.

Подготовка к нему проводилась скрытно и длительное время. Верховное Главнокомандование, пополнив людьми, оружием и техникой отведенные в тыл армии, возвращало их в подчинение командующих фронтами на Висле: пять армий в октябре, одну в ноябре и четыре в декабре. На 550 километрах между Остроленкой и Краковом, составлявших четвертую часть протяженности Восточного фронта, было сосредоточено 45 процентов пехоты и 70 процентов бронетанковых войск Красной Армии (пять из имевшихся шести танковых армий и десять из девятнадцати отдельных танковых и механизированных корпусов).

Немецкое командование правильно оценило значение берлинского направления, однако оно ошиблось в предвидении очередности нанесения ударов. Гитлеровцы полагали, что противник вначале захочет обеспечить фланги, заняв Восточную Пруссию и вторгнувшись через Моравские ворота в Чехию. Независимо от этого чувствительные удары, нанесенные на севере и юге, вынудили их лишиться центральный фронт резервов, и прежде всего танковых соединений.

В середине января из двадцати четырех немецких танковых дивизий, действовавших на восточном фронте, одиннадцать были переброшены на будапештское направление, шесть — в Восточную Пруссию, три отрезаны в Латвии в составе окруженной курляндской группировки и лишь четыре оставались на берлинском направлении: 17-я танковая дивизия — под Пиньчувом, 16-я — южнее Кельце, 19-я нижнесаксонская — под Радомом, 25-я — под Могельницей. Перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, готовившимися к наступательной операции, немцы имели около 400 тыс. солдат, 4100 орудий, 1136 танков и самоходных орудий, а также 270 самолетов. Эти силы, естественно, были распределены не равномерно, а сосредоточены главным образом в районе трех представлявших для них опасность плацдармов — сандомирского, пулавского и магнушевского.

Чтобы начать наступление, Советской Армии необходимо было прорвать фронт на относительно узких участках, сосредоточив на них всю мощь артиллерийского огня и тяжесть удара. Из 550 километров фронта для этой цели было выбрано 73, на каждом из которых выставлены 240 орудий и минометов (не считая противотанковой, зенитной и ракетной артиллерии), 90 танков и одна стрелковая дивизия.

Чтобы после прорыва фронта выйти в глубокий тыл врага а с максимальной скоростью двинуться на запад, не давая ему времени на занятие укрепленных районов и стягивание сил о других участков, в тылу сосредотачивались танковые армии и корпуса.

Семнадцать километров участка прорыва пришлось на магнушевский плацдарм, который после сражения под Студзянками был расширен на юг за Рычивул и Гловачув,

однако по-прежнему его площадь составляла едва двести сорок квадратных километров. Однако именно отсюда будет нанесен главный, с дальним прицелом, удар, здесь будут сосредоточены самые значительные силы. На клочке земли, отвоеванном кровью бойцов 8-й гвардейской армии и 1-й танковой бригады, расположились в заснеженных окопах, и землянках 400 тыс. солдат, под маскировочными сетями стоят 8700 пушечных, гаубичных, минометных и ракетных стволов всех калибров, стоят 1700 танков и самоходно-артиллерийских установок. На плацдарме в складах лежат боеприпасы, выгруженные из 2132 железнодорожных вагонов. Эти цифры говорят о том, что на каждом квадратном километре, на площади, равной приблизительно парку Лазенки и Ботаническому саду в Варшаве, сосредоточено 1070 солдат, 30 орудий и минометов и 7 танков, обеспеченных более чем 10 тыс. снарядов и мин.

Висло-Одерскую операцию начнет 12 января 1-й Украинский фронт ударом с сандомирского плацдарма. Двумя днями позже придет в движение 1-й Белорусский фронт. Его армии, наступавшие с магнушевского плацдарма — 8-я гвардейская генерал-полковника Чуйкова, 5-я ударная генерал-лейтенанта Берзарина, 1-я гвардейская танковая генерал-полковника Катукова и 2-я гвардейская танковая генерал-полковника Богданова, — смяв резервы противника и преодолев полтысячи километров, в течение двадцати дней выйдут на Одер и захватят плацдармы на его западном берегу. От этих плацдармов до Берлина останется всего 50—80 километров, последних километров второй мировой войны.

Значительно раньше, через пять дней после начала операции 1-м Украинским фронтом и после трех дней ведения боев войсками 1-го Белорусского фронта, то есть 17 января, гитлеровцы были отброшены к Кракову, за Ченстохов и Радомско, на линию Томашув-Мазовецки, Скерневице и Вышогруд. В этот же день 1-я армия Войска Польского вступила в Варшаву. Часть войск армий — 1-я пехотная дивизия, 4-й тяжелый танковый полк, 13-й самоходно-артиллерийский полк и 1-я танковая бригада — двигалась к столице широкой дугой с юга и запада, еще раз переходила на запад по мостам Вислы и дальше через знакомый магнушевский плацдарм.

Приближавшиеся к Варшаве солдаты с волнением поворачивали головы в сторону поля августовской битвы, которая подготовила ответ на вопрос: «По какой дороге до Берлина?»

В рядах 1-й танковой бригады в это время уже недосчитывались многих солдат, сражавшихся под Студзянками. В боях за Прагу погиб радист капрал Станислав Жешутек, умер от ран автоматчик 2-го танкового полка Эдвард Йоч. Под Яблонной погиб хорунжий Меликуз Наннитдинов — танкист и:» ферганского Коканда, погибли поручник Ян Тустановский, заряжающий сержант Тадеуш Вельканец, командир разведвзвода сержант Томаш Волчаньский. Многие убыли в другие части, в высшие танковые училища, в формировавшийся 1-й танковый корпус.

Первые жители, возвратившиеся в Студзянки в конце января 1945 года, не нашли деревушки. Войска, сосредоточенные здесь перед наступлением, по кирпичику разобрали остатки труб, в том числе и ту, что еще торчала на кирпичном заводе, по доске разнесли на растопку печурок остатки ветряной мельницы. И только башни разбитых танков торчали из глубокого снега. Дороги тоже были другие: они вели от вырытых в земле армейских столиц в города штабов корпусов, в дивизионные местечки, полковые поселения, батальонные деревушки и ротные выселки. Наезженные в снегу магистрали соединяли склады с огневыми позициями, а дороги, протоптанные связными, вели к наблюдательным пунктам безотносительно к тому, где перед этим находились настоящие деревушки. Растерзанные

взрывами снарядов деревья ничем не напоминали леса. Единственным надежным ориентиром служила каменная рига в фольварке, которую пощадили снаряды.

Студзянковские крестьяне вернулись, когда еще не сошел последний снег. Деревоземляные огневые точки они приспособили под жилье; у кого, чем было, том и побелили почерневшие балки. Когда подсохло, люди вышли на поля и, выпаживая противотанковые мины плугами, в которые впрягались женщины и дети, обработали землю для сева, хотя зерна не хватало. Начинался второй этап студзянковской битвы.

В этой книжке нет места послевоенной истории деревушки. Достаточно констатировать, что перемены, медленно происходившие первое десятилетие, затем набрали темпы. От того места, где под Рычивулом стояли в засаде три танка 2-й роты 1-го танкового полка, в сторону Студзянок ведет шоссе имени генерала Межицана. На полпути стоят справа несколько домов Выгоды, а чуть дальше — расходящаяся на два ствола сосна, около которой сражались экипажи танков Грушки и Щепаника. На взгорке темные ели выдают место бывшей лесной сторожки Остшень, а чуть ниже стоит заново выстроенная сторожка, которая носит то же название. Отсюда уже видны гладкие серые этернитовые крыши деревни, а справа — старый кирпичный завод, трансформаторная будка и высоковольтная линия.

Прямо, около высоты с отметкой 131,8 на карте, на краю поляны, прилегающей к фольварку, возвышается памятник, сооруженный варшавскими каменотесами, жителями Козеницкого повята и солдатами Войска Польского. Под полукруглой насыпью широкого окопа из блоков песчаника сложена светлая стена с именами погибших бойцов 1-й танковой бригады, а рядом, на высоком постаменте, в нише которого покоятся останки неизвестных солдат и земля с полей сражения, стоит танк 217.

К деревне мимо единственного уцелевшего тополя ведет дорога. Слева, сквозь кусты терновника и зелень молодых садов, краснеют домики, сложенные из нового кирпича на месте строений фольварка. Это — поселок рабочих объединенного лесничества. Рядом возвышается легкая стальная конструкция восемнадцатиметровой наблюдательной вышки, со смотровой площадки которой видно все поле былой битвы. Между дорогой на кирпичный завод и прудом, из которого Турский обстреливал немецких парашютистов-десантников, переливается красками нескладное строение барака, где сельскохозяйственный кружок содержит тракторы и машины. Чуть подальше, слева — медпункт и современная начальная школа имени 1-й танковой бригады. В здании школы — кафе-клуб, библиотека и небольшой музей битвы. Напротив — агропункт и дом сельскохозяйственного кружка, в котором помещается также сельская Рада народов. За перекрестком дорог, тут же рядом с часовенкой восемнадцатого века, у которой погиб хорунжий Шиманьский, работает почта, а там, где запылал подбитый Светавой Т-IV, — бар «Под хромым «тигром».

От перекрестка дорог, на север, к Повислянским роцям и Ленкавице ведет шоссе имени Чуйкова, которое доходит до дороги на Варку. Шоссе на юг через высоту 132,1 и Грабноволю, под Гловачув, носит имя начальника штаба Радомского боевого района Гвардии Людовой капитана Станислава Ляхтары.

Если вы приедете в Студзянки, там будет все иначе, ибо время не останавливает свой бег. Все больше людей бывает здесь — поодиночке и группами, на экскурсионных автобусах и легковых автомашинах. Они ходят по лесу и полян, слушают рассказы земли, обожженной горевшими танками, слушают шум деревьев, скрывающих под корой пули и осколки снарядов. Приезжают сюда молодые люди, не помнящие войны, чтобы увезти с собой хоть

малую частицу тех давних дней, необходимую им в пути.

9 февраля 1961 года — 28 февраля 1965 года

Варшава — Студзянки — Оборы

Хроника событий

20 июля — Телеграмма генерала бригады А. Завадского командующему Армией Людовой: «Между Демблином и Пулавами... будем форсировать Вислу, чтобы обойти Варшаву...»

21 июля — Освобождение Хелма.

24 июля — Освобождение Люблина.

26 июля — Освобождение Пулав и Демблина.

27 июля — 2-я танковая армия наносит удар вдоль люблинского шоссе в направлении Праги, овладевает Гарволином и Сточекком.

29 июля — 13-я армия 1-го Украинского фронта форсирует Вислу под Баранувом. 69 армия 1-го Белорусского фронта форсирует Вислу под Яновецом.

30 июля — 2-я танковая армия овладевает Медзешинем, Отводком, Воломиной и Радзымином. Контрудар 1-го гренадерского полка танковой дивизии «Герман Геринг», 19-й танковой и 4-й танковой дивизий на подступах к Праге. 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» перебрасываются в район Станиславува.

31 июля — 2-я танковая армия овладевает Окуневом. Освобождение Седльце и Бреста на Западном Буге.

1 августа

2.10 — Приказ командующего 2-й танковой армией о переходе к обороне.

3.30 — 2-я пехотная дивизия 1-й армии Войска Польского форсирует Вислу под Пулавами.

4.00 — 57, 35, 79 и 27-я дивизии 8-й гвардейской армии (командующий генерал-полковник Чуйков) форсируют Вислу южнее устья Пилицы.

17.00 — Начало восстания в Варшаве.

17.30 — 35-я гвардейская дивизия (командир генерал-майор Кулагин) перерезала шоссе Магнушев — Мнишев.

19.00 — Наступающие с востока части 3-й и 5-й танковых дивизий захватывают Окунев, отрезав советский 3-й танковый корпус.

24.00 — 27-я гвардейская дивизия овладевает Мнишевом, упираясь правым флангом плацдарма в Пилиду.

2 августа

ок. 17.00 — 4-я танковая дивизия вместе с 19-й танковой дивизией вытесняет советские части из Радзымина.

до 18.00 — 8-я гвардейская армия овладевает Рознишевом, Магнушевом, Осембуровом.

18.00 — Контратака 1132-й гренадерской бригады под Богушкувом.

3 августа

4.00 — 57-я гвардейская дивизия (командир — полковник Зализюк) овладевает Клодой, упираясь левым флангом плацдарма в Радомку.

ок. 14.00 — 101-й полк 35-й гвардейской дивизии вступает в Студзянки.

15.00 — Штаб 8-го армейского корпуса (командир — генерал артиллерии Гартман) получает в подчинение участок фронта от Вилянува до Пулав (17-я пехотная дивизия и 1132-я гренадерская бригада) и задачу ликвидировать магнушевский плацдарм.

17.00 — На подступах к Праге концентрированными ударами пяти танковых дивизий

(«Герман Геринг», 19-я и 4-я, а также 3-я и 5-я СС) советские части отброшены от Оссува и Воломина; советский 3-й танковый корпус ведет бои в окружении.

до 20.00 — 8-я гвардейская армия продвинулась на западе к Грабуву, а на юго-западе, овладев Ходкувом, Михалувом, Грабноволей и Мариамполем, к Гловачуву.

ок. 23.00 — Командующий 1-й армией Войска Польского генерал дивизии Берлинг, не имея возможности удержать плацдармы на западном берегу Вислы, принимает решение об отводе войск.

4 августа

1.45 — Командующий 9-й армией генерал танковых войск Форман отдает приказ о подчинении 19-й танковой дивизии (командир — генерал-лейтенант Кельнер) 8-му армейскому корпусу для действий на магнушевском плацдарме, а также подчиняет генералу Гартману 45-ю гренадерскую дивизию (командир — полковник Даниэль).

ок. 4.00 — Командование 1-го Украинского фронта вводит свой последний резерв — 5-ю гвардейскую армию в бой за удержание сандомирского плацдарма.

6.00—13.00 — Отражено наступление танковой дивизии «Герман Геринг» и 4-й танковой дивизии на Окунев.

ок. 15.00 — 28-й гвардейский корпус перерезает шоссе Варка—Гловачув между Мариамполем и Новой Волей и овладевает уступом леса в трех километрах юго-западнее шоссе.

18.00-20.30 — Отражено наступление 45-й гренадерской дивизии на Мариамполь и Грабноволю.

5 августа — Утром командующий 8-й гвардейской армией принимает решение о переходе к обороне на магнушевском плацдарме.

ок. 11.00 — Немецкое наступление и захват Забралеца — последний этап боев на подступах к Праге.

11.00 — Приказ командира 4-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Глазунова о переходе к обороне на рубеже Мариамполь, высота 143.3, Михалув, далее вдоль Радомки (35-я и 57-я гвардейские дивизии в первом эшелоне).

ок. 12.00 — Варшава исключена из оперативного направления 9-й армии: командование над войсками, действующими по подавлению восстания, принимает генерал фон дем Бах, подчиняясь непосредственно Гиммлеру.

15.00 — Поддержанное авиацией наступление 74-го гренадерского полка 19-й танковой дивизии под Грабувом и Новой Волей приостановлено с незначительными территориальными потерями.

19.00 — Группа «Неккер» танковой дивизии «Герман Геринг» совершает марш к Груецу.

19.00 — Боевая группа «Косман» из состава 19-й танковой дивизии достигает Груеца.

6 августа — Сосредоточение главных сил 19-й танковой дивизии южнее Пилицы в районе Грабува. Отход последних частей танковой дивизии «Герман Геринг» от подступов к Праге и двух танковых взводов, ведших бои против повстанцев в районе Варшавы Воля.

Танковая дивизия «Герман Геринг» (командир — генерал-лейтенант Шмальц), подчиненная 8-му армейскому корпусу, перебрасывается на южный участок магнушевского плацдарма.

Вечером — Командующий 1-м Белорусским фронтом принимает решение использовать 1-ю армию Войска Польского на магнушевском плацдарме.

Ночью — По приказу генерала дивизии Бёрлинга на марш выходят 1-я танковая бригада

и 3-я пехотная дивизия.

7 августа

1.00 - 2-я пехотная дивизия 1-й армии Войска Польского выступает в направлении магнушевского плацдарма.

ок. 3.00 — 1-я танковая бригада сосредоточивается под Ласкажевом.

4.00 - 45-я гренадерская дивизия проводит усиленную разведку боем, пехотная рота при поддержке пяти танков атакует Михалув; восточнее Михалува, в лесу Рогозин, немцы врываются в траншеи 3-го батальона 174-го полка 57-й гвардейской дивизии.

4.00—15.00 — Главные силы IV-й танковой дивизии семь раз предпринимает атаки на советские позиции, безуспешно пытаясь прорвать оборону 28-го гвардейского корпуса.

15.10 — 130-й полк 45-й гренадерской дивизии переходит в атаку в лесу Рогозин, к вечеру врывается на южные и юго-западные скаты высоты 121.6, продвинувшись на 500—600 м.

18.40 — Батальон 133-го полка 45-й гренадерской дивизии атакует высоту 143.3; дважды возобновляя атаки, овладевает ее западными скатами.

Ночью — 3-й батальон 170-го полка 57-й гвардейской дивизии блокирует прорыв в лесу Рогозин.

ок. 23.00 — Штаб танковой ДИВИЗИИ «Герман Геринг» располагается в Воле-Горыньской.

8 августа — 1-й и 2-й гренадерские полки и танковый полк дивизии «Герман Геринг» занимают позиции во втором эшелоне, за позициями 45-й гренадерской дивизии.

1.30—3.40 — 135-й полк 45-й гренадерской дивизии из второго эшелона вступает в лес Рогозин и вместе со 130-м гренадерским полком наступает на высоту 121.6, овладевает ею, продвигается вдоль Радомка на 300—500 м в направлении Ходкува.

3.20—4.00 — 1-й батальон 135-го гренадерского полка атакует левый фланг 102-го гвардейского полка (командир — майор Эйхман), обороняющего Михалув; отброшен контратакой 2-го и 3-го батальонов 100-го полка (командир — майор Воинков), введенных в бой из второго эшелона 35-й гвардейской дивизии.

ок. 4.00 — 2-я и 3-я пехотные дивизии 1-й армии Войска Польского сосредоточиваются на берегу реки Вильга.

4.00—14.00 — Ожесточенные бои в лесу Рогозин на прежних рубежах.

4.00—14.00 — Несколько атак 19-й танковой дивизии под Грабувом и Новой Волей.

12.00 — Безуспешная попытка немцев захватить плацдарм на северном берегу Радомки в районе высоты 107.3 (1,5 км юго-западнее Рычивула).

14.10—15.00 — 2-й и 3-й батальоны 170-го гвардейского полка (командир — подполковник Дронов), понеся тяжелые потери, овладевают северо-западными скатами высоты 121.6 и продвигаются примерно на 400 м в лесу Рогозин.

18.45—19.15 — Штурмовая группа 95-го полка 17-й пехотной дивизии и 25-го полка СС захватывает плацдарм на северном берегу Радомки (лесной участок 161); остановленная в результате контратаки резерва 2-го батальона 172-го гвардейского полка, переходит к обороне.

19.30 — 45-я гренадерская дивизия перебрасывает часть 133-го полка в лес Рогозин и ночью под прикрытием массированного артиллерийского огня предпринимает поддержанное танками наступление, тесня на север 2-й и 3-й батальоны 100-го гвардейского полка и 170-й гвардейский по-». Командир 4-го гвардейского корпуса принимает решение

перебросить с правого берега Вислы на плацдарм 47-ю гвардейскую дивизию (командир — полковник Шугаев) с целью эшелонирования обороны.

9 августа

ок. 1.00 — Обойденный с флангов батальон 102-го гвардейского полка отходит из Михалува на северо-запад.

ок. 2.00 — Захватив Эвинув, 135-й гренадерский полк прорывает оборону на стыке 100-го и 170-го гвардейских полков.

По приказу командира 8-го армейского корпуса генерала Гартмана 19-я танковая дивизия перешла на своем участке к обороне, а ее танковая группа сменяла на участке от Ясенеца до Эмилюва 45-ю гренадерскую дивизию. Смененный 133-й гренадерский полк перебрасывается в район прорыва, в лес Роговик.

ок. 2.00 — Танковая дивизия «Герман Геринг» занимает исходные позиции для наступления.

ок. 3.00 — 137-й полк (командир — подполковник Власенко) 47-й гвардейской дивизии занимает оборону от Целинува через Выгоду до лесной сторожки леса Завада.

4.10 — 45-я гренадерская дивизия, остановленная на правом фланге 3-м батальоном 174-го гвардейского полка, углубила прорыв в северном направлении до 2,5 км, расширила его у основания до 1,8 км и после захвата Михалува, Эвинува и леса Липна Гура вышла на подступы к Разъезду. Пять армий на правом крыле 1-го Белорусского фронта переходят в наступление; к исходу дня овладевают Соколувом-Подляским и Венгрувом.

ок. 4.30 — 1-я танковая бригада получает от командующего 1-й армией Войска Польского приказ о переходе в оперативное подчинение (без 13-го самоходно-артиллерийского полка) командующего 8-й гвардейской армией с задачей сосредоточиться к 11.00 в лесу восточнее Тарнува.

5.10 — 142-й полк (командир — майор Горшанов) 47-й гвардейской дивизии, форсировав Вислу, сосредоточился в лесу Бурачиска.

7.00 — Штурмовые группы, атакующие в направлении высоты 107.3 с плацдарма под Рычивулом, оттесняют 2-й батальон 172-го полка (командир — капитан Дроечков) примерно на 200 м; 1-й батальон 142-го гвардейского полка (командир — капитан Ткалунов) переходит в лес Завада в качестве резерва.

7.00 — После интенсивной артиллерийской подготовки 133-й гренадерский полк, атакуя тремя эшелонами, наносит удар в стык между 3-м батальоном 100-го гвардейского полка и 170-м гвардейским полком.

10.30 — Боевой приказ № 013 командира 1-й танковой бригады генерала бригады Межицана, определяющий порядок форсирования Вислы и его сроки: с 12.00 9 августа до вечера 10 августа.

10.40 — 133-й гренадерский полк, разорвав стык между 100-м и 170-м гвардейскими полками, овладевает Разъездом; группы гренадеров при поддержке танков начинают просачиваться на север от Гробли в направлении высоты 112.2 и Выгоды; сосредоточение двух батальонов и 35 танков танковой дивизии «Герман Геринг» южнее Эвинува.

11.10 — 170-й гвардейский полк контратакует во фланг 133-й гренадерский полк и овладевает Разъездом, не войдя, однако, в соприкосновение с 3-м батальоном 100-го гвардейского полка.

11.25 — Первый польский танк (№ 100, командир — хорунжий Щепаник) на западном берегу Вислы.

11.30—14.20 — 2-й и 3-й батальоны 142-го гвардейского полка (командиры — старший лейтенант Ишков и старший лейтенант Илларионов), наступая через лес Остшень от высоты 112.2, теснят группы автоматчиков 45-й гренадерской дивизии в направлении Гробли; после тяжелых боев в лесных участках 111 и 112 овладевают ею и занимают оборону от высоты 119.0 до Разъезда.

12.00 — Начало форсирования Вислы 1-й танковой бригадой.

12.30 — Телефонный разговор генерала Формана с начальником штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенантом Кребсом.

12.50 — В результате стремительной атаки пехоты и танков 45-я гренадерская дивизия овладевает южной стороной ходкувской поляны; в Ходкуве обороняется в полуокружении рота 174-го гвардейского полка (командир — майор Колмогоров).

13.00 — 1-й и 2-й батальоны 140-го гвардейского полка (командир — майор Галанин) переправлены на плацдарм.

13.00—13.50 — Артиллерийская и авиационная (около 900 стволов и 700 вылетов) подготовка атаки танковой дивизии «Герман Геринг».

13.50 — Танковая группа 19-й танковой дивизии атакует Мариамполь и Грабноволю; рукопашные бои в обеих деревнях.

13.50 — Танковая дивизия «Герман Геринг» переходит в наступление, захватывает Михалувек и высоту 143.3, выходит на дорогу Гробля.

15.00 — Штаб группы армий «Центр» получает телеграмму Формана: «Для овладения положением (в Варшаве) необходима полнокровная дивизия, оснащенная тяжелым оружием».

15.00 — 2-й батальон 100-го гвардейского полка отражает атаку на высоту 132.1.

15.00—16.15 — Передовые отряды танковой дивизии «Герман Геринг» переходят рубеж Гробли западнее высоты 119.0, выходят на северную опушку леса и к лесничеству Остшень; командир 142-го гвардейского полка прикрывает фланг от высоты 119.0 до лесной сторожки подвижными группами автоматчиков.

16.30 — 2-й батальон 172-го гвардейского полка ликвидирует плацдарм юго-западнее Рычивула, отбросив немцев на южный берег Радомки.

17.00—17 30 — После сильной артиллерийской подготовки танковая группа 19-й танковой дивизии захватывает Мариамполь и Грабноволю; остановлена 101-м гвардейским полком под Игнацувкой и 102-м гвардейским полком под Домбрувками-Грабновольскими.

17.30 — 2-й гренадерский полк дивизии «Герман Геринг» вводит свежие силы в лес Остшень; остановленный восточнее фольварка Студзянки и в районе придорожного креста батальоном 102-го гвардейского полка, атакует в направлении высоты 112.2.

17.40 — 1-й батальон 142-го гвардейского полка перебрасывается в район высоты 112.2.

18.00 — Танковая группа 19-й танковой дивизии занимает Игнацувку.

19.20 — 1-я рота 1-го танкового полка (командир — капитан Тюфяков; заместитель — подпоручник Кот) выдвигается от переправы в лес Остшень.

20.00 — 137-й гвардейский полк отражает третью атаку 2-го гренадерского полка дивизии «Герман Геринг» из района лесной сторожки Остшень на Выгоду.

21.00 — 1-я рота 1-го танкового полка занимает позиции в боевых порядках 142-го гвардейского полка от Разъезда до лесной сторожки Остшень; ночью отражает несколько атак.

10 августа

2.00 — Атака на Ходкув отражена ротой 174-го гвардейского полка в рукопашном бою.

2.40 — Атака на Ходкув; немецкие автоматчики захватывают мельницу на Радомке.

3.40 — Во время ликвидации группы немецких автоматчиков в тылу 1-го батальона 142-го гвардейского полка горит первый танк 1-й танковой бригады (№ 112); погибают командир хорунжий Мечковский и заряжающий капрал Бонотовский.

7.15 — 2-й батальон 142-го гвардейского полка и 1-я рота 1-го танкового полка отражают атаку на лесной участок 111.

7.15 — Из леса между Грабноволей и Эвинувом сильная атака пехоты и танков, поддержанная артиллерией и авиацией, на западном участке прорыва; отражена с высоты 132.1, однако потерян участок в лесу Ленги; немцы перерезают дорогу Грабноволя — Студзянки; горловина прорыва расширяется до 1700 м.

ок. 9.00 — Боевые порядки 102-го гвардейского полка (29% численности) усилены шестью танками ИС и восемью самоходно-артиллерийскими установками 40-го тяжелого танкового полка, а также 283-м минометным полком.

ок. 9.00 — 2-я рота 1-го танкового полка (командир — подпоручник Чичковский; заместитель — подпоручник Бархаш) в боевых порядках 57-й гвардейской дивизии: три машины — в засаде на шоссе под Завадой; пять машин — в боевых порядках 170-го гвардейского полка под Ходкувом.

10.30—11.00 — Немцы захватывают Ходкув.

11.00 — Заняв лес Ленги, танковая дивизия «Герман Геринг» выходит на опушку студзянковской поляны в районе высоты 132.7.

13.30 — Начало переправы 2-го танкового полка (командир — подполковник Рогач, заместитель — капитан Токарский) производится с опозданием на 8 часов в связи с налетами авиации и артиллерийским обстрелом.

13.40 — Атака на Гроблю в районе лесного участка 112 отражена 3-м батальоном 142-го гвардейского полка и танками 1-й роты 1-го танкового полка.

14.40 — 3-я рота 1-го танкового полка (командир — поручник Тараймович; заместитель — подпоручник Дротлев) прибывает в распоряжение штаба 35-й гвардейской дивизии в фольварк Ленкавица и получает задачу организовать узел обороны в Студзянках и поддержать 100-й гвардейский полк в лесу Кукавка.

15.00 — Десант 174-го гвардейского полка на четырех танках 2-й роты 1-го танкового полка (командир — подпоручник Тилль) атакует и захватывает Ходкув: танки 124 (подпоручник Тилль) и 127 (подпоручник Воятыцкий), подорванные на минах в центре деревни, ведут бой как неподвижные огневые точки.

15.00 — После сильной артиллерийской и авиационной подготовки, сковывая 101-й и 102-й гвардейские полки ударами танковой группы 19-й танковой дивизии, главные силы танковой дивизии «Герман Геринг» одновременно атакуют в четырех направлениях:

— из Грабноволи через высоту 132.1 на деревню и фольварк Студзянки;

— от опушки леса, от высоты 131.8, на кирпичный завод;

— от лесной сторожки Остшень на Выгоду;

— с запада и юга на Гроблю от высоты 119.0 на Разъезд.

15.25 — Танковая дивизия «Герман Геринг» захватывает высоту 132.1, Домбрувки-Грабновольские, а также деревню, фольварк и кирпичный завод Студзянки; продвинувшись на 350 м, подходит на расстояние 600 м к Выгоде, где оказывается остановленной резервом 142-го гвардейского полка, 1-й ротой 1-го танкового полка и 55-м отдельным

истребительно-противотанковым артиллерийским дивизионом.

15.45 — Танки и группы автоматчиков просачиваются на участки 102, 103, 104, 111 и 112 леса Остшень через боевые порядки 142-го гвардейского полка; командир 47-й гвардейской, дивизии перебрасывает из Целинува южнее просеки от Разъезда 1-ю роту 137-го гвардейского полка, которая отражает пять атак; группа в составе Т-34 и двух Т-70 (командир — подпоручник Ферынец) 1-го танкового полка устанавливает связь с отрезанными батальонами 142-го гвардейского полка.

15.50 — Танковая дивизия «Герман Геринг» овладевает высотой Ветряной и начинает атаку на Ленкавицу, Целинув, Суху Волю и Пасинув (более 30 танков в боевых порядках пехоты).

16.03 — 3-я рота 1-го танкового полка, возвращенная назад, в составе шести машин, наносит удар во фланг наступающих гренадеров «Герман Геринг», уничтожает пять танков и, потеряв все свои, останавливает противника; погибли командир роты и 16 танкистов.

16.10—16.40 — Высота Ветряная дважды переходит из рук в руки, в третий раз ею овладевают советские пехотинцы.

16.30 3-я рота 1-го танкового полка (четыре танка, командование принимает подпоручник Хелин) занимает позиции восточнее фольварка Ленкавица.

16.30 — Пять машин 1-й роты 2-го танкового полка (командир — поручник Козинец; заместитель — хорунжий Ольшевский) в боевых порядках 1-го батальона 137-го гвардейского полка в Сухой Воле.

17.00 — Танк 225 (хорунжий Грушка) атакует лесную сторожку Остшень, уничтожает минометы и один «фердинанд».

18.30 — 11 танков с десантом гренадеров наносят удар от кирпичного завода Студзянки через высоту Ветряную на Ленкавицу; отражены огнем 3-й роты 1-го танкового полка и 1-й роты 2-го танкового полка.

18.30—19.00 — Штурмовые группы 2-го и 3-го батальонов 101-го гвардейского полка овладевают западной окраиной деревни Студзянки; выбиты тапками с десантом, отходящими после неудачной атаки на Ленкавицу.

19.00 — Боевая группа 17-й пехотной дивизии форсирует Радомку западнее Рычивула; отброшена артиллерийским огнем и контратакой резерва 172-го гвардейского полка.

19.30 — Гренадеры танковой дивизии «Герман Геринг» при поддержке 30 танков атакуют позиции 1-го и 2-го батальонов 142-го гвардейского полка и 1-й роты 1-го танкового полка в лесу Остшень; в бой вступают рота противотанковых ружей 1-го танкового полка (командир — капитан Климчак, заместитель — подпоручник Маховецкий) и рота автоматчиков 1-го танкового полка (командир — капитан Надлёвский).

19.50 — Противник в 200 м от высоты 112.2 (КП 142-го гвардейского полка и 1-го танкового полка) овладевает роцей в 400 м западнее Выгоды; отходит из роци год огнем 2-й роты 2-го танкового полка (командир — поручник Жиляев; заместитель — подпоручник Марчук), занимающей новые позиции между Сухой Волей и Басинувом.

20.00 — Мотопехотный батальон 1-й танковой бригады (командир — подполковник Кулаковский; заместитель — подпоручник Сумеровский) сосредоточился (без 45-мм батареи) после переправы в лесу Гай (2,5 км севернее Пшедвожице).

21.00 — 3-я рота 2-го танкового полка (командир — подпоручник Синицын; заместитель — поручник Опаровский) занимает позиции в Басинуве.

23.00 — 8-й и 9-й пехотные полки 3-й пехотной дивизии сменяют советские части на

Пилице: артиллерия 1-й армии Войска Польского выделяет для обороны северного участка плацдарма 269 орудий и 166 минометов; 8-я гвардейская армия предпринимает маневр артиллерией для поддержки 4-го гвардейского корпуса.

23.00 — Капитан Токарский назначается заместителем командира 1-й танковой бригады.

11 августа

1.00 — Разведка 142-го гвардейского полка берет в плен парашютиста в районе лесной сторожки Остшень; оборудуется круговая оборона на высоте 112.2.

2.00 — Противник силой до батальона при поддержке 10 танков захватывает Ходкув и участок леса 165 севернее деревни; остановлен автоматчиками 170-го гвардейского полка.

2.30 — 140 гвардейский полк (командир — майор Галанин) сосредоточивается в лесу Завада за высотой 112.2.

3.00 — Боевое распоряжение № 021 командира 1-й танковой бригады командиру мотопехотного батальона сменить 1-й и 2-й батальоны 137-го гвардейского полка и занять к 7.00 оборону на рубеже Целинув, Суха Воля.

3.00 — 137-й гвардейский полк начинает сосредоточиваться севернее высоты Ветряной.

3.30 — Атака гренадерского батальона при поддержке танков на Суху Волю и Басинув отражена огнем 2-го танкового полка.

3.50 — Усиленная рота 100-го гвардейского полка овладевает западной окраиной Студзянок.

ок. 4.00 — Советский 16-й танковый корпус начал переправу через Вислу.

4.30 — После десятиминутной артиллерийской подготовки противник переходит в атаку в лесу Остшень и останавливается в 500 м от Выгоды; батальон парашютистов-десантников рассеян огнем артиллерии и контратакой шести танков 1-й роты 1-го танкового полка; танками командования, взводом разведки и 4-й ротой (Т-70, командир — подпоручник Мессинг) 1-го танкового полка противник остановлен на скатах высоты 112.2.

ок. 4.50 — Мотопехотный батальон 1-й танковой бригады, совершающий марш к передовой, рассеян артиллерийским огнем и самолетами противника.

7.15—8.00 — 2-й батальон 142-го гвардейского полка, атакованный с севера и юга, оказывается в окружении; прорыв кольца окружения штурмовой группой 1-го батальона 142-го гвардейского полка, ротой автоматчиков 1-го танкового полка, а также шестью танками 1-й роты 1-го танкового полка.

14.00 — Мотопехотный батальон 1-й танковой бригады на позициях южнее Целинува и Сухой Воли.

14.00 — 100-й гвардейский полк отражает шестую контратаку на западной окраине Студзянок.

14.40 — Противник атакует 2-й батальон 142-го гвардейского полка; после тяжелого боя отброшен.

15.00 — После сильной артиллерийской подготовки 137-й гвардейский полк из района Повислянских роц и высоты Ветряной переходит в атаку: 3-й батальон овладевает кирпичным заводом, 2-й батальон штурмует фольварк, 1-й батальон овладевает перекрестком дорог в Студзянках и, стремительно атакуя на юг, около 16.00 овладевает западным участком Гробли и дорогой на Грабноволю до опушки леса Ленги; группа пехоты противника с танками окружена в районе высоты 132.7.

16.00 — Боевая группа «Мейер» (рота 27-го танкового полка и 1-й батальон 74-го

гренадерского полка 19-й танковой дивизии) окружает 1-й батальон 137-го гвардейского полка с запада, занимает лес Ленги и захватывает перекресток дорог в Студзянках.

17.00 — Противник атакует из леса Остшень и овладевает кирпичным заводом; 2-й и 3-й батальоны 137-го гвардейского полка отступают к Повислянским роцам; противник остановлен на позициях мотопехотного батальона 1-й танковой бригады.

19.30 — Батарея 45-мм орудий мотопехотного батальона (командир — поручник Шпаковский; заместитель — подпоручник Роговский), сменившись в районе переправы, прибывает на позиции мотопехотного батальона.

22.00 — 1-я рота 2-го танкового полка переходит в Повислянские роци; 2-й и 3-й батальоны 137-го гвардейского полка занимают позиции за левым флангом 102-го гвардейского полка (западная часть лесного участка 105) с задачей соединиться с окруженным 1-м батальоном.

12 августа

2.00 — 2-я рота мотопехотного батальона (командир — хорунжий Гугнацкий), 2-й взвод 1-й роты (командир — хорунжий Бойко), 3-й взвод роты противотанковых ружей (командир — сержант Гаврыч) и 2-й взвод роты станковых пулеметов (командир — старший сержант Блихарский) сосредоточены в Повислянских роцах.

ок. 3.00 — 74-й гренадерский полк (командир — подполковник Древе) 19-й танковой дивизии перегруппирован в лес Остшень с задачей нанести удар по Выгоде.

3.40 — Боевая группа подпоручника Светаны (усиленная 2-я рота мотопехотного батальона, поддержанная 1-й ротой 2-го танкового полка) атакует и после тяжелого боя захватывает Студзянки; отражает две контратаки противника.

5.15 — Три танка 2-й роты 2-го танкового полка идут в атаку с северо-востока на кирпичный завод.

5.30 — 74-й гренадерский полк после сильной артиллерийской подготовки атакует и овладевает Студзянками; подвергшись бомбардировке в деревне своими же самолетами, останавливается.

9.30 — 74-й гренадерский полк из Студзянок атакует танками Повиглянские роци; атака отбита.

10.00 — После сильной двадцатиминутной артиллерийской подготовки (100 стволов) 1-й и 2-й батальоны 140-го гвардейского полка переходят в атаку в лесу Остшень; 1-й батальон 140-го гвардейского полка в 150 м от лесной сторожки. Остшень обходит ее с юга и занимает оборону.

11.30 — Саперы 1-й армии Войска Польского приступают к строительству постоянного моста через Вислу на плацдарм.

13.00—13.40 — 2-й батальон 140-го гвардейского полка, поддержанный взводом 1-й роты 1-го танкового полка, после тяжелого боя занимает лесной участок 102; капитан Тюфяков захватывает знамя гренадерского батальона дивизии «Герман Геринг».

14.00 — 1-й батальон 142-го гвардейского полка врывается на лесной участок 109, захватывает 400 м территории; контратакованный пехотой и танками, отступает на исходные позиции.

15.00 — Две гренадерские роты, поддержанные четырьмя самоходными орудиями, атакуют из Студзянок лес Парова; противник отброшен огнем 2-й роты 2-го танкового полка, которая подходила с севера, чтобы занять позиции по обеим сторонам дороги Студзянки — Папротня.

17.00 — 2-й батальон 140-го гвардейского полка переходит к обороне на западной и южной сторонах лесного участка 102.

18.00 — 2-й батальон 142-го гвардейского полка отражает атаку противника.

18.00 — 2-й и 3-й батальоны 137-го гвардейского полка идут в атаку, захватывают лесной участок 105, соединяются с окруженным 26 часов назад 1-м батальоном; сужение прорыва до 1800 м.

18.30—19.00 — На Радомке севернее Ходкува противник атакует позиции 174-го гвардейского полка и 2-й роты 1-го танкового полка.

20.00 — Сильная атака противника на Разъезд, в стык между 142-м и 170-м гвардейскими полками, остановлена на минном поле огнем четырех танков командования и разведки 1-го танкового полка.

ок. 20.00 — Телеграмма командующего 9-й армией командиру 8-го армейского корпуса генералу Гартману о переходе к обороне в районе магнушевского плацдарма.

13 августа

0.30 — Рота зенитных пулеметов (командир — подпоручник Палагицкий) переходит с переправы для охраны штаба 1-й танковой бригады в Острове.

0.50 — 2-я рота мотопехотного батальона занимает оставленную противником западную окраину деревни Студзянки.

ок. 1.00 — Генерал Гартман утверждает план командира дивизии «Герман Геринг» генерала Шмальца о расширении у основания студзянковского клина прорыва перед переходом к обороне.

3.30—5.00 — После пятнадцатиминутной артиллерийской и авиационной подготовки противник атакует позиции 2-го и 3-го батальонов 142-го гвардейского полка.

ок. 5.00 — Группы гренадеров просачиваются севернее Гробли.

ок. 5.00 — Западнее Студзянок тяжело ранен подполковник Кулаковский, капитан Кулик принимает командование мотопехотным батальоном 1-й танковой бригады.

5.00—6.10 — 2-я рота мотопехотного батальона в западной части Студзянок отбивает две сильные атаки противника.

6.20—7.15 — После уничтожения самоходного орудия разведыводом мотопехотного батальона (командир — сержант Волчанский; заместитель — плутоновый Квока) 2-я рота мотопехотного батальона переходит в атаку, захватывает перекресток дорог и после сильной контратаки гренадеров с танками отступает на опушку леса западнее Студзянок.

7.20—9.10 — После бомбардировки (12 Ю-87) позиции 2-й роты мотопехотного батальона атакуют гренадеры с тапками, остановлены огнем 2-го взвода 45-мм орудий (командир — старший сержант Заблоцкий) и залпом советских огнеметов; вторая атака большого количества танков противника отбита на студзянковской поляне группой советских штурмовиков (16 ИЛ-2, командир — лейтенант Анна Егорова).

7.50 — 1-й и 2-й батальоны 140-го гвардейского полка переходят в атаку; с помощью проникшего ночью в тыл врага взвода разведки (командир — старшина Семенов) захватывают лесную сторожку Остшень и постепенно продвигаются на запад.

8.00—9.30 — 2-й и 3-й батальоны 137-го гвардейского полка атакуют вдоль Гробли; 500 м восточнее дороги Грабноволя — Студзянки после отражения четырех сильных контратак переходят к обороне; на южной окраине фольварка догоняют роту 100-го гвардейского полка.

8.50—10.10 — Командир 140-го гвардейского полка вводит в бой 3-й батальон между

двумя наступающими батальонами; в прорыв на левом фланге 140-го гвардейского полка входит 1-й батальон 142-го гвардейского полка и при поддержке четырех танков 1-й роты 1-го танкового полка со взводом автоматчиков (командир — подпоручник Пташковский) захватывает лесной участок 110; 2-й батальон 140-го гвардейского полка врывается на лесной участок 109 и занимает оборону.

10.15—11.30 — Скользящие атаки взвода танков с десантом из 2-й роты 2-го танкового полка; предприняв вторую атаку, танки доходят до перекрестка дорог в Студзянках; погиб заместитель командира полка подпоручник Светлана; гренадеры дивизии «Герман Геринг» предпринимает контратаку и захватывают деревню.

12.15—15.00 — 1-й и 3-й батальоны 100-го гвардейского полка в ходе боя улучшают свои позиции южнее фольварка Студзянки.

15.45 — Боевая группа, поддержанная танками 2-го гренадерского полка дивизии «Герман Геринг», сильными контратаками расширяет лесную полосу до 500—600 м на участках 107—108, соединяющую студзянковскую группировку с главными силами.

22.00—24.00 — 164-я танковая бригада 16-го танкового корпуса занимает позиции вдоль Радомки; вся 2-я рота 1-го танкового полка (семь танков) на линии просеки от Разъезда до берега Радомки.

14 августа

0.30 — 3-й батальон 170-го гвардейского полка и 2-я рота 1-го танкового полка отбивают атаку пехоты и танков противника в 300 м восточнее Разъезда.

ок. 1.00 — Командующий 9-й армией передает, командование на южном участке (вдоль Пилицы) штабу 46-го танкового корпуса (командир корпуса — генерал танковых войск Лютвиц).

1.00—2.00 — 3-я рота 1-го танкового полка (четыре танка) с десантом из роты автоматчиков 1-го танкового полка (командир — хорунжий Малиновский) переходит в лес Ленги и занимает позиции на дороге Студзянки — Грабноволя на участке 137-го гвардейского полка.

2.30 — 2-я рота 2-го танкового полка переходит из Басинува в лес Ортшень.

3.30 — 170-й гвардейский полк, поддержанный 2-й ротой 1-го танкового полка, вытесняет противника из лесного участка 165, захватывает восточную опушку поляны и северную окраину Ходкува.

3.30 — 1-й батальон 140-го гвардейского полка, поддержанный 3-й ротой 2-го танкового полка, переходит в атаку; остановлен на минном поле на лесном участке 93; взвод саперов 2-го танкового полка (командир — подпоручник Висневский) разминировывает дорогу.

ок. 8.00 — Контратака противника с юга на лесной участок 93 отражена «гнем взвода противотанковых ружей (командир — сержант Сова) из роты противотанковых ружей 1-го танкового полка.

10.00—10.30 — 1-й батальон 140-го гвардейского полка возобновляет атаку, танки двух взводов 3-й роты 1-го танкового полка выходят на опушку леса восточнее высоты 131.8.

10.45 — 3-й взвод (командир — хорунжий Гутман) 3-й роты 2-го танкового полка овладевает районом придорожного креста; 3-я рота 2-го танкового полка обстреливает фольварк и кирпичный завод в Студзянках.

11.15 — После двадцатиминутной артиллерийской и авиационной подготовки переходят в атаку на Студзянки главные силы 1-й танковой бригады: рота автоматчиков 2-го танкового полка (командир — поручник Шпедко), рота противотанковых ружей 2-го

танкового полка (командир — подпоручник Мамойка) и 2-я рота 2-го танкового полка (9 танков) из леса Парова; 2-я рота мотопехотного батальона с позиций севернее дороги на Папротню; 1-я рота мотопехотного батальона (командир — подооручник Сырек; заместитель — старший сержант Кочи) и 1-я рота 2-го танкового полка из Повислянских роц и с высоты Ветряной; 3-я рота мотопехотного батальона (командир — капитан Доманьский) с позиций севернее высоты Безымянной при поддержке роты станковых пулеметов мотопехотного батальона (командир — капитан Пейтковский), роты противотанковых ружей мотопехотного батальона (командир — поручник Пахуцкий; заместитель — сержант Евсей), минометной роты мотопехотного батальона (командир — поручник Метлицкий; заместитель — офицер без звания Анфорович) и истребительно-противотанковой батареи мотопехотного батальона.

11.10 — 3-я рота мотопехотного батальона овладевает высотой Безымянной.

11.15 — Полковая артиллерийская группа 140-го гвардейского полка ставит заградительный огонь в горловину прорыва, дивизионная артиллерийская группа 35-й гвардейской дивизии сосредоточивает огонь на фольварке Студзянки.

11.20 — Автоматчики 2-го танкового полка, 1-я и 2-я роты мотопехотного батальона занимают перекресток дорог; Студзянки взяты (в седьмой раз).

11.25 — 3-я рота мотопехотного батальона овладевает кирпичным заводом.

11.32. — Штурм и захват фольварка.

19.40 — Батальон 137-го гвардейского полка в 3-я рота 1-го танкового полка с запада, а 2-й батальон 140-го гвардейского полка и 1-я рота 1-го танкового полка с востока прорывают горловину прорыва, отрезая обороняющуюся на лесных участках 92, 93, 100 и 101 группу танковой дивизии «Герман Геринг» (четыре гренадерские роты и 10 танков).

Командование группы армий «Центр» после фельдмаршала Модели принимает генерал-полковник Рейнгардт.

ок. 20.15 — Окруженная группа танковой дивизии «Герман Геринг» пытается вырваться из котла; ночные бои на поляне у фольварка.

15 августа — Окончательная ликвидация окруженной группы противника, прочесывание леса.

1.00—4.00 — На Пилице две роты 3-й пехотной дивизии принимают участие в захвате Закшева.

21.00 — Противник атакует от Домбрувок и Грабноволи; атака отражена огнем советской пехоты и польских танков.

22.30 — Две роты 174-го гвардейского полка, поддержанные 2-й ротой 1-го танкового полка, атакуют Ходкув, отброшены контратакой противника.

24.00 — Саперы 1-й армия Войска Польского закончили строительство постоянного моста на плацдарм.

16 августа

19.30 — Отражение атаки противника на Гроблю на лесных участках 109 и 110.

20.10 — Отражение атаки противника севернее Ходкува.

ок. 22.00 — Начало смены 1-й танковой бригады частями 16-го танкового корпуса.

17 августа

14.00 — Генералы Роля-Жимерский, Сверчевский, Берлинг, Завадский и полковник Спыхальский прибывают в район сосредоточения 1-й танковой бригады на магнувшевском плацдарме.

Послесловие

Эта книга — исторический репортаж. Здесь нет ни одной вымышленной фамилии, ни одного факта, который не был бы подтвержден либо документами, либо правдивыми и совпадающими рассказами минимум двух участников событий. Совпадающими, но не идентичными, поскольку притаившийся в борозде автоматчик и танкист, наблюдающий через смотровую щель с высоты почти трех метров над землей, участвуют в бою и переживают каждый по-своему; по-разному оценивают одно и то же событие рядовые, поручники и полковники.

Воспроизводя диалоги, пересказывая мысли, создавая картины боев, я вынужден был подчиняться законам художественного произведения, привнося иногда долю вымысла в сухой материал или устраняя несущественную деталь с переднего плана, чтобы более выпукло показать, как развивались события. Однако главная моя цель всегда заключалась в максимальном приближении к правде, в желании достоверно поведать о людях танковой бригады имени Героев Вестерплатте.

Сбор материалов и работу над книгой я начал в 1954 году. Первое издание, которое вдвое превышало нынешний вариант и в которое было включено почти триста фотографий, девятнадцать аэроснимков и десять тактических схем, вышло в мае 1966 года. За эти 12 лет многие люди оказали мне исключительно большую помощь в дальнейшей работе над книгой, хотя содействие изданию военных литературных монографий не входило в круг их служебных обязанностей.

Эта книга — не представление к награде. И если я о ком-то из своих героев рассказал больше, а другие как бы оказались на втором плане, хотя их заслуги и оцениваются выше, то здесь сыграли роль наличие материала, композиционные соображения и красочность образа. Не располагая всеми документами, я, к сожалению, еще о многих участниках этих событий не написал ни слова. Поэтому я буду только благодарен за каждое замечание, за каждое сообщение о новых фактах, за каждую новую фамилию, адрес, фотографию или документ. Наиболее ценные из них будут использованы в следующем издании.

Прошу писать на мое имя по адресу Воениздата или непосредственно мне: Польша, Варшава, ул. Пекарска, 5/17.

Автор

Приложение

Район деревни Студзянки, где вели бои советские гвардейцы и польские танкисты в августе 1944 года. 1800x1289

notes

Примечания

Вильга — иволга (польск.).

Гминный — волостной (польск.).

Увага — внимание (польск.).

Гураль — горец (польск.).

Квока — насадка (польск.).